СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2018

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Приокские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2018 — 4(53)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
От «Отцов и детей» до распадения связи времен: К юбилею И. С. Тургенева — самого пронзительного русского писателя-романиста ... 3
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА (1818—1883)
Татьяна Тихоненкова, Инна Куканова, Юлия Богомолова, Надежда Жаколкина. Тульская областная универсальная научная библиотека — к юбилею И. С. Тургенева ... 22
Алла Новикова-Строганова. Христианский мир Тургенева ... 39
Владимир Чисников. Случай из жизни И. С. Тургенева ... 50
Элина Рудая. «Во дни сомнений...» (эссе) ... 52
Владимир Гладышев. В бездействии состарится оно ... 54
Александр Савостьянов. Мощь таланта ... 62
Людмила Алтунина. Мой Тургенев (почему я читаю И. С. Тургенева) ... 67
КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОЭМА
Виталий Ковалев, Олеся Янгол. Ночи Дианы ... 72
Алексей Яшин. Французский синдром, или новые луддиты ... 81
Анатолий Андреев. Ундина. Монолог Маринеско ... 99
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ
Михаил Смирнов. О, время, погоди... ... 113
Александр Мошна. Да сколько той жизни ... 119
Йосси Кински. Харлей-Дэвидсон ... 123
Владимир Пронский. Теплый дождь предзимья ... 127
Ефим Гаммер. По обе стороны от пули ... 133
Глеб Рубашкин. Туманы ... 140
Геннадий Маркин. Звезда над копром (глава из повести) ... 148
Андрей Иванов. Одинокое сердце стучит ... 163
Яков Шафран. Сбой компьютера ... 167
Михаил Белозеров. На высоте птичьего полета (глава из романа) ... 172
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ
Анатолий Жиганов. Памяти Алии Молдагуловой ... 183
Марк Полыковский. Вечный пилигрим (цикл сонетов) ... 192
Людмила Козлова. *Maxima* (из цикла «Оцифрованный человейник») ... 202
Елена Гусева. Золотистая пыль ... 210
Олег Пантюхин. «О, как прекрасно осени тепло...» ... 214
Евгений Бессмертных. «Заря вечерняя над Бией...» ... 215
Олег Мошников. Ступая наугад ... 217

Александр Дорожинский. Бык и Лев..... 222
Марина Крутова. Женское ремесло..... 223
Саша Морозов. Город *N*..... 227
Виктор Мостовой. «Что меня ждет...»..... 228
Юрий Мартишин. Посмертный монолог души..... 232
Галина Зеленкина. Я шла..... 235
Ахмет Ваулин. Озерным берегом леса..... 239
Кристина Крюкова. Посмотри над собой..... 242
Ольга Гайдабрус. Осень на кончиках пальцев..... 247
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Валерий Богушев. Габриэль Гарсия Маркес: «О любви и других напастях»..... 253
Владимир Десятников. Подвижник..... 257
Вячеслав Алтунин. Взорванные будни, или Падение России..... 263
Николай Макаров. Из цикла «Мое советское прошлое»..... 269
Вадимир Трусов. Когда судьба больше жизни..... 279
Леонид Ханбеков. Три типа современного русского женского характера в новом романе Алексея Яшина... 283
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Федор Ошевнев, Владимир Корнилов, Валерий Румянцев, Сергей Сенин, Алексей Яшин, Яков Шафран, Борис Рябухин, Роман Тишковский, Евгений Скоблов, Леонид Ханбеков, Леонид Иванов, Николай Макаров, Владимир Жириновский, Людмила Авдеева, Геннадий Авдеев, Валерий Акимов, Ефим Гаммер, Юрий Цкипури, Людмила Козлова)..... 287

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — sensei419@yandex.ru; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула) — зав. отделом поэзии
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— Литературное агентство «Московский Парнас»
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «Тульская правда»
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и ТРО СПР

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2018

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» ДО РАСПАДЕНИЯ СВЯЗИ ВРЕМЕН
К юбилею И.С. Тургенева —
самого пронзительного русского писателя-романиста

Снизу отсохнут корни его,
И сверху увянут ветви его.
Память о нем исчезнет с земли,
И имени его не будет (слышно) на площади.
Вытолкнут его из света во тьму,
Изгонят его с лица земли.
Ни отпрыска у него, ни потомка в народе его,
И никто не останется в жилищах его.

Книга Иова*, гл. 18, ст. 16—19

♦ Двухсотлетие есть сакральная дата в юбилейной памяти выдающихся творческих личностей; в литературе — особенно. Так устроена память самого человека, встроенного в социум, который сам подчинен закономерностям генеалогии творческих эпох. Вот и получается: до двухсот лет в исторической ретроспективе — это память, условно называемая живой в череде условных поколений (двадцать пять лет) числом не более 6...8; после двух веков и далее в глубины эпохи цивилизации и культуры — это уже чрезпоколенная генофенотипическая память, точнее — памятник тем явлениям культуры, в нашем рассмотрении — литературы, что уже не подлежат анализу в части какого-либо переосмысления. Они навечно и непререкаемо вошли во все возрастающий от доисторического *nihil* (нулевой отметки) фундамент строящегося здания суммарной человеческой культуры. Этот фундамент уже не подлежит перекладке без серьезной опасности разрушения самого этого здания.

В сказанном нет и намека на словесную витиеватость. Это суть частная отрасль всеобъемлющего процесса ноогенеза и интеллектуализации в дивжении биоэволюции.

А вот этот самый обозначенный выше двухсотлетний рубеж как трактовать? Ответим на этот вопрос, но предварительно уточним: эту «рубежную оценку» мы даем *исключительно* с позиций восприятия явлений культуры, литературы в особенности, человеком *нынешним*, то есть уже состоявшимся для младших поколений продуктом глобализации, для которой *in summa* уже *прервалась связь времен* (по Шекспиру) — основной аспект исследования в настоящем очерке. Данное уточнение существенно; например, для человека середины прошлого века, а тем более века XIX-го, эквивалент «нашего» двусотлетнего рубежа выражался более крупным числом. Это есть следствие экспоненциального, начиная с означенных веков, возрастания темпов и динамики биоэволюции; он же ноогенез.

---

* В аутентичном переводе с арамейского (древнееврейского) оригинала этой древнейшей книге Библии; см.: Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.— С. 52.

В силу сказанного, вполне аргументировано обоснованного, можно утверждать, что во время наступления такого рубежа — конечно, не «четкой» даты, но, как минимум, десятилетия — два «до» и «после» — как раз и происходит в общей культуре, литературе и ее «...ведении», общественном (интеллектуальном художественном) сознании, что называется, последняя «кардинальная» оценка творчества выдающегося, эпохального писателя; словом, *живая* память переходит, перевоплощается в *памятник*.

Известно понятие феномена национальной литературы. Не заглядывая вглубь веков и тысячелетий остановимся на Новейшем времени, то есть XIX—XX вв. Здесь наиболее значимы феномены в означенном выше смысле: великой русской литературы XIX — начала XX вв., норвежской литературы на рубеже этих веков, наконец, латиноамериканской с «центром», относимым к середине прошлого века. Да еще если не феномен, но добротный расцвет пережила североамериканская литература во временных рамках, условно относимых «к линии» Марк Твен — Уильям Фолкнер — Эрнест Хемингуэй...

Вне всякого сомнения, даже для кичливой в отношении «страны медведей и балалаек» Европы русский феномен является наиболее значимым и протяженном во времени. А мы еще и учитываем советскую литературу прошлого века как правопреемницу великой русской словесности. Сейчас мы находимся во временнóм периоде сакральных двухсотлетних юбилейных дат главных творцов этого феномена: на рубеже нового века и тысячелетия — «чистый гений» Пушкин; четыре года тому назад — Лермонтов, провозвестник в нашей литературе байронической струи потерянного поколения и осознания <эволюционного> противостояния индивидуального человека и государственного социума; год нынешний — Тургенев, «самый русский» писатель, к тому же пронзительно тонкий знаток русского характера с его загадками и откровениями, а потому, пожалуй, почти единственный провидец на век и более вперед, причем провидец в сугубо художественном отображении; 200-летие второго такого провидца, но уже расширенного на мировой ареал, Достоевского, мы встретим всего через три года; наконец, выходя летним утром покурить (да не прогневаются на меня думцы всех мастей...) на домашний балкон и видя в сотне метров монументальный памятник своему великому земляку, установленному к его 150-летию, автоматически отсчитываю те десять годов, что остались до «рубежного» юбилея Льва Толстого, творчество которого стало и стержнем, и окончанием русского литературного феномена.

Итак, наше нынешнее время суть тот самый сакральный рубеж для памяти — памятника великой русской литературы. Скептически относящиеся к нумерологии* здесь усмехнутся... но совершенно напрасно; это как иронизировать над хронологической условностью наступления (очередного) Нового года...

В качестве *nota bene*, но и по существу, скажем следующее. Объединяя названных выше апостолов — не побоимся употребить это слово — феномена русской литературы, полагаем, что они, каждый в своей творческой, индивидуально присущей ему ипостаси, делали (и сделали!) нашу словесность мировым *явлением*. Но это был не «хор а капелла», даже не внешне воспринимаемый унисон. Все они являлись сугубо личностями в своем творчестве, то есть, делая общее дело, никто из них не оглядывался «на соседа» или предшественника. Понятно дело, не имеется в виду тради-

---

* Для таких скептиков, то есть духовных потомков новозаветного Фомы Неверующего (хотя люди они хорошие), укажем на нашу работу «Апология христианства», где фактор сакральности чисел доказан со строго системных, математических и пр. позиций. Это том 15-й нашей многотомной монографии: Яшин А. А. Живая материя и феноменология ноосферы, 2007—2018 гг.; разные изд-ва Москвы, Твери и Тулы, см. по поисковику в Интернете — различные сайты, в том числе сайт Академии тринитаризма www.trinitas.ru и каталог Изд-ва URSS: www.URSS.ru.

ция — сущность развития всякого процесса, литературного тем более... Отсюда и разногласия между нашими «рубежными» классиками, но их целенаправленное единство в развитии русского литературного процесса, кстати говоря, символом и овеществлением которого стал еще один, не упомянутый выше, но равнозначный апостол — Некрасов (юбилейная дата как и у Достоевского — 2021-й год) с его «Современником» и «Отечественными записками», из которых «вышла» вся русская литературная классика второй половины XIX века — расцвет ее: тот же Лев Толстой и Ф. М. Достоевский.

Разными были творческо-личностные (эти два понятия мы не разделяем) взаимоотношения апостолов великой русской литературы. Тот же Лермонтов весь «вышел» из Пушкина, даже начав свое творчество с прямого — ученик и учитель — следования и поэтического подражания гению русской поэзии, а за свою «На смерть поэта» не побоялся получить тогдашнюю «литературную высшую меру» — первую (из двух) ссылку на воюющий Кавказ. Но вот Толстой и Достоевский? А тем паче Лев Николаевич и Иван Сергеевич, в отношениях которых моменты колебались от большой личной и литературной дружбы до серьезных разногласий?

...Уже третий по счету век (астрономический, не по конкретным датам) бытует окололитературная быль о их <якобы не состоявшейся, но имеющей намерение быть> дуэли на охотничьих ружьях (!?) Это, конечно, не так, но серьезная ссора имела место произойти, причем не личностная, но сугубо по части моральной, идеологической, как бы сейчас сказали... Но и «охотничьий момент» здесь наличествовал.

В самом теплом настроении чувств Тургенев в начале мая месяца (по ст. стилю) 1861-го года пишет из Тулы Толстому*: «*... Приезжайте в Спасское, где Вы, по всей вероятности, застанете Фета и Борисова, да привезите с собой на всякий случай болотные сапоги: мы, может быть, съездим втроем на весеннюю охоту. Привозите также непременно Вашу повесть («Поликушка».— А. Я.). Говорю — итак, до свидания и крепко жму руку*» (Т. 2, С. 134).

Но встреча их не состоялась, ибо Толстой приехал в Спасское только 24 мая (по ст. стилю). А через три дня их свидания в тамошней Степановке, имении А. А. Фета, и произошла эта достопамятная ссора, поводом к которой стало резкое замечание Толстого в части рассказа Тургенева о том, как гувернантка приучает его дочь к благотворительности. Отношение Толстого к этой дворянской (ныне — новобуржуазной) прихоти хорошо известно (см. Н. Н. Гусев. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г., М., 1957. С. 438—445). Отсюда и причина ссоры. ...Охота в болотных сапогах не состоялась.

В тот же день ссоры, когда конфиденты ее разъехались — Тургенев в Спасское, а Толстой в имение И. П. Борисова Новоселки,— Лев Николаевич пишет своему обидчику: «*Надеюсь, что Ваша совесть Вам уже сказала, как Вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же Вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня*» (Там же, С. 134).

...Все это рядом, в шаговой доступности, как бы сейчас сказали, на границе Тульской и Орловской губерний: Спасское Тургенева, имение Толстого Николо-Вяземское, Новоселки Борисова,— поэтому переписка велась стремительно. В тот же все день Тургенев пишет Толстому: «*Милостивый государь, Лев Николаевич! В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной неприязни, в причины кото-*

* Здесь и далее ссылки на издание: Переписка И. С. Тургенева. В 2-х тт. / Сост. В. Баскаковой, Т. Голованова и др.— М.: Худож. лит., 1986; Т. 1.— 607 с.; Т. 2.— 543 с. (Серия «Переписка русских писателей»).

рой теперь входить не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны и попросил у Вас извинения. Это же самое я готов повторить теперь письменно — и вторично прошу у Вас извинения. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя,— не могут повести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполняю мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило — и заранее объявляю свое согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него...» (Там же, С. 135).

Ответное письмо Толстого неизвестно, но полученное от обидчика (см. выше) Лев Николаевич отправил Фету (видимо, Афанасий Афанасьевич был <условно> избран разругавшимися доселе друзьями на роль некоего третейского судьи...) с присовокуплением слов: «*Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по которым я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять*» (Там же, С. 135—136).

...Но переписка наших классиков по поводу ссоры продолжалась до осени 1861-го года, все более распаляя конфидентов, явно не желавших «уступить друг другу». Хотя бы и назвать их конфидентами уже нельзя было, ибо Толстой стал распространять в Москве копии с письма (см. выше) Тургенева... Нашла коса на камень. Тургенев — в письме от 28 мая этого же года уже и дуэль с секундантами предлагает, а в сентябре и вовсе пишет Толстому: «*...Но так как я считаю подобный Ваш поступок после всего, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово (выд. И. С. Тургеневым.— А. Я.) — и оскорбительным и бесчестным, то предваряю Вас, что я на этот раз не оставлю его без внимания и, возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения. Считаю нужным уведомить Вас, что я известил о моем намерении моих друзей в Москве для того, чтобы они противодействовали распущенным Вами слухам*» (Там же, С. 137).

В итоге личные отношения Тургенева и Толстого прервались на семнадцать лет — до 1878 года — после письма Толстого от 8 октября 1861-го года: «*Милостивый государь. Вы называете в письме своем мой поступок бесчестным (здесь и далее выд. Л. Н. Толстым.— А. Я.), кроме того, Вы лично сказали мне, что Вы «дадите мне в рожу», а я прошу у Вас извинения, признаю себя виноватым — и от вызова отказываюсь. Гр. Л. Толстой*» (Там же, С. 137).

♦ ...В отличие от нынешних «телепосиделок» якобы на темы культуры, где 100 %-но все вертится вокруг ворошения грязного белья чем-либо выдающихся <понятно дело, на фоне мало чем искушенных в той же культуре «посидельцев»!> личностей, мы достаточно подробно остановились на известной ссоре и почти двухдесятилетней размолвке наших великих творцов слова совсем по иному поводу, а именно: если в «всего лишь» тридцатитрехлетнем Толстом в этом тягостном <для русской литературы> эпизоде уже просматривался грядущий «последний евангелист христианской эры» (см. в предыдущем номере журнала) с моральным, поведенческим принципом «не судите да несудимы будете», то в старшем его на десять лет Тургеневе все же проступает *барин*. Да-да, именно барин, не помышляющий свою жизнь в иной обстановке, даже в столь симпатичной ему, великолепно воспетой им простонародной русской среде. И кончина их была различна: уход Толстого от барства Ясной Поляны, а у Тургенева истинно барская смерть в парижском Буживале...

Слово «барин» в приложении к Тургеневу у нас не содержит даже крохотного намека на нечто предосудительное: в веке девятнадцатом это была обычная, обыденная даже, форма индивидуального, семейного, кланового и пр. бытия. А что относится к великой русской литературе, то кто как не писатели из бар ее создали? Даже ни-

щенски бедный в молодости певец обездоленного народа Некрасов ко второй половине своей жизни стал несказанно богатым (отчаянное везение в карточной игре и, говоря словами Пушкина, оказался наследником всех своих скуповатых при жизни родственников...) и, компенсируя годы голода и неприкаянности, зажил откровенно по-барски. Впрочем, именно на свои деньги он совсем «не попутно» (см. выше о его журналах) и создал феномен русской литературы.

...И если Толстой по некоей условной «писательской классификации» суть *пророк*, то Тургенев, как, впрочем, и Пушкин, и Достоевский, был выраженный *государственник*. Еще раз подчеркнем: это все условно... но по существу верно. Итак, сколько же определений дано Ивану Сергеевичу? — Барин, государственник, но главнейшее из них, конечно — великий русский писатель, хотя бы по полгода живал во Франции... Специфическое барство Тургенева, если пройтись с такой установкой-определением по анналам русской литературы времен ее феномена, на наш взгляд, сравнимо лишь с таковым же у Ивана Бунина. У того и у другого предчувствие разрыва их поколенной дворянской временнóй цепи, а для Бунина все на его глазах свершилось! — это не чеховский гротескный «Вишневый сад». Для них — это взгляд изнутри, а не со стороны. А это коренное отличие. И различие. *Nota bene* читателю: мы не отвлекаемся, но аргументировано все ближе подходим к раскрытию темы очерка, *ipso facto**, продолжая говорить все той же ученой латынью...

Коль скоро мы начали в определенном смысле сопоставлять Тургенева с Толстым, то на их же творчестве поясним ассоциативную принадлежность к государственникам и пророкам, соответственно.

После реформ Александра Второго, лейтмотив которым задала ликвидация крепостного права, и возникновения народовольчества, только ленивый из литераторов не написал *антинигилистического* романа. У нас-то на слуху, в основном от <советской> школьной программы, только «Бесы» Достоевского и «Новь» Тургенева в таком контексте. Да и здесь тургеневский роман умные <советские> учителя литераторы как-то ретушировали под сугубо социально значимое, бытописательское, несомненно, конечно, талантливое и пр. произведение. Да и сам Тургенев в «Нови» два-три раза с легкой иронией упоминает о «писательстве с *направлением*». А именно наличие, причем самодовлеющее, такого «направления» есть характеристика *in summa* всей сюжетной и идейной организации антинигилистического романа. Мелким шрифтом в школьных же учебниках литературы упоминались и другие произведения такой ориентации: «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, романы Н. С. Лескова «Некуда» и «На ножах»**. Но множество антинигилистических романов, повестей и очерков принадлежат перу литераторов «второго-третьего ряда», имена которых ныне сохранились исключительно в рабочем обиходе литературоведов — специалистов по истории русской словесности XIX века. Которые современному читателю (а есть ли мальчик?) ничего не говорят — в смысле имен сочинителей...

И если Толстой в период увлечения «романами с направлением» писал «Анну Каренину» и «Воскресение», все более усиливая доминанту морали, нравственности, создавал «Перевод и соединение Евангелия», приобретая мировую известность пророка из Ясной Поляны, то Тургенев уже в «Отцах и детях» (1862 год), а еще ранее в «Дворянском гнезде», «Рудине», «Накануне», выступает автором социально- психологических романов, отражающих современность и идеологию, преимущественно

---

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

** Николай Семенович Лесков вообще-то в советском литературоведении вызывал «идеологическое подозрение». Достаточно сказать, что «На ножах» не вошел в единственное в советское время 11-томное собрание сочинений; издавать его начали только с конца 1980-х гг. В частности, роман был тогда выпущен в серии «Отчий край» Приокским книжным издательством.

либерально-дворянскую, русского общества 1850—70-х годов. Не следует забывать, что именно за социальную направленность еще более ранних «Записок охотника» (хотя по формальному определению за статью памяти Гоголя) Тургенев единственный раз в жизни был арестован (1852 год) и сослан в Спасское — Лутовиново под гласный надзор полиции...

Но вот последний его роман «Новь» (1877 год), предваряемый романом же «Дым» и повестями «Фауст», «Ася», «Призраки», однозначно посвящен «нигилистической» теме — основной в русской литературе тех времен. И именно проницательность писателя-государственника, не пренебрежем столь конкретным определением, выделила <прежде всего> «Новь» на обширном фоне как антинигилистической литературы, так и произведений признанных писателей-демократов, в основном из среды разночинцев. То есть, с одной стороны, тематика «Нови» и «Дыма», в первую очередь, сродственна антинигилистическим романам, но «полное совпадение» здесь только в картине сюжета (именно в картине, в абрисе, но не в собственно сюжетной линии!) и группах персонажей — «красные», как часто использует Тургенев, особенно в «Отцах и детях» и в «Нови», и либеральные, а то и просто консерваторы, сановники, бюрократы и помещики. Наш автор-государственник зачастую дает как «хладнокровные», так и — в особенности — сугубо сатирические образы-портреты этой самой сановной бюрократии и помещичьей знати. Именно знати — не затрагивая сколь-либо сатирически мелкопоместных дворян и стариков, живущих в мыслях где-то в начале их долгого века. К таковым — только добродушный, уважительный юмор. Это ветхозаветная седая парочка Фомушка и Фимушка с карлицей Пуфкой из «Нови»...

Как надолго вперед видящий государственник, Тургенев не то чтобы «обличает», нет, скорее констатирует: эта чиновная госбюрократия в городе-призраке (это уже «Медный всадник»...) Петербурге есть государство в государстве (а это «*Status in statu*» Федора Михайловича — но уже не о ветхозаветном народе, а о зажившемся сверх отпущенного историей времени дворянском строе России), бесконечно далекая от нужд и чаяний огромной империи; эта помещичья знать, хотя и подражающая в одежде и манерах английской аристократии (Павел Кирсанов в «Отцах и детях»), доживающая последние, считанные десятилетия своего существования...

Но со стороны другой (см. первое чуть выше), и «Новь», и «Дым», и «Отцы и дети» — перечисляем по нисходящей по времени написания,— вовсе не близки к «написанию с направлением»: они не антинигилистичны, но и непоощряющи в отношении персонажей из «новых людей». В том же «Дыме», совершенно хладнокровно (а это посильнее сатиры!) и обдуманно обличая дела и нравы правящих кругов пореформенной России, Тургенев дает яркие карикатуры на русскую революционную (народовольческую точнее) эмиграцию. Это же видим и в более поздней,— а значит более обдуманной писателем,— «Нови». И здесь присутствует карикатура. Чего только стоит образ некрасивой, толстой революционерки Машуриной, безнадежно и верно влюбленной в главного героя романа Нежданова. Она — бессловесная лошадка той сложной и многоходовой конспирологии деятельности «новых людей». Как и в «Дыме», где масса схожих персонажей, Машурину используют в единственном, на что ее голова и руки способны — быть связником-курьером. Ближе к концу действия романа определяется и сфера ее применения: связь с заграницей, с теми, кто в «Дыме» из-за рубежа Российской империи расшевеливают неповоротливую страну. Ее посылают в Женеву отвезти «дымовцам» совсем небольшую сумму денег и пакет с бумагами. Но вовсе трагически и гротескно она является в конце романа. Встретившему ее на одной из линий Васильевского острова и узнавшему, и окликнувшему ее маленькому хромцу Паклину, Машурина, только что вернувшаяся в Россию по «общему делу», представляется как *Contessa Rocco di Santo-Fiume* (графиня Рокко ди

Санто-Фиуме)... не зная ни слова по-итальянски. Паклин остерегает «итальянскую графиню» в части внимания полиции, но Машурина здесь бесподобна:

— Ко мне и то на границе... приставал какой-то в мундире; все расспрашивал; я уж и не вытерпела: «Отвяжись ты от меня, говорю, ради бога!»

— Вы это по-итальянски ему сказали?

— Нет, по-русски.

— И что же он?

— Что? Известно, отошел!

...Эх! Святые и наивные времена были! Ни тебе аэропортов, где перед посадкой на аэроплан обувь снимать следует и во всевозможных камерах-пропускниках просвечиваться... а без <лучше биометрического> паспорта можно, пожалуй, только в домашнюю свою «совмещенку» пройти! Вспоминается ностальгическое: еще тридцать и даже менее лет назад, отправляясь в командировку в любую точку тогда 1/6 суши земшара, клал в карман «серпастый и молоткастый» только по той причине, что на месте прибытия — предприятии или полигоне, он должен был прилагаться к справке № <такой-то> о допуске к совсекретным работам и документам...

Неострожное было время в XIX веке — не бдительное. И цари со своими премьер-министрами, впрочем, и во всем мире, слишком самонадеянными и благодушными себя являли.

♦ Юмор, сатира, либерализм и определенная жалость к «новым людям» в романах Тургенева — это дань нравам и порядкам его эпохи. Но в произведениях лучшего (...пусть первым бросит камень из усомнившихся?) романиста всей великой русской литературы, если поразмышлять вдумчиво и, так сказать, *контекстно*, сквозь все перипетии фабулы и сюжета, через характеры и образы персонажей — индивидуально, группово и классово-довлеюще вырисовывается их создатель: Иван Сергеевич Тургенев как писатель государственной ориентации. Понятно дело, не как верноподданного — за время его жизни — четырех императоров: трех Александров да Первого из Николаев. Но государственника в той череде русских писателей-мыслителей, что обычно связывают с именами Достоевского («Дневник писателя»), Константина Леонтьева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, опять же напомним — Пушкина, Гончарова — и автора «Фрегата «Паллада», и главного цензора Российской империи... перечисление можно продолжить, но остановимся на названных «громких» именах.

Всех их объединяет одно: живописуя, язвя, сатириконствуя, умиляясь русским первозданным характером и пр. и пр., все они первоочередно желали только одного — величия в мире России, которое не мыслится без самоосознания русского человека как истового носителя Христовой морали, изначально свободного душой, но при этом не посконно-демотканного, преклоняющегося перед самодовольной Европой, но самодостаточного в жизни себя самого и Российского государства. Все это сбылось почти веком позже, когда Сталин сделал СССР сверхдержавой. Увы, все это уже в четвертьвековом прошлом... Был короткий по историческим меркам взлет, но и он показателен.— Для всего мира показателен.

...Как нравоучительно заметил мне один современный столичный либерал, даже единоразовое упоминание в литературном тексте, тем более в литературоведческом, имени Генералиссимуса в два-три раза сокращает число <благожелательных> читателей... если таковые сейчас вообще наличествуют (?!) Коль скоро всякий автор льстит себе, может и напрасной, мыслью, что они виртуально все же имеются, то компенсируем сорвавшееся с пера имярек историческим анекдотом, но быть может и былью? — и именно в части определения Тургенева как подлинного государственника: в смысле не царям (см. выше) служил, но государственным интересам России. Да-да, именно *служил*! А анекдоты привлекают читателей...

Впервые, еще в пионерском детстве, услышал я это от своего отца Афанасия Андреяновича, большого книгочея и стихийного философа, чему, наверное, во многом способствовала его тридцатилетняя служба «во владениях» Северного флота СССР на самом арктическом их краю. Включая годы Финской кампании и Великой Отечественной войны. Матерый военмор-североморец, к тому же родом из старообрядцев, которые по специфическим их характерам во всем ищут коспирологическую составляющую, в часы домашнего отдыха, да еще с парой-тройкой рюмок «очищенной» (в 50—60-е годы в этих «владениях» свирепствовал введенный Хрущевым полнейший «сухой закон»...), много чего рассказал мне — благодарному слушателю, не упоминаемого в школьных учебниках. Впрочем, во всех остальных также.

По его рассказам выходило, что Иван Сергеевич не одной русской литературе <блестяще!> служил, но являлся... и главным по всей Западной Европе резидентом политической разведки российского генштаба и даже имел звание полковника политической же жандармерии. Ни много ни мало! На мой вопрос об источнике таких «внеучебных» сведений отец отвечал в том смысле, что в своей калужской, а потом ленинградской молодости доводилось это слышать от людей, учившихся еще в царских гимназиях и университетах...

В 60—70-е годы, уже проживая в Туле, являлся частым посетителем городского букинистического магазина, удивительно богатого в те годы на книжные раритеты: простодушный народ, поддавшись тогдашней всеобщей моде на свежие подписные издания, торопился освободить под сотни новоприобретаемых, пахнущих вкусной типографской *амбре* томов книжные шкафы и стеллажи от «дедовской макулатуры»... Не зря Владимир Ильич, говоря о Туле, заметил, что «народ там далеко не нашенский»: на полках «Буккниги» обильно присутствовали брошюры и беспереплетные книжки — детища первого в России разгула свободы печати в период между революциями 1905-го и 1917-го годов: от народовольческой, эсеровской и меньшевистской литературы до черносотенных романов и повестей навроде нашумевшего в свое время «Города Кокташджуя» сочинительницы Генриэтты Каргрэм. Именно в книгах последнего «жанра» вновь мне встретились намеки на резидентство Тургенева.

...О том же велись и жаркие споры, уже после трех-четырех бутылок ординарного портвейна, в знаменитом общежитии, что в Останкино, Литературного института, где довелось учиться в конце 70-х — начале 80-х годов.

А в девяностые годы второго в России разгула свободы печати и «правые», и «левые», советские консерваторы и молодцеватые либералы-комсомольцы, словом, все пищущие на типографские литеры уже однозначно и утвердительно наделяли Ивана Сергеевича должностью от генштаба и министерства иностранных дел Российской империи и полковничьими погонами... что называется «для кучи» в такой же ранг возвели Достоевского и почему-то Виссариона Григорьевича! Очевидно, имея в виду его знаменитое «Письмо к Гоголю»? Опять же и в европах бывал на лечении. А за чей счет бесконечно просаживал деньги в Баден-Бадене игрок Достоевский? Где, кстати говоря, подолгу жил и Тургенев — если на время покидал Францию...

В литературной прессе тех «лихих девяностых» всерьез обсуждался вопрос: где Достоевский с его квартирной неустроенностью хранил свой парадный мундир жандармского полковника со множеством звезд и крестов? А много чего знающие отставники по линии Лубянки, обретшие на заслуженном отдыхе тягу к беллетристике и публицистике, в беседах-интервью на страницах тех же литизданий на вопрос о «писателях-полковниках» XIX века снисходительно отвечали: «Да это давно известный факт!»

Действительно, опуская инвективы в части каторжанина Достоевского и главного идеолога разночинцев Белинского, в отношении же Тургенева анекдот очень уж

склоняется к были (да простят нам крамольные рассуждения), а именно: в самую активную литературную и вообще жизненную пору своей деятельности он чаще проживал не в России, но в самых «многолюдных» европейских местах — в Париже, в том же Баден-Бадене, где круг общения чрезвычайно широк; обширная переписка и личное общение с писателями и общественными деятелями Западной Европы, теми же Жорж Санд, М. А. Марковичем, Фридрихом Боденштедтом, Вильямом Рольстоном, Теодором Штормом, И. Вучетичем, Эдмоном де Гонкуром, Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Ги де Мопассаном, А. де Губернатисом и другими, много чего знающими о политических веяниях в Европе людьми — самих с большим кругом знакомцев. О многом говорит и обширная переписка Тургенева с Герценом: по объему их корреспонденции (см. выше ссылку на «Письма И. С. Тургенева») она уступает, да и то немного, эпистолярному общению Тургенева с Толстым, Фетом и П. В. Анненковым... А ведь следует «держать в уме», что все свои издания, нелегально ввозимые в Россию, Герцен печатал за счет... Ост-Индской компании, в руках которой была вся мощная политическая разведка Британии. Это старая английская традиция: поручать государственные дела частным лицам и организациям; достаточно вспомнить «пирата Ее Величества» Фрэнсиса Дрейка...

И уже не говорим — только ленивый это не обсуждал в то время — о Полине Виардо, совершенно некрасивой посредственной певице, семью которой, вместе с ее мужем, полностью много лет содержал Тургенев. Зато у Виардо имелся активно действующий салон, где собирались много чего ведающие люди... Словом, говоря на современной конспирологической «*фене*»,— работа под прикрытием.

...Чтобы совсем не доходило до окололитературного анекдота, отметим, что уже третий век (см. выше) молва приписывает нашему великому писателю, понятно дело, не роль Штирлица с конкретикой его заданий, но *сугубо* политическую оценку состояния дел в Европе — предмет интереса руководства Российской империи. То есть вряд ли Иван Сергеевич «имел в шкафу мундир» и делал ежеквартальные отчеты «по инстанции». Кому следует получали нужное из тех же публикаций Тургенева.— Открытых для всех. Нам же было важно утвердиться в государственности мышления и творчества Тургенева. И эта молва разве не подтверждение такого *status quo*?... Но наиболее весомое, значимое здесь подтверждение — его любовь к России, пронзительное до боли чувство преемственности в поколенной связи. Пусть и со стороны барина, но ведь барина-то *своего*?! Прекрасной иллюстрацией этой пронзительности Тургенева будет стихотворение из книги «Сети», 1908 одного из ярчайших поэтов русского «Серебряного века» Михаила Кузмина (1872—1936) — обычно его печатают без названия, хотя в одном дореволюционном поэтическом сборнике я встретил таковое: «Моя родословная» (может это было «от редактора»?)

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;

милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,
хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и ведающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину,—
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас, любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие —
благословляетесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

♦ Подробно проанализированная выше доминанта творчества Тургенева, как сугубого государственника, художественного мыслителя, <не квасного!> патриота своей «немытой» (у Лермонтова) России, которую, весь ее народ *in summa*, так пронзительно любил наш великий писатель,— все это выразилось в предельной полноте в «Отцах и детях», хотя бы перед ними уже вся образованная Россия читала его романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне». Но если последние склонены в морально-философскую оценку русского общества в период социальной коллизии, или предреволюционной ситуации по принятой советской терминологии, то «Отцы и дети» сугубо социально-психологический роман, причем на вечную в литературе тему: от книг Ветхого Завета, далее античных авторов, в особенности Эсхила, Еврипида, а

затем — вся европейская культура и искусство. Не перечисляя даже самые громкие имена-памятники, укажем лишь на двух англичан: Шекспира с его «Королем Лиром» и Честерфилда — «Письма к сыну».

Избави Бог читателю даже подумать мимолетно, что в настоящем очерке мы будем анализировать «Отцы и дети» именно в ипостаси художественного произведения, хотя бы и сугубо социально-психологического романа! Здесь за полтора с лишком столетия все уже сказано. А какие имена сразу по опубликованию романа в «Русском вестнике» М. Н. Каткова мы видим в пространных отзывах на него?! — Н. Н. Страхов, П. В. Анненков, Лев Толстой и А. Н. Майков, Герцен и Салтыков-Щедрин... Кажется, не осталось ни одного русского писателя 1860—70-х годов, кто бы не посвятил «Отцам и детям» самого пристального внимания. А как крепко-накрепко засели со школьных лет в нашей памяти образы-характеристики героев романа: Базаров и Аркадий, Николай Петрович и Павел Петрович Кирсановы, сестры Одинцовы Анна Сергеевна и Катя, трогательные до невольных слез старички-родители Базарова! Даже образы второго-третьего плана, те же карикатурная мадам Кукшина, одетый в славянофильскую венгерку «человек небольшого роста герр Ситников», молчаливая, только с Базаровым оживляющаяся, Фенечка, таки — ставшая к окончанию действия романа Федосьей Николаевной, женой Николая Петровича Кирсанова. Уверен: всякий прочитавший эти имена тотчас непроизвольно вызовет из подвала своего подсознания в активную память, как будто с закрытыми глазами представит театральную сцену, на которой все действие вневременно соединено в один миг, всю сюжетно-фабульную организацию романа и характеристики действующих лиц... Что уж здесь можно нового сказать — придумать!

Именно «Отцы и дети» — на фоне не менее замечательных и, быть может, более пронзительных произведений Тургенева — в наибольшей степени подпадают под данное М. Е. Салтыковым-Щедриным определение сущности творчества нашего великого писателя: «*Тургенев был человек высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоянством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает*».

...И еще одно громкое имя назовем, а именно — упомянутого уже выше М. Н. Каткова, но теперь не в качестве издателя и редактора «Русского вестника», но выдающегося публициста середины и второй половины XIX века. В советское время он являлся фигурой умолчания за его <якобы> самодержавно-консервативные литературные и общественные позиции. На самом же деле был Катков умнейшим человеком, умеренным либералом, но на дух не переносил разночинную демократию своей поры. По этой причине имя его еще в двадцатые годы попало в проскрипционные списки «комиссии Луначарского — Крупской». И был он изъят из литературного обихода почти на семьдесят лет... Впрочем, у каждого времени своя правда. По-библейски говоря, заглянув как в Ветхий, так и в Новый заветы.

Почему мы Каткова особенно так отмечали? — Его острому <но не вредному!> перу принадлежат два наиболее существенных определения творчества Тургенева — в контексте содержания «Отцов и детей». Сугубая объективность автора, его определенная, но выраженная отстраненность от описываемых событий и характеров; своего рода заинтересованный «взгляд со стороны», но не «добру и злу внимая равнодушно», а вникая в самомалейшую суть описываемых характеров. Кому как, но на наш взгляд — это сверхзадача художника слова. В статье «Роман Тургенева и его критика» Катков отмечает в этом контексте: «*В Отцах и детях (выд. Катковым.— А. Я.) заметно желание автора дать главному типу возможно благоприятнейшие условия. Автор, видимо, как будто опасался показаться лицеприятным. Он*

как будто слишком усиливается быть беспристрастным, и эти усилия не остались без некоторых последствий».

Вернее, точнее и проницательнее сказать невозможно!

И о втором определении «на века», данное Катковым в его статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» в части упомянутого чуть выше «главного типа», то есть Базарова. Катков пишет: «...*Итак, в нашу глушь пожаловал дух исследования, ясной и точной мысли, положительного знания. Как кстати! Его-то нам и недоставало. Да, это действительно дух нового времени, завоевывающий одну область за другою. Этот дух ясной и точной мысли не ограничивается в наше время только теми науками, которые обыкновенно называются естественными: он простирается повсюду, и нет умственной сферы, которая бы в наше время не полагала своей силы и достоинства в ясной мысли и положительном знании*».

То есть в определении Каткова, четко уловившего саму мысль Тургенева, главный персонаж романа Базаров не является четко «разграфленным» положительным или отрицательным героем повествования. Базаров есть дух описываемой эпохи, а в контексте самого романа, то есть в коллизии обобщенно трактуемых «отцов» и «детей», Евгений Васильевич Базаров есть естественно-биологический, повторяющийся в каждом звене поколенной цепи — из небытия человечества в неведомое будущее — протестант. И останься он в живых, поимей детей — и они через некоторое время явились бы стареющему Евгению Васильевичу протестантами... А вот менее категоричный, то есть с более слабой волей, «протестант» Аркадий Кирсанов уже к короткому по времени повествованию романа (поздняя весна — начало лета всего лишь) становится копией своего отца, галкой — по определению умирающего Базарова, найдя свою успокаивающую душу половину в жизни; биолог и естественник Базаров здесь имеет в виду одно замечательное в мире птиц и вообще живых существ свойство галок: сугубая парность их, не меняющих в течении всей своей птичьей жизни семейного партнера... Но Тургенев еще более усиливает, акцентирует момент скорого «одомашнивания» столь недавнего протестанта от нигилизма Аркадия: он женится на Кате Одинцовой одновременно со вторым браком своего отца Николая Петровича — с Фенечкой.

...Даже в столь кратком «визите вежливости» в анализ главных линий «Отцов и детей» мы уже подошли к главной теме настоящего очерка.

♦ Провидец Катков в своих статьях об «Отцах и детях» (см. выше) четко и тонко уловил позицию Тургенева в части «отстраненности» как от позиций авторов антинигилистических романов с их «писать с направлением» и акцентацией поступков «детей» и вообще «новых людей» в русле «общего дела» (оставляя это зацикленным персонажам — мадам Кукшиной и герру Ситникову; она же Машурина в «Нови»...), так и от сугубо либеральной линии в литературе того времени. Представители последней в романе тоже выписаны в полукарикатурном виде: тот же Павел Петрович Кирсанов, хотя бы и с личной драмой в части отношений с княжной Р., или родственник Кирсановых либеральный петербургский сановник Матвей Ильич...

Действительно, как декларируемый главным героем романа нигилизм, *nihil* — отрицание всего и всея, так и почти что показная увлеченность Базарова анатомо-физиологическим естествоиспытательством,— не есть суть, содержание характера этого «нового человека», классического «сына» в извечной дилемме противостояния таковых с «отцами».

Конечно, сам Базаров достаточно увлеченно режет пойманных деревенскими ребятишками в пруду лягушек и под микроскопом рассматривает их фасции*. Даже в

* От лат. *fascia*; в анатомии — тонкая соединительно-тканная оболочка, покрывающая мышцы, сосуды и нервы.

первое же утро по приезду в имение Кирсановых, не успев толком познакомиться с отцом и дядей своего друга Аркадия. А в родительском доме запугивал стариков отца и мать своим отъездом, которые три года сына ненаглядного не видели, если они будут без дела входить в комнату, где он препарирует все тех же лягушек и часами не отводит глаз от окуляров микроскопа...

Но разве эта, почти что нарочитая, хотя бы и не «на показ», увлеченность естествоиспытательской наукой составляет стержень характера «нового человека» Базарова? Само сюжетное действие романа Тургенева отрицает категоричность такого определения. Из того отрезка повседневной жизни Евгения Васильевича, что показана в действии «Отцов и детей», видно, что ведет он себя в общем-то, исключая моменты «надевания маски нигилиста», мало отличимо от того же Аркадия. Так же рассеянно проводит большую часть времени, словом, студент из Петербурга на летних вакациях в провинции. Сразу и в параллель приходят на память множество типов таких персонажей из русской классики. Как тот же главный герой рассказа «Натали» Ивана Бунина, что, надев фуражку со студенческим околышком, в первые свои каникулы принялся разъезжать по окрестным помещичьим усадьбам родственников и сверстников...

Так и Базаров, то хандрит, забросив свой микроскоп, затем едет в губернский город с Аркадием, которого отец и дядя послали отдать визит вежливости петербургскому родственнику и сановнику-либералу Матвею Ильичу, прибывшему с ревизией. И совсем уж не «новый человек» — с «направлением» и «общим делом» — Базаров в чисто студенческой гульбе со встреченным случайно герром Ситниковым — на дармовщину пьет шампанское у карикатурной мадам Кукшиной...

И весь полунапускной нигилизм и разочарование в жизни тотчас оставляют Базарова, попавшего, не хуже краснеющего от каждого женского взгляда гимназиста, в сети Анны Сергеевны Одинцовой. Причем сети не улавливающие, но холодно, беспристрастно фильтрующие. Страшное дело — красивая, умная не по-женски, но не ведающая чувства любви женщина! Вот на такой-то и весь нигилизм, всякие философии отрицания Базарова и развеялись в прах... «*В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе. Тогда он отправлялся в лес (ведь не к лягушкам и микроскопу устремлялся! — прим. наше А. Я.) и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя; или забирался на сеновал, в сарай, и, прямо закрывая глаза, заставлял себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти гордые губы ответят на его поцелуи, что эти умные глаза с нежностью — да, с нежностью остановятся на его глазах, и голова его закружится и он забудется на миг, пока опять не вспыхнет в нем негодование. Он ловил самого себя на всякого рода «постыдных» мыслях, точно бес его дразнил*».

...И завершился в романе нигилист Базаров. Дальше только муки отвергнутого — не потому что плох, наоборот, любопытен, просто женщина-скала встретилась — и хандра. Словом, полнейшее безразличие ко всему и всея. Символична и сама смерть Базарова: отрицая смысл жизни с ее радостями и горестями, так и не найдя в ней своего места, признавая, да и то зачастую кривя душой, только свои медико-биологические упражнения, он и погибает нелепо, заразившись неизлечимым тогда тифом при хирургических манипуляциях с умершим тифозным мужиком из соседней деревни...

И своеобразный помин по душе ушедшего «нового человека» Базарова дает в окончании романа автор, делая акцент на *действительно* новом человеке капитализирующейся России: «*Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по*

убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова,— человека еще молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви».

Таким образом, в художественно и социально построенной Тургеневым дилемме отцы — дети Базаров, не говоря уже о «галке» Аркадии Кирсанове, выполнил отведенную — не автором романа, но социальной эволюцией в отдельно взятом звене непрерывной генеалогической цепи ноогенеза — ему роль. Да, он показал себе в определенном смысле антитезой своим добрым старичкам-родителям, а сам таким же со временем не успел стать ввиду короткости его жизненного пути...

Вечные отцы, вечные дети — и вечная жизненная цепь, что, слабо погромыхивая со страниц исторических и литературных описаний-памятников, тянется из бесконечности скрытых *во мгле давности лет*, отражается действиями, лицами и поступками в текущем срезе исторического времени, а <тоже бесконечные> звенья будущего еще *не выступили из мглы* незнаемой нами протяженности эволюции человека. Все сказал Иван Сергеевич.

♦ Не назовешь время действия «Отцов и детей», оно же время творческого расцвета автора романа, размеренно текущим, когда дети отличаются от отцов хоть чем-то в короткий период юности и начала молодости — как правило, до обретения собственного семейного круга; как у Аркадия Кирсанова в романе. Нигилисты и либералы, самодержавие и первая в истории России предреволюционная ситуация. И хотя после отмены крепостного права традиционная крестьянская община сохранилась — еще долго до столыпинских реформ и образования кулачества как нового класса,— но страна уже втянута Европой в капитализацию: за короткий срок на этом пути Россия промчалась от железнодорожного бума до своего империалистического «лица».

Совсем немного по историческим меркам осталось времени, когда из чудоковатых «новых людей», нигилистов конца 50-х — начала 60-х годов XIX века (действие «Отцов и детей») вырастут бомбометатели-цареубийцы, жестокие герои «Бесов» и названных выше романов Лескова и Писемского, объединенные в «Народную волю» и «Черный передел». А на подходе уже боевики-эсеры с наганами во всех карманах... и большевики, мощно организованные, сплоченные со всей пролетарской Европой Марксовым, а потом и своим Интернационалом...

И смешные либералы навроде Матвея Ильича из «Отцов и детей» быстренько уступят место людям круга обретенного Анной Сергеевной Одинцовой мужа: с твердой волей и «холодных как лед». От них так и отдает ощутимо всеми органами чувств холодом Молоха капитализма — империализма.

А дальше еще жутче и холоднее, с привкусом пролитой крови: двадцатый век с его мировыми войнами, противостояниями социально-политических систем планетарного масштаба. Но что характерное, «держа в уме» роман Тургенева, отметим — почти до смены тысячелетий: преемственная цепь поколений, при всех бунтах «детей» в отношении «отцов», не рвется, *не распадается связь времен*! Особенно в России с ее общинными (повторимся) традициями, где до последней трети прошлого века далеко не редкостью были трехпоколенные семьи под одной крышей — вспомните из советской литературы зна́ковый роман Всеволода Кочетова «Журбины».

Увы, все это в мире изменилось на рубеже веков и тысячелетий: в США уже задолго до этого, в Европе с некоторым «отставанием». Вне всякого сомнения, Россия не есть хранимое Богом исключение: нынешнее нарастание глобализации, конечно, не оставило ее в стороне. Но и здесь, говоря афоризмом остряка Бисмарка, «русский долго запрягает телегу...» Это уже на <увы, короткое> наше счастье; имеются в виду ныне живущие.

В своей работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»* выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, создатель науки *этологии*, исследующей поведение социальных животных — от пчел и муравьев до человека,— Конрад Лоренц** так определяет нынешний «разрыв связи времен» в системе отцы — дети: «*Во времена Авраама изменения в нормах поведения, унаследованных от отца, были столь незначительны, что — как это убедительно изобразил Томас Манн в своем чудесном психологическом романе «Иосиф и его братья» — многие из тогдашних людей вообще не были в состоянии отделить собственную личность от личности отца, и, следовательно, отождествление происходило самым совершенным способом, какой можно себе представить. В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей весьма значительную часть традиционного достояния, все еще хранимого старшим поколением. И тогда... заблуждение, будто человек способен произвольным и рациональным образом выстроить на голом месте новую культуру, приводит к совсем уже безумному выводу, что родительскую культуру лучше всего полностью уничтожить, чтобы приняться за «творческое» строительство новой. Это и в самом деле можно было бы сделать, но только заново начав с до — кроманьонских людей!*» (С. 41).

...Такое впечатление, что это не Конрад Лоренц пишет, но за сто с лишком лет до него наш давешний знакомец Евгений Васильевич Базаров горячится в разговорах с либералом Павлом Петровичем Кирсановым или с отвергнувшей его любовные признания Анной Сергеевной Одинцовой! С одним, но существенным, глубоко кардинальным различием: тургеневские «дети» очень даже скоро — как ставший «галкой» Аркадий Кирсанов — сами становятся «отцами» или уходят в небытие, как загнавший сам себя в угол душевной пустоты Базаров; «дети» же описываемой и анализируемой Лоренцем эпохи начала глобализации, точнее по времени — ее предчувствия, уже поставлены в условия культурного, творческого, морально-этического и пр. окончательного разрыва цепи «связи времен». А дети этих взбунтованных, да-да, именно так: их взбунтовала против отцов система леденящего все чувства Великого Глобализатора, детей? — Естественный вопрос, на который уже не будет успокаивающего положительного ответа: дескать, перемелется мука будет... Дети детей, порвавших — по указке упомянутого движителя глобализации — «связь времен», едва ли не только биологически похожи на таких ущемленных родителей. На этот счет не откажем себе в удовольствии <от стиля изложения, конечно> продолжить прерванную цитату из работы Лоренца: «*...Впрочем, убеждение в том, что следует «выплеснуть вместе с водой родителей», широко распространенное в наши дни среди молодежи, имеет и другие причины. Изменения, которым подвергается структура семьи в ходе прогрессирующей технизации человечества, действуют вместе и по отдельности в направлении ослабления связи между родителями и детьми. И начинается это уже с грудных младенцев. Поскольку мать в наши дни никогда не может посвящать ребенку все свое время, почти везде возникают, в большей или меньшей степени, явления, описанные Рене Спитсом под именем г о с п и т а л и з а ц и и (выд. нами.— А. Я.). Наихудший ее симптом — тяжелое или даже необратимое ослабление способности общения с людьми <столь часто, с «привкусом» скрытого одобрения, дескать он «особенный»! — обсуждаемого сейчас в СМИ аутизма.— А. Я.>. Этот эффект опасным образом сочетается с... нарушением способности к человеческой симпатии.*

---

* В кн.: Лоренц К. Оборотная сторона зеркала: Пер. с нем.— М.: Республика, 1998.— С. 3—61.

** О пребывании К. Лоренца в советском плену (1944—48 гг.) в художественной форме рассказано в книге: Яшин А. А. Задушевные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (См. на сайте www.pz.tula.ru).

Несколько позже, особенно у мальчиков, становится заметным расстройство из-за выпадения отцовского образа. За исключением крестьянской и ремесленной среды, мальчик в наши дни почти не видит отца за работой, и еще реже приходится ему помогать в этой работе, ощущая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. Далее, в современной м а л о й (выд. нами.— А. Я.) семье отсутствует ранговая структура, при которой в первоначальных условиях «старик» мог внушать уважение. Пятилетний мальчик, конечно, не в состоянии непосредственно оценить превосходство своего сорокалетнего отца, но ему импонирует сила десятилетнего брата, он понимает почтение, оказываемое этим братом старшему, пятнадцатилетнему, и эмоционально приходит к правильным выводам, видя, как уважает отца этот старший сын, уже достаточно умный, чтобы признать его духовное превосходство» (С. 41—42).

♦ Итак, утрата, причем безвозвратная, самого института авторитета есть главный и зримый симптом нынешнего разрыва «связи времен». Проявляясь еще на семейном уровне у детей, как указывает Лоренц, далее у взрослых уже людей отрицание авторитета становится социальной нормой поведения. Собственно авторитет связывал в непрерываемую цепь во всю эпоху цивилизации и культуры обобщенно понимаемых «отцов» и «детей». Таким образом, человеческий социум являл собой масштабное отображение обычной биологической семьи. Точно также, как в семье в определенный возрастной период сын переставал видеть в отце пример для подражания, но в итоге становился его подобием во всем, так и в традиционном, доглобалистком социуме роль авторитета являлась довлеющей, а временные «бунты поколений» не только не снижали роль авторитета, но в диалектическом понимании (законы диалектики Гегеля) способствовали движению социумной эволюции. Как умеренная жизненная встряска бодрит человека и подвигает его на разумные и полезные для него самого, для семьи, для общества поступки.

Еще раз — речь идет о широко, обобщенно понимаемом авторитете. Как общесоциумном институте преемственности «большой семьи», так и отдельных, чем-либо характеризующихся частях социума. Как в позитивном, так и в негативном смыслах, ибо нет худа без добра и наоборот. И отрицание авторитета есть и символ и, отчасти, причина регресса социума или его части — регресса в смысле отступление от выработанных эволюций человека норм, причем, любых норм. ...Когда в нашем малосчастливом отечестве в «лихие девяностые» в бандитско-воровском мире (а это, увы, неотъемлемая составляющая общества!) началась «перегрузка» понятий этой части социума, то в их мирке возобладал в действенности девиз: «Мочи воров в законе!» А последние со времен одесского воровского истеблишмента, а еще намного ранее в Европе от итальянской мафии, кстати, созданной освободителем <от австрийского подчинения> и создателем объединенной Италии Гарибальди (мафиози его времени — городские «экономические» партизаны...), являлись регуляторами деятельности этого субкласса, руководящего не *законом, но понятием*, то есть уподоблялись разумному хозяину: стриги овец, но оставляй подшерсток, чтобы отары не замерзли в холодное время!

Уничтожение же «регуляторов от понятий» привело в тех же девяностых к бандитско-воровскому беспределу, а на место авторитетов вступили «авторитеты», которым подчинялись рядовые братки только за страх <пули в висок>, но никак не за совесть... Дальше больше: коль скоро, как отчеркнул синим карандашом Остап Бендер из знаменитого романа одесских классиков в посланной им Корейко заказной бандеролью любопытной книге «Капиталистические акулы»: «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем», все олигархические кланы вышли из легализовавшихся «авторитетов» девяностых годов, то в ментальном сознании *всех* людей и классов мгновенно обрушился исторический социумный инсти-

тут авторитетов. И так далее и с продолжением в еще не наступившие времена... Кому не по душе, в силу «классовой принадлежности», либерализма и квасного патриотизма, а чаще — по службе, отечественный пример, то пусть на досуге почитает классиков европейской и американской литературы XIX — начала XX веков: от описаний политики «огораживания» в Британии XVIII—XIX вв. («овцы съели Англию») до более близкого к нам по времени нефтяного бума в США (тогда САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты — эта любопытная страна называлась)...

Конрад Лоренц *именно* потерю авторитета отца в глазах сына (тот и другой, понятное дело, в обобщении на весь социум и — для нас — современный мир) полагает самым тревожным и объективно оправданным признаком разрыва «связи времен». От легкомысленного — на взгляд читателя «с лупой» и приверженца строго выверенной терминологии по его дисциплинарной принадлежности — примера с бандитско-воровской средой легко и просто перейти к более партикулярно-гуманитарным и политкорректно-толерантным слоям современного <мирового> социума.

Вроде как есть еще наука, искусство, собственно литература, другие творчества. Кто-то еще не забыл, что должна быть промышленность и наука прикладная, отраслевая, что сейчас на <обезъяннический> западный манер именуются вкупе *технологиями*? Ведь там-то роль авторитетов исторически непререкаема? Как бы не так, уважаемые! В телерадионовостях *всего* мира авторитеты утверждаются только и исключительно по сумме «заработанных» $ и €, на худой конец ¥ и ₽: «Билл Гейтс хотя и спустился на второе место в списке «Форбс», но уверенно держит в своих карма́нах 70 млрд. долла́ров» (это по разделу технологий); «Такому-то <имя рек> нападающему от футбола предложили жалованье в 30 млн. евро, но он затребовал 70 их же» (это по части спорта, заменившему сейчас *всю* культуру) и так далее. О нашем питерском математике Грише Перельмане, доказавшем <неразрешимую сто лет до тех пор> гипотезу Пуанкаре о сфероидности Вселенной, в прессе почти полгода шумела буча... но только по той причине, что тот отказался от американской премии в миллион долларов. Дескать, подавитесь сами, но я в возникшую свару («основоположники набежали», как говорят в Одессе!) встревать не буду, лучше грибы стану собирать в Ленинградской области... Про представителей по части муз пластического искусства и лицедейства (театр + кино) уже и говорить западло — см. передачи для домохозяек на ТВ.

А наука? — Сам к ней причастен, потому и писать тошнотворно... А наша <бывшая великой> литература? — Здесь и вовсе хочется, не чокаясь, ввести в организм поминальную стопку. Аминь авторитетам всея и везде.

♦ «Порвалась связь времен» — и невозвратно. Тургенев, проницательный и самый *пронзительный* русский писатель, видимо, сам себя сдерживая, в «Отцах и детях», в других своих романах, в том числе в последнем, в «Нови», предвидел, что традиционные для человечества вре́менные коллизии отцов и детей когда-либо перерастут в некую точку «*X*», когда эти коллизии уже не сгладятся в преемственной цепи, но прервут «связь времен». Но — умолчал, возможно, сам себя успокаивая. Он же служил русской литературе... а может и русскому государству (см. инвективы наши выше).

Но сейчас пришло время обусловленного эволюцией человека и ноогенеза его действенности Великого Глобализатора. Это не завершение, спаси Бог, социальной эволюции, но *a priori* обусловленный ею необходимый, хотя и жесткий, во многом бесчеловечный, этап перехода к ноосферному периоду существованию человечества, когда все *равны* социально и умственно! Это как Макар Нагульнов в «Поднятой целине» Шолохова рассуждает: придет время коммунизма, всеобщего равенства, и не будет национальностей и даже рас — все будут одинаковыми, смугленькими... (см. Т. 12 «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма» — в приведенной выше сноске к многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы»).

Здесь читателю важно уяснить два существенных момента. Во-первых, пример утраты роли авторитета в обосновании разрыва «связи времен» понятийно наиболее характерен — потому и выбран нами для иллюстрации. Во-вторых и в основных: сказанное не является этаким слезоточивым брюзжанием непохожисти детей на отцов — это было бы понятным в отношении тургеневских персонажей, когда Николай Петрович Кирсанов морщится при нигилистических высказываниях своего сына Аркадия, впрочем, справедливости ради вспоминая, что-де и он в своей молодости имел стычки со своим отцом по такому же поводу. Словом, то были классические отцы и дети, и отцам было дозволительно брюзжать на своих сыновей, только что примчавшихся в родовое поместье на летние вакации из «столичных и университетских центров» с <вечно> свежими идеями, заимствованными из модных на то время французских и немецких философов и политэкономов... Как в «Горе от ума» наиболее красочный персонаж «из отцов» отзывается об университетах: «...Там упражняются в безверье и в расколе!» Славные, преславные времена классических отцов и детей!

Сейчас же вовсе не слезоточение и брюзжание, а разрыв «связи времен», обусловленный диалектическим скачком на этапе перехода <по В. И. Вернадскому> от традиционной биосферы Земли к ее новому биогеохимическому, социумному качеству — к ноосфере. Впрочем, выше уже на эту тему говорилось достаточно. Закон суров, но это закон — в данном случае мы о законах социумной эволюции.

...И хотя цитированный выше Конрад Лоренц еще не мог — по времени его жизни и трудов — соотнести намечающийся окончательный разрыв «детей» с «отцами» (широко, социумно понимаемыми), ибо процесс глобализации только-только собирался во всей своей мощи выйти на историческую мировую сцену, но соответствующую коллизию он уже четко описал: «...*Однако установка значительной части нынешнего молодого поколения по отношению к поколению их родителей не имеет в себе ничего от подобной мягкости, а преисполнена высокомерного презрения. Революцией современной молодежи движет н е н а в и с т ь (здесь и далее выд. Лоренцом.— А. Я.), и притом ненависть особого рода, ближе всего стоящая к н а ц и о н а л ь н о й н е н а в и с т и, опаснейшему и упорнейшему из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодежь реагирует на старшее поколение так же, как некоторая культурная или «этническая» группа реагирует на чужую группу, враждебную ей*» (*Op.cit*., С. 38).

Да, самое существенное мы забыли указать выше: в наше время торжества Великого Глобализатора место упраздненного понятия авторитета заняли пресловутые «общечеловеческие ценности» — стыдливо поликорректное именование *денег*, как универсального воплощения атавизма частнособственничества. А деньги всегда прерывают «связь времен» в части обобщеннопонимаемых «отцов» и «детей». Здесь точнее Маркса не скажешь; это в той части, где он как навечно припечатал: что нет такой подлости, на которую не пошел бы капиталист за 5 % прибыли, а за 10 % он и мать родную удавит! — Это не цитата, а пересказ по смыслу.

♦ Милые и добрые тургеневские «отцы» — трогательные старики родители Базарова, добрейший Николай Петрович Кирсанов, даже в чем-то симпатичный петербургский сановник Матвей Ильич, да и уездного англомана Павла Петровича Кирсанова Аркадий уговаривает Базарова не то что пожалеть за его жизненную драму с княжной Р., но понять по-человечески...

А шумное, или подозрительное осторожное в словах и делах, сообщество «детей» в тургеневском романе? — Сам в себе запутавшийся Евгений Васильевич Базаров, копия своего отца «галка» Аркадий Кирсанов, столь вроде бы различные, но в итоге как близнецы, сестры Анна Сергеевна и Катя Одинцовы, смешноватые мадам Кукшкина и герр Ситников... даже Фенечка — Федосья Николаевна? — Разве они не импонируют читателю романа.. каждый по-своему, в своей жизненной нише.

Все то было уютным мирком с поколенными и чрезпоколенными «связями времен». И весь большой мир являлся ранговым, масштабным отображением таких мирков. Но на нынешнем этапе социальной эволюции «связь времен» (закон суров...) пресеклась. Отцы это осознают и жалеют как ушедшее ровное течение времени, так и своих отъединившихся детей. Но детям жалость такая не нужна: они живут уже в другом мире действенности Великого Глобализатора.

На этих словах очерк, где все, или почти все, сказано, можно было бы завершить *point sur les* «*i*», как бы сказали знающие французскому герои «Отцов и детей». Но в голове этаким неуспокоенным чертиком вертится попутный вопрос: а что, нынешние «дети», напрочь отринув великую русскую литературу, равно как и все иные литературы <Интернет смартфонистый не для того спроектировали в Кремниевой долине Калифорнии, а оттиражировали в нынешней скобяной мастерской мира Китае>, даже не прочтут о тургеневских отцах и детях?

Но не тут-то было. Так случилось, сапожник без сапог... или сапог много, что готовясь к сочинению этого очерка, решил перечитать все тургеневские романы. Поскольку квартира и служебный кабинет «забиты» книгами, стоящими в два-три ряда на полках, то... словом, отыскал все эти романы кроме «Отцов и детей». Пришлось обратиться в библиотеку, где выдали оный, причем из современной школьной хрестоматийной серии. Дома открыл книгу и — сначала огорчился, затем <устойчиво и до сей поры!> обрадовался. Огорчился сгоряча, увидев, что все двести страниц, включая приложение, комментарии и даже пояснение отдельных слов и выражений, сплошняком подчеркнуты карандашом, а поля испещрены словами анализа читателя книги. А огорчился по той причине, что еще в слабограмотном детстве, только когда начал читать, отец (мой, не тургеневский...) с его своеобразным характером <см. выше> двойного любителя порядка и аккуратности — от старообрядчества и от долгой флотской службы — напрочь отучил меня ставить какие-либо отметки в книгах и загибать уголки страниц... В качестве же примера такого хамского отношения к печатному слову демонстрировал четырехтомник «Войны и мира», удобного карманного формата в картонных обложках, изданный в 30-х годах в популярной тогда серии классики «Дешевая библиотека»; все страницы этих томов были сплошь испещрены подчеркиваниями и неразборчивыми надписями, в основном, как я уже позже понял, неодобрительными к написанному нашим литературным гением...

И при этом все ругал юнгу Вальку, это во время войны ссадили простуженного к нему на пост на выходе из Кольского залива из шедшего по боевым делам на остров Рыбачий минного тральщика. Хворого юнгу отец определил в свой старшинский кубрик, где тот, выздоравливая и дожидаясь своего корабля в обрат, перечитал всю библиотечку отца, включая «Войну и мир». И только после убытия, говоря языком военным, юнги* наш бравый старшина увидел, что тот натворил на страницах его личных книг...

А чему ваш покорный слуга обрадовался? А все здесь просто: «Отцы и дети» оказались издания 2005-го года, а из библиотечной карточки-записи, что в кармашке на второй странице книги, следовало, что до меня ею пользовался всего лишь один читатель в декабре 2016-го года. Не стоит и говорить, что по аккуратному убористо-мелкому почерку надписей на полях страниц этим читателем была школьная отличница. «Ведь и сейчас все же читают «дети» бессмертный роман Тургенева!» — в восторге вскрикнул я, даже обеспокоив мирно дремлющего на подоконнике личного кота. Как же это оптимистично, а?

---

* Догадливый и любознательный в части литературы читатель уже понял: этим неряшливым юнгой был будущий известный исторический романист Валентин Саввич Пикуль. Мир наш тесен...

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА (1818 — 1883)

ТУЛЬСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА — К ЮБИЛЕЮ И. С. ТУРГЕНЕВА

В 2018 году Тульская областная универсальная научная библиотека отмечает 185-летие основания Тульской губернской публичной библиотеки для чтения, предписание об открытии которой поступило 18 июля 1833 г.

В мае 1857 г. были утверждены учредительные документы библиотеки, Правила пользования и определены новые штаты. Для библиотеки было выделено отдельное помещение в здании Тульского Дворянского собрания.

В результате изменений, произошедших в истории страны в начале XX столетия, в декабре 1918 года по решению Губернского отдела народного образования библиотека была преобразована в Тульскую губернскую центральную публичную библиотеку им. В. И. Ленина. Новый этап развития страны ставил перед библиотекой новые задачи — стать «центром научной работы в губернии». Библиотека превратилось в один из ведущих культурных штабов по ликвидации неграмотности населения и пропаганде знаний.

В XX веке библиотека и чтение получили реальное развитие, благодаря поступлениям новой литературы, в том числе выходящей на территории тульского региона, развитию каталогов, открытию новых отделов. Библиотека была открыта для читателей в суровые годы Великой Отечественной войны, выступала как методический центр для районных библиотек в послевоенные годы, успешно реализовывала проекты в 90-е.

В XXI веке, благодаря развитию информационных технологий, к услугам читателей появились новые сервисы: электронная доставка документов, доступ к залу диссертаций Российской государственной библиотеки, доступ к оцифрованным библиотекой и размещенным в полнотекстовой базе изданиям краеведческой тематики, виртуальная справочная служба. Вместе с тем, наблюдаются положительные тенденции по развитию библиотеки как социального института. Клубы по интересам, творческие встречи, музыкальные вечера, беседы с писателями, презентации книг, в том числе в рамках таких масштабных проектов, как Всероссийская акция в поддержку чтения «Библионочь», День «открытых» дверей в рамках Дней Тульской области и Дня города, культурная акция «Литературная ночь», Всероссийская культурно-образовательная акция «Ночь искусств» и многие другие делают библиотеку по-настоящему привлекательной для туляков. Ведь библиотеку и читателя объединяет одно — любовь к книге!

11 октября 2018 г. состоялось торжественное собрание с приглашением представителей органов власти, учреждений культуры и образования, общественности, давних и верных друзей Тульской областной универсальной научной библиотеки. Министр культуры Тульской области Т. В. Рыбкина зачитала поздравление губернатора Тульской области А. Г. Дюмина в адрес коллектива. В нем, в частности, говорится:

«Все эти годы библиотека шагала в ногу со временем, сохраняя традиции, осваивала новые формы современного информационного пространства.

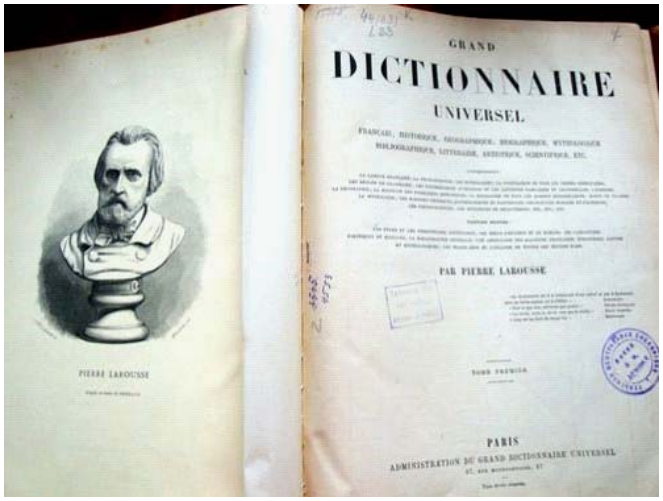
Сегодня вы ведете активную научно-исследовательскую, методическую, информационную, культурную и образовательную деятельность, храните бесценное историческое наследие, выполняете благородную просветительскую миссию. Благодарю вас за подвижнический труд, преданность книге и читателю».

Тихоненкова Татьяна Викторовна,
директор ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».

Иван Тургенев и Жюль Этцель:
почти четверть века дружбы и сотрудничества

Многие исследователи творчества Ивана Тургенева отмечают его культурно-историческую репутацию как проводника русской культуры на Запад и западной культуры в Россию. Тургенев — единственный русский писатель, который при жизни смог завоевать внимание и интерес западной аудитории.

Имя русского писателя стало известно читающей Франции с середины 1850-х годов. В «Большом универсальном словаре XIX века», изданном в Париже, французский филолог, писатель, педагог, языковед, лексикограф и издатель Пьер Ларусс (1817—1875) посвящает Тургеневу отдельную подробную словарную статью. В XIX веке это издание представляло собой значительное явление. Оно являлось интересной инициативой, отвечающей девизу издателя: «Дать знания всем и обо всем», а имя Ларусса на протяжении уже трех столетий является синонимом слова «словарь».



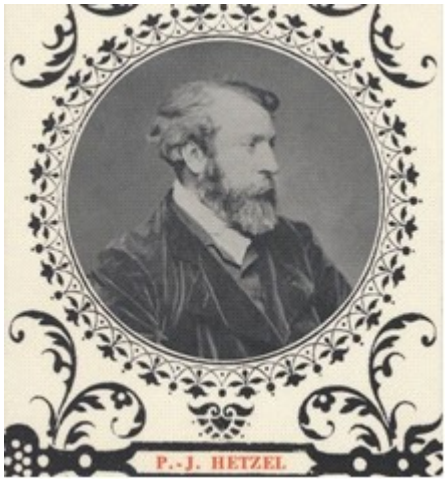
«Большой универсальный словарь XIX века» П. Ларусса (из фонда ГУК «ТОУНБ»)

При составлении словаря Ларусс уделил особое внимание современным писателям, т.е. писателям XIX века. Словарная статья о Тургеневе включает краткие биографические сведения, цитату Мериме, с которым Тургенев был дружен лично, и перечисление вышедших на французском языке произведений. «Кроме поэм, драм, комедий, статей и исследований, опубликованных в различных сборниках, большинство которых появились в «Revue des Deux-Mondes» и «Revue contemporaine», этому выдающемуся писателю, который много способствовал тому, что приобщал нас к идеям и обычаям России, принадлежат следующие произведения: «Записки охотника» (1852, в 2-х т.), сборник, вышедший на французском языке под названием «Mémoires d'un seigneur russe (1854) в переводе Em. Charriere и под названием «Recits d'un chasseur» (1858)... Это серия оригинальных новелл или скорее набросков, которые нам раскрыли русские нравы и способствовали в бóльшей степени осуждению крепостного права: «Scenes de la vie russe» («Сцены из русской жизни») (1858, в 2-х т.), переведенные господином Мармье и господином Виардо; «Une nichée de gentilshommes, mouers de la vie de province» («Дворянское гнездо», 1859), переведенное на французский (1861), «Dimitri Roudine» («Дмитрий Рудин») в одном сборнике с «Journal d'un homme de trop» («Дневником лишнего человека») и «Trois rencontres» («Тремя встречами») (1862); «Nouvelles scenes de la vie russe, Elena, Un premier amour» («Новые сцены из русской жизни. Елена. Первая любовь», 1863) в переводе Делаво; «Peres

enfants» («Отцы и дети») с предисловием Проспера Мериме (1863); «Fumee» («Дым», 1868); «L'abandonnée» («Несчастная», 1872), «Etranges histoires» («Странная история», 1874), «Nouvelles moscovites» («Московские повести», 1874), переведенные Мериме; «Pounine et Babourine» («Пунин и Бабурин»), весьма интересное произведение, опубликованное в газете «Le Temps» в 1875 г. и т.д.»*.

Ежедневная газета «Le Temps» во Франции — одно из изданий, ориентированных на международные новости, в рубрике на литературную тему публиковала произведения Тургенева. Повесть «Пунин и Бабурин», переведенная на французский язык Э. Дюраном, была напечатана в газете в марте 1875 г.** Похожая судьба и у повести «Несчастная» («L'abandonnée»), которая на французском языке была опубликована в той же газете от 7—23 августа 1872 г. под заглавием «Покинутая».*** Полный текст этих и других произведений в настоящее время находятся в открытом доступе в полнотекстовом ресурсе Gallica на сайте Французской национальной библиотеки в оцифрованном архиве газеты.

Произведения Тургенева выходили отдельными книгами и стали известны литературной Франции благодаря таким издателям, как Шарпантье, Данту, Ашетт, Этцель. С последним Тургенева связывали деловые отношения.



Пьер-Жюль Этцель (с обложки книги «Cordroch M. De Balzac à Jules Verne, un grand éditeur du XIXe siècle, P.-J. Hetzel»)

В XIX веке Пьер-Жюль Этцель (1814—1886) занимал видное место в мире книгоиздания. Его издательский дом стремился открыть своему читателю целый мир — новый и интересный. Широкой общественности он известен, в большей степени, как создатель высококачественной печатной продукции для юношества, а также как человек, открывший Ж. Верна. Но Этцель не был издателем «как все». Он не только руководил своими авторами — журил и исправлял, но был им истинным другом. В одном из писем, адресованных к Жюлю Этцелю, Тургенев отмечал: «Примите мою благодарность за добрые и любезные предложения — вы издатель, каких мало, каких вовсе нет»****. Как издатель Этцель создал новаторский подход к публикациям книг

* Tourgueneff (Ivan) // Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle : français, historique, géographique, mythologique, bibliographique... T. 15 TESTAM-Z. Paris, [1866—1877]. C. 359. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2053661/f363.image (дата обращения: 19.10.2018).

** Tourgueneff I. Pounine et Babourine // Le Temps. 1875. 10-14, 18-21 март. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k226054r/f1.item.zoom (дата обращения: 19.10.2018).

***Tourgueneff I. L'abandonnée // Le Temps. 1872. 7—23 авг. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2250957.item (дата обращения: 19.10.2018).

****Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 9. 1871—1872. М.—Л., 1965. С. 389.

для юношества. Как коммерсант, хорошо знал книжный рынок, использовал маркетинговые ходы, размещая рекламные вклейки во все свои публикации и выпуская годовые афиши. Так, в книге Ж. Верна «Пять дней на воздушном шаре» 1863 года выпуска Этцель размещает каталог книг своего издательства. Под рубрикой «Общая библиотека: поэзия, романы, путешествия, история, наука и искусство. Книги форматом in-18 стоимостью 3 франка» перечислены вышедшие в свет книги Ивана Тургенева: «Dimitri Roudine» («Дмитрий Рудин»), «Fumée» («Дым» с предисловием Мериме), «Une nichée de gentilshommes» («Дворянское гнездо»); «Nouvelles Moscovites» («Московские повести»); «Étranges histoires» («Странные истории»); «Les eaux printanières» («Вешние воды»); «Les reliques vivantes» («Живые мощи»); «Terres vierges» («Новь»)»*.

Этцель известен прежде всего как издатель книг для детей и юношества. Тем не менее, «Коллекция Этцель», наряду с романами Ж. Верна, включала романы, эссе и переводы зарубежных писателей. Среди ее многочисленных авторов фигурировал Иван Сергеевич Тургенев.

Знакомство Этцеля с Тургеневым состоялось в начале 1860-х гг., в июле 1862 года завязалась переписка. В 1863 году Этцель по совету их общего друга Луи Виардо предложил Тургеневу перевести на русский язык сказки Перро. Он с большим удовольствием принял предложение, но не проявил усердия для его реализации. В 1865 году Этцель напрасно попытался получить предисловие, которого еще не было. Эти промедления не ухудшили сердечности отношений. Этцель решает издать «Дым», который ему очень понравился, известив о своем решении Тургенева. В письме от 3 декабря 1867 года, находясь в Баден-Бадене, Иван Сергеевич ответил: «Я только что получил Ваше письмо, и, надеюсь, не очень удивлю Вас, если скажу, что Ваше суждение о «Дыме» бесконечно обрадовало меня. Вы хороший друг, но Вы также хороший судья — и Ваше одобрение придает мне уверенности в себе»**.

Ранее, в июле — ноябре 1867 г., роман «Дым» был опубликован в парижском журнале «Correspondant» в переводе Августина Петровича Голицына. В переписке с Этцелем Тургенев неоднократно выражал недовольство этим переводом, в письме от 3 декабря указав следующее: «Я в корректурной горячке «Дыма». Тщательно сверяя перевод с оригиналом, я обнаружил сотни ошибок... Не печатайте перевод Голицына!»***.

Через двенадцать дней Этцель получил от Тургенева письмо следующего содержания: «Вот наконец этот перевод! Вы увидите, что я не преувеличивал, когда говорил о сотнях исправлений! Князь А. грешил тремя способами: 1.) Он не передавал смысла; 2.) Упрощал, сглаживая; 3.) Дополнял, приукрашивая его... Но вот наконец работа завершена, и вы имеете наиточнейший перевод. Теперь вам предстоит пройтись по нему своим пером — и с Богом»****.

Уже в марте следующего года роман «Дым» был опубликован Этцелем и внесен в списки французской библиографии: «1868 — 28 марта. Дым зарегистрирован в Библиографии Франции»,— отмечено в издании Французской национальной библиотеки «От Бальзака до Ж. Верна. Великий издатель XIX века П. Ж. Этцель»***** (Париж, 1966).

---

* Verne J. Cinq semaines en ballon, voyage de découvertes en Afrique par trois Anglais, rédigé sur les notes du docteur Fergusson. Paris: J. Hetzel, 1863. С. 30 второй паг. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6501026z/f396.image.r=tourgueneff%20hetzel (дата обращения: 01.06.2018)

** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 8. Июнь 1867 — июнь 1868. М., 1990. С. 230.

*** Там же. С. 232.

**** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Письма. В 18 т. Т. 8. Июнь 1867 — июнь 1868. М., 1990. С. 233.

***** Cordroch M. De Balzac à Jules Verne, un grand éditeur du XIXe siècle, P.-J. Hetzel : [exposition]. Paris, 1966. XX—92 с. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k6456775j/f1.image.r=hetzel (дата обращения: 10.10.2018).

В издательском доме Этцеля были напечатаны почти все произведения русского писателя. Их отношения продолжались до конца жизни Тургенева и были не только деловыми, но и дружескими. В переписке с Этцелем Иван Сергеевич говорил о возможности ходить на охоту, которая была его любимым увлечением, сетовал на мерзкую погоду, из-за которой охота заканчивалась, рассказывал об общих друзьях, знакомых, родственниках, семье Виардо. Жаловался на здоровье. Так, в письме от 27 сентября 1871 года из Баден-Бадена отмечал: «Уже целый месяц меня мучает приступ подагры. На этот раз она, к несчастью, поразила колено, и я был вынужден в течение трех недель неподвижно лежать в постели. Сейчас я передвигаюсь с помощью палки»*. Несколько месяцев спустя Тургенев и вовсе вынужден был опровергнуть слухи о собственной смерти. Он писал своему дорогому другу Этцелю: «Если вы получаете «Le Temps», то, должно быть, видели там опровержение по поводу слухов о моей смерти. Пока еще нет, черт возьми!»**. Заметка с опровержением была опубликована в газете от 22 января 1872 года, где Тургенев сообщает о кончине своего родственника Николая Тургенева, проживавшего недалеко от Буживаля в вилле Вербуа (Vert-Bois)***.

AU RÉDACTEUR.

Paris, dimanche, 21 janvier 1872.

Plusieurs journaux français et anglais ont annoncé ma mort à l'âge de quatre-vingt un ans. Il y a eu évidemment confusion entre moi et mon regrettable parent, M. Nicolas Tourguéneff, mort le 10 novembre de l'année passée à Vert-Bois, près de Bougival. Permettez-moi de recourir à la publicité de votre journal pour démentir cette nouvelle, et agréez l'assurance de mes sentiments distingués.

IVAN TOURGUÉNEFF.

Опровержение И. С. Тургенева в газете «Le Temps» по поводу слухов о своей смерти

Тургенев переписывался и с сыном Жюля Этцеля, Луи, обращаясь к нему как к дорогому другу: «Ваш подарок великолепен! Семейство Виардо и я все вместе благодарим вас за него. Китайчонок, которого мы отправляем с этим письмом, посылается вам (с множеством новогодних пожеланий вашему отцу, вам и всем вашим) только потому, что он выглядит так, будто хочет сказать: «Как вы любезны!» Именно это думали здесь все, получив ваши чудесные книги»****. Письмо датируется 1873 годом, когда Луи Этцель уже являлся сотрудником издательского дома, где начал работать в 1867 году. После смерти отца в 1886 году стал его возглавлять.

Жюль Этцель пережил своего друга на три года. За этот период им были изданы несколько произведений Тургенева. В 1886 г.— роман «Накануне» («Un Bulgare, A la veille»). В 1885 г.— сборник «Последние произведения» («Oeuvres dernières»), в который вошли рассказ «Месье Франсуа», «Пожар на море», повести «Песнь торжествующей любви!», «После смерти» («Клара Милич»), и траурная речь Ренана, произ-

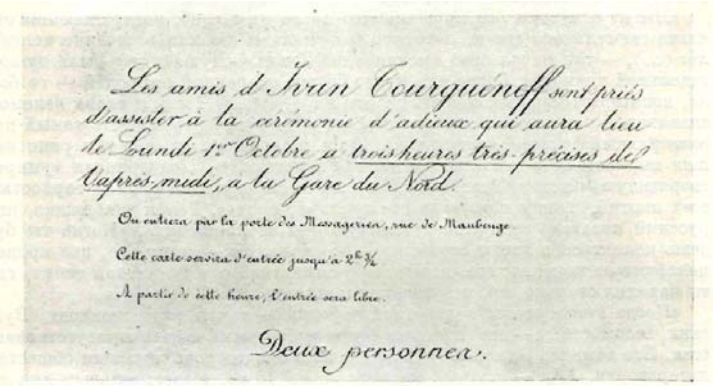
* Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 9. 1871—1872. М.-Л., 1965. С. 392.

** Там же. С. 407

*** Tourgueneff I. Au redacteur // Le Temps. 1872. 22 янв. URL: http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k224886g/f2.item.r=mort (дата обращения: 01.06.2018).

**** Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Письма. В 13 т. Т. 10. 1872—1874. М.-Л., 1965. С. 373.

несенная на церемонии прощания с Тургеневым*. Церемония состоялась 1 октября в Париже на Северном вокзале. Только друзей и поклонников, которых впускали по пригласительным билетам, собралось около 400 человек. Среди присутствующих были видные деятели Франции: писатели Э. Золя и А. Доде, философы Э. Ренан и Ж. Симон, публицист Э. Абу, драматург Э. Ожье, журналист А. Дрейфус, актер Дьедоне и многие другие.


Les amis d'Ivan Tourguéneff sont priés d'assister à la cérémonie d'adieux qui aura lieu le Lundi 1er Octobre à trois heures très précises de l'après-midi, à la Gare du Nord.

On entrera par la porte des Messageries, rue de Maubeuge.

Cette carte servira d'entrée jusqu'à 2h ¾

A partir de cette heure, l'entrée sera libre.

Deux personnes.

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ НА ЦЕРЕМОНИЮ ПРОЩАНИЯ С ТЕЛОМ ТУРГЕНЕВА. ЦЕРЕМОНИЯ СОСТОЯЛАСЬ В ПАРИЖЕ НА СЕВЕРНОМ ВОКЗАЛЕ 19 СЕНТЯБРЯ/1 ОКТЯБРЯ 1883 г.
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Пригласительный билет на церемонию прощания с телом Тургенева

На церемонии прощания присутствовал и его верный издатель Жюль Этцель. Отчасти, благодаря их крепкой дружбе и плодотворному сотрудничеству, Тургенев стал первым открытым Францией в XIX веке великим русским писателем, а русская литература — явлением европейской и мировой культуры.

Куканова Инна Алексеевна,
заместитель директора по научной работе
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека»

Библиография:

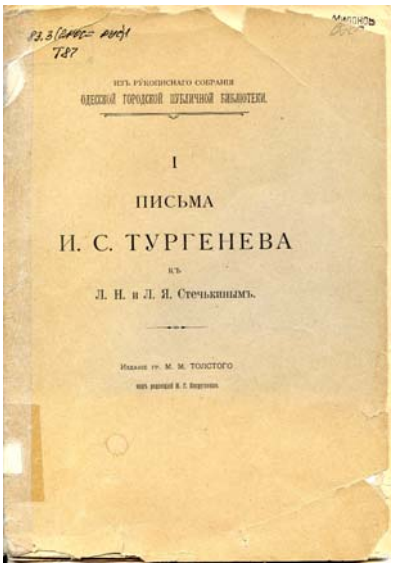
1. *Звигильский А.* Иван Тургенев и Франция: сборник статей: перевод с французского / А. Звигильский; сост. В. Р. Зубова, Е. Г. Петраш.— 2-е изд.— М.: Русский путь, 2010.— 336 с.; ил.— (Тургеневские чтения; Вып. 3; То же [Электронный ресурс].— URL: http://nasledie.turgenev.ru/stat/docs/054.pdf (дата обращения: 19.10.2018).

2. *Карантеева И. Л.* И. С. Тургенев в диалоге русской и французской культур // Вестник КГУ.— 2008.— № 1.— С. 243—247; То же [Электронный ресурс].— URL: https://cyberleninka.ru/article/n/i-s-turgenev-v-dialoge-russkoy-i-frantsuzskoy-kultur (дата обращения: 19.10.2018).

3. *Ланской Л. Р.* Последний путь. Отклики русской и зарубежной печати на смерть и похороны Тургенева // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования: [сборник статей].— М.: Наука, 1967.— С. 633—702.

* Tourguéneff I. Oeuvres dernières... Paris, 1855. URL:
http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5773051v.r=Oeuvres%20derni%C3%A8res%20%5BTexte%20imprim%C3%A9%5D%20%20Monsieur%20Fran%C3%A7ois.%20Le%20chant%20de%20l%27amour%20triomphant.%20Apr%C3%A8s%20la%20mort%20%28Clara%20Militch%29.%20Un%20incendie%20en%20mer%20%20I.%20Tourgu%C3%A9neff.%20Tourgu%C3%A9neff%2C%20sa%20vie%20et%20son%20oeuvre?rk=21459;2 (дата обращения: 19.10.2018).

«Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным»: по страницам старинного издания


ИЗЪ РУКОПИСНАГО СОБРАНІЯ
ОДЕССКОЙ ГОРОДСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ.

I

ПИСЬМА

И. С. ТУРГЕНЕВА

къ

Л. Н. и Л. Я. Стечькинымъ.

Изданіе гр. М. М. ТОЛСТОГО

В фонде Тульской областной универсальной научной библиотеки хранится небольшая книга, представляющая собой собрание писем выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева к его современницам, помещицам Тульской губернии, матери и дочери Стечкиным*. Книга была издана в 1903 году — в год 20-летия смерти И. С. Тургенева — Одесской городской публичной библиотекой. По признанию составителей издания, «в Одесской Городской Публичной Библиотеке в течение ее почти 75-летнего существования образовалось довольно значительное собрание различных рукописных материалов, среди которых многие весьма ценны и могут быть небесполезны при изучении русской истории и литературы**». Но сделать что-либо с этими материалами до 1903 г. у библиотеки не было возможности.

«Только в текущем году (1903 г.— Ю. Б.) библиотека, благодаря щедрости своего попечителя графа М. М. Толстого, получила средства для издания некоторых из названных материалов под общим заглавием: «Из рукописного собрания Одесской Городской Публичной Библиотеки***».

Сборник вышел под редакцией и с комментариями Михаила Георгиевича Попруженко (1866—1944), секретаря Одесского общества истории и древностей (1890—1912) и библиотекаря Одесской городской публичной библиотеки (1896—1919), впоследствии — доктора славянской филологии, профессора Софийского университета, академика Болгарской Академии Наук. Выход в свет книги поддержал известный одесский меценат, гласный Одесской Городской думы, Почетный гражданин г. Одессы граф Михаил Михайлович Толстой (младший).

В книге впервые были опубликованы 65 писем И. С. Тургенева к Любови Николаевне Стечкиной (1830—1900) и ее дочери Любови Яковлевне Стечкиной (1851, с. Плутнево Алексинского у.— 30.12.1900 (ст.ст.)). Последняя, нуждаясь в поддержке и советах в своих литературных занятиях, обратилась в начале 1878 г. с письмом к И. С. Тургеневу, и в продолжение целого ряда лет она находилась с ним в переписке. Первое письмо И. С. Тургенева, помещенное в издании, датировано мартом 1878 г., последнее — декабрем 1882 г., т.е. менее чем за год до смерти писателя.

Любовь Яковлевна Стечкина принадлежала к известному роду Стечкиных, помещиков Алексинского уезда Тульской губернии. Семья ее жила в деревне Плетневе, кроме нее в семье еще были два брата — Николай и Сергей Яковлевичи и младшая сестра Анна Яковлевна. Они все были талантливы, пробовали себя в литературе и печатались в солидных журналах, а Сергей Яковлевич, кроме того, стал родоначальником трех поколений Стечкиных, которые оставили заметный след в истории литературы, медицины, науки и техники.

---

* Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. 61 с.

** Указ. изд., С. III.

*** Указ. изд., С. III.

Любовь Яковлевна неоднократно пробовала себя в литературе и явилась автором повестей «Первая гроза», «Кривые деревья» и посвященного И.С. Тургеневу романа «Варенька Ульмина», в которых отразилась написанная ею по личным наблюдениям жизнь российской глубинки 60—70-х гг. XIX в. Ей адресованы первые 55 писем из 65, помещенных в сборнике. Письма под №№ 56—65 адресованы уже ее матери Любови Николаевне в Тульскую губернию в сельцо Плутнево Алексинского уезда, где в то время проживала Любовь Николаевна. Вот самое первое письмо И. С. Тургенева:

50, rue de Douai, Paris
Суббота, 30/18 марта 1878

Милостивая Государыня
Любовь Яковлевна!

Спешу отвечать на только что полученное мною Ваше письмо.

Я Вашей повести в «Русской Правде» не читал,— но помню — довольно, впрочем, смутно, что по ее поводу была полемика в газетах. Полемика эта, вероятно, теперь позабыта и не помешала бы появлению Вашего нового труда в одном из «толстых» журналов. Изо всех этих журналов я состою в сношениях только с «Вестником Европы» — и переписываюсь с редактором, г. Стасюлевичем. Я не знаю за ним никакой «брезгливости», и он, конечно, примет с охотою всякое произведение, в котором признает печать таланта. На мою рекомендацию он во всяком случае обратит внимание, хотя и мне случалось испытывать отказ не однажды.— Но мне невозможно говорить о произведении мне неизвестном; и потому — либо потрудитесь прислать мне Вашу повесть сюда (я выезжаю отсюда в первых числах мая) — либо подождите моего приезда в Петербург.

В глазах остальных г. редакторов моя рекомендация может только повредить Вам.

В ожидании Вашего ответа, прошу принять утверждение в совершенном уважении

Вашего покорнейшего слуги
Ив. Тургенева.*

В письме, датированным сентябрем того же, 1878 г., читаем:

«Вы правильно указали на главный грех Вашей Вареньки — ее жажду счастья «во что бы то ни стало»; — и выражение Ваше «совершенно непривычная покорность» — тоже верно и счастливо. Все, что вы говорите, более и более возбуждает во мне надежду, что Вы справитесь с Вашей задачей — и желание увидеть ее поскорее оконченной...

Мне кажется нужным напомнить Вам о сокращении вводных лиц, которыми изобиловал Ваш роман — (впрочем, и Вы были того же мнения).— Этюды эти могут Вам пригодиться впоследствии; а именно в таком произведении, каково Ваше,— все, что не содействует прямо ходу драмы, кажется излишним и даже утомительным для читателя.— Ему некогда останавливаться: он должен быть увлечен неудержи-

* Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. С. 1.

мо. Это не значит, чтобы Вам следовало писать в роде А. Дюма; впрочем, об этом много толковать нечего: Вы очень хорошо знаете, что я намерен сказать.

И так мне остается прибавить одно: работайте, работайте!»*

Но в письмах Тургенев не только давал литературные советы. Здесь чувствуется и искренняя забота о больной Любови Яковлевне, и поздравления ее с праздником (письмо № 36), и беспокойство о материальном благополучии адресата.

Париж, 31 марта 1882 г.:

«Любезнейшая Любовь Яковлевна!

*Что же Вы не даете о себе весточки? Ни о своем здоровье, ни о предпринятой работе? Я вчера еще получил письмо от Вашей матушки, которая очень беспокоится о том, как Вам выслать в Ментон 500 р., так как с некоторых пор она замечает задержки и неисправности в почте. Я ей немедленно ответил, что самое простое и верное средство — прислать эти деньги сюда на мое имя,— а я Вам их немедленно доставлю. Сверх того, если бы Вам теперь же нужны 500 фр., то дайте мне знать: я Вам их вышлю сейчас, а потом вычту из тех денег, которые получу от Вашей матушки... Надеюсь, что Ваше здоровье удовлетворительно, и что климат Ментона благодетельно на Вас действует...»**.*

Во время болезни Стечькиной Тургенев вел переписку с ее матерью Любовью Николаевной. Она касалась главным образом лечения ее дочери и пересылки денежных средств. Писатель, судя по этим письмам, нередко выступал своего рода «связующим звеном» между матерью и дочерью: «В ответ на Ваше письмо,— писал Тургенев Любови Николаевне в Плутнево,— имею Вам сообщить следующее.— Любовь Яковлевна находится все еще в Париже. Она проболела несколько дней, была в постели, однако теперь поправилась. Но ехать ей в Россию невозможно... Что же касается денежных средств,— то, во-первых, я переслал ей 300 фр.; — во-вторых, можно продать Стасюлевичу ее повесть, несколько ее исправивши, что не затруднительно, но без чего она не будет принята... Это может составить 250 руб. Любовь Яковлевна обещалась это сделать вскорости,— однако до сих пор медлит...»***.

В последнем опубликованном письме от 10—22 декабря 1882 г., сам уже больной, И. С. Тургенев пишет Стечькиной-старшей: «Спешу отвечать на Ваше письмо и заранее прошу Вас быть уверенной в совершенной правдивости каждого моего слова.

Дочь Ваша... серьезно больна,— хотя вовсе не безнадежно.

Она настолько серьезно больна, что доктор Жакку, один из первых здешних врачей,— объявил ей, что она не должна думать вернуться в Россию раньше весны — и что пока ей нужно пребывание в южном климате. ...мы здесь ее снарядили, достали денег и отправили в Неаполь, куда она по телеграмме благополучно прибыла и где она найдет знакомых, которые примут ее на свое попечение... Повторяю Вам, все это самая несомненная, неприкрашенная правда: нельзя назвать ее успокоительной,— но тревожиться и волноваться тоже не из чего»****.

Любовь Яковлевна скончалась в 1900 г., о чем в журнале «Литературный вестник» за 1901 г. сообщалось: «30 декабря в Одессе, на 50-м году от рождения скончалась Л. Я. Стечькина. Злой грудной недуг (чахотка) подтачивал ее силы целые 30 лет. Блестяще образованная, знавшая языки немецкий и французский, как свой родной,

---

* Указ. изд., С. 10—11.

** Указ. изд. С. 38—39.

*** Тургенев И. С. Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным / под ред. М. Г. Попруженко. Одесса, 1903. С. 59.

**** Указ. изд. С. 60-61.

обладавшая широкими познаниями в литературе, истории, психологии и философии, Л. Я. в 1875 году дебютировала в современной печати повестью «Первая гроза» («Русский вестник», июль 1875 г.) Второю и последнею ее работой был роман «Варенька Ульмина», посвященный И. С. Тургеневу («Вестник Европы» — 1879 года, ноябрь и декабрь). Вскорости по выходе в свет этого романа Л. Я. сломала свое здоровье, ухаживая за больным ребенком, мать которого не желала о нем заботиться. После Л. Я. осталось большое количество писем к ней И. С. Тургенева, который был с нею очень дружен».** Эти письма Тургенева к Любови Яковлевной, которые она, по-видимому, бережно хранила, вместе с несколькими письмами к ее матери в том же году были переданы ее младшей сестрой в Одесскую публичную библиотеку, где вскоре и было подготовлено их издание.

Впоследствии эти и другие письма Тургенева с научными комментариями были опубликованы в полном (академическом) собрании сочинений и писем писателя (Т. XII, кн. 1, 2 (1966—1967 гг.), Т. XIII, кн. 1, 2 (1968 г.)).

Возвращаясь к изданию, хранящемуся в фондах ТОУНБ, хотелось бы отметить, что данный экземпляр поступил в библиотеку в 2008 г. с коллекцией книг известного тульского литературного краеведа, профессора Тульского государственного педагогического института им. Л. Н. Толстого Николая Александровича Милонова. На титульном листе издания имеется владельческий книжный знак, характерный для всех книг из его личной библиотеки.

Владельческий знак Н. А. Милонова на титульном листе книги

Переписка любого выдающегося писателя представляет собой важный источник информации как о нем самом, так и о его мировоззрении. Письма И. С. Тургенева к Стечькиным, опубликованные в рассматриваемом издании, являются лишь малой толикой в познании характера писателя и его литературного языка. Именно поэтому письма И. С. Тургенева интересны не только исследователям творчества писателя и его биографам, но всем, кто интересуется историей русской литературы.

Литература:

1. *Тургенев И. С.* Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечькиным / И. С. Тургенев; под ред. М. Г. Попруженко.— Одесса, 1903 (Тип. Акционерного Южно-Рус. О-ва Печ. Дела).— 61 с.

2. *Белоус А.* Любовь Яковлева и Иван Сергеевич // Тула вечерняя.— 1994.— 1 дек.

3. *Новиков В. А.* История одного посвящения // Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае.— Тула, 1990.— С. 76—90.

4. *Ходулин В. Г.* На хуторе ждет его; Стечкина Люба; Она ему выслала первый роман: Любовь Яковлевна Стечкина (1851—1900) // Ходулин В. Г. Идущие сквозь время: попул. очерки о людях, оставивших заметный след в истории Тульского края / В. Г. Ходулин.— Тула, 2008.— С. 94—99: портр.

5. *Юрчиков Ю.* Тургенев и тульские помещики Стечькины // Тул. известия.— 1998.— 22 июля.

Богомолова Юлия Евгеньевна,
заведующая отделом краеведения
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».

** Новиков В. А. И. С. Тургенев в Тульском крае: док. очерки / В. А. Новиков.— Тула: Приок. книж. изд-во, 1990.— С. 89

Иван Тургенев — русский европеец

В 2018 г. исполнилось 200 лет со дня рождения русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева. Туляки по праву считают Тургенева своим земляком, ведь отец Ивана Сергеевича был уроженцем Тульского края. Не зря и сам писатель указывал: «Я, дворянин Тульской губернии, отставной коллежский секретарь, называюсь Иван Сергеев Тургенев...». Родные места для И. С. Тургенева являлись источником для творчества. Впечатлениями от живописной природы села Тургенево и его окрестностей навеян рассказ «Бежин луг».

Для Национальной электронной библиотеки (НЭБ) (https://нэб.рф/library/tula-oblast-universal-scientific-library/collections/) совместно с Российской государственной библиотекой была оцифрована подборка уникальных изданий из фондов Тульской областной универсальной научной библиотеки (ТОУНБ). В подборке представлены как сочинения самого И. С. Тургенева, так и литература о нем, начиная с 1883 по 1945 гг. (всего 103 книги).

В 2017 г. сектором межбиблиотечного абонемента и электронной доставки документов (МБА и ЭДД) организована передвижная книжная выставка «В мире книг Ивана Тургенева». Презентация прошла в Историко-культурном и природном музее-заповеднике И. С. Тургенева «Бежин луг» в Чернском районе.

Выставка состоит из нескольких разделов: «Автор книг — Иван Тургенев», «Жизнь и творчество И. С. Тургенева», «Тургенев и Тульский край». Этот проект рассчитан на 2017—2018 гг. За это время выставка побывала в муниципальных и сельских библиотеках Арсеньевского, Белевского, Ленинского, Одоевского, Узловского районов.

200-летний юбилей великого писателя дает возможность для активизации интереса к чтению классической литературы, с максимальным использованием для этого информационных ресурсов.

Для популяризации жизни и творчества нашего земляка осуществлен интернет-проект «200 фактов из жизни И. С. Тургенева» на сайте ТОУНБ (http://www.tounb.ru/200-faktov-ob-i-s-turgeneve). Задача проекта — представить самые интересные события, иллюстративный ряд — портреты, фото, пейзажи, интерьеры эпохи из жизни и творчества Ивана Сергеевича Тургенева в продолжение текущих двухсот дней — с 24 апреля до 9 ноября.

Для поиска информации были просмотрены многочисленные издания из фондов ТОУНБ, в том числе «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева» М. К. Клемана, «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1876—1883)» — (автор-составитель Н. Н. Мостовская), альбом «Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время» (автор-составитель Ю. П. Пищулин), «Иван Сергеевич Тургенев в портретах, иллю-

страциях, документах», выпуски «Спасского вестника», «Переписка И. С. Тургенева», «Из парижского архива И. С. Тургенева».

В работе принимали участия сотрудники Отдела информационно-библиографического обслуживания и электронных ресурсов, Отдела обслуживания и Отдела краеведения.

Для художественного и публицистического журнала «Приокские зори» мы представляем лишь некоторые факты из жизни великого писателя, связанные с его проживанием за рубежом.

Иван Сергеевич почти треть жизни провел за границей, был знаком со многими литераторами, критиками, издателями, художниками. Дружил с Г. Флобером и Ж. Санд, сотрудничал с А. Доде и Э. Золя, а Г. де Мопассан и вовсе считал его своим литературным учителем.

И. С. Тургенев находился в гуще культурной и общественной жизни, посещал художественные выставки, музеи, театры, присутствовал на Литературных и шахматном конгрессах, организовал общественную библиотеку в Париже.

Тургенев много делал для знакомства зарубежных читателей с русской литературой; он «ввел» в европейскую культуру имена А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и др.

Иван Сергеевич интересовался молодыми, начинающими литераторами, русскими и европейскими, оказывал им возможное содействие и помощь.

Творчество И. С. Тургенева признано в Европе. В Париже до сих пор действует общедоступная библиотека им. И. С. Тургенева, в Буживале на вилле писателя в 1983 г. открыт музей, любители творчества писателя объединяются в тургеневские общества, которых в Европе достаточно много: французские, немецкие, бельгийские, Ассоциация друзей Тургенева и многие другие. Ниже приведены некоторые факты из жизни И. С. Тургенева за границей. Иллюстрации взяты из «Из парижского архива И. С. Тургенева», «Спасских вестников».

1838. В мае И. С. Тургенев выезжает в Германию для поступления в Берлинский университет. «Я занимался философией, древними языками, историей и с особенным рвением изучал Гегеля»,— вспоминал Тургенев.

1857. 24 мая И. С. Тургенев приезжает в Лондон к Н. А. Герцену дней на 15 или 20. Во время пребывания в Англии знакомится с Карлейлем, Теккереем, Дизраели, Маколеем и др. и совершает поездку в Манчестер.

1858. В мае И. С. Тургенев присутствует в Лондоне на обеде общества английского литературного фонда, под председательством лорда Пальмерстона и посещает в Париже мастерскую художника А. Шеффера.

Париж. Вид набережной Д'Орсей.
Гравюра Ж.-Б. Шамуэна, 1855 г.

И. С. Тургенев.
Фотография Э. Каржа, 1863 г.

1860. 26 октября обедает с П. Мериме. Объясняет ему игру «колобряс».

1863. 13 августа дает разрешение Боденштедту перевести для немецкого издания Тургенева биографическую заметку. Просит указать, какие именно вещи войдут в первый том немецкого издания и обещает указать страницы французских переводов, где находятся «прибавления и исправления» текста.

1864. 17 июня сообщает А. Ф. Борисову о покупке полуторы десятин земли в Бадене и намерении завести сад, а с будущей весны начать строиться. Работает «очень мало». Русских газет и журналов, за исключением «Северной Пчелы», нет, «иногда съездишь в Гейдельберг — почитаешь, впрочем без большого удовольствия». Печатание полного собрания сочинений в Карлсруэ «идет очень хорошо».

1867. 14 июня И. С. Тургенев выезжает из Баден-Бадена в Париж на всемирную выставку, 23 июня возвращается в Баден. В Париже «приходил в телячий восторг» от выставки, большую часть времени проводил с дочерью Полиной.

23 сентября в Бадене состоялось второе представление в присутствии короля и королевы Пруссии оперетки «Le dernier sorcier» с текстом Тургенева и его участием.

И. С. Тургенев. Рисунок Л. Пича, Баден-Баден, 1866—1867 гг. Музей города Баден-Баден.

Тургенев в главной роли оперетты «Людоед». Рисунок Л. Пича. Баден-Баден, 1868 г.

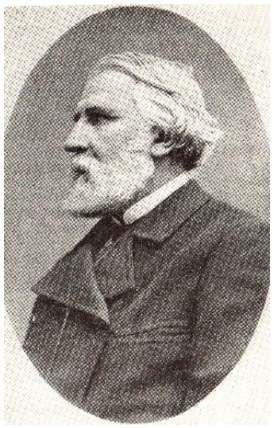
1868. 24 мая в Берлине прошло первое представление оперетки в присутствии прусской королевы. И.С. Тургенев исполняет в ней роль людоеда.

1869. 31 мая И.С. Тургенев посылает Л. Пичу, Ю. Шмидту и Фрейтагу только что вышедший сборник своих повестей во французском переводе «Nouvelles Moscovites».

1870. 18 июля в Баден-Бадене начался крупный международный шахматный турнир — первый в истории Германии. И его вице-президентом был хорошо известный и высоко чтимый в шахматных кругах русский писатель Иван Сергеевич Тургенев. Благодаря блестящему знанию многих языков он легко находил общий язык с любым из 10 участников.

1871. 9 августа И. С. Тургенев присутствует в Эдинбурге на юбилейном торжестве по поводу столетия со дня рождения В. Скотта. Произносит короткий спич.

1872. 3 октября И. С. Тургенев проводит день в Ноане у Жорж Санд. И. С. Тургенев — Ж. Санд: «Мне хочется сказать вам, насколько я счастлив, что видел Ноан и Вас. Вы создали в нем самое очаровательное гнездо, о каком только можно мечтать...». 4 ноября И.С. Тургенев обещает Шумахеру организовать в Германии издание книги его стихов «Моим землякам».



И. С. Тургенев. Фотография И. и Л. Альгейер, 1868—1869 гг.

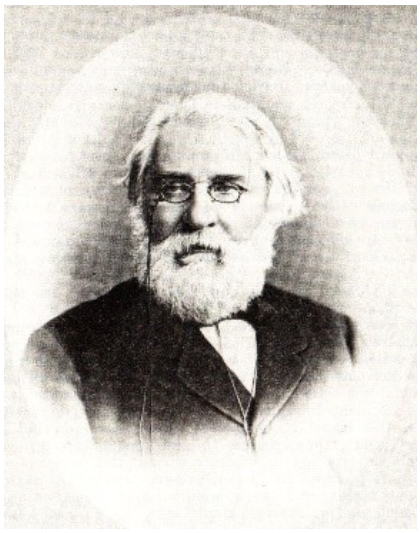
Тургенев за шахматами в парижском кафе «Gafe de la Regence». Гравюра Ф. Моллера с рисунка А. Мирана

1873. 2 августа. Круассе. Г. Флобер — И. С. Тургеневу: «Хочу сказать Вам, что прочел «Вешние воды» и перечел «Степного дворянина», вторую часть которого не знал. «Вешние воды» не произвели на меня того ошеломляющего впечатления, как «Несчастная», но они взволновали меня, растрогали и как-то смутно размягчили. Это — история каждого из нас, увы! Краснеешь за самого себя. Что за человек, мой друг Тургенев! Что за человек!»

1874. В апреле 1874 г. положено начало парижских «обедов пяти» (И. С. Тургенев, Э. Гонкур, Г. Флобер, Э. Золя, А. Додэ). Г. Флобер писал об этих встречах Ж. Санд: «Внешне жизнь моя не изменилась: встречаю и принимаю у себя все тех же людей. Неизменные посетители мои по воскресеньям — прежде всего великий Тургенев, еще более милый, чем всегда, Золя, Альфонс Додэ и Гонкур».

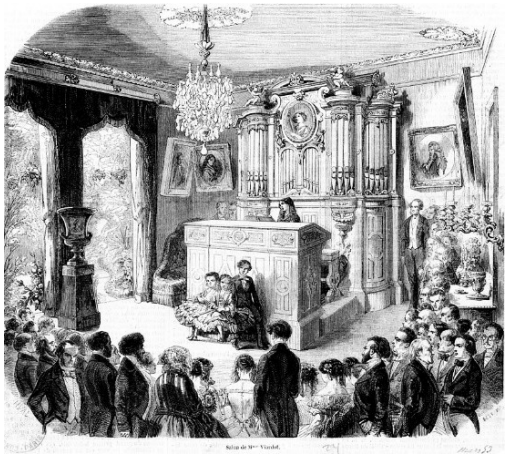
«Он пленяет нас... тою смесью наивности и тонкости, из которой состоит главное очарование славянской природы» — писал о Тургеневе Э. Гонкур.

И. С. Тургенев. Фотография Эллиот и Фрай, Лондон, 1870—1871 гг.

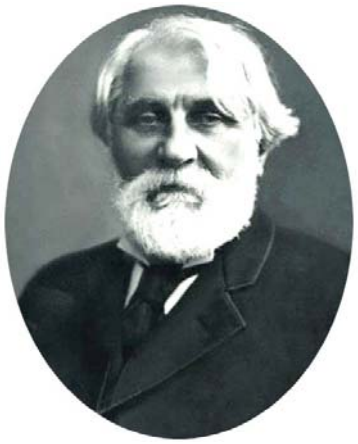


И. С. Тургенев. Фотография Ш. Бергамаско, 1874 г.

Читальня в Париже. Гравюра. Художник М. С. Светиков.



Салон Полины Виардо в Париже. Гравюра с рисунка А. Валантена.



И. С. Тургенев. Фотография 1878 г.

1876. 24 апреля состоялось Литературно-музыкальное утро в пользу Русской библиотеки, недостаточных студентов в Париже, с участием П. Виардо, Г. Венявского, И. С. Тургенева, Э. Золя, К. Сен-Санса. И. Е. Репин писал В. В. Стасову: «В субботу у Виардо по инициативе И.С. Тургенева был концерт в пользу библиотеки. Играл Сен-Санс, читал Жан... пела Панаева, но главное — читал Эмиль Золя...».

27 апреля в Париже в издательстве Ж. Этцеля выходит сборник «Les reliques vivantes», в него вошли французские переводы рассказов и повестей И. С. Тургенева («Живые мощи», «Часы», «Стучит!», «Пунин и Бабурин», «Наши послали!»).

30 апреля И. С. Тургенев вместе с П. и Л. Виардо, П. В. Жуковским, А. А. Харламовым, В. Д. Поленовым посещает Парижский Салон.

31 мая И. С. Тургенев приезжает в Висбаден для переговоров с гр. Н. А. Меренберг, дочерью Пушкина, по поводу публикации писем Пушкина.

15 июня узнает о смерти Ж. Санд. Посылает П. Виардо телеграмму с просьбой послать на могилу Ж. Санд венок из бессмертников как последнюю дань всех русских почитателей и друзей писательницы.

1877. 3 мая в доме Виардо состоялся музыкальный вечер с участием И. С. Тургенева.

1878. 11 июня открылся Международный литературный конгресс в Париже в театре Шатле под председательством В. Гюго. И. С. Тургенев избирается вице-президентом. 17 июня И. С. Тургенев выступает с речью на открытом четвертом заседании конгресса. I3 октября. Париж. И. С. Тургенев пишет Л. Н. Толстому о его популярности за границей.

1879. 8 мая И. С. Тургенева посещает М. Твен. Запись в дневнике М. Твена: «Заходил к Тургеневу с Бойесеном и пил чай из самовара». В черновом варианте книги «Пешком по Европе» М. Твен писал: «Одна знаменитость, которая интересовала меня более всего, был известный Тургенев, великий как своими свершениями в литературе, так и своим отважным до самопожертвования патриотизмом».

С 15 по 22 июня 1879 г. И. С. Тургенев совершает поездку в Англию, где он присутствовал на присуждении ему степени доктора обычного права.

И. С. Тургенев в шапочке и мантии доктора Оксфордского университета. Фотография А. Либера.

1880. 22 июля. Париж. И. С. Тургенев в письме к К. Комманвиль выражает согласие быть вторым председателем комитета по сооружению памятника Г. Флоберу. 25 августа И. С. Тургенев из Кабура-ле-Бена посылает В. П. Гаевскому, учредителю Пушкинской выставки, волосы Пушкина и его кольцо с заключением «оксфордского ученого» о надписи на нем.

1881. 18 октября И. С. Тургенев приезжает в Лондон и отправляется в имение В. Холла Беллока поохотиться. 22 октября И. С. Тургенев, возвращаясь с охоты в Кембриджшире, присутствует на обеде в Лондоне, организованном в его честь В. Рольстоном в Клубе искусств.

1882. 11 июня тяжело больной И. С. Тургенев писал из Буживаля собиравшемуся в Спасское Я. П. Полонскому: «Когда Вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу — родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

12 августа И. С. Тургенев посылает Э. Дюрану «Рассказы В. Гаршина» (СПб., 1882) и письмо: «Из всех молодых русских писателей Гаршин особенно талантлив и подает больше всего надежд».

1883. 17 июня И. С. Тургенев диктует П. Виардо очерк «Пожар на море».

3 сентября И. С. Тургенев умирает в Буживале в 2 часа дня в окружении семьи Виардо и А. А. Мещерского.

6 сентября происходила панихида по Тургеневу в русской церкви в Париже.

1 октября состоялись проводы тела И. С. Тургенева на Северном вокзале в Париже.

Жаколкина Надежда Владимировна,
заведующая отделом информационно-библиографического обслуживания и электронных ресурсов
ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека».

Полный электронный вариант календаря-хронографа «200 фактов о И. С. Тургеневе» доступен на сайте ГУК «Тульская областная универсальная научная библиотека» по ссылке http://www.tounb.ru/200-faktov-ob-i-s-turgeneve.

Алла Новикова-Строганова
(г. Орел)

ХРИСТИАНСКИЙ МИР ТУРГЕНЕВА

Доктор филологических наук, член Союза писателей России, профессор.

В ноябре 2018 года исполнится 200 лет со дня рождения И. С. Тургенева (1818—1883). Ведется подготовка к всероссийскому празднованию двухсотлетия писателя-классика. Предполагается, что одним из центров юбилейных мероприятий станет Орел — родина великого писателя. Как здесь готовятся к предстоящим литературным торжествам?

Об этом мы решили побеседовать с автором нашего журнала из Орла, доктором филологических наук, членом Союза писателей России Аллой Анатольевной Новиковой-Строгановой. Ее перу принадлежит книга **«Христианский мир И. С. Тургенева»** (Рязань: Зерна-Слово, 2015.— Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви). За эту книгу Алла Анатольевна была удостоена Золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой витязь» (Ставрополь, 2015).

Мы победим

— Ваши работы публикуются также во многих печатных и интернет-изданиях.

— Да, во множестве городов России, не претендующих, как Орел, на звание «литературных столиц», выпускается специализированная литературная периодика. Например, «Московский литератор», «Homo Legens <Человек читающий>» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «ЛиТерра» (Саранск) и многие другие издания, с которыми я сотрудничаю. География очень обширная — это вся Россия: от Калининграда на западе до Южно-Сахалинска на Дальнем Востоке и от Салехарда на севере до Сочи на юге, Севастополя в Крыму, а также ближнее и дальнее зарубежье. Интерес к русской классике и творчеству моих прославленных земляков — орловских писателей-классиков — к христианской составляющей их наследия повсюду неизменно высок. В нашей стране и за ее пределами людям для умственного и духовного роста необходим честный и чистый голос великих русских художников слова.

Но, как ни парадоксально, в литературном Орле практически не осталось ни одного периодического издания, где можно было бы публиковать статьи и материалы о духовно-нравственном содержании отечественной словесности, напоминающей читателю о триединстве идеалов Добра, Красоты и Правды. Эти подлинные ценности вечны и неизменны, несмотря на то, что уже не один десяток лет их безбожно нивелируют, лукаво искажают, попирают, подменяют суррогатами, фальшивками, покло-

нением золотому тельцу и другим идолам. Но, как говорил раннехристианский духовный писатель Тертуллиан, «душа человеческая — по природе христианка». И она выстоит, победит, несмотря на временный разгул бесовщины. По убеждению Ф. М. Достоевского — великого русского писателя-христианина, пророка — «Истина, Добро, Правда всегда побеждают и торжествуют над пороком и злом, мы победим».

«Золотой витязь»

— Ваши работы были отмечены наградами на фестивале «Золотой витязь». Поделитесь своими впечатлениями.

— Это Международный славянский форум искусств: литература, музыка, живопись, кинематография, театр. Президент форума — народный артист России Николай Бурляев. Почетный председатель международного жюри Литературного форума — писатель Владимир Крупин, сопредседатель правления Союза писателей России.

По сложившейся традиции «Золотой витязь» проводится в Ставрополе. В Литературном форуме принимали участие писатели из России, Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Эстонии, Казахстана, Болгарии, Сербии. Я рада, что в обширном списке стран и городов значится и Орел — родина целого созвездия русских писателей-классиков. Моей книге «Христианский мир И. С. Тургенева» был присужден Золотой диплом в номинации «Литература по истории славянских народов и славянскому литературоведению». Всего на творческий конкурс-2015, посвященный Году литературы в России, 70-летию Великой Победы и 1000-летию преставления Святого равноапостольного князя Владимира, было представлено в разных жанрах более 100 произведений, отвечающих девизу форума «За нравственные идеалы, за возвышение души человека».

Литературный форум «Золотого витязя» для принимающего его Ставропольского края является настоящим праздником. В разных городах Ставрополья проходят концерты, творческие вечера, встречи с писателями и актерами, мастер-классы, кинопоказы в рамках программы «Классики русской литературы на экране». Со зрителями встречались Николай Бурляев, Александр Михайлов, Сергей Шакуров, Лариса Голубкина, Людмила Чурсина, другие известные артисты. Царит атмосфера торжества славянского творчества, воодушевленного пророческими словами преподобного Сергия Радонежского «Любовью и единением спасемся».

«Душу свою клади, <...> а не побрехеньками забавляй»

Подумалось и вот о чем. Отчего Литературный форум не может принимать Орел — город Тургенева, Лескова, Фета, Бунина, Андреева? Казалось бы, Орловщина — в отношении к литературе — призвана быть лидером и примером для других регионов страны. Но, как видно, от пафосных прожектов об Орле как о «литературной столице России» и высокопарных слов, мертворожденных местными напыщенными чиновниками, до реального дела — «дистанция огромного размера».

Тургеневу в Орле ни раньше, ни теперь не посвящалось существенных мероприятий значительного масштаба. Писателю и в его эпоху тяжело было выносить гримасы суетливого и суетного времени — «банковского периода». До такой степени, что в год своего 60-летия Тургенев объявил о намерении оставить литературную деятельность.

Другой замечательный орловец — Николай Семенович Лесков (1831—1895) — одну из статей из цикла **«Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки»** посвятил Тургеневу — именно в тот переломный период, когда автор **«Отцов и детей»**

принял решение «положить перо». В юбилейный для Тургенева год Лесков размышлял об этом «высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях "положить перо и более за него не браться"».

С лесковской точки зрения заявленное Тургеневым намерение столь значимо, что произнесенный им «обет молчания» никак «нельзя пройти молчанием». Роль писателя в жизни и развитии России так велика, что деятельность сильных мира сего не идет ни в какое сравнение: «его решимость "положить перо" — это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку».

О напускной значительности высоких чиновных персон, важных с виду, а по сути никчемных, непригодных к живому делу, к самоотверженному служению Отечеству, писали многие русские классики. Великий русский баснописец И. А. Крылов утверждал в своей басне **«Осел»**: «В природе и в чинах высокость хороша, / Но что в ней прибыли, когда низка душа». «Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком»,— замечал В. А. Жуковский. Вспоминаются, к примеру, и такие строки **«Колыбельной песни»** Н. А. Некрасова: «Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»...

Тургенев развил эту тему в романе **«Новь»**: «У нас на Руси важные штатские хрипят, важные военные гнусят в нос; и только самые высокие сановники и хрипят, и гнусят в одно и то же время».

Лесков подхватил и продолжил столь выразительную характеристику «крупносановных» людей, по долгу службы призванных заботиться о благе страны, а на деле составляющих «несчастье России»: в тургеневском «последнем романе: это или денежные глупцы, или проходимцы, которые, добившись генеральства на военной службе, "хрипят", а по штатской — "гундосят". Это люди, с которыми никому ни до чего нельзя договориться, ибо они не хотят и не умеют говорить, а хотят или "хрипеть", или "гундосить". В этом скука и несчастье России». Поистине — универсальный портрет «крапивного семени» неистребимой чиновной бюрократии. Писатель обнажает ее низменные зоологические черты: «надо начать по-человечески думать и по-человечески говорить, а не хрюкать на два давно всем надоевшие и раздражающие тона».

Местные власти за пределами региона неизменно представляют Орел как «литературную столицу», «литературный центр» России. Именно такой была экспозиция Орловской области, например, на Олимпиаде в Сочи, сопровождавшаяся высказываниями Тургенева о родине. Факел параолимпийского огня в Орле зажигали от символического писательского пера. На международном инвестиционном форуме даже соорудили беседку-ротонду с именами земляков — русских классиков мировой литературы.

В самом деле, великое наследие писателей-орловцев — единственное, чем может гордиться Орловская область, чем она прославлена доброй славой во всем мире. Только это никак не связано с деятельностью властей предержащих, это вовсе не их достижение и заслуга.

«*Не можете служить Богу и мамоне*» (Лк. 16: 13),— говорит Господь. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову».

Лесков в романе **«На ножах»** разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа в России, которые, фарисей-

ски прикрываясь русскими именованиями и благими целями доброделания, безбожно обогащались, получали свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служили не Богу, а мамоне.

В этой связи наиболее актуально звучат слова писателя, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести **«Овцебык»** обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреши. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй».

Орел литературный

— Как в Орле сохраняется память о Тургеневе?

— В преддверии 200-летнего юбилея Тургенева рождаются размышления неюбилейные. Великий писатель-орловец, благодаря которому провинциальный Орел прославился доброй славой во всем цивилизованном мире, сейчас мало кому помнится на его родине. Знаменательные события, связанные с именем классика, не пробиваются на широкий общественный простор сквозь узилище кафедральных междусобойчиков, заточение кулуарных музейных посиделок да запыленных библиотечных выставок.

Создается впечатление, что, кроме редких заорганизованных «мероприятий», подобных бутафорскому «тургеневскому празднику», который уже давно стал частью многолетней непрекращающейся пиар-кампании депутата-чиновника М. В. Вдовина, Тургенев и его творчество — по отзыву Салтыкова-Щедрина, «начало любви и света, в каждой строке бьющее живым ключом»,— никому не нужны, не интересны. Где уж тут выбрать время для гармоничной прозы, после прочтения которой «легко дышится, легко верится, тепло чувствуется», «ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора»,— иные заботы одолели: все жестче сжимаются тиски «торговой кабалы», засасывает в смрадное болото «тина мелочей», заплывает телом душа.

Люблю и помню старый Орел — тихий, зеленый, уютный. Тот самый, что, по известным словам Лескова, «вспоил на своих мелких водах столько русских литераторов, сколько не поставил их на пользу Родины никакой другой русский город».

Нынешний город совсем не похож на Орел моего детства и юности, а тем более на тот «город О.», что описан Тургеневым в романе **«Дворянское гнездо»**: «Весенний, светлый день клонился к вечеру; небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли мимо, а уходили в самую глубь лазури. Перед раскрытым окном красивого дома, в одной из крайних улиц губернского города О... <...> сидели две женщины. <...> При доме находился большой сад; одной стороной он выходил прямо в поле, за город».

Сегодняшний Орел безвозвратно утратил свое былое очарование. Город изуродован капиталистической застройкой на каждой выгодной пяди земли. Варварски снесены многие старинные здания — памятники архитектуры. На их месте высятся монстры: торговые центры, гостиничные и развлекательные комплексы, фитнес-клубы, питейные заведения и проч. На окраинах расчищают места под уплотненную застройку, вырубают рощицы — наши «зеленые легкие», которые хоть как-то спасали от смрада, смога и выхлопов нескончаемых автомобильных пробок. В центральном городском парке — и без того небольшом — губят деревья. Старые липы, клены, каштаны гибнут под бензопилой, а на их месте появляются очередные уродливые

чудища — безобразные забегаловки вкупе с биотуалетами. Прогуляться и просто подышать чистым воздухом горожанам уже негде.

Не уберегся от изуверского нашествия «торговой кабалы» и Тургеневский бережок, названный так еще в XIX веке,— знаменательное место на высоком берегу Оки, где установлен памятник Тургеневу. На эту достопримечательность указал в свое время землякам-орловцам Лесков: «Отсюда,— писал Николай Семенович,— знаменитое дитя впервые окидывало своими глазами небо и землю, и, может быть, здесь же было бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробудивший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славою во всем образованном мире».

Теперь фоном для памятника всемирно известному великому русскому писателю служит режущая глаз надпись «COCA-COLA» на ярко-красной тряпке, что мотается над торговой точкой, обосновавшейся здесь же — на Тургеневском бережке. Перекинулась торгашеская зараза на родине писателя и на его произведения. Их названия служат в Орле вывесками доходных торговых сетей: «Бежин луг», «Малиновая вода», коммерческого издательства «Вешние воды». Так же приспосабливают под продажные нужды Лескова: умудрились опошлить дивное именование его замечательной повести, выстроили гостиницу с рестораном «Очарованный странник».

На моей памяти было и еще нечто более устрашающее. В 1990-е годы, о которых теперь повсеместно принято упоминать не иначе как «лихие девяностые», в Орле продавали вино кроваво-красного цвета с этикеткой «Леди Макбет Мценского уезда»... А в настоящее время бронзовые фигуры орловских писателей, запрятанные между уродливыми громадами сооружений торгово-развлекательного комплекса «ГРИНН», служат приманкой для завлечения покупателей и клиентов.

Голос людей, неравнодушных к облику и судьбе города, отданного на растерзание, на распродажу,— не более чем глас вопиющего в пустыне. Законами капиталистического рынка обыватели ввергнуты в звериную борьбу за существование по принципу «глотай других, пока тебя не проглотили». Большинство людей поглощено элементарными проблемами выживания: как оплатить все нарастающие цифры налоговых уведомлений и квитанций ЖКХ, на чем сэкономить до зарплаты, до нищенской пенсии... До литературы ли тут?

И все же, как говорил Лесков, прибегая к евангельской образности, «литература у нас есть соль», и нельзя допустить, чтобы она «рассолилась», иначе *«чем сделаешь ее соленою»* (Мф. 5:13)?

Пастырь добрый

— Книга о Тургеневе, как и другие Ваши работы, написаны с православных позиций.

— Отеческая вера для меня родная. Как коренной жительнице Орла во многих поколениях мне дорого воспоминание, что мой дедушка по отцовской линии, которого я знаю только по фотографии (он умер до моего рождения), был певчим в кафедральном Никитском соборе, построенном еще в XVIII веке. Здесь же меня крестили. Не в младенчестве, а когда мне исполнилось уже семь лет — перед школой... Настояла стародавняя и деятельная прихожанка Никитской церкви — моя бабушка. Она же и научила меня первым молитвам: «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся»...

Явственно помню свое крещение. Каким удивительным предстал мой крестный — отец Серафим. Никогда раньше не видела я таких необыкновенных людей — в церковном облачении, с кротким лицом, с длинными волнистыми волосами. Каким

сказочно-чудесным показался мне храм с золотом икон, огоньками свечей, теплым светом цветных лампадок. Как изумил меня поднебесный купол, очаровали настенные росписи. Особенно — «Хождение по водам»: как Христос протягивает руку утопающему в морских волнах апостолу Петру, который пошел было за Господом по воде «яко посуху», но усомнился и стал тонуть. И еще одно изображение глубоко запало в душу: Господь — Пастырь добрый — посреди своего стада, со спасенной «заблудшей овцой» на Своих святых раменах.

Несколько лет назад, войдя в храм, испытала горестное чувство утраты. Сердце сжалось болезненно, когда не увидела на стене «Пастыря доброго». Настенную роспись скрыл под толстым слоем штукатурки обезличивающий, стереотипный евроремонт церковного строения.

Благодарение Богу — теперь Христос-Пастырь со своим стадом вновь явился на прежнем месте. До сих пор подолгу благоговейно могу стоять перед этим благодатным образом: *«Аз есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец»* (Ин. 10: 14—15).

Художественной правды нет без правды Божьей

— Были ли у Вас христианские наставники в литературе, подобно тому, как были в вере?

— В годы учебы на факультете русского языка и литературы Орловского пединститута (ныне — Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева) мне была назначена Тургеневская стипендия. Эта особая стипендия была специально учреждена для нашего факультета в конце 1970-х — начале 1980-х годов (сейчас в ОГУ имени Тургенева ничего подобного не существует). Русскую классическую литературу нам преподавали доктор наук, профессор Г. Б. Курляндская, которая считалась ведущим тургеневедом Советского Союза, и другие видные ученые — выходцы той же научной школы.

Творчество Тургенева анализировали, казалось бы, досконально. На лекциях преподаватели рассуждали о методе и стиле, о способах и приемах художественного выражения авторского сознания, о традициях и новаторстве, о поэтике и об этике, о жанровой организации и об эстетической ситуации — всего не перечесть. На семинарах учили отличать в структуре текста автора-повествователя от собственно автора, лирического героя — от героя ролевой лирики, внутренний монолог — от внутреннего говорения и т.д.

Но все эти формалистические анализы и разборы скрывали от нас сущностное. Никто и никогда не сказал в те годы, что самое главное в русской литературе в целом и в частности в тургеневском творчестве — ценнейшей составляющей отечественной классики — это Христос, христианская вера, одухотворенная русским православным подвижничеством. Художественной правды не может быть без правды Божьей. Вся русская классика создавалась в лоне православного бытия.

Впоследствии в процессе работы над кандидатской и докторской диссертациями мне посчастливилось познакомиться с трудами христианских филологов и философов. По мере сил своих развиваю заложенные ими традиции православного литературоведения.

ОГУ имени И. С. Тургенева

— Не так давно Орловскому государственному университету присвоено имя Тургенева. Какие изменения произошли в этой связи?

— Этот достопримечательный факт, казалось бы, должен был всколыхнуть общественную литературно-просветительскую работу университета. Особенно кафедра русской литературы призвана была очнуться от летаргии, в которой пребывает уже многие годы. Имя Тургенева для университета — не просто дар, но и задание: показать образец понимания и преподавания тургеневского творчества, стать центром научного тургеневедения, популяризации творчества писателей-классиков и в Орле, и в России, и за рубежом. Тургенев жизнь свою положил, в том числе на переводы произведений русской литературы, чтобы познакомить с ней Европу; основал во Франции первую русскую библиотеку. Личность и творчество писателя светят на весь мир.

Однако на этой ниве никакого воодушевления и подъема в ОГУ не наблюдается. Присвоение учебному заведению имени великого писателя-земляка остается простой, хотя и помпезной, формальностью. Только подновился интерьер в просторном ректорском кабинете — на руководительском столе поставили бюст, да повесили на стене большой портрет Тургенева.

А филологический факультет, без которого немыслим никакой классический вуз, угасает. Нет студентов, потому что специальность стала считаться непрестижной — слишком неприбыльная, бездобычливая. Ученых-тургеневедов — горячих пропагандистов творчества писателя — после смерти доцента В. А. Громова и профессора Г. Б. Курляндской — на факультете не осталось. Преподаватели в апатии, пытаются кое-как выжить. Многие перебиваются частными уроками, репетиторством, натаскиванием школьников к сдаче ОГЭ и ЕГЭ (жуткие какие-то аббревиатуры, до сих пор режут слух).

Но преподавателям литературы требуется не просто вяло занимать места и не прикрываться вывеской — здесь нужно особое служение, горение духовное. Когда «душа требует, совесть обязует, тогда и сила большая будет»,— так учил святитель Феофан Затворник, еще один великий наш земляк — духовный писатель.

Не находится занятий на филологическом факультете и высококвалифицированным специалистам. Будучи доктором филологических наук, я услышала от ректора университета О. В. Пилипенко: «Для вас у нас места нет». В таких условиях создание книг, статей, выступления на конференциях, просветительская деятельность расцениваются не как труд, требующий напряженной работы ума, души, колоссальных затрат времени и физических сил, а как «хобби» на энтузиазме и без оплаты.

Зато развиваются в университете имени Тургенева такие направления образования, как торговое дело, реклама, товароведение, гостиничное дело, сервис и туризм. Кому уж тут вспоминать о Тургеневе? Есть вывеска — и довольно...

В нашем городе имеются и другие места, связанные с именем писателя: улица, театр, музей. Памятник — на берегу Оки. Бюст — в заповедном уголке Орла «Дворянское гнездо», которое уже потеснено элитной застройкой местных нуворишей. Но живого духа Тургенева и его благодатного творчества не ощущается. Тургенев для большей части орловцев не более чем бронзовая фигура на постаменте или истертая полузабытая страница школьного учебника.

«Безбожные школы в России»

Многие ли сейчас в России помнят и знают тургеневское творчество? **«Муму»** — в младшей школе, **«Бежин луг»** — в среднем звене, **«Отцы и дети»** — в старших классах. Вот и весь набор поверхностных представлений.

До сей поры в школах учат в основном «понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Литературу «проходят» (в буквальном смысле: проходят мимо литературы) как занудную обязаловку. Русская классика в школе еще не прочитана, ее духовный смысл

часто ускользает и от учеников, и от самих учителей. Зачастую преподают русскую литературу так, чтобы навсегда отбить охоту возвращаться к ней в дальнейшем, перечитывать и постигать ее на новых уровнях «разумения о смысле жизни».

Среди всех остальных учебных предметов единственно литература не столько школьный предмет, сколько формирование человеческой личности, воспитание души. Русская классика, подобно Новому Завету, всегда нова и актуальна, дает возможность соединять времена. Однако до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений. Так что они вполне подходят под определение, данное в одноименной статье Лескова о школах, где не преподавался Закон Божий,— **«Безбожные школы в России»**.

Кроме того, скудные часы, отведенные в нынешней школьной программе на изучение литературы, из года в год урезаются. Неужели столь силен страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей и так сильна ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей»? Кому и для чего выгодно вылепливать в «безбожных школах» безбожников, подменяя ложными идеалами и кумирами «вековечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек» (по глубоко духовному суждению Достоевского),— Христа?

Тургенев в свете христианского идеала

— О Тургеневе не принято говорить как о христианском писателе. По большей части его представляют как «атеиста», «либерала», «западника», «русского европейца».

— К сожалению, это не только атеистические либо иноверческие трактовки, лукаво насаждаемые, как плевелы среди пшеницы, на протяжении долгих десятилетий.

Еще Лесков писал о том, как «многократно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» — «представитель и выразитель умственного и нравственного роста России». Либералы действовали «грубо, нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно». Тех и других Лесков уподоблял, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост». По лесковскому замечанию, «осмеять можно все, как все можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения».

Некоторые начетники также готовы исключить Тургенева из ряда писателей-христиан, руководствуясь своими мерками: «Сколько раз ходил в церковь? Принимал ли участие в обрядах? Часто ли исповедовался, причащался?»

Однако с такими вопросами к душе человеческой вправе лишь Бог подходить. Хорошо бы здесь припомнить наставление апостольское: *«Не судите никак прежде времени, пока не придет Господь»* (1 Кор. 4:5).

Только в самые последние годы жизни профессор Курляндская (а прожила она без малого сто лет) не смогла не признать, что Тургенев в своем творчестве делал «определенные шаги на пути к христианству». Однако даже в такой робкой формулировке этот тезис не прижился. До сих пор и в профессиональном литературоведении, и в обыденном сознании укоренилось превратное представление о Тургеневе как об атеисте. В качестве аргументов беспардонно пошли в ход и некоторые тургеневские высказывания, иезуитски выдернутые из контекста, и образ жизни — по большей части вдали от родины, «на краю чужого гнезда», и даже обстоятельства смерти писателя.

При этом никто из сторонников такой безблагодатной позиции не явил в собственной жизни высоких образцов ни святости, ни аскетизма, ни праведничества, ни

выдающегося таланта. Добротолюбие учит: *«Кто возбраняет устам своим пересуждать, тот хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Бога»*. По всей видимости, «обвинители», «пересуждающие» жизнь и творчество писателя, далеко отстоят от христианства и евангельских заповедей неосуждения: *«Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить»* (Мф. 7:1—2).

Всем ли удастся в свое время сподобиться *«христианской кончины живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной, и доброго ответа на Страшном суде Христовом»*, о чем молится Церковь? Что будет с каждым из нас по выходе из «кожаной ризы», надетой на земле? Не может не замереть душа перед этими вопросами. Но ответ только «на Страшном суде узнаем»,— как любил повторять христианский писатель Сергей Нилус.

В Боге, возвестившем: *«Аз есмь Истина, и Путь, и Жизнь»* (Ин. 14:6),— единственно истинный подход к любому явлению жизни. «*Кто учит иному,*— говорит апостол Павел,— *и не следует словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины»* (1 Тим. 6:3—5).

Господь каждому дает свои таланты и свой крест — по плечам и по силам. Так что взваливать все кресты непосильной ношей на одного человека невозможно. У каждого свой крест. Как писал наш современник, убиенный поэт Николай Мельников в поэме **«Русский крест»**:

Крест взвали себе на плечи,
Он тяжел, но ты иди,
Чем бы ни был путь отмечен,
Что б ни ждало впереди!
— В чем же крест мой? Кто же знает?
На душе — один лишь страх!
— Все Господь определяет,
Всякий знак — в Его руках.

Тургеневу хватило его собственного креста, чтобы прославить свое Отечество доброю славой во всем мире. В год кончины Тургенева его друг, поэт Я. П. Полонский говорил: «И один рассказ его "Живые мощи", если б он даже ничего иного не написал, подсказывает мне, что так понимать русскую честную верующую душу и так все это выразить мог только великий писатель».

По воспоминаниям французского писателя Анри Труайя, Тургенев обнаруживал, что «неспособен написать роман, повесть, главными действующими лицами которых не были бы русские люди. Для этого нужно было поменять душу, если не тело». «Мне для работы,— скажет он Эдмону де Гонкуру,— нужна зима, стужа, какая бывает у нас в России, мороз, захватывающий дыхание, когда деревья покрыты кристаллами инея... Однако еще лучше мне работается осенью в дни полного безветрия, когда земля упруга, а в воздухе как бы разлит запах вина...». Эдмон де Гонкур заключал: «Не закончив фразы, Тургенев только прижимал к груди руки, и жест этот красноречиво выражал то духовное упоение и наслаждение работой, какие он испытывал в затерянном уголке старой России».

Космополитом Тургенев никогда не был и родиной своей не торговал. Где бы писатель ни жил — в столицах или за границей, неизменно душой он стремился в свое родовое имение Спасское-Лутовиново Мценского уезда Орловской губернии. Здесь всегда перед его взором был древний фамильный образ Спаса Нерукотворного.

Нельзя без волнения читать строки письма Тургенева к Ж. А. Полонской от 10

августа 1882 года — за год до смерти: «Продажа Спасского была бы для меня равносильною с окончательным решением никогда не возвращаться в Россию, а я, несмотря на болезнь, питаю надежду провести все будущее лето в Спасском, а в Россию вернуться в течение зимы. Продать Спасское значит для меня — лечь в гроб, а я еще желаю пожить, как ни мало красна жизнь для меня в настоящее время».

В своем художественном творчестве Тургенев изображал жизнь в свете христианского идеала. Но все грубые наслоения хрестоматийного глянца, вульгарно-идеологических трактовок и домыслов зачастую не позволяют современному читателю пробиться к истинному смыслу писательского наследия, посвятить ему углубленное осознанное прочтение. Вникнуть в произведения Тургенева заново, осмыслить его творчество с христианских позиций — задача важная и благотворная. Об этом моя книга.

«Далеко Ротшильду до этого мужика»

Писатель показал, что именно духовное, идеальное содержание — основа человеческой личности; ратовал за восстановление в человеке образа и подобия Божия. Из этого во многом соткано таинство поэтики Тургенева, его дивных художественных образов.

Среди них — «истинно преподобная» праведница и страдалица Лукерья **(«Живые мощи»**). Плоть героини умерщвлена, но дух ее возрастает. *«Посему мы не унываем,—* учит апостол Павел,— *но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется»* (2 Кор. 4:16). «Тело Лукерьи почернело, а душа — просветлела и приобрела особенную чуткость в восприятии мира и правды высшего, сверхмирного бытия»,— справедливо отмечал выдающийся богослов XX века архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Этой тургеневской героине, почти бестелесной, открываются высшие сферы духа, не выразимые в земном слове. И не только ей, но прежде всего — писателю, создавшему ее образ. Так же, как и «тишайший» образ истинной православной христианки Лизы Калитиной — кроткой и самоотверженной, нежной и мужественной — главной героини романа **«Дворянское гнездо»**.

Весь этот роман овеян молитвенным пафосом. Источник особой молитвы проистекает не только из частного несчастья главных героев — Лизы и Лаврецкого, но из общих многовековых страданий земли русской, русского народа-страстотерпца. Неслучайно писатель-христианин орловец Б. К. Зайцев объединил тургеневских героинь — молитвенницу Лизу и страдалицу Лукерью — с реальной крестьянской девушкой-мученицей, одинаково расценивая их всех в общерусском православном смысле как «заступниц» перед Богом за Русь, за русский народ: «Лукерья такая же заступница за Россию и всех нас, как смиренная Агашенька — раба и мученица Варвары Петровны <матери Тургенева>, как Лиза».

Стихотворение в прозе **«Два богача»** показывает неизмеримое духовное превосходство русского человека из народа, замученного и ограбленного угнетателями всех мастей, над богатейшим в мире банкиром-евреем.

Ротшильд имеет возможность без труда и ущерба для своих капиталов отщипывать куски на благотворительность от сверхприбылей, нажитых грабительскими ростовщическими махинациями. Русский мужик, ничего не имея, душу свою полагает за ближнего, буквально следуя заповеди Христа *«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»* (Ин. 15:13). Какой огромный смысл в крохотном по объему тургеневском тексте:

«Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, и хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

— Возьмем мы Катьку,— говорила баба,— последние наши гроши на нее пойдут,— не на что будет соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую,— ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика!»

Каждая проникновенная строка Тургенева, обладавшего способностью соединить прозу с поэзией, «реальное» с «идеальным», овеяна одухотворенным лиризмом и сердечным теплом, несомненно, идущим от *«Бога живого»* (2 Кор. 6:16), *«В Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»* (Кол. 2:3), *«Ибо все из Него, Им и к Нему»* (Рим. 11:36).

Нет пророка в своем отечестве

— Ваша книга о Тургеневе издана в Рязани. Почему не в Орле?

— Кого-то может удивить, что книга орловского автора о великом писателе-орловце издана в Рязани. В моем родном городе — на родине Тургенева — в преддверии его 200-летия, да к тому же и в Год литературы, ни одно орловское издательство этой темой не заинтересовалось. Власть предержащие, к кому я обращалась: тогдашний губернатор и председатель правительства В. В. Потомский, первый заместитель губернатора А. Ю. Бударин, председатель областного Совета народных депутатов Л. С. Музалевский и его первый заместитель М. В. Вдовин, начальник областного управления культуры А. Ю. Егорова,— по заведенному бюрократическому обычаю также ограничились пустыми отписками с отказом, даже не ознакомившись с рукописью, не вникнув в суть темы. В последнем официальном ответе на мое предложение об издании книги о Тургеневе управление культуры отфутболило меня (простите за просторечие, но точнее в этой ситуации не скажешь) в управление физической культуры и спорта. Каюсь, туда я уже обращаться не стала.

Так, в новое время и в новых обстоятельствах подтвердились слова Лескова, который в своей статье о Тургеневе в год его 60-летнего юбилея с болью признавал горькую библейскую истину о судьбе пророка в своем отечестве: «В России писатель с мировым именем должен разделить долю пророка, которому нет чести в отечестве своем». Когда во всем мире читали и переводили произведения Тургенева, на его родине в Орле губернские чиновники проявляли пренебрежение к всемирно известному автору, вынуждали его подолгу ожидать очереди в приемных, бахвалились друг перед другом, что сделали ему «асаже». Орловский губернатор однажды принял Тургенева, но чрезвычайно холодно, сурово, даже не предложил присесть и отказал писателю в его просьбе. По этому поводу Лесков замечал: «мягкосердечный Тургенев» у себя дома, на родине, получает «шиш и презрение глупцов, презрения достойных».

В Рязани, в православном издательстве «Зерна-Слово» встретились единомышленники и искренние почитатели тургеневского творчества. Здесь вышла в свет моя книга. Выражаю свою искреннюю признательность всем, кто работал над ее созданием: руководителю издательства «Зерна-Слово» Игорю Николаевичу Минину, главному редактору Маргарите Ивановне Мымриковой, художественному редактору книги и моему супругу Евгению Викторовичу Строганову. Книга издана с любовью, с большим художественным вкусом, замечательно подобраны иллюстрации, портрет Тургенева на обложке выполнен так, как будто облик писателя продолжает светить своим духовным светом сквозь века.

Дерзаю надеяться, что эта книга послужит во благо читателю, поможет и далее осмысливать с позиций православной веры тургеневское творчество, исполненное любви и света, который *«и во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1:5).

Владимир Чисников
(г. Бровары, Киевская область, Украина)

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ И. С. ТУРГЕНЕВА

Наш постоянный автор.

В октябрьском номере (т. 18) журнала «Исторический вестник» за 1884 год в рубрике «Из пришлого» была опубликована небольшая статья анонимного автора, озаглавленная «Случай из жизни И. С. Тургенева». В ней сообщалось, что газета «Figaro» в одном из последних номеров поместила небольшой психологический этюд известного французского писателя Гюи де Мопассана, в котором он «...разбирал чувство страха («La peur»). В этой статье красной нитью прослеживалась мысль, что люди всегда боятся того, чего не понимают. При этом писатель передавал слышанный лично им самим рассказ И. С. Тургенева. Далее аноним писал: «Сообщаем этот рассказ в полном переводе, желая сохранить его для будущих биографов Тургенева, как характерный эпизод из его молодости».

А теперь предоставим слово Мопассану, со слов которого эту удивительную историю Иван Сергеевич рассказывал в одно из воскресений в гостях у Густава Флобера:

«...Никто не мог сравниться с великим романистом в умении своим рассказом повергать вас в дрожь перед скрытым неизвестным и в полусвете страшной истории развертывать перед вами целый мир каких-то непонятных, тревожных и даже грозных явлений. Он умел внушить этот страх перед невидимым, страх перед чем-то неизвестным, что скрывается за стеной, дверью, за пределами видимой жизни.

Кажется иногда, что он уже показывает истинное значение странных совпадений и как будто бы чисто случайных обстоятельств, но оказывается, что ими управляет чья-то скрытая воля. Он как бы дает вам чувствовать ту неуловимую нить, которая таинственно приходит через всю вашу жизнь, как через туманный сон, смысл которого постоянно исчезает.

Он не переходит смело в область сверхъестественного, как Эдгар Поэ или Гофман; он рассказывает простые истории, только в них скрывается что-то странное, что-то повергающее в смущение.

В тот вечер он тоже сказал: «Действительно, боишься только того, чего не понимаешь».

Он сидел глубоко откинувшись в своем большом кресле, свесив руки и вытянув ноги. Его совсем белая голова утопала в волнах серебрившихся волос и бороды. Он

говорил медленно, с какой-то леностью (придававшей еще большую прелесть его речи), как бы запинаясь слегка на некоторых словах, что еще более подчеркивало их яркую меткость. В его несколько утомленных, широко открытых глазах, как у ребенка, отражалось всякое движение его мысли.

Вот что именно рассказал нам Тургенев.

Будучи еще молодым человеком, он охотился как-то раз в своем имении. Проходив целый день по лесу, он остановился на берегу речки, сильно заросшей водорослями, но с довольно чистой водой. Охотника охватило непреодолимое желание искупаться; он разделся и поплыл по течению. Молодой, здоровый, отличный пловец, он плыл тихо, безмятежно, ощущая лишь прикосновение водорослей.

Вдруг он почувствовал руку на своем плече, обернулся и увидел страшное существо, с жадностью взиравшее на него. Это была не то женщина, не то обезьяна. Ее громадное морщинистое лицо улыбалось и делало страшные гримасы. Громадные, порыжевшие от солнца волосы в беспорядке окружали и даже закрывали лицо этого чудовища.

Тургенев ощутил ужас омерзения, оцепеняющий страх перед сверхъестественным существом. Не рассуждая, не понимая, как потерянный, он стал плыть к берегу; но чудовище настигало; с радостным хохотом, оно хватало его за спину, за ноги, за шею. Обезумев от страха, Тургенев достиг, наконец, берега, быстро выскочил из воды и побежал через лес, оставив ружье и платье. Страшное существо продолжало его преследовать, осыпая ругательствами. Беглец, обессиленный и пораженный страхом, падал уже от изнеможения, когда мальчик, который пас скот, прибежал к нему на помощь и стал хлестать страшное чудовище в человеческом образе так, что оно обратилось в бегство, испуская отчаянные вопли. Тургенев видел, как оно исчезло в листве деревьев, совершенно как какая-нибудь горилла. Оказалось, что это была сумасшедшая, которая уже лет тридцать проживала в лесу, питаясь тем, что ей давали пастухи, большую же часть дня проводя в воде.

Окончив свой рассказ, великий русский писатель прибавил: «Никогда в моей жизни я не испытывал подобного страха, и это потому, что я не понимал, что это было за чудовище».

Элина Рудая
(г. Симферополь)

«ВО ДНИ СОМНЕНИЙ...»
Эссе

Наш постоянный автор.

Произведения Ивана Сергеевича Тургенева я читала в юности, учила в школе на память стихотворение в прозе «Русский язык» и считала, что это уже перевернутая страница в моем познании писателя — по жизни к ней практически не возвращалась... Но как только киевская смута подкралась к порогу нашего общего дома под названием «Крым», память тут же вытолкнула из своих закромов: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора»... Произошло это внезапно, в утренней спешке на работу, и прозвучало внутри меня как откровение, как молитва.

«...Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома?»...

И. С. Тургенев написал свой знаменитый этюд о языке в 1881 году, в череде лирических миниатюр, завершающих деятельность писателя. Стихотворения в прозе — это своеобразный итог его жизни, который включил в себя образные размышления, философские наблюдения над проявлениями окружающего мира и подчеркнул состояние его внутреннего одиночества в чуждой духовной среде. «Русский язык» стал последним уникальным «аккордом» в прижизненном издании автора. И это, думается, не случайно!

Тургенев прожил не один десяток лет за пределами России, бывал в разных городах и странах, знал несколько иностранных языков. Полное погружение в европейскую жизнь могло бы стать материалом для написания произведений о ней, притом, на языке оригинала, но она его не вдохновляла. Все его помыслы, духовная составляющая жизни были связаны с родиной и русским языком. Да, он уделял много внимания переводам своих собственных произведений и других русских писателей на европейские языки, но делал это с целью популяризации русской литературы и расширения сферы ее влияния на мировое культурное пространство. Благодаря Тургеневу, к читателям Франции, Германии, Англии «пришли» произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого и других. Иван Сергеевич был неравнодушным свидетелем того, как русская литература приобретала международное признание. В то же время он не забывал знакомить своих соотечественников в России с лучшими сочинениями Флобера, Мопассана, Золя....

Тема родины и исторической судьбы русского народа всегда волновала писателя, и была основой всего его творчества. Находясь за границей, Тургенев внимательно следил за всеми политическими и общественными процессами в России. Современников изумляла его прозорливость — настолько точно он отражал все происходящее

в своих романах. Сам Тургенев в литературе видел рупор, пропагандирующий идеи для успешных преобразований в стране. И язык, русский язык, который он глубоко и тонко чувствовал, был одновременно и инструментом, и помощником в достижении поставленных целей: «Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием (русским языком — *авт*.); в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!», «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Любовь к России русского человека особенно обостряется, когда он находится за ее пределами. Это произошло и с Тургеневым. И хотя на родине его труды подвергались критике, как со стороны правительственной цензуры, так и порой в стане прогрессивных сил, писатель однажды заметил: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».

Владимир Гладышев
(г. Николаев, Украина)

В БЕЗДЕЙСТВИИ СОСТАРИТСЯ ОНО

Являются ли герои И. С. Тургенева представителями «поколения» М. Ю. Лермонтова?

Доктор педагогических наук, профессор Николаевского национального университета имени В. А. Сухомлинского. Автор 23 пособий и монографий, свыше трехсот статей по методике преподавания литературы, культурологии и эстетике, четырех романов, опубликованных мультимедийным «Издательством Стрельбицкого». Опубликовал свыше пятисот статей по актуальным проблемам преподавания литературы, философии, политологии, культурологии в различных периодических изданиях и альманахах Украины и зарубежья.

Двухсотлетие со дня рождения одного из самых загадочных — при внешней кажущейся «простоте и ясности» его произведений — русских писателей Ивана Сергеевича Тургенева заставляет снова и снова обратиться к творчеству «барометра общественного мнения» 50-х — первой половины 60-х годов позапрошлого века. В этой связи особую актуальность приобретает проблема творческих достижений Тургенева в контексте развития русской литературы девятнадцатого века. Полагаем, что традиционность и новаторство творчества Тургенева зачастую носят достаточно парадоксальный характер, что обусловлено обостренным восприятием действительности и уважительным отношениям к своим великим предшественникам.

На наш взгляд, одним из наиболее заметных авторов, традиции которого Тургенев — осознанно или неосознанно — это другой вопрос — развивал, был Михаил Юрьевич Лермонтов.

Одно из самых известных стихотворений М. Ю. Лермонтова «Дума» чаще всего рассматривают как своего рода предсказание, с помощью которого поэт как бы пытался образумить, усовестить своих сверстников («Поколенье»), напомнить им о необходимости жить более достойно, нежели это имело место быть. Подчеркнем, что изначально речь в стихотворении и не шла о создании автором более или менее объективной картины жизни, о создании «портрета» одной из прослоек современного Лермонтову общества. Скорее, наоборот, на основании анализа стихотворения «Дума» можно говорить о том, какой эта жизнь виделась самому автору. Не подлежит сомнению, что, отталкиваясь от своего понимания действительности, Лермонтов рисовал картину, с помощью которой передавал свои, в высшей степени субъективные, ощущения от происходящего, выражал с помощью стихотворения свою оценку собственного настоящего и будущего как он их понимал, одновременно перенося это «индивидуальное» на свое «поколение».

«Способ доказательства» своей концепции будущего, избранный поэтом, найденная им форма повествования представляются довольно оригинальными: автор «Думы» талантливо, в деталях и с многочисленными, легко «узнаваемыми» современниками, подробностями, рисует «грядущее» своего «поколения». «Грядущее», которое никоим образом не может выглядеть достойным в глазах порядочного человека, ибо оно — в таком изображении — действительно, «иль пусто, иль темно».

Сочетание особенностей личной судьбы автора стихотворения, трагического в основе своей мировосприятия Лермонтова-человека и гениальности Лермонтова-поэта, привело к тому, что нарисованное им «грядущее» и в самом деле выглядело кошмарно. Потому что, во-первых, казалось чрезвычайно убедительным, «достоверным» и «узнаваемым», а во-вторых, просто пугало любого мыслящего человека полной бессмысленностью и бесперспективностью существования и, что самое, пожалуй, важное для каждого из нас, страшило безжалостным и справедливым «судом потомков».

По мнению Лермонтова, над ним и его «поколением» уже с рождения, с «начала поприща» довлел какой-то рок. Какие-то неведомые, но враждебные силы изначально определили личностную и историческую обреченность лирического героя и его сверстников, его «поколенье».

Сделаем попытку рассмотреть произведение М. Ю. Лермонтова «Дума» (1838) именно под углом зрения «достоверности» предсказанной в нем судьбы поколения поэта. При этом, разумеется, критерием «достоверности» должна стать практика. Насколько точно «итоги жизненного пути» людей, которых следует считать «поколением Лермонтова», соотносятся с тем, что ушедший из жизни совсем молодым поэт предсказал своему поколению в «Думе».

Дума

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!
Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,

Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Текст стихотворения изобилует художественными деталями, эмоциональная составляющая которых откровенно безрадостна, за счет чего и создается тяжелый эмоциональный фон всего произведения, формируется ощущение безнадежности. В этой связи вполне оправданным выглядит вопрос: «А не является ли данное произведение всего лишь, как отмечалось выше, талантливым, художественно совершенным выражением мизантропического восприятия жизни самим поэтом?» Интересно проследить за тем, подтверждаются ли историей России мрачные предсказания Лермонтова, действительно ли его «поколение», даже в период зрелости, не говоря уже о жизненном итоге, которого он просто не сумел дожить, оказалось настолько несостоятельным?

Представляется, что с большой долей вероятности точность «прогнозов» Лермонтова можно определить, если под данным углом зрения попытаться осмыслить судьбы героев одного из самых противоречивых, полемичных, в чем-то — даже самых скандальных, произведений русской литературы второй половины XIX века. Это произведение достаточно объективно, в реалистической манере, с глубоким психологизмом, представляет читателям жизненные достижения «поколения» Лермонтова именно в тот период, когда пик жизни этими людьми уже пройден, когда они могут и должны подводить итоги жизни, потому как (возраст таков!) они уже «едут с ярмарки». Имеются в виду роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и герои, которые как раз и относятся к поколению «отцов», как называет их автор романа.

Однако есть ли у нас основания рассматривать героев Тургенева как представителей «поколения» Лермонтова? Напомним, что действие романа Тургенева начинается 20-го мая 1859-го года. На момент начала действия романа Николаю Петровичу Кирсанову, отцу Аркадия, сорок четыре года. Даже если допустить, что ко времени начала действия романа он отпраздновал день рождения, получается, что родился он в 1815-м году. Или же в 1814-м, но тогда он может считаться самым настоящим ровесником Лермонтова. Как бы там ни было, но Николай Петрович Кирсанов, его родной брат Павел Петрович, «вышедший в полк» офицером тогда, когда младшему брату исполнилось 18 лет, и Матвей Ильич Колязин, сын их двоюродного дяди со стороны матери, могут считаться людьми одного поколения. И это — «поколение» Лермонтова, «грядущее» которого он изобразил в стихотворении «Дума», тогда как Тургенев в своем романе описывал самую что ни на есть повседневность периода жизненной зрелости этого поколения.

Еще одно подтверждение того, что время — категория весьма и весьма относительная?

Кроме того, братья Кирсановы и Колязин — это люди, которые объективно принадлежали к «кругу» Лермонтова: Павел Петрович — блестящий офицер, его брат — образованный молодой человек, «кандидат», окончивший университет, отец Колязина был «важным чиновником», по стопам которого весьма успешно (если иметь в виду карьерный рост) пошел сын.

Полагаем, приведенные выше соображения дают основания утверждать, что на-

званных героев романа Тургенева мы имеем право рассматривать как достаточно типичных представителей «поколения» Лермонтова с целью выяснения, насколько нарисованное поэтом в стихотворении «Дума» «грядущее» этого «поколения» подтвердилось или не подтвердилось в судьбах героев.

Что же касается, так сказать, непосредственных «обвинений», которые были предъявлены Лермонтовым себе и современникам, то важнейшим, вероятно, следует признать то, что поэт укоряет свое «поколение» в бессмысленности, бесцельности существования, в отсутствии общественно значимых целей и общественно полезной деятельности как в жизни каждого, так и «поколения» в целом. «Постыдное равнодушие» к добру и злу, «презренное рабство» перед сильными мира сего, перед властью, неумение оставить достойный «след» в жизни своего народа,— все это, считает автор стихотворения, было следствием отсутствия гражданской позиции, готовности жить, в первую очередь руководствуясь кодексом поведения «гражданина». Автор убежден, что «потомок», будучи в первую очередь «гражданином», будет иметь моральное право для того, чтобы «оскорбить презрительным стихом» память о предшественниках, их «прах».

Соответственно, именно под углом зрения наличия-отсутствия гражданской позиции и всего того, что связано с ней, будут рассмотрены герои романа Тургенева.

Руководствуясь критерием гражданской позиции, необходимости служения обществу, начать рассмотрение образов-персонажей надо с Матвея Ильича Колязина, потому что он «метит в государственные люди», довольно важный чиновник, представляющий в романе «власть». У таких людей — теоретически — имеется намного больше возможностей быть настоящим «гражданами», чем у обычных граждан, потому что, имея власть, они могут и должны разумно использовать ее, проявлять свою гражданскую позицию в конкретных делах, направленных на обеспечение процветания общества.

Кстати, Колязина можно считать, назовем его так, «младшим» представителем «поколения» Лермонтова, потому что ему, как указывает автор, во время описанных в романе событий «недавно минуло сорок лет». Значит, он был несколько моложе Николая Петровича Кирсанова, но, скорее всего, на основании этого все же нет причин не относить его к этому же поколению.

Отличительной чертой личности чиновника Колязина автор считает следующее его отношение к себе: «Он имел о себе самое высокое мнение, тщеславие его не знало границ...»

Гипертрофированное самомнение, как показывает автор, сочетается у Матвея Ильича Колязина с показной скромностью и даже некоторой демократичностью поведения, которые он охотно демонстрирует тогда, когда это ему выгодно. Ревниво следя за тем, чтобы в дремучей провинции, в которой уже само его появление в качестве высокопоставленного столичного «ревизора» вызывает трепет, к нему относились с соответствующим почтением, Матвей Ильич одновременно изображает из себя просвещенного либерала, если не сказать демократа. Его поведение и на балу, который, не будем об этом забывать, губернское начальство устраивает как раз в его честь, и в приватном общении с таким себе «бедным родственником» Аркадием Кирсановым убеждает читателя в том, что эгоцентризм и лицемерие этого чиновника составляют основу его личности.

Характерно, что при этом Матвей Ильич иногда настолько «заигрывается» (вспомним его поведение на балу, когда он успевает каждому из гостей сказать «доброе», хотя и не всегда понятное, слово), что, складывается впечатление, сам начинает верить в произносимые им высокопарные фразы.

Однако для чиновника, а тем паче — для государственного деятеля, представляющего в глазах окружающих «власть», определяющим моментом при оценке его личности являются все же профессиональные качества, конкретные результаты его деятель-

ности. Идеальных людей не бывает, не случайно тот же Пушкин, прекрасно знавший высший свет и его людей, некогда снисходительно заметил: «Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей». К слову, для определенных людей показное или преувеличенное восхищение окружающих их достоинствами может стать своеобразным импульсом, такое отношение к ним может заставить подобных людей трудиться более активно. Потому-то гипертрофированное самомнение в некоторых случаях оказывается не таким уж и плохим качеством личности, стремящейся с помощью реальных достижений доказать окружающим, что она и в самом деле превосходит всех.

Иначе говоря, если бы эта, без преувеличения, стержневая черта личности чиновника Колязина помогала ему быть подлинным «гражданином» в поступках, которые он обязан был совершать «по должности», за Матвея Ильича можно было бы только порадоваться.

К сожалению для героя, автор изображает его как псевдогосударственного деятеля, весьма талантливого приспособленца, который не стремится быть достойным «гражданином», не стремится принести пользу своему народу и стране, зато сосредоточил все силы на достижении личного блага, на достижении личных, ничего общего с пониманием «гражданственности» не имеющих, целей. Знакомя читателей с Матвеем Ильичом, автор делает вывод: «Он был ловкий придворный, большой хитрец, и больше ничего; в делах толку не знал, ума не имел, а умел вести свои собственные дела: тут уж никто не мог его оседлать, а ведь это главное».

Разумеется, автор не дает нам возможность увидеть путь становления (или деградации?) Матвея Колязина, однако представленный им герой однозначно не может считаться положительным. Самым неприемлемым с точки зрения общественной морали необходимо признать то, что этот недалекий дилетант, обладающий хитростью и беспринципностью, обязан был служить «общественному благу», но вместо этого занимался устройством собственных дел. То, что Матвей Ильич Колязин преуспевает, подчеркивает несовершенство общества, в котором такие люди преуспевают,— но ведь это же одновременно и подтверждает «предсказание» Лермонтова?

Вот и получается, что этот типичный представитель «поколения» Лермонтова, несмотря на свою бурную деятельность, все-таки, как и было предсказано, «состарится в бездействии», потому что пользы от его «активности» никому, кроме него самого, нет.

Вторым представителем «поколения» Лермонтова, которого можно назвать «старшим представителем», является старший брат Николая Петровича. Павел Петрович Кирсанов — это человек, которого можно назвать блестящим представителем «золотой молодежи» эпохи Лермонтова, тем интереснее понять, как и почему он превратился в, как его называет автор, «мертвеца».

Павел Кирсанов являет собой классический пример человека, который стал жертвой сочетания в его жизни двух факторов: нешуточных страстей и стечения обстоятельств. Блестящее будущее, которое ожидало молодого офицера, оказалось уничтожено роковой встречей с роковой женщиной, после чего страсть стала смыслом жизни Павла Петровича. Вспоминая «Думу», можно сделать предположение, что Павел Кирсанов пошел вразрез с принятыми в его среде нормами поведения, нарушил правило, которое гласило, что подлинное чувство в этой среде недопустимо. «Неверием осмеянные страсти» стали главным в жизни этого человека, и противостоять им Павел Петрович не сумел.

Конечно, можно говорить о том, что образ Павла Петровича, если рассматривать изображение писателем подавления его личности роковой страстью, во многом автобиографичен, ведь сам Тургенев прекрасно знал, что такое всепоглощающая страсть, во что она может превратить душу человека. В то же время и Тургенев-человек, и Тургенев-писатель сумели реализовать свой потенциал, общепризнанно, что отношения с Полиной Виардо благотворно сказались на личности Тургенева и его творческих достижениях.

Как человек, чувство которого фактически осталось без ответа, над чувством которого надсмеялись, Павел Петрович, бесспорно, заслуживает сочувствия. Его стремление сохранить чувство собственного достоинства, с помощью внешних признаков сохранить привычный для него образ жизни, умение «поставить» себя так, что окружающие, даже если они его и не уважают, считаются с ним как личностью, заслуживает всяческого уважения. Его бескомпромиссное, отчаянное противостояние в споре с Базаровым, на наш взгляд, в основе своей имеет не столько социальные, сколько психологические причины*, однако финал этого противостояния еще более убедительно подчеркивает жизненный крах некогда блестящего молодого человека.

Можно сказать, что жизненный крах Павла Кирсанова предопределен тем, что этот человек «проиграл» сам себе, тому человеческому чувству (любви), которое в его среде считалось недопустимым. Не «остаток чувства», которое, по словам Лермонтова, он и люди его «поколения» могут лишь «жадно беречь в душе», а именно Любовь определили жизнь и крах Павла Петровича Кирсанова. Это и в самом деле было всепоглощающее, в чем-то похожее на неизлечимую болезнь, чувство, избавить человека от которого может только смерть.

Особый трагизм образ Павла Петровича приобретает еще и потому, что женщина, которая напоминает ему умершую возлюбленную, которая воскрешает в его душе чувство любви,— это Фенечка, любимая женщина его брата, мать его племянника. Будучи бесконечно одиноким человеком, он никому не может признаться в этом чувстве, пугая Фенечку своим странным, не поддающимся объяснению, отношением к ней и озадачивая этим же Николая Петровича.

Будучи порядочным человеком, Павел Петрович, в отличие от Базарова, никак не проявляет свое чувство, не старается разрушить отношения брата и его любимой женщины. Более того, старший из братьев вступается за честь Фенечки тогда, когда раздосадованный своим фиаско в отношениях с Одинцовой Базаров ведет себя просто, надо назвать вещи своими именами, подло по отношению к ней. Конечно, сама дуэль описана автором с изрядной долей иронии, однако нельзя отрицать, что Павел Петрович заставляет Базарова принять в ней участие, заставляет молодого нигилиста ответить за свое, в данной ситуации абсолютно аморальное, поведение. Такой поступок требует от немолодого уже человека мужества, и здесь Павел Петрович доказывает, что он обладает мужеством.

К сожалению, финал романа убеждает нас в том, что Павел Петрович Кирсанов — это человек, жизнь которого заканчивается, как и проходила, абсолютно бессмысленно. Незаурядная личность, перед которой открывались большие возможности, он так и остался неудачником, для которого вершиной жизненного успеха стало умение заставить всех считаться с собой, навязать себя окружающим в качестве человека, внешность и поведение которого могут служить своего рода эталоном, но который сам по себе не вызывает желания общаться, не вызывает по отношению к себе теплых, подлинно человеческих чувств.

Тем не менее, как отмечалось, Павел Петрович все-таки вызывает сочувствие, читатель во многих моментах сопереживает ему, в конечном итоге даже становится обидно из-за того, что столь незаурядная личность так и не сумела себя реализовать в жизни. Пожалуй, формула Лермонтова «в бездействии состарится оно» всего более подходит для характеристики образа Павла Петровича Кирсанова, для определения того, чем заканчивается его жизнь.

Глубокие чувства, подлинная страсть не могут компенсировать человеку отсут-

---

* Об этом аспекте непримиримого и неизбежного в условиях изображенного в романе «Отцы и дети» общества противостояния Павла Кирсанова и Евгения Базарова рассказано в специальной статье: Г л а д ы ш е в В. В., О з а р и н с к и й С. В. Видеть живые лица героев. Психологическая характеристика художественных образов героев романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Русская словесность в школах Украины.— 2002.— № 5.— С. 46— 49.

ствие главного в жизни — активной деятельности на благо общества, и отсутствие этого делает жизнь бессмысленной.

Наиболее «близким» по возрасту к самому Лермонтову, едва ли не «абсолютным» его ровесником является, как отмечалось, Николай Петрович Кирсанов. Но — если подходить к этому объективно, руководствуясь критерием «гражданственности»,— как раз он-то вроде бы и не может быть отнесен к тому «поколению», о «грядущем» которого размышлял поэт. Причиной этого являются обстоятельства личного характера, особенности личности Николая Петровича, его образа жизни.

Всю жизнь младший из братьев Кирсановых был человеком тихим и незаметным, никогда не служил ни по военному ведомству (по причине хромоты), ни по статскому, хотя и получил достаточное образование и даже недолго состоял в одном из министерств. Примерно в то самое время, когда Лермонтовым было написано стихотворение «Дума» (как следует из текста романа, произошло это около 1837 года), переселившийся в деревню Николай Петрович «блаженствовал» там с любимой супругой. Молодые родители трогательно относились друг к другу, они уделяли все время семье и сыну Аркадию, само имя которого, можно предположить, символизировало собой «тихое» счастье молодой семьи.

Ранняя женитьба и последовавшая за ней счастливая семейная жизнь окончательно сделали Николая Петровича сугубо домашним человеком, все жизненные интересы которого ограничивались интересами близких ему людей, семьей и всем тем, что было с ней связано. После смерти жены, когда, как пишет автор, «он едва вынес этот удар», Николай Петрович посвятил свою жизнь воспитанию сына. Для того чтобы сын мог получить должное образование, нужно было иметь определенные средства, поэтому Николаю Петровичу пришлось вплотную заняться «фермой», как он называл имение. Когда же сын стал студентом, Николай Петрович каждую зиму, исключая последний год обучения Аркадия, жил в Петербурге, однако образ жизни вел замкнутый, интересуясь только знакомыми сына, стараясь понять их идеи, то влияние, которые эта среда оказывала на Аркадия.

Сентиментальный, нерешительный, добрый, любящий природу и искусство, «седой, пухленький и немного сгорбленный», болезненно переживающий влияние Базарова на Аркадия,— таким предстает в романе Николай Петрович Кирсанов. Хозяйством он тяготится, хотя «ферма» и отнимает у него много сил, но приносит несопоставимо меньше средств, а по отношению к сыну он чувствует вину из-за того, что в его жизни есть женщина, ставшая матерью его ребенка... Казалось бы, этот образ для «потомка-гражданина» не представляет особого значения, так как мы видим частную жизнь обычного человека, не помышляющего о благе государства.

На наш взгляд, образ Николая Петровича Кирсанова — это наиболее глубокое, полное и убедительное «опровержение» высказанного в стихотворении «предсказания» Лермонтова относительно бессмысленности существования его «поколения». Попробуем это доказать.

Во-первых, и это самое главное, в Николае Петровиче Кирсанове — единственном из представленных в романе представителей поколения «отцов»! — доминирует созидательное начало. «Нигилизм» в той или иной степени присущ не только Базарову, но и Павлу Кирсанову, и Матвею Колязину, которые просто не понимают, что любое разрушение преступно, если целью его не является последующее созидание. Павел Петрович разрушил собственную жизнь, Матвей Колязин губит все, чем он занимается по службе, тогда как Николай Петрович созидает. Примечательно, что он созидал всегда, начиная с создания собственной счастливой семьи, сейчас же в его жизни огромное значение «ферма», которая отнимает у него силы и здоровье, но в конце концов начинает приносить приличный доход.

Совсем даже не случайно во время ожесточенного спора Базарова и Павла Петровича Николай Петрович, который всего более был озабочен отношением к этому

спору сына, замечает: «Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить». Зная на собственном опыте, насколько тяжело «строить», он, тем не менее, видит цель жизни именно в этом. И именно такая жизненная позиция, как убеждает нас сюжет произведения, представляется наиболее достойной, наиболее гражданственной, наиболее нравственной, наиболее убедительной. Доказательством последнего может служить тот факт, что Аркадий, как мы узнаем в конце романа, с большим желанием помогает отцу, сделавшись, как говорит об этом автор, «рьяным хозяином».

Во-вторых, Николай Петрович Кирсанов не просто активно трудится, он оставляет после себя наследников, которые, и с этим вряд ли кто станет спорить, будут продолжать его дело. Об отношении Аркадия к хозяйству только что говорилось, однако совсем даже не случайно он «отходит» от Базарова и разделяет жизненную позицию отца. Уже в самом начала романа, сидя рядом с отцом в коляске и видя «обтерханных мужичков» на «плохих клячонках», встречающихся ему на пути домой, Аркадий Кирсанов задается вопросом о будущем и этого, ему родного, края, и России: «…небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя, нельзя ему так остаться, преобразования необходимы… но как их исполнить, как приступить?..»

Не нигилистическое «место расчистить» Базарова, а забота о будущем определяют мировосприятие Аркадия Кирсанова, и надолго отойти от своего предназначения он не может, каким бы сильным, в чем-то даже подавляющим ни было на него влияние по-настоящему сильной личности Базарова. Очевидно, что такое отношение Аркадия к жизни стало следствием отцовского воспитания, поэтому говорить о бессмысленности жизни Николая Петровича Кирсанова не представляется возможным.

Можно сделать вывод, что образ Николая Петровича Кирсанова полностью опровергает пессимистический «прогноз» поэта Лермонтова о бессмысленности существования его «поколения». Так происходит потому, что этот человек, принадлежа по возрасту к «поколению» Лермонтова, изначально исповедовал совершенно иные жизненные ценности, строил свою жизнь, сосредоточив внимание на личном счастье.

Как выяснилось, именно такая жизненная позиции является наиболее «гражданственной», именно путь «обустройства» своей собственной жизни является наиболее действенным способом служения обществу.

Обобщая, можно сказать, что жизнь Николая Петровича Кирсанова — это пример эволюционного пути развития общества, наиболее сложного, самого незаметного, но единственного пути реального улучшения жизни. Революционные изменения чреваты катаклизмами, которые не в состоянии обеспечить устойчивое развитие общества и рано или поздно приводят к его деградации и краху.

…Так оказался ли прав Лермонтов в своих «предсказаниях» относительно судьбы своего «поколения»?

В чем-то — безусловно, и судьбы Матвея Колязина и Павла Кирсанова это подтверждают.

В чем-то гениальный поэт ошибался, и подтверждением тому может служить история жизни Николая Петровича Кирсанова.

Как бы там ни было, «абсолютных победителей» в жизни нет и быть не может, а «ошибки» гениев иногда значительно важнее, чем сомнительные «достижения» посредственностей.

Безусловно, и сам Лермонтов, и его «поколение» — это неотъемлемая часть истории и литературы, поэтому обращение к Тургеневу может оказаться полезным для постижения диалектики художественного творчества лучших писателей мировой литературы.

Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

МОЩЬ ТАЛАНТА

Наш постоянный автор.

«Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас»

И. С. Тургенев

«И. С. Тургенев — один из самых удивительных русских писателей, который с гениальной прозорливостью и чуткостью видел Русь как даровитейший народ, обладающий высокой нравственной силой»

Ф. В. Гладков. Из письма в музей. 1958 г.

Мы все учились на произведениях Ивана Сергеевича. И не только мы. А. Н. Толстой искренне признавался, что «был воспитан на Тургеневе». О творчестве И. В. Тургенева очень высоко отзывались многие наши известные русские писатели и поэты — В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Ф. И. Тютчев, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Короленко, А. А. Фадеев и многие другие. И не только наши...

«*...Гениальный романист, изъездивший весь свет, знавший всех великих людей своего века, прочитавший все, что только в силах прочитать человек, и говоривший на всех языках Европы так же свободно, как на своем родном*» (Ги де Мопассан. Иван Тургенев).

Д. Голсуорси в свое время писал, что «если теперь английский роман обладает какими-то манерами и изяществом, то этим он прежде всего обязан Тургеневу». Да-да. Для Г. Флобера Тургенев тоже являлся мэтром. Немало добрых и теплых слов в адрес великого русского писателя нашлось у Э. и Ж. де Гонкур, П. Мериме, Джона Рида. Х. Бойсссн вообще писал, что «в настоящее время Россия опередила Америку — ибо у нас нет Тургенева». Вот так вот! Человек-эпоха. Ни больше, и не меньше...

Кроме всего прочего, Иван Сергеевич писал и интересные комедии, пьесы. Например, «Нахлебник», «Месяц в деревне». И не только. И не забываем о постоянных претензиях и придирках озабоченной имперской цензуры той поры. Тем не менее, театральные постановки этих пьес идут до сих пор. По свидетельству современников, некоторые ситуации и образы «Месяца в деревне» носят автобиографический характер. А как же иначе?

И что мы имеем на сдачу? Это безумное «Реалити-шоу Дом 2 онлайн»? С ума сойти можно! И риторический вопрос: куда сейчас катится мир?!

Писал Тургенев и стихи о чистой и идеальной женской любви:

Как будто сердцем я воскрес
И волю дал слезам,
И, задыхаясь, в темный лес
Бегу по вечерам...
Как будто я люблю, любим,
Как будто ночь близка...
И тополь под окном одним
Кивает мне слегка...

И. С. Тургенев
«Откуда веет тишиной?»

Чудесное стихотворение, не правда ли? Каждая строка здесь продумана и прочувствована автором. Невозможно не отдать должное мастерству исполнения. В том числе и изумительным разнородным рифмам: воскрес/лес, близка/слегка, любим/одним. Необыкновенный поэтический талант полностью раскрылся и в поэме Тургенева «Параша». Белинский тогда прямо подчеркивал: «Этот род поэзии гораздо труднее лирической, ибо требует не ощущений и чувств мимолетных, которые могут быть у многих, но и дара поэзии, и образованного, умного взгляда на жизнь, что бывает очень не у многих». Есть версия, что «Параша» написана и под воздействием влияния «Фауста» Гете. Может быть, и так...

Но наибольшую известность и истинную славу в мировой и отечественной литературе ему принесли его до сих пор актуальные, весьма живописные и реалистичные по своей сути романы, повести и рассказы, которые по праву принадлежат к шедеврам не только русской, но и мировой классики.

Не буду вдаваться в детальный анализ поистине знакового романа «Отцы и дети», ибо анализам этим несть числа, но думаю, что Тургенев прав и в том, что нельзя отрицать прошлое, ведь без прошлого нет будущего. В том, что это и извечная проблема двух поколений. Всех времен и народов. Отцы не понимают сыновей, сыновья — своих отцов. Они и живут по-разному. Дети совершенно не ценят искусство, музыку, поэзию. Мало того, скатываются в поле правового нигилизма и идут еще дальше — вообще не признают никаких авторитетов, никаких принципов. Они совершенно искренне считают, что все старое следует уничтожить и на его месте построить новое. А это чревато весьма серьезными последствиями. Понятно, что и сам Тургенев не разделяет таких радикальных взглядов подрастающего поколения, но, тем не менее, испытывает к своему главному лирическому герою вполне искреннюю жалость. Тем более, смерть равняет всех:

«*Евгений Базаров похоронен в этой могиле. К ней из недалекой деревушки часто приходят два уже дряхлых старичка — муж с женою. Поддерживая друг друга, идут они отяжелевшею походкой; приблизятся к ограде, припадут и станут на колени, и долго и горько плачут, и долго и внимательно смотрят на немой камень, под которым лежит их сын; поменяются коротким словом, пыль смахнут с камня да ветку елки поправят, и снова молятся, и не могут покинуть это место, откуда им как будто ближе до их сына, до воспоминаний о нем... Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нет!*» (И. С. Тургенев «Отцы и дети»).

Скорбь отца и матери безмерна. Однако... Ничего не напоминает? Они же дети... как же так? А как же любовь к Родине, родителям, женщине? Актуально, как никогда, не правда ли? Тем более, сейчас мы точно знаем, к чему все это приводит в итоге

на примере одной соседней страны. Печально весьма сие. Поистине, нет пророков в своем Отечестве...

Грех не упомянуть и хрестоматийные «Записки охотника» из двадцати пяти интереснейших рассказов, где Иван Сергеевич повествует о встречах с самыми разными людьми во время своих охотничьих скитаний. Как писал в свое время М. М. Пришвин: «Мы были наследниками прекрасной точки зрения Тургенева на простой народ». Спутниками писателя на охоте были Лев и Николай Толстые, Н. Некрасов, А. Фет. И все это неразрывно переплетается с потрясающими картинами русской природы:

«*Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно-лучезарное — мирно всплывает из-под узкой и длинной тучки, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний тонкий край растянутого облачка засверкает змейками, блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи,— и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно-разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места: далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой*» (И. С. Тургенев. Бежин луг (Из «Записок охотника»).

Согласитесь, что по проникновенным описаниям пейзажей и времен года до сих пор трудно найти Тургеневу равных. Да я и сам весьма обожаю «тихую охоту», без единого выстрела, так сказать, ибо с детских лет являюсь заядлым грибником. Нужно лишь просто выбрать время и сходить по грибы, слушать там звуки леса, крики птиц, шелест опавшей листвы. В «тихой охоте» важен сам процесс общения с природой и наслаждения ее красотами. Бывает, что и стишатами-малышатами «балуюсь» по ходу дела. Но это, как говорится, на любителя. Ну, например:

Ложный белый есть нельзя! —
С желчью — дело худо:
Горький вкус, увы, друзья,
Все испортит блюдо!

Вот и первые сморчки —
Вдоль дороги, на лужайке.
Пусть и с виду чудаки —
Пригодятся в суп хозяйке!

Фиолетовых рядовок
Паутинная вуаль.
Аромат лесных кладовок —
Маринуй, соли, да жарь!

Этим летом видел снова
То ль копыто, то ль подкову...
На березе тридцать лет
Трутовик встречал рассвет!

Я — овечка, коровяк,
Гриб коровий, звать: козляк!
Вырос рядом под сосной —
Брат масленка я родной!

Гляньте! — Сколько говорушек —
Для людей и для зверушек!
Только будьте осторожны:
Отравиться тоже можно!

Что нам делать, повтори? —
«Не уверен — не бери!»
Вот и ложные опята
Брать нельзя совсем, ребята!

Загрустили две свинушки —
Неразлучные подружки:
Виноваты без вины! —
Никому мы не нужны...

С сентября и по ноябрь
Холодает... Лес озяб.
Вот и спрятала в песочек
Ножки зеленушек Осень!

А. Савостьянов
Из цикла «Сыроежкина сказка»

Впрочем, и охотники бывают разные. Невольно вспоминается дикая охота на американском континенте, где в самые кратчайшие сроки было истреблено 75 миллионов бизонов. Животных, конечно, очень жалко. Людей еще больше. И чему удивляться, если в результате массового истребления американских индейцев было уничтожено 95 из 114 миллионов коренных жителей нынешних территорий США и Канады? Изверги, одним словом...

По мотивам бессмертных тургеневских произведений были сняты и многие замечательные советские фильмы: «Отцы и дети», «Первая любовь», «Дворянское гнездо», «Муму», «Фауст», «Накануне», «Ася», «Затишье». Всего сразу так и не упомнишь, конечно. На мой скромный взгляд именно советский кинематограф был самый лучший и остается им до сих пор. Понимание этого пришло, правда, несколько позже и задним умом, как говорится. В лихих девяностых, когда на наши телеэкраны хлынул поток низкопробных голливудских боевиков типа «Разборки в маленьком Токио» и тому подобных закордонных ужасов с бесконечным насилием и океанами крови. А советские фильмы до сих пор будоражат наши сердца и всегда производят огромное впечатление. Тем паче, любимых советских режиссеров и актеров — великое множество. Голливуд отдыхает...

В наше жестокое время почти весь окружающий нас мир заполонили кошмарные заокеанские комиксы, сумасшедшие до неприличия карикатуры зарубежных журналов типа пресловутого «Шарли Эбдо», бесчеловечные компьютерные игры на грани безумия. Страшно смотреть, как многие доморощенные геймеры попросту превращаются в пресловутых зомби и запросто сходят с ума. И не только. Чего стоит широко известная игра «Синий Кит». Название вполне дружелюбное. Но за милым и без-

обидным названием таится страшная опасность, где наших детей путем психологической обработки (давая нелепые, на первый взгляд, задания) побуждают к суициду. Судя по источникам в интернете и в средствах массовой информации, погибло очень много детей...

Что же делать? Как не оказаться в плену этого всеобщего безумия? Вспомните о хорошем. Искренне. Я не шучу. Русский мир породил немало великих поэтов, писателей и художников. Им просто несть числа! Кстати, о художниках. Очень уж мне глянулся один портрет Ивана Сергеевича. Чтобы полностью охватить идею Ильи Репина, стоит посмотреть на внешность Тургенева: «Вы увидите в его глазах мудрость, и грусть, и уверенность, но основным качеством является спокойствие». Именно спокойствие. Поэтому унывать не стоит. Достаньте с полок ваших шкафов томики стихов Пушкина и Есенина, Цветаевой и Ахматовой. Читайте старые добрые русские сказки. Где Добро непременно побеждает Зло. Читайте бессмертную во все времена русскую классику! Читайте Гоголя и Достоевского, Чехова и Толстого. У нас поистине богатый выбор. Это точно. Читайте потрясающую романтичную прозу и трепетные стихотворения Ивана Сергеевича Тургенева.

Смерть ли я вспомнил? иль жаль мне моей
Жизни, изгаженной роком?
Тихо ямщик мой запел — и темней
Стало на небе широком.

И. С. Тургенев
«Долгие, белые тучи плывут...»

Произведения Тургенева рекомендуются для учащихся выпускных классов, абитуриентов и учителей. И для многих других благодарных читателей. Книги Ивана Сергеевича всегда будут востребованы, как мне кажется. И не только в России. Тем более, именно он являлся истинным сподвижником и пропагандистом русской литературы и драматургии на Западе. А это дорогого стоит. Еще при жизни Тургенева его романы и повести были переведены на многие европейские языки: немецкий, английский, шведский. Например, в Англии были переведены «Записки охотника», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Новь». Имелось несколько французских переводов повести «Ася». Так на то он и классик.

Светлая ему память...

Красота спасет мир. Лично я в это очень даже верю.

И. Е. Репин. Портрет И.С. Тургенева (1879). Место нахождения: Санкт-Петербург. Русский музей (Россия). Техника изобразительного искусства: Масло

Людмила Алтунина
(г. Тула)

МОЙ ТУРГЕНЕВ
(Почему я читаю И. С. Тургенева)

Наш постоянный автор.

Среди русских писателей-классиков, которых читаю-перечитываю, И. С. Тургенев, как и А. С. Пушкин, занимает особое место. Я подружилась с ними еще в школьные годы, прошедшие в Сибири, в Горном Алтае.

У Марины Цветаевой есть поэтическая проза — «Мой Пушкин». У меня тоже есть «мой» Пушкин. Есть и «мой» Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали мне как бы родными людьми. Настольными для меня были тогда — наряду с пушкинскими и тургеневскими произведениями — «Записки охотника», «Накануне», «Ася», «Вешние воды», «Рудин», «Му-Му», «Стихотворения в прозе»,— книги француза Антуана де Сент-Экзюпери и американца Эрнеста Хемингуэя, прежде всего — «Старик и море», но И. С. Тургенев по жизни — всегда рядом со мной и до сего времени.

Еще в восьмом классе записалась я на факультатив по литературе, который вела моя любимая учительница Г. А. Голова. И мой первый доклад, полностью подготовленный самостоятельно, был по роману «Рудин»,— сама выбрала эту тему. Доклад удался. Помнится, даже с телевидения из г. Бийск приезжали снимать наши занятия на факультативе и мое выступление с этим докладом.

После прочтения романа «Накануне», благодаря яркому образу главного героя, болгарского эмигранта-патриота Инсарова, деятельного, волевого, мне очень полюбились болгары. И когда, спустя годы, была в Болгарии, очень тепло воспринимала их именно через его личность.

Но особенно близки мне стали «Записки охотника», прежде всего рассказы «Бежин луг» и «Хорь и Калиныч», потому что в них я нашла как бы знакомых мне людей — сибиряков. Вон он, Калиныч,— один наш сосед; Хорь — другой: очень похожи на тургеневских. А мальчишки из «Бежина луга» — это мой старший брат Володя и его друзья. Они так же жгут вечерами костры на берегу реки Маймы, где мы всегда купаемся, или у подножия горы Камушек, рассказывают разные истории, порой такие жуткие, что потом поодиночке боимся идти домой темными переулками.

Да и сцены охоты, описание утренней «тяги»,— все это мне было так знакомо: мой отец тоже был заядлым охотником. Охотился не только на крупного зверя в тайге и в горах, но и на дичь: уток-чирков, гусей, вальдшнепов, тетеревов. Иногда зимой даже нас с братом брал на катунские острова пострелять и «почитать» на снегу следы зверюшек и птиц. Так что герои тургеневских рассказов для меня — не только реальны, «списанные» с простых людей, но и вполне узнаваемы.

Мой самый первый студенческий друг появился тоже благодаря Тургеневу. Я сидела в библиотеке, недалеко от студенческого общежития, где жила, будучи абитуриенткой, и готовилась к вступительным экзаменам по устной литературе. Рядом под-

сел симпатичный парень. Познакомились. Оказалось, он после службы в армии и учебы на подготовительном отделении университета, уже закончил первый курс журфака. После летней сессии уехал пораньше на стройку в составе ССО (студенческого строительного отряда),— реконструировали вокзал на крупной железнодорожной станции Агрыз, что в Татарии. Приехал пересдавать русскую литературу и в данный момент штудировал произведения Тургенева. Он обратился ко мне с просьбой помочь ему разобраться в вопросе о типичности и личностных индивидуальности и своеобразии Хоря и Калиныча из «Записок охотника», как представителей российского крестьянства (дословно формулировки вопроса не помню, но суть его именно такая). С тургеневскими героями,— не только с этими, но и с другими, прихватив и романы «Отцы и дети» и «Накануне»,— мы долго разбирались вместе. Потом вместе пошли в студенческую столовку, там он познакомил меня со своими друзьями с журфака, к которым мы подсели за стол, и наша дружба завязалась на все студенческие годы.

В Казанском госуниверситете на устных вступительных экзаменах по литературе дополнительный вопрос мне был задан как раз по «Запискам охотника»: народность на примере, в частности, рассказа «Хорь и Калиныч». Вот такое совпадение. В итоге литературу сдала на «отлично».

...Недавно так захотелось почитать что-то для души, наше, русское; подошла к книжному шкафу, пробежала глазами корешки книг. И рука тут же потянулась к тургеневским «Избранным произведениям» (с его юбилеем это никак не связано — просто мне захотелось почитать именно его) — зачитанная книжица 1972 года выпуска, местного, «Приокского книжного издательства», в мягком переплете. Перелистываю пожелтевшие страницы, и сердце мое откликается тихим ликованием: «Ага! Вот оно — заветное! Вернусь-ка я — в который-то раз! — к «Бежину лугу». Читаю с затаенной радостью: как все описываемое правдиво и близко сердцу моему! И как художественно, лирично, образно показано автором, будто я сама прошлась по тому росистому, сумеречному лугу, посидела с крестьянскими ребятишками у костра, послушала их разговоры со страхами — суевериями.

Взять хотя бы вот эти строки: *«...Казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с высоты лилась темнота... ...Все кругом быстро чернело и утихало, одни перепела изредка кричали... ...поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе... ...Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем...*

...Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной. Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее теченье. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом под самой кручью холма красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы... Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина Луга...».

Какая поэтическая лиричность в прозе! Какая гармония слога! Как точно и сокровенно передано состояние и природы, и человека! Какая простота и вместе с тем изысканность стиля! И какая рускость в этом языке! Это же — словесная музыка. Переставь хотя бы пару слов, и лад, гармония, целостность картины нарушатся. Простые русские слова, филигранной вязью сплетенные в предложения, звучат как лиричная, трепетная, трогательная и изысканная музыка высших сфер, рождающая в душе способного уловить ее ответные трепетные и высокие чувства, ложатся бальзамом на душу. Для меня тургеневское слово поистине целительно.

...Минувшим летом стояла я на смотровой площадке, что в родовой усадьбе великого поэта В. А. Жуковского, близ села Мишенское Белевского района Тульской области, недалеко от его бюста, с сердечным замиранием глядя на громадную впадину, развернувшуюся прямо передо мной, а за нею — на необъятную ширь, раскинувшуюся в буйстве сочной изумрудной августовской зелени на все стороны до самого синего горизонта, невольно вспоминала Тургенева, ассоциируя увиденное с его описанием Бежина Луга.

И опять же думала о том, что вот это и есть первозданная Русь, какой видели и запечатлели ее в своем творчестве гениальные русские поэты и писатели,— великая, мощная, необозримая и необъяснимая,— один вид просторов которой рождает в душе и трепет, и нежность, и патриотические чувства — точно также, как творчество И. С. Тургенева — истинно русского нашего писателя, сумевшего словом столь искусно и зримо распахнуть эту русскую ширь и человеческую душу перед взором читающего его.

...В августе прошлого года, после очередного обращения к Тургеневу, я, желая тут же поделиться переполняющими меня сокровенными чувствами, вызванными его творчеством, написала мужу, находящемуся в отъезде: *«Вот только что перечитала Тургенева — «Записки охотника», в т.ч. рассказ «Бежин луг» и др. Это, конечно, не просто талантливо: «...там Русь, там Русью пахнет...», как сказал Пушкин. Удивительно: как им, дворянам, удавалось так глубоко проникать в крестьянскую душу и жизнь?! Без любви к ближнему, к тому же крепостному крестьянину, дворовому, так не напишешь. А тургеневская природа! Она осязаема, объемна: ты словно сам бредешь теми росными лугами, смотришь на тот восход или закат. Кто-то ныне говорит, что Тургенев слащав, уныл, не динамичен в наш динамичный век; в общем, устарел и ничего уже не может дать современному читателю. Нет, это вовсе не так! Даже если бы он написал только «Записки охотника», все равно он был бы классиком. Классик — это тот, на мой взгляд, кто глубоко и правдиво погружает читателя в свою эпоху, передает ее образно, зримо, осязаемо в деталях, характерах, поступках, душевно-психологических и духовных проявлениях и многом-многом другом, что включает сама жизнь, что составляет духовную, нравственную сущность человека и целого народа, нации, но что, к сожалению, как-то ускользает от обывателя.*

Тургеневскими «Записками охотника» можно лечиться, как психотерапией, тем же описанием природы в «Бежином луге», его рускостью; каким-то глубинным гуманизмом, в смысле милосердия, единения и соучастия с ближним, даже вовсе не знакомым, что так характерно именно для русского человека и составляет его суть и чего так не хватает ныне. Великие наши писатели как раз и поднимали вопросы человеческого духа, выстроенные на христианской основе, прославляя фундаментальные, нетленные морально-нравственные ценности, во все времена помогающие русскому человеку преодолевать все трудности, выстоять и победить.

Даже не проповедуя открыто христианское мировоззрение, в своем отношении к ближнему, к природе, животным и всему вокруг, он — истинный православный писатель.

Все-таки как хороши наши русские классики! Во всем мире мало им равных. И как они велики! Какие социально-общественные, нравственные, духовно-психологические глыбы поднимают своим творчеством! Вот истинный пример нам, пишущим, для подражания, хотя бы приближения к ним…»

В ответ я получила от мужа следующие строки: *«Поражает меня вот что: как ты при такой глубокой погруженности в суету, в эту сумятицу буден, все еще сохранила в своей душе такое глубокое понимание и тонкое восприятие классики, того же Тургенева, его великих «Записок охотника»! Наша революционно-демократическая критика язвительно назвала их «Записками барина». Им нужны были великие потрясения, революции и войны, а Тургенев — ну да, барин, и что же в этом плохого! — Он воспевал жизнь, Россию и радость жизни в ней, на ее просторах. Он воспевал красоту, в том числе красоту и одухотворенность русских женщин. Посмотри, какие они у него красивые, внутренне и внешне! А сейчас в моде, в ходу мат, вульгарность, грубость, жестокость, злой и жесткий расчет; любви нет, есть только секс, дружбы нет, есть деловой расчет и партнерство, о сострадании и прощении и не спрашивай! Ну зачем же такому поколению нужен Тургенев?! Или даже Пушкин... Пушкина тоже не любят, считают — Пушкина-то! — примитивным. Почему? Потому что сами примитивные, с куцыми компьютерными мыслями, бараньими мозгами…»*

Жестко?! Но, думаю, во многом справедливо. Да, действительно, Тургенев воспевает жизнь в разных ее проявлениях, ее красоту, гармонию и одухотворенность; любовь в широкой трактовке этого понятия — к родине, ближнему, между мужчиной и женщиной — жертвенность во имя нее, а это никогда не устареет, потому-то в нашей семье любят его и читают.

Вообще, если говорить обобщенно и очень коротко, меня у Тургенева больше всего привлекают не только лиричность, язык и стиль его произведений, но главное,— и это даже удивляет! — насколько глубоко и искренне он, барин по происхождению, воспитанию, образу жизни, смог проникнуть во внутренний мир, психологию, быт, традиции и даже поверья и суеверия, в сам дух крестьянина — все то, что именуется народностью — и передать это в своем творчестве. Без искреннего интереса, любви, сочувственного отношения к так называемому простому человеку это просто было бы невозможно. Да, он глубоко и всесторонне показал нам не только представителей своего класса и среди них вышедшего на общественно—политическую сцену «нового человека», но и крестьянина — наиболее значительную составляющую народонаселения той, прежней, России — девяносто процентов.

И еще: тургеневское чувство родины, глубинного подлинного ее духа. Несмотря на то, что многие годы он прожил вдали от нее, за границей, где и умер, но малую, как и большую свою Родину, он всегда нес в сердце, был предан ей и верен. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении.

Примеч. авт.: *Я благодарна моей школьной учительнице русского языка и литературы Галине Александровне Головой,— светлая ей память, в расцвете лет покинувшей этот мир,— привившей любовь к отечественной литературе, в том числе и к И. С. Тургеневу, во многом поспособствовавшей пробуждению моего интереса к литературному творчеству и поддержавшей этот интерес. Когда в старших классах я делилась своей мечтой стать журналистом и поехать поступать на журфак, в университет, многие меня отговаривали: «Очень трудно поступить — огромные конкурсы, легче поступить в местный пед». Галина Александровна, наоборот, заинтересованно одобрила мое стремление: «Хороший выбор. У тебя есть к тому спо-*

собности. Усиленно готовься, и — все получится». Ее слова меня окрылили и укрепили в намеченной цели. Она подарила мне книжку «В помощь начинающему корреспонденту», которая сопровождала меня все студенческие годы, когда я училась на факультете журналистики Казанского госуниверситета, и в первые годы как молодого специалиста, пришедшего после вуза в редакцию. Своей журналистской профессии я осталась верна на всю жизнь, посвятив ей более сорока лет. А ту книгу я до сих пор храню, как память о Галине Александровне — Учителе с большой буквы. И такими были все наши учителя, многих и многих из которых ныне уже нет в живых, светлая им память.

Училась я в Горном Алтае (ныне Республика Алтай), в Майминской общеобразовательной средней школе № 1, где и преподавала Г. А. Голова и другие наши замечательные учителя. Они, несмотря на советское безбожие, дали нам гораздо большее, чем знание предметов,— христианские основы жизни: творить на земле добро, быть честными, ответственными, патриотичными, любя свою страну и свой народ, ставя во главу угла совесть и понятие о чести, порядочности. Огромная всем им благодарность и низкий поклон. Они живы в памяти и сердцах их учеников.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОЭМА

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия).

НОЧИ ДИАНЫ
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая
ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

1. Мыс

Диана постояла еще некоторое время на дороге, хотя машина давно скрылась за поворотом, и шума мотора уже не было слышно. Над ней только сосны протяжно шумят на ветру. В этом звуке есть какая-то грусть, пустынность. Это звук прощания, разлуки, одиночества. Этим шумом начинается роман Хемингуэя «По ком звонит колокол», но как странно звучит он сегодня, когда все вокруг пронизано... Нет, это даже счастьем назвать нельзя. Это, скорее, сон. Сегодня, прямо в этот миг, есть то, чего не бывает на свете.

Когда-то давным-давно она написала Янке, что они обязательно встретятся, будут вместе. Написала тогда и, прикусив губу, долго разглядывала строки своего письма, осознав вдруг, что это просто слова, буквы и глупые мечты. Янка, та на шесть лет старше, и она, конечно, понимает, какой от Дианкиного письма веет наивностью. И вот теперь, очнувшись от нахлынувших воспоминаний, она оглянулась на свой дом, увидела над ним голубое небо, сосны, озаренные, солнцем и с наслаждением подумала — ЯНА СО МНОЙ! Она сейчас за домом, под вишневым деревом читает книгу. Она здесь, и будут они вместе целое лето до самой осени! Боже, Дианка улыбнулась,— спасибо тебе за все! И она посмотрела на небо, на облака, ведь надо же посмотреть на того, к кому обращаешься. А на что еще она может посмотреть, как не на мир, который ее окружает. Это день счастья! Иные рассуждают, а бывает ли оно, и что это такое. Бывает. Вот оно. И не надо мне других чудес.

Диана пошла к дому, сорвав по пути веточку полыни, что росла у забора, размяла в пальцах и вдохнула кружащий голову аромат. «И почему же все вокруг пронизано для меня литературой? — думала она.— Весь мир, куда ни повернись, на что ни взгляни, все навевает воспоминание о прочитанных книгах. Так и сейчас она вдыхала

печально-щемящий аромат «Тихого Дона». Полузакрыв глаза, она увидела бескрайнюю степь, пахнущую горько и терпко... Это запах жизни, счастья и горя...

Не надо только говорить другим о том, что творится в ее голове. Она и вправду, наверное, чуточку... ну, не такая, как другие. Но Янке можно открываться полностью. Янка — это она сама. Надо скорее, скорее идти к ней. Каждая секунда, каждый миг для меня теперь золото, думала она. Как бы остановить время, чтобы жить в вечности? Надо просто не думать ни о чем и наслаждаться каждым вдохом воздуха, пахнущего морем, каждым звуком, каждой капелькой росы на маленькой ели у дома. Как удивительно эти искорки блестят сегодня — голубые, розовые, желтые...

— Янка, я уже тут,— сказала она, заходя за дом, но не увидела Яну у вишневого дерева.

Диана остановилась в нерешительности, с тревогой оглядывая двор. Вот ее коляска с оставленной на сиденье книгой, ее широкополая соломенная шляпа, подвешенная на ручку, чуть колышется от ветра...

— Диана, иди ко мне! — услышала она голос Яны, и тут же увидела ее за вишневым деревом, лежащую на краю клумбы.

— Янка, что случилось! — бросилась она к ней.

— Да я тут навернулась. Подожди, не поднимай меня. Я сама встану. Ты подкати только коляску.

— Зачем же ты встала! — шептала Диана, помогая ей встать.— С тобой все хорошо?

— Да, все в порядке. Здесь же мягкая земля.

— Ой, кошмар! У меня же тут колышки поддерживают розы.

— Нет, я приземлилась очень удачно.

Диана подкатила коляску, Яна подползла к ней на четвереньках и с помощью Дианы села в нее.

— Ну вот, все хорошо,— сказала она улыбнувшись.

И тут же Диана почувствовала, что улыбка ее совершенно искренняя и детская. Диана вытащила еловую иголку из ее роскошных, рыжих волос, поправила их и посмотрела в ее голубые глаза, чистые, как небо.

— Фу-ф! Меня аж трясет,— все не могла она успокоиться

— Диана, у тебя слишком пылкое воображение. Я упала прямо как на мягкую подушку. Обещаю, что без тебя не буду вставать.

— Да уж, давай-ка со мной.

— Как там наши рыболовы? Надеюсь, дождя не будет,— сказала Яна, отряхивая джинсы.

— Можешь не беспокоиться. Ник в этом деле профессионал. Палатка у них есть, берег не топкий. Ночью там знаешь сколько доночников сидит. Мы там часто бываем.

— Не знала, что и ты рыболов,— удивилась Яна.

— С детства обожаю. Но тогда я ловила вообще, банкой. Разве не писала тебе?

— Помню-помню.

Яна в своем кресле на колесах улыбнулась и, хоть и осталась сидеть, сложив руки на коленях, Диана прямо таки почувствовала, как Яна словно протянула к ней свои руки и обняла ее всей душой.

— Потом, чуть позже, позвоним им,— сказала Яна.— Чем займемся сегодня?

— Давай соберем вишню, я сварю варенье. Мы как раз успеем собрать до дождя.

— Думаешь, будет дождь?

— Конечно. Видишь, облака вдоль моря летят, утром была гроза и скоро новая тучевая волна придет. Так весь день и будет — то солнце, то гроза, если ветер не поменяется.

— Ты прямо зверобой и следопыт вместе взятые,— улыбнулась Яна.

— Я здесь родилась, и все приметы знаю не из книжек. Так что сегодня день хороший. И дождь будет, и солнышко. Вот если бы тучи летели с реки на море, то это беспросветный, монотонный дождь на весь день.

— Прямо как у людей. По большей части, люди, как сегодняшний день,— то солнышко, то пасмурно. Хуже, когда беспросветный и монотонный дурак.

— Ну, я от радости, наверное, совсем как дурочка,— произнесла с нарочитой опаской Диана и, улыбнувшись, забыв про все опасения, протянула Яне глубокую тарелку.— Давай собирать.

— Мне нравится твоя прическа,— улыбнулась Яна, глядя на Дианку снизу вверх, сквозь ветви.— Такой, знаешь, художественный растреп.

— Ага, с легкой ноткой безумия.

— Какая же Дианка без «легкой нотки»... М-м-м! Какая вкусная,— сказала Яна, взяв в рот вишню и, выплюнув косточку, взглянув на грозно синеющую за деревьями тучу, заметила.— Пожалуй, до грозы не успеем.

— А, сколько успеем, столько и хорошо. А дождь пойдет, будем под навесом сидеть, да семечки щелкать. Кстати, наверное, щелкать семечки, это исключительно русская привычка.

— Вовсе нет.

— Нет, я не говорю там про венгров, румын, поляков... Но в Европе это ведь не принято.

— Ты ошибаешься. Еще как щелкают. Угадай, например, где,— Яна взяла еще одну вишенку в рот.

— Ну-у-у, наверное, в Японии.

— Ха! Японцы, те вообще все умеют. Нет, бери подальше.

— Не знаю. Сдаюсь.

— Ну как же! Еще целый сериал был.

— Я не смотрю сериалы. Янка, говори скорее.

— «Секретные материалы» смотрела?

— Ну, несколько серий смотрела.

— Ты что, не помнишь, там Дэвид Духовны весь фильм семечки щелкает. Это у него там фишка такая — сидит за компом, размышляет о всяких тайностях и семечки щелкает.

— Ну-у, так это фишка. Точно также он мог бы, для сосредоточения, играть на африканском барабане.

Яна отдала Диане полную тарелку вишен, блаженно потянулась.

— Как хорошо тут у вас! — сказала она.— Тишина, покой, никакой городской суеты.

— Да. У нас и телевизора нет. Надоела вся эта политика, грызня пауков в банке. Люди во власти, я тебе скажу, это кошмар какой-то! Я во власти была. Я уж знаю.

— Это когда же ты была во власти?

— В четвертом классе. Наша классная пришла однажды и говорит, что нужно выбрать председателя комиссии по художественной самодеятельности. Повела глазами по всем, на мне остановилась. Предлагаю, говорит, Диану. Она девочка с фанта-

зией, инициативная, заметная, учится хорошо. Все тут же обрадовались, что не их выбрали: да! да! Диану! Ну что же, говорит классная,— «теперь Диана ты председатель комиссии, а это дело ответственное». И тут, Янка, я сижу и чувствую, что со мной что-то не так. Не могу понять, что. И вдруг поняла. У меня, непонятно почему, начали раздуваться щеки.

— Как это? — прикрыла рукой рот Яна.

— Не знаю. А только чувствую, что щеки раздуваются. Аж больно стало. Представляешь, как будто по яблоку под каждой щекой. Наверное, если бы тогда посмотреть на меня с затылка, то щеки были бы видны.

— Ой, Дианка, не могу!..— Янка рассмеялась.

— Но я не долго была председателем. На той же неделе я сорвала занавес в актовом зале и разбила окно... Ну, знаешь, как это бывает — мячом на перемене. Меня с должности и сняли. Выбрали другую девочку. И что ты думаешь! Такая серая мышка была и тоже сразу наэлектризовалась, стала такая громкая, звонкая, фигурка изгибистая, глазки лучистые... Что ты. Власть, такое с тобой делает!..

— Дианка, прекрати, косточкой подавлюсь. Тебя нельзя без смеха слушать.

Дождя еще не было, но они услышали нарастающий шум его приближения. Ветер сорвал с головы Яны шляпу и забросил в ветви вишни. Диана быстро ее подхватила и повезла Яну под большой навес у входа в дом. Дождь, словно шлепки по голому телу, зашумел по плитке двора, мягко по поникшей траве и глухо, раскатисто, по крыше навеса. Диана присела у ног Яны. Маленькие капельки сверкают в ее темных, коротких, чуть всклоченных волосах. Яне показалось, что в глубине глаз Дианы, в ярком, влажном блике она видит себя, на фоне потемневшего неба, с неожиданной вспышкой ярко-кремового облака, озаренного солнцем.

Яна смотрит на Диану и вспоминает волосы, которые у той были в детстве — длинные, роскошные. А может, и правильно. Она уже другая. И эта бунтарская прическа подходит ей больше.

— Хочешь отдохнуть? — спросила Диана.

— Так я и отдыхаю. Я посижу здесь, твою книгу почитаю. А ты приходи, когда закончишь. Что же это такое — мне все время хочется быть с тобой! Приходи скорее, а то все крутишься и крутишься.

— Я быстро. Вишневое варенье надо варить лишь по пять минут в день. Три дня, и готово.

Яна услышала за спиной уютные звуки из кухни. Вон Диана достает посуду, сыплет сахар. Яна откинулась на спинку коляски, закрыла глаза и стала слушать, как шумит дождь. Стало еще темнее, резкий шквал обрушился на крышу, и мелкая дождевая пыль обдала лицо Яны. Она спрятала книгу под свою майку и прикрыла ее руками, скрестив их на груди.

— А ведь многие в наше время варенье просто покупают,— сказала она, полуобернувшись в сторону кухни.— Много раз слышала — зачем, мол, заморачиваться.

— Что там варенье! Многие и любовь думают за деньги купить,— отозвалась из кухни Диана.— Что-то произошло с людьми. Что-то они потеряли. Читала «Вино из одуванчиков» Брэдбери? Помнишь, как там зимой доставали из кладовой пыльные бутылочки, наполненные не просто вином, которое можно купить в магазине. Нет, это было вино из одуванчиков, *которое они собирали летом на поляне*. Бутылочки были наполнены солнечным светом, теплом летних вечеров, ароматом скошенной травы, эхом, которое разносилось закатными вечерами... Ведь Брэдбери писал для того, чтобы люди почувствовали красоту мира, настроили по его текстам свою душу, как пианино настраивают по камертону. «Вино из одуванчиков» — это самый настоящий камертон. Это надо чувствовать. Тут целая философия!.. Взять сегодняшние

вишни. Мы вместе их собирали. Твои руки касались ягод, а потом мы бежали прятаться под навесом от дождя. И, наконец, самое главное, когда мы срывали вишни, у нас целое лето было впереди. Разве можно не вспомнить об этом зимой, когда я открою баночку вишневого варенья.

— С капелькой дождя,— добавила Яна.

— Класс!..— воскликнула на кухне Диана.— Отличное название! «Вишневое варенье с капелькой дождя»! Я потом запишу это. Ты мне, вообще, подкидывай идеи. Я сейчас как раз нахожусь в «межроманье».

— Давай, запиши. Может, даст тебе идею.

Дождь прекратился так же резко, как и начался. Выглянуло солнце, и запел дрозд на ветке. Звуки его рулад разносились в чистом воздухе, и где-то вдали, еле слышно, отзывалась другая птица. Яна достала книгу из-под майки и нашла заложенную ивовым прутиком страницу, на которой остановилась. Книга небольшая, с палец толщиной. На обложке ее, Янкина акварель — девушка на голубой лавке, за ней море, солнце, легкие облака. Девушка, приподняв руку до уровня лица, держит листки письма, которые, кажется, вот-вот выскользнут из ее пальцев и полетят, подхваченные ветром.

— Диана!

— Уже заканчиваю.

— Ты такая молодец! Книга у тебя потрясающая!

— Ну-у-у, некоторые места неплохие,— показалась из кухни Диана и, подойдя к Яне, склонилась над книгой.— Ты где сейчас читаешь? А... Концовка, мне кажется, удалась. И твоя акварель на обложке здорово смотрится.

— Мне все очень нравится. Теперь ведь так мало настоящих книг о любви, а у тебя получилось так искренне, хорошо!

— Это приятно. Но странно как-то. Не правильно все это.

— Что?

— А то, что люди не читают Лескова. Многие о нем даже и не слышали. А вот Диану Асарову читают. Это же нелепо и совсем не делает мне чести. Я скажу тебе так: я пишу не для того, чтобы читали Диану Асарову, а для того, чтобы читали Лескова. Хотя, хорошие книги и сейчас есть. Ты читала «Любовь во время чумы» Маркеса? Вот, я тебе скажу, книга так книга! Она у меня — настольная. К такому надо стремиться. Если хочешь, почитай потом. Я закончила ее и тут же начала читать по второму разу. Представляешь, как меня проняло!

— Обязательно прочитаю. Не забудь, дай мне ее. Кстати, о любви... Как там наши парни? Обещали позвонить, как только приедут на место, и ни гу-гу,— Яна потянулась к сумочке с телефоном.— Ты говорила, что это где-то тут, неподалеку.

— Не надо, не звони,— Диана взяла телефон у нее из рук.— Пусть на волюшке побудут. Что мы их дергаем. Потом позвонят, когда поймают что-нибудь крупное. А мы с тобой тоже сегодня гульнем! У меня вобла есть. Пивка купим!.. Оторвемся, подруга!

— Да ты что!.. Я пиво не особенно люблю.

— Да это я шучу. Хотя пиво тут у нас очень даже неплохое. Я тебя как-нибудь подразвращу... Знаешь, давай пока на машине никуда не поедем, погуляем по нашим окрестностям. Покажу тебе мои места, или, как там говорится у Чехова, «наши палестины». А то уже третий день ты у меня, а я тебе еще ничего не показала.

— Для меня и двор твой — целый мир. Да и сама видишь, со мной не разбегаешься.

Диана закрыла дом и, еще раз внимательно оглядев небо, покатила перед собой по дороге коляску. Небо расчистилось от туч и с трудом верилось, что только что была гроза. Слева от них, за зелеными изгородями, тянулись коттеджи, а справа ветви густого леса нависали над дорогой, ветер раскачивал их, окатывая подсохший тротуар градом крупных капель. Яна блаженно откинулась на спинку коляски, лучи солнца пронизывали листву и слепили ее глаза.

— Знаешь, Диана, это место, где ты живешь, очень на тебя повлияло. Здесь все так ясно, прозрачно, спокойно... И точно также ты пишешь — ясно, прозрачно. Ты впитала в себя атмосферу этого места и сама стала точно такой же, как твое любимое Асари.

— Через пару лет у Женьки кончается контракт, вот вы и возвращайтесь сюда. Скажешь, фантазии?

— Хотелось бы. И дядя его мечтал когда-то об этом. Хотел, чтобы «Евгеша», это он так его называл, переехал к нему.

— Янка, все так и будет. Однажды мы будем жить здесь все вместе.

Диана подкатила коляску к перекрестку дорог. Машин не было. Черный кот с белым пятном на груди и кончике хвоста, медленно переходил дорогу.

— Это Персик, соседский кот,— заметила Диана.— Все время ко мне во двор спать приходит. Колбасой его кормлю, а он, гад, и не смотрит в мою сторону.

— Ну вот, первое мое знакомство,— усмехнулась Яна.

— О, я тут тебя со многими познакомлю. Есть тут еще собачонка, гуляет, где хочет. Рыжий, лохматый, куршивый, мелкий, но... гроза всех окрестных собак.

— В смысле.

— В смысле, что потомство у него тут во всех дворах есть. Его тут все так и зовут — Мачо.

— У вас тут весело.

— Пришла мне тут как-то в голову идея рассказа, а лучше — повести. И название придумалось хорошее — «В поисках Мачо». А!..

— Отличное название. А что за идея?

— Это история о маленьком мальчике, который живет в небольшом мирке своего двора, но однажды у него пропадает маленькая собачка по кличке — Мачо. Не возвращается домой день, два... И вот, он садится на свой маленький велосипед и отправляется на поиски своего пса по всем нашим Асарским дорожкам. Тут-то и начинается его открытие огромного мира.

— Мне кажется, что это может быть интересно.

— Хорошо было бы написать не просто детский рассказ, а что-то более глубокое. У Аркадия Гайдара есть рассказ «Голубая чашка». Что-то подобное хотелось бы написать — простое, но с глубиной, тайной и своим очарованием.

— Да, напиши обязательно,— задумчиво кивнула Яна.— Я в твоем мальчике, ну, что Мачо ищет, себя узнала. Мой мир тоже был очень ограниченным. Сейчас, конечно, есть выход в Интернет, но... Человек свободен, если в его жизни есть элемент непредсказуемости, выбора, риска. Самое гнетущее в моей жизни было даже не одиночество, не боль, физическая или иная, а то, что вся моя жизнь была расписана, каждый день, час, миг. В интернате я жила по расписанию. Отчаяние брало, когда думала, что такой будет вся моя жизнь.

Диана вздохнула и положила руку на плечо Яны. Над ними в голубом небе пронеслись с писком ласточки. Солнце палило все жарче, из кустов за забором доносился сухой стрекот цикад. Два белых самолетных следа оставили в небе перекрестье в виде буквы Х, и его медленно стал относить к югу ветер с моря. Уже чувствовалась и близость моря, из-за сосен слышался глухой шум волн. Ветер стал чуть прохладнее.

— Эта улочка, что идет вдоль моря, называется Kapu iela — Дюнная улица. Можем по ней прогуляться. Сейчас покажу тебе очень красивые домики. Это так называемый юрмальский стиль. Вон на дюне, видишь?

— Очень красивый! Как игрушечка.

— Да. Смотри, все окошки из маленьких цветных стеклышек, башенки с флюгерами, ставни, маленькие балкончики с цветами... На этих дюнах домики прямо таки парят в небе.

— Какое счастье, наверное, жить в таком домике,— улыбнулась Яна,— но тут же ловлю себя на мысли, что мне не подняться по длинной лестнице к входу. Разве что, если бы умела летать... Дианка, ты не думай, я не хандрю. Просто говорю то, что есть.

— А я все думаю о размеренной жизни по графику, что у тебя была.

— Было и много хорошего. Например, когда меня отвозили в специальный институт в Москве. Там и лечат и изучают всякие сложные случаи. Мне там очень нравилось. Чувствовала себя, как в санатории. Носилась с девчонками по территории на своей коляске. Целые гонки у нас были. И тетеньки такие забавные в палате были.

— А сколько вас было в палате?

— Человек восемь. Все взрослые. Я одна там была маленькая, все ко мне очень хорошо относились. Была там одна бабушка с поразительно красивыми глазами. Она однажды рассказала мне свою историю...

Дорога, делая плавный изгиб, пошла в гору. Мимо них неторопливо проехала черная машина и скрылась за поворотом. Дюны с правой стороны стали еще выше. Окна домов на дюнах отсвечивали солнечный свет и казались золотыми.

— И что за история? — спросила Диана.

— Во время войны она с подругой работала на заводе, и подруга ее стала переписываться с военным. Она писала ему на фронт, он отвечал, и уже у них какое-то теплое чувство стало возникать. Но дело было в том, что военный никогда не видел подругу эту, с которой переписывался. Однажды, в одном из писем, он попросил, чтобы прислала свое фото. Она взяла и учудила, послала не свою фотографию, а снимок своей подруги, той, с красивыми глазами. Переписка продолжалась еще несколько месяцев, и вдруг тот военный взял и приехал к ним. Война тогда уже закончилась. И что ты думаешь произошло?

— Могу представить...

— Да, он приехал и увез с собой ту, с красивыми глазами. Они поженились и прожили вместе до старости.

— Да-а-а-а,— протянула Дианка.— Это лишний раз подтверждает, что слова словами, письма письмами, а внешность для мужчин решает все. Знаешь, есть восточная история. Один правитель решил за долголетнюю верную службу наградить своего советника. В качестве подарка он предложил тому на выбор трех жен из своего гарема. Вывели первую женщину. Советник спрашивает у нее:

— Сколько будет дважды два?

— Пять,— отвечает женщина.— Какая щедрая жена! — поразился советник.

Вывели вторую женщину.

— Сколько будет дважды два? — спрашивает и у нее советник.

— Три,— отвечает та.

— Какая бережливая жена! — заметил советник.

Вывели третью.

— Сколько будет дважды два? — спрашивает он у нее.

— Четыре,— ответила женщина.

— Ах, какая умная жена! — воскликнул советник.

— И теперь вопрос: на какой из трех женщин женился советник? — хитро прищурилась Дианка.

— Ах, так это еще и загадка... И на какой же?

— На самой красивой! — торжествующе заметила Диана.— Вот суть мужчины! Восточные притчи, я тебе скажу, очень мудрые.

— Не знаю, Диана. Как-нибудь расскажу тебе другую историю, которая вполне опровергнет твое мнение о мужчинах. В жизни всякое случается. Я тебе много чего порасскажу. Всяких историй наслушалась, пока в больницах лежала. Ты потом используешь, как материал. Такие шедевры создашь!

— Да я, в общем-то, шучу. А что касается шедевров, то мне до них далеко. Ты вот все хвалишь меня — это приятно, Янка, и то, что книга моя вышла, я очень рада. Но я уверена, что придет пора, когда я скажу, что мне неловко за мою первую книгу! Если по-честному, неужели ты не видишь в ней недостатки?

— Вижу.

— Вот! О них и надо говорить.

— Нет, Диана. Для того, чтобы говорить о твоих недостатках, тебе, как ты сама заметила, надо еще подрасти.

— Это как?

— Я тебе сейчас объясню. О недостатках в прозе Лев Толстой мог бы сказать Чехову. Чехов мог бы сказать... ну, хоть Куприну, и так далее. Улавливаешь? А если автор только начинает, если он, как тот птенец и, пусть смешно, неумело, но полетел, понимаешь, оторвался от земли... У него получилось! Такому автору надо говорить о том, что у него хорошо. Ему предстоит большой путь, и направление пути будет определяться не промахами, а особенностями его достоинств. Мне так смешно, когда начинающему автору указывают на недостатки. Смешно, потому что у него на сто недостатков два достоинства. Вот о них, этих проблесках удачи, и надо говорить. На них надо обращать внимание.

— Ага, я поняла... Мол, чувак, молодец! В твоей книге целый абзац получился! Работай. Глядишь, в следующей книге целую стоящую страницу напишешь.

— Вроде того.

— Янка, ты гений! Я с этой точки зрения никогда не думала. Но я так рада, что целый абзац из моей книги тебе понравился. Дай я тебя поцелую.

И Диана, рассмеявшись, наклонилась над Яной и поцеловала ее в щеку.

— Ты не устала? — спросила Яна, удерживая руку Дианы на своей груди,— дорога тут крутая. Может, стоит домой повернуть?

— Еще погуляем. Ты расслабься и отдыхай.

— Хорошо! — глубоко вздохнула Яна.

Яна разглядывала светлые коттеджи на фоне синего неба и вдруг, увидев высокие сосны, склонившиеся впереди над дорогой, ей показалось, что они вот-вот рухнут на них сверху. Диана, угадала ее мысли.

— Мощные сосны, правда?

— Не могу избавиться от чувства, что они вот-вот нам на голову свалятся. Давай проедем поскорее.

— Эти сосны мне знакомы. Когда мне было лет шесть, или того меньше, мы шли тут с папой. Он показал мне их и сказал: видишь, как наклонились, того и гляди упадут. И что мы видим? Они стоят до сих пор. Думаю, что когда-нибудь поведу по этой

дороге своего ребенка, и мы обязательно с ним обсудим вопрос, как долго еще сосны простоят.

— Они нас, пожалуй, переживут. Да, у вас тут прямо страна чудес! Еще мне нравятся флаги на флагштоках у некоторых домов. А что вон там за флаг?

— Кажется, шведский. Тут ведь и иностранцев много живет... Знаешь, я вот подумала... А почему нельзя быть патриотом самого себя? Да-да, не смейся. В честь себя поднимать флаг, играть свой собственный гимн, отдавать себе честь, любить себя, защищать, гордиться собой. Мне кажется, что это интересная идея.

— Представляю, как увеличилось бы сразу количество самолюбивых людей.

— Мы, со стариной Фрейдом, с вами, коллега, не согласны. Эти люди самолюбивы и самоуверенны, потому что у них глубокие комплексы неполноценности и очень занижена личностная самооценка. Они глупы больше, чем самолюбивы. Мудрый человек — тихий человек. А глупцы звенят, как те пустые кимвалы, о которых говорится в Библии.

— Но они полагают, что хорошо живут.

— Это они так полагают. А знаешь, как Лао Цзы сказал? Хорошо живет тот, кто хорошо спрятался.

— Может быть,— тихо ответила Яна.

Диана видела сверху ее волосы и чуть округлившуюся щеку. Яна слегка улыбается. Возможно, только уголком губ. Дорога перед ними расширилась, разделяя дорогу надвое. Виднеется островок высоких сосен с такими толстыми стволами, что Яна (не догадываясь, что не только она, но и многие другие люди, проходившие здесь) невольно думает — такой ствол руками не обхватишь. В разломах потрескавшейся коры на солнце янтарно светятся потеки смолы. Аромат ее чувствовался в воздухе. Когда они оказались под одной из ветвей, капля смолы упала на голое плечо Яны.

— Сосна тебя поцеловала! — воскликнула Диана.

С пронзительными криками над ними пролетели в сторону моря две чайки. И тут же ворчливые раскаты грома прокатились вдали. Тяжелая сизая туча показалась из-за леса, медные стволы, по-змеиному изогнутые ветви и тяжелые шапки вершин золотисто горят на фоне надвигающегося мрака.

— А если дождь? — спрашивает Яна, ощущая щекой руку Дианы, которая все еще покоится на ее плече.— Здесь и спрятаться негде.

— Сейчас все так, как я когда-то мечтала,— говорит Диана.— Может, мне это снится? Или я незаметно для себя перешла в другое измерение, где сбываются все наши мечты?

— А у тебя есть «Алиса в стране чудес»?

— Конечно.

— Вот, это то, что мне хотелось бы перечитать этим летом.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФРАНЦУЗСКИЙ СИНДРОМ, ИЛИ НОВЫЕ ЛУДДИТЫ*

У них дураки вона каки, а у нас дураки все таки.

Славны бубны за горами!

Русские народные присказки

♦ По жаркому в этом году августовскому утру профессор Игорь Васильевич Скородумов** проснулся в шесть часов. Никого в доме не тревожа, прошел на кухню — заварить чаек и выкурить с ним вприкуску, но уже на балконе, первую за день, самую вкусную сигарету. Как потомок едких на слово и вредных по отношению ко всяким властям калужских мужиков-землепашцев, Игорь Васильевич особый приятный вкус табачного дымка нонконформистски соотносил с уже который год длящейся в стране штурмовщиной очередной антиникотиновой, а заодно и антиалкогольной, кампании.

Поставив чайник на огонь, по многодесятилетней привычке включил кухонный динамик-громкоговоритель, еще заставший времена Второго Ильича, причем еще только с двумя геройскими звездами на пиджаке. Увы, как в последние годы часто случалось с городской радиотрансляцией, радиоточка молчала, изредка испуская злобное шипение. Игорь Васильевич полушепотом витиевато выматерился: за что,

* Новелла из нового романа, над которым автор сейчас работает.

** Наш постоянный персонаж; см. романы-новеллино: Алексей Яшин. Административный восторг, или картинки с выставки.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с.; Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru — раздел «Библиотека главного редактора»).

мол, по квитанции полсотни в месяц платим, если местные власти совсем забросили свое проводное радиовещание!

Пришлось, все с теми же полушепотными малоцензурными словечками, включать маленький, тож советской еще фабрикации, телевизор, столь же издавно пылившийся на холодильнике. Не любил он с утра мельканий телеэкрана, а в нынешнюю частнособственническую эпоху и вовсе охладел к изобретению русского американца Зворыкина... Но все же утренние новости-страсти, а главное, прогноз погоды с тщетным ожиданием спадения жары и духоты в атмосфере, хотя бы из «ящика» дополняли у Игоря Васильевича первые на дню стакан чая и сигарету.

Старенький телевизор «дачного формата» принимал на последнем издыхании только одну, зато самую государственно-главную программу, по которой профессор в утренних новостях, понятно дело, не глядя на экран, рассеяно прослушал сначала о победах российских спортсменов на каких-то местечковых соревнованиях в Шотландии, затем обсуждаемый уже неделю всем миром инцидент в небе Эстонии, бывшей ЭССР, а при царях — Эстляндской губернией, когда патрулировавший там от натовцев лихой испанский «королевский сокол» пальнул, не глядя куда, ракетой, которую теперь все суверенное население ищет по лесам и чухонским болотам...

Игорь Васильевич, что называется «на автомате», привыкший к чередованию обычной тематики теленовостей и радио — оных же, приуготовился с сарказмом выслушать панегирик-воспоминание о прошедшем с запланированным успехом футбольном всемирном мероприятии, а вослед за ним заявлением двух-трех восьмидесятилетних старушек-актрис, что-де ни на какую пенсию они и не собираются... Но вместо этого диктор, умеренно, но и сочувственно в то же время, посуровев голосом, объявил, что американский конгресс, явно льстя своему президенту, объявил России настоящую торговую войну. Как законопослушный гражданин бывшей 1/6 части земной суши и внешнеполитический патриот, профессор слегка огорчился пакостью америкосов, но и в контексте услышанного обрадовался: наконец-то наши радиотеледикторы перестанут молиться на Америку, а главное — больше не станут засорять наш великий и могучий жаргоном из американского диалекта английского языка... Рано он обрадовался! Скомкав малоприятное известие, ведущий перешел к событиям внутри страны, важнейшим из которых на сей день было прошедшее накануне в Южно-Сахалинске всероссийское соревнование молодежи «ручных» рабочих профессий по своему мастерству: пекарей-надомников, столяров, квартирных ремонтников, плиточников и парикмахеров. И хотя в состязании участвовали только наши соотечественники, Игорь Васильевич неосознанно, с профессорской дотошностью отметил: только дважды диктор поименовал соревнования по-русски, зато восемь раз с восторгом неофита употребил их название по-американски: *ворлдс скилтс*,— так на слух воспринял разгневавшийся Игорь Васильевич, патриот чистоты русского языка. ... Англо-американского он не знал, ибо в школе и в трех вузах, в которых учился в советское время, сдавал экзамены «на пять» по немецкому языку.

Как бы ни разгневан был наш профессор, но доставшийся от калужских предков сарказм и здесь присутствовал: эта неуемная страсть эсмэишников к иностранным словам тотчас напомнила и классическую «смесь французского с нижегородским», и того кучера из романа классика же позапрошлого века, что любил в минуты отдыха читать, причем смысла текста он не воспринимал — ему просто нравилось узнавать и произносить буквы...

♦ Фигурально плюнув на прогноз погоды, и так все понятно: еще висящее над горизонтом солнце уже жаркими своими лучами щипало щеки и выгоняло крупинки пота на лбу,— Игорь Васильевич потянулся рукой выключить рассадник американского жаргона, а тут и диктор перешел к новости, касающейся успехов компьютери-

зации и интернетизации отечественной *цифровой* экономики. Последними, услышанными Игорем Васильевичем из выключаемого телевизора словами были: «... Ни один уважающий себя человек, от школьника и домохозяйки до профессора и крупного *бизнесментера*, не мыслит сейчас начать новый день без *лайков* от друзей и коллег!» Кстати, за растворенным окном в это же время разномастно *залаяли* выводимые хозяевами на утреннюю прогулку-оправку собаки из окрестных домов: в основном, мелкая и злющая квартирная четвероногая сволота. Игорь Васильевич собак не терпел, а уважал котов, особенно своего личного, что с донесшимся лаем своих классовых врагов проснулся и задумчиво вошел на кухню, заластился к хозяину: корми, мол, а то за ночь проголодался, ловя во сне виртуальных мышей!

Но тому в эту минуту не до кота было в яростном порыве: *elan* по-французски. И что это повторяющееся французское засело поутру в многомудрой профессорской голове? «Все же надо исполнить окончательно решенное вчера», завертелось в голове Игоря Васильевича. Но как бы не ответственен был момент, все же по воспитанному порядку и дисциплине он сначала заварил чай и, по-прежнему игнорируя усиленные намеки кота на задержку утренней пайки усиленного питания, вышел с кухни, прикрыл дверь в спальню, чтобы последующими действиями не будить супругу (женатый сын давно жил отдельно), подошел к своему рабочему «уголку» в гостиной комнате, с гневом вырвал кабели и шнуры из гнезд старомодного громоздкого компьютера, этой весной на дармовщину доставшегося ему при списании на факультете устаревшей оргтехники, обхватил по-грузчески рассадник дебилизма, со сложным маневром вынес его на балкон через круглосуточно распахнутую в летнюю жару оконную дверь и прислонил к металлической ограде. Не выпуская из рук полуторапудовой тяжести изделие китайского ширпотреба, профессор нагнулся над балконной оградой, проверяя уже вчера определенное: не засажен ли цветами тот пятачок палисадника, на который должен по Ньютонову закону всемирного тяготения приземлиться сброшенный с балкона четвертого этажа разочаровавший владельца предмет. Не то что Игорь Васильевич уважал растительный мир, но на участке палисадника в «зоне ответственности» их подъезда за цветами и кустарником на общественных началах ухаживала его супруга. То ли из любви к прекрасному, а может гены предков-цветоводов теребили...

Убедившись, что прямо под балконом в тени разросшейся сирени только мелкая сорная травка растет, Игорь Васильевич перевел взгляд влево, где Селим, ихнего дома узбекский дворник-гастарбайтер, умеренно шурша метлой, начинал свой трудодень.

— Селим, подойди, пожалуйста, поближе!

— Да, хозяин, слушаю,— доложился сын Ферганской долины, подойдя к подъезду с профессорской квартирой.

— Я вот сейчас эту хреновину сброшу, чтобы не волочить ее с четвертого этажа по лестницам, а ты, будь добр, оттащи ее останки на помойку. За труды полторы сотни с меня, пообедаешь сегодня с люля-кебабом в своей халяльной* харчевне! Благо сегодня у вас курбан-байрам. Поздравляю!

— Спасибо. Бросай, хозяин. Что, совсем негодный?

— Совсем, Селим, негоднее не бывает.

Еще раз нагнувшись над оградой, убедился, что по раннему времени ничья досужая голова не торчит из нижележащих балконов вовне, с силой оттолкнул железяку, дав ей метровый запас от линии этих балконов. Упав на землю палисадника, компьютер негромко чвакнул. После вчерашнего вечернего дождя земля замечательно самортизировала. Даже кинескоп не разлетелся на осколки. Игорь Васильевич мыслен-

* Халяльная пища, то есть разрешенная правоверному кораном; это как у евреев кошерная еда (кошурат).

но перекрестился: и соседей не потревожил, и от дебилизатора избавился. А тут и трудяга Селим, отставив метлу, зашел в палисадник, легко поднял останки и удалился с ними на ближнюю помойку в соседнем дворе.

♦ Соседей-то не потревожил, но наблюдателя не избежал:

— С добрым тебя утром, Васильич! Никак на летние профессорские отпускные ноутбук приобрел и от старой рухляди избавился? Или по идейным соображениям, а? И не жалко?

Игорь Васильевич повернул голову вправо и немного наклонил ее: по диагонали направо-вниз на балконе третьего этажа, как и у него незастекленном, но уже в квартире соседнего подъезда, всего в нескольких метрах вальяжно сидел за журнальным, инкрустированным по-палехски столиком за утренним кофейком его давнишний — со дня поселения в доме — знакомец, отставной врач-психиатр Евгений Семенович Дорошенко. Торопясь покончить с компьютером, Игорь Васильевич и забыл, что тот летом также спозаранку устраивается на своем балконе. Недавно пошабашив по уже позднепенсионному возрасту с регулярной службой в областном психдиспансере, Евгений Семенович сибаритствовал, впрочем, регулярно подрабатывая в непыльных местах, где от него требовалось только необременительное по времени присутствие и подписывание бумаг: в военкомате на смотрах призывников, всяких наробразовских комиссиях, на госэкзаменах в местном медицинском институте... даже в городской тюрьме приходилось подписывать и пить коньячок с тамошним начальством. Слыл Дорошенко авторитетом-практиком по психическим делам и имел звание заслуженного врача. Сам бог велел ему прибавку к незавидной ныне пенсии иметь.

В раннеутреннем уличном безлюдье и охлажденном ночью воздухе могли соседи беседовать не повышая голоса, как за столиком в их любимой рюмочной «Наливайка!» Опять же аккуратист профессор Скородумов, тоже заслуженный, но только не врач, а деятель науки, ответил Евгению Семеновичу строго в порядке заданных тем вопросов:

— На зарплату провинциального профессора, Семеныч, только на упаковочную коробку от ноутбука можно сподвинуться. Соображения же, конечно, идейные — в отношении всякой интернетовской сволоты, словом — французский синдром у меня сработал. А насчет жалости, то, во-первых, я начисто лишен атавизма частнособственничества и жмотства; во-вторых, мне эта рухлядь даром от родного универа досталась. Опять же...

— Тпру, тпру, Васильич, какой-такой офранцуженный синдром у тебя проявился? Вроде как по своей профессии много всяких-яких синдромов знаю, а про такой не слышал. Потом, как я давно знаю, психика у тебя североморская, военно-морская, значит — железобетонная! Чего это угораздило в сторону дурки прикидываться?

— Это из другой оперы, милейший, не по твоей части. Покопайся-ка в недурственной своей памяти и вспомни середину шестидесятых годов, когда я еще в школе штаны за партой протирал, а ты уже медицинским студиодусом числился.

— Ну... да и что?

— А то, любезнейший Евгений Семенович, что ты в те годы всякими там политинформациями и комсомольскими собраниями манкировал в пользу пивных и податливых однокурсниц, потому в памяти и не отложились события во Франции: народ взбунтовался засильем голливудщины на экранах. Да настолько, что по утрам, навроде меня, в Париже выбрасывал из окон телевизоры! Вот это я и окрестил, но уже сейчас, в память, французским синдромом.

— А-а-а, ясно-понятно. А то, вишь, даже мыслишка нехорошая появилась. Ты уж извини заслуженного пенсионера по психической части. Припоминаю, припоминаю. И чем все дело в Париже и его окрестностях закончилось?

— Хорошо для французов завершилось. Де Голль тогда ими по-военному командовал. Отдал нужные распоряжения, а парламент проголосовал за квоту американских фильмов в прокате и на телевидении. Кстати, сразу после этого случился настоящий взлет французского кино. И мы его с восторгом смотрели все оставшееся советское время: Жан Марэ, Луи де Финес, Жан-Поль Бельмондо, Пьер Ришар и, конечно, Депардье — ныне российский подданный с условной пропиской в мордовском Саранске... Заодно де Голль распорядился собрать по всей Франции бумажные доллары, набить ими под завязку самый большой военно-транспортный самолет, который отправил в Америку, в Форт-Нокс для обмена на золото. Правда, здесь вышла осечка: америкосы объявили, что ихние доллары печатает не само государство, а частная компания — Федеральная резервная система и... еще в Европе были бунтовщики-луддиты*, так что традиция там сложилась ломать все неугодное.

— Все понятно, Васильич, вспомнил. Извини — перебил, но ты благодушествуешь и развлекаешься импортными синдромами в заслуженный двухмесячный отпуск, а мне сейчас надо ехать на подработку, несмотря на летнее жаркое время. Надо подремать пару-тройку часов на каком-то заседании департамента, или как там они сейчас именуются-зовуться, по образованию. Что-то в части психического здоровья нынешних школьников-*недолайкиных*. Вот заодно и про твой синдром, конечно, не упоминая фамилии, к случаю расскажу. С тобой же подробно на эту тему как-нибудь поговорим за бутылочкой коньяка в нашей «Наливайке». Итак, мой дорогой сосед, удаляюсь. Адью, как говорят твои французы! Кстати, самый жадный в Европе народ... Да, Васильич, ты жесткий диск вытащил? А то эти хакеры найдут на помойке... адреса там всякие.

— Пусть наслаждаются, там одни кафедральные склоки — от прежних хозяев.

♦ Профессор Скородумов считался в Тулуповском университете личностью уникальной, а оттого и сугубо подозрительной: имел все мыслимые научные награды, степени и звания — кроме одного: начальствующего. А в основанном им еще в завершении предыдущего столетия научном журнале «Феномены разума. XXI век», который каким-то чудом умудрялся издавать вопреки глубочайшей ненависти столичных «академистов», развивал свою концепцию о грядущем, но весьма скором, превращении человечества в стадо роботов — приложений к глобальным телекоммуникационным сетям, пробой которых сейчас является интернет. Стадо же это, или *человейник* по определению нашего выдающегося ученого и писателя-смутьяна Зиновьева, все более и более подпадает под управление тайным мировым правительством, которое творит в мире разнузданную глобализацию... Ни много, ни мало. И кто же такому мракобесу от бывшей святой матери-науки доверит даже ничтожнейшую должностишку в университете?

«Нет пророка в отечестве своем»,— добродушно усмехался Игорь Васильевич на подкалывания малодоброжелательных коллег-профессоров и даже хамоватых ныне молодых до́центов: дескать, что же вы, так сказать уважаемый, известны почти во всем научном мире, а в нашем провинциальном *универе* даже завалящей кафедрой не заведуете? «Говорите проще, вот уж истинно уважаемый,— похохатывал Скородумов,— что за дурачка блаженного от научных упражнений меня полагают! Но ведь и Христос терпел и нам велел». И далее Игорь Васильевич, торопять отделаться от неинтересного ему собеседника, рекомендовал тому всегда держать про запас охапку просушенных березовых поленьев. «За-ачем?» — от такого поворота разговора даже

* Под таким названием в историю вошли первые супротивники научно-технического прогресса — от имени легендарного рабочего Н. Лудды, который первым расколошматил вдребезги (и здоров же был мужик!) свой станок, отнимавший заработок у многих кустарей-ремесленников. Движение луддитов получило форму протеста в Англии 2-й половины XVIII — начале XIX веков.

заикался визави. «А затем, дорогой мой профессиональный *препод*, что когда Великий Глобализатор, ныне пока что тайный, разрешит средневековые аутодафе для научных, политических и иных диссидентов, меня в первое же воскресенье потащат на костер, как некогда Джордано Бруно, хотя бы он и был сквернословом и пьяницей, монахом-расстригой, то вы, милейший, одним из первых поспешите на местную Гревскую площадь* со своей вязаночкой дров в сухоньких профессорских ручонках — подбрасывать в костерок, чтобы пожарче пылал... как та самая вошедшая в мировую историю старушонка — святая простота; *sante naive* по ученой латыни, которую вы и слыхом не слыхивали!»

Ошарашенный грубостью и нетолерантностью Скородумова профессор или до́цент злобно ощеривался, отворачивался и молча удалялся от обидчика. Из осторожности *препода-профи* на ответное словесное оскорбление он не решался: вроде как ни причем рядом с беседующими всегда оказывалась факультетская доносчица-вестовщица старшая лаборантка Людочка... Мало ли какое слово в ответе вырвется?

Впрочем, Игорь Васильевич ни на кого и никогда обиды не таил. А отшельмованный им профессор или до́цент, как истинные классики университетской жизни, по штатному расписанию права на обиды не имели, потому тотчас все забывали и при следующей встрече со Скородумовым садистски, вернее садомазохистски, вновь проигрывали тот же диалог. Скушна жизнь у преподов, хоть чем-то развлечься!

♦ «Лучше огонь здешний чем огонь вечный»,— отвечал потомок старообрядцев профессор Скородумов присказкой знаменитого протопопа Аввакума, сожженного Никоновыми злыднями в Пустозерском остроге, и на ехидные вопросы коллег из числа преподов-профи: «А что это вы, мг-м, уважаемый Игорь Васильевич, имея в числе прочих и ученое звание профессора по кафедре вычислительной техники, являясь, как вы в научной периодике уже давно утверждаете, создателем концепции компьютера шестого поколения — с прямыми объемными электромагнитными связями, в то же самое время не пользуетесь сугубо принципиально интернетом? Да еще и подчеркиваете: мол, к *вашим компутерам* ближе чем на три метра не подхожу! А еще такой весь из себя знаток этих передовых информационных технологий?»

Аввакумовой призсказкой Игорь Васильевич отвечал вот тем самым — от скуки и монотонности преподавательской жизни — дежурным садомазо-приставалам, которые тут же переключались и требовали разъяснения словам мятежного протопопа. «Сами извольте догадаться»,— резонировал Скородумов. А если очень уж неинтересный ему собеседник наседал, то, если они находились в ситуации *tête-a-tête*, то посылал куда подальше беззлобным матерком, а если был не в духе, то еще одну пословицу вроде в шутку добавлял: «Хочешь сберечь зубы — не три губы»...

Другое дело, если собеседник, обычно лишь с шапочным знакомством и с другого факультета, вроде как всерьез интересовался такой неприязнью заслуженного профессора к интернету и компьютерам, полным властителям и покорителям современного человечества. Попривыкнув остерегаться шуткарей и доносчиков, чем всегда славились отечественные вузы, рассадники знаний и межличностной подлости, Игорь Васильевич для проверки намерений такого шапочного знакомца проводил столь популярный в современной высшей школе тест, то есть рассказывал три четко и осознанно-прощупывающе подобранных анекдота. Первый — про руководителей партии и правительства; второй же являлся проверкой на умственные способности в части владения логикой, а завершающий тест — самый полный ботаник по жизни поймет! — прямо намекал, что трудодень близится к прощальному учебному звонку,

* В Средневековье на парижской Гревской площади по воскресеньям при большом стечении любопытствующего народа сжигали ведьм, колдунов и прочих представителей неодобряемых церковью профессий...

в квартале же их университетского городка расположилась гостеприимная рюмочная «Наливай-ка!» с приемлемыми акцизными ценами и на закуску ностальгическими с советских времен сосисками, запеченными в тесте... да-да, не дерьмоватыми нынешними «хот-догами», а именно почти что из мяса выделанными сосисками «любительские» с мелким жирком, как в шубе испеченными в тесте: с пылу, с жару, с румяной пшеничной корочкой.

При этом наш профессор испытующе смотрел безотрывно в лицо собеседнику, мысленно фиксируя все проявляющиеся на нем эмоции. «Может мы по пути домой зайдем куда-нибудь, неспешно побеседуем?» — робковато говорил *правильный* собеседник, на что Скородумов с живостью подхватывал: «Сам бог велел отдохнуть от этого дурдома: значит в кружало, в кабак сиречь, в «Наливайку»!»

...Проведя в общедоступном по ценам даже для нищенствующей провинциальной профессуры заведении часок-полтора, уже нешапочно сдружившиеся сеятели разумного и вечного дружески расставались: Игорю Васильевичу — прямо до дома пяток минут бодро отшагать, а новообращенному в ряды недоброжелателей компьютерно-интернетовской заразы — направо до проспекта и несколько остановок на троллейбусе.

♦ Вечером того же дня, но уже заметно повернутому к полуночному часу, новообращенный, вздремнувший после сытного (хозяйка у него из деревенских родом, харч готовить искусница!) ужина, заодно хмель от выпитой на двоих бутылки хорошей очистки водки выветрился и перешел в этакий восторженный стимулятор четкости и остроты работы ума и памяти, привел в четкий педагогический ранжир услышанное от знаменитого в университете профессора. Получалось же следующее.

На обычные упреки, что-де Скородумов не уважает интернет и всяческую «компьютеризацию», хотя сам несколько лет преподавал на факультете вычислительной техники, Игорь Васильевич резонно парировал:

— Так было это в девяностые — самое начало двухтысячных годов, когда по советской еще инерции студентов того факультета учили *конструировать* эту самую вычислительную технику. И я читал лекции по системотехнике, схемотехнике, разработке периферийных устройств. Теперь же все эти специальности упразднены, коль скоро в стране давно уже ничего на эту тему не разрабатывают, тем более — не делают. Учат же на факультете теперь исключительно *пользованию* компьютерами и их сетями, 100%-но разработанными в американской «силиконовой долине», а в «железе» поставляемых всему миру Китаем — нынешней цифровой мастерской мира... Правильно, с изрядной долей практического цинизма сказал как-то в открытую один из наших предшествующих министров образования... и-и вроде бы и науки, что-де советского человека воспитывали и обучали как исследователя и творца-созидателя, сейчас же наша задача — подготовить квалифицированного потребителя. Нд-а-а, словом, имя тебе — потребитель! Это уже я говорю, не честно откровенный министр...

Далее по ранжиру умеренно протрезвевший давешний собеседник профессора Скородумова откладывал в своей памяти основные тезисы услышанного в приватной беседе за столиком «Наливайки».

Получалось, что интернетовщина и массовая компьютеризация есть главные звенья оцифровывания мышления нынешнего человека. Этим самым «вместо слова — цифра», как круглосуточно кричит теле- и радиореклама, человек роботизируется и превращается в мельчайший исполнительный винтик в механизме Великого Глобализатора. Прежняя самодостаточность разумения в нынешнем мироустройстве уже не высшим качеством оценки полагается, но подозрительным недостатком. Словом, все на сто восемьдесят градусов, то есть с ног на голову, повернуто.

...Чувствуя, что от профессорских пророчеств он начинает терять веру в челове-

чество, его общественное предназначение, новообращенный собеседник Скородумова начинает впадать в легкую панику, но выручает супруга. Она переделала все поздневечерние дела на кухне, досмотрела очередные любимые сериалы, непременно с «хэппиэндом»: нищая провинциалка, явившаяся в столицу всего с парой платьишек китайской фабрикации, устроившись горничной в дом молодого богатея с годовым доходом в шестизначную *цифру* долла́ров, разводит наивного с его прежней лахудрой, женит на себе и закрепляет счастливый брак рождением сразу двойни наследников... Главная же интрига сериала — наследников она нагуляла от своего деревенского дружка, которого выписала в Москву и устроила личным водилой на «мерседес»... нет, конечно, на «майбах» доверчивого супруга.

Возбужденная сериалом супруга, но не наивного долларового миллионера, а нашего новообращенного Скородумовым доцента, еще в остатках второй бабьей молодости, настойчиво потребовала вечерней ласки от протрезвевшего мужа. Что тот и исполнил, после чего упал в глубокий сон, спасительный от крамольных наставлений знаменитого университетского профессора.

Кстати говоря, прощаясь с доцентом на выходе из «Наливайки», Игорь Васильевич порекомендовал тому как-нибудь зайти к нему на службу: презентует свежий номер «Феноменов разума» и пару своих книг об оцифровывании человечества. «Для закрепления темы нашей с тобой сегодняшней беседы»,— пояснил он, дружески похлопав младшего по ученым степеням и званиям по плечу.

Понятно, что наутро, полностью освеженный глубоким и покойным сном и повторной лаской разохотившейся от сериалов супруги, наш доцент выбрасывает всю эту Скородумовскую дурь из головы; пусть себе оцифровываются, а кто и борется с этим делом... я человек маленький, а вот вышибут из универа за мысли, идущие супротив указаний партии и правительства о полном переходе «от слов к цифре»,— что делать? Препод, тем более профессиональный, очень уязвим, только лекции по конспектам и учебникам глаголить может, другому ничему не обучен...

Конечно, к Игорю Васильевичу он так и не зашел, а при случайных встречах в студгородке сдержанно здоровается, инстинктивно воровато оглядываясь: не узреет ли кто из университетского начальства его ручканья со скандально известным профессором? Да и не до того теперь стало доценту Воробьянчикову: одуревшая от смазливых сериалов супруга его в последнем приступе второй молодости, а главное, наслушавшись уверений телеведущих всех каналов, что «уже нынешнее поколение будет жить в процветающем капитализме с человеческим лицом», внезапно забеременела с твердым намерением расширить состав семьи. Это в сорок-то два года и при дочери-первокурснице!

Воробьянчиков даже намеревался запить (в летний отпуск, конечно), но супруга, почувствовав недоброе, надежно запрятала его зарплатную карточку, а самого суверена зарядила на лето в подгороднюю деревню — есть тещины блины и возделывать сад-огород. «Колечка, ведь *нам* этим годом много витаминных ягод и фруктов потребуется! И я, хи-хи, мой хороший, по выходным буду к вам с мамой приезжать. Изверг начальник весь офис без летнего отпуска оставил... контракт, контракт — все орет!»

«Мд-а-а, не в коня корм»,— мысленно отмечал Скородумов, завидев на территории студгородка фигуру доцента Воробьянчикова, явно стремящегося разминуться с несостоявшимся наставником практической жизни.

♦ Игорь Васильевич вовсе не являлся этаким замшелым ретроградом «от совка», что, говоря словами русского классика, черпает суждения «из забытых газет времен очаковских и покоренья Крыма»... при последних двух словах профессора Скородумова, отбивающего очередную нападку-приставалку коллеги невеликого ума, тот опасливо вжимал рано лысеющую головку в плечи и с испугом оглядывался по сто-

ронам: всего и всея боящемуся вузовскому преподу слышится табуированный для него политический подтекст на современную жизнь... Напротив, Игорь Васильевич смотрел из нынешних серых будней далеко вперед — в еще более мрачное будущее окончательно глобализованного и роботизированного *человейника*. Настолько далеко, что встречал понимание лишь у немногих в нынешнее время самодостаточно мыслящих людей, то есть мыслящих не «по телевизору», но вопреки ему.

Кстати, даже оглупляющее сейчас тестовое образование он умело переворачивал наизнанку. Так и в классификации по типу: умный/кретинизированный адепт глобализации. Здесь он использовал не три упомянутых выше анекдота, но подводил ненавязчиво тестируемого им, пока еще малознакомого, собеседника к следующим двум моментам. Так невзначай вроде бы замечал, что-де в этом году иностранный набор студентов наполовину из негров африканских состоит: Камерун, Танзания, Кения... Если собеседник просто с этим доводом соглашался, Скородумов одобрительно ставил ему мысленный «плюс». Но таковой встречался редко. Обычно же испытуемый, опять-таки испуганно повертев головой, упрекал профессора в нетолерантности: дескать, сейчас некомильфо произносить слово «негр». Огорчившийся («минус» уже обеспечен!) Игорь Васильевич пояснял, что это там у них в сверхлиберальных западных странах внедренная глобалистами *толерастия* не позволяет негра поименовать таковым, а использовать некий эвфемизм. В русском же языке такое название людей с темной кожей историческое и не относящееся к числу обидных. И коварно задавал тестовый вопрос: «А как, уважаемый, прикажите называть этих сынов джунглей и вольных саванн, что прямо из Африки прибыли в наш Тулуповский университет к знаниям приобщаться?» — «Как? Афроамериканцами»,— следовал ответ, после чего профессор Скородумов молча прощался и уходил восвояси.

...Но если испытуемый алогичной чуши не молол, а соглашался с правотой Игоря Васильевича, либо вовсе восхищал того термином «афрорусский» — «А в Кишиневе будет афромолдавским»,— добро подхватывал Скородумов,— то профессор подводил собеседника по второму тесту. Дескать, вот на нашем вычислительном факультете студиозусы уже курсовые пишут по этим... как их, нарочито придуривался Игорь Васильевич... словом, по принтерам, что и руку-ногу человеческую могут слепить из подсобного материала. Услышав же, что называется это «3*D*-принтером», Скородумов суровел лицом, что заставляло испытуемого, не чувствовавшего за собою никакой вины, слабо оправдываться: «Все так говорят, даже...» Здесь собеседник, все так же оглянувшись вправо-влево и понизив голос, называл фамилию очень ответственного руководителя, горячего сторонника цифровой техники...

Но поскольку собеседник прошел на «плюс» первое тестовое испытание, что заставляло инструктора надеяться, мол, не все уж так запущено, то Игорь Васильевич пояснял: «Три дэ» — это американизм от английского *three dimensional*, что имеет адекватный русский перевод: объемный, трехмерный, каковой русскому же человеку и следует использовать в грамотной, не засоренной излишней иностранщиной речи».

И еще добавлял, что уже несколько лет как еще более высокопоставленный руководитель подписал закон о чистоте и грамотности русского языка, а законы надо ведь исполнять?

♦ «Против лома нет приема»,— ворчал наш профессор, иногда разнообразя свое неудовольствие схожими присказками навроде «навалился класс-гегемон» или перевернутой им «не пошагаешь один в ногу, когда все идут не в ногу»,— это когда все же приходилось, скрепя зубами, обращаться к помощи дьявола-интернета. А куда денешься, если он является главным редактором научного журнала и ведет обширную переписку по всему свету с коллегами по изобретенной им научной дисциплине «Феноменология разума»? Он и рад бы писать свои письма на бумаге, непременно

«от руки» любимым своим «паркером», еще десять лет тому назад подаренным лучшим своим аспирантом, успешно защитившимся... но коллеги и авторы журнала не поймут. Они-то все давно уже уподобились тем славным библейским гадаринским полезным сельскохозяйственным животным, что вслед за взбесившимся вожаком стада бросились с обрыва в пропасть...

Да и «бумажная» почта беспрестанно взвинчивает цены, а работа ее доведена, как и все в современном зазеркальном мире, до полного идиотизма: все движение, точнее передвижение отправлений можно видеть на экране компьютера: вчера твоя бандероль миновала узловую железнодорожную станцию Громобоево в глухой сибирской тайге, сегодня почтово-пассажирский поезд мчит ее мимо деревеньки Захолустино... но толку? Мчит-то-мчит, но затем наглухо где-то оседает. В итоге от их Тулуповска до столицы, которые разделяет две сотни верст, обычное письмо может «идти» целый месяц, а то и вовсе исчезнуть.

Конечно, Скородумов свято соблюдал свое правило: ближе чем за три метра к компу не подходить. А всю переписку вел через ответственного секретаря своего журнала, не являющегося сотрудником университета, понятно, общественника как и он сам, но преданного делу науки. Поскольку общественник жил на другом конце города, вольно и просторно раскинувшегося на холмах Среднерусской возвышенности, то общались научные коллеги по телефону. Игорь Васильевич прослушивал зачитываемые секретарем с экрана монитора текущие письма и тут же диктовал ответы. Дешево и сердито. И вроде не нарушает своих клятвенных обязательств не прикасаться к «компам». Словом, как та птичка-величка, что спасается от опасности пряча голову под крыло...

Как человек воспитанный и добросердечный, профессор Скородумов чем дальше, тем больше испытывал стеснение, обременяя ответственного секретаря обязанностью являться приставкой к телефону и компьютеру. Поэтому когда по этой весне, в конце учебного года на дружественной кафедре старший лаборант проводил списание устаревшей оргтехники, благо заведующий кафедрой добился-таки выделения ему нескольких новых ноутбуков и причандалов к ним, то Игорь Васильевич, погрустив о порушенных своих принципах, за бутылек модного сейчас виски легко уговорил матерого лаборанта, военного отставника в малых чинах, провести списание громоздного компьютера еще с электронной лучевой трубкой и выработавшего ресурс, но вполне исправного принтера в свою пользу. Взамен лаборант сдал в утилизацию по ведомости кучу ненужного хлама из своей каптерки, что за ним не числился. Он же за дополнительные поллитра «очищенной» на своей машине отвез технику б/у домой к Скородумову. ...Игорь Васильевич, понятно дело, вовсе не желал дать повод злоязычно возликовать («и тебя, брат Васильич, укатали круты горки!») своим коллегам из числа завистников и недругов, оставив эту компьютерную дрянь в рабочем кабинете.

...Вытребованный в ближайший выходной день общественный ответственный секретарь всю эту технику подключил как надо; двумя днями ранее, профессор, сгорая от стыда, вызвал интернетовского монтера, что провел кабель от распределителя на лестничной площадке в квартиру. За бутылочкой вполне приличного дагестанского коньяка и закуской, сгоношенной супругой, Игорь Васильевич взял у секретаря урок пользования цацками: как открывать почту с адресом, уже давно зарегистрированным в университете на редакцию журнала, и набирать-отправлять письма, а также распечатывать нужное на принтере.

♦ Разохотившийся от коньяка секретарь порывался было скоренько научить шефа пользоваться и другими благами всемирной паутины, но Игорь Васильевич наотрез отказался. Как всегда, будучи потомком злоязычных калужских мужиков, отказ сформулировал в виде им же сочиненного язвительного анекдота:

— С меня вполне хватит и университетского дурдома, чтобы еще и в паутину дебильную влезать. Вот тебе, Борисыч, анекдотец по теме. Живет себе мужичок на хуторе сам-двое с бабой своей и дворовой собачкой Жучкой. Телевизор давно сломался, слушает только последние известия по старинному ламповому приемнику. Как-то ввечеру услышал по нему, что великий и могучий русский язык отныне еще могутнее станет из-за полезного впитывания им обилия американских слов, относящихся ко всем сферам жизни: от компьютеризации широких масс населения и до домашней бытовухи: едова, безалкогольного киряния и так далее, включая диковинные виды супружеской половой жизни... А поскольку Егор слушал радионовости за ужином с совсем уж алкогольной самогоновкой-первачом, то за ночь все из памяти и выпало. Вышел утром на крыльцо: раннее солнышко, благодатная райская тишина — живи и радуйся не хочу! И Жучка в полном предвкушении утренней похлебки из натурального мяса от браконьерски подстреленного хозяином кабана мчится к крыльцу, радостно и преданно вертя хвостом. Но вот незадача? — Вместо обычного троекратного «гаф-гаф-гаф!» слышит Егор: «увау-увау-увау», а потом и вовсе вой: «вау-у-у...» И здесь вспомнил вчерашние вечерние новости и успокоился; дескать, теперь и собакам велено гавкать по-американски!

Выслушал мудроватый секретарь байку шефа, правильно поняв зашифрованный в ней смысл:

— Это понятно, Игорь Васильевич, что не хочешь ты становиться придатком роботизированным интернета с его «компьютерным» мышлением и американской сплошь терминологией. Но ведь и не становясь этим придатком, можно оперативно извлекать из сети нужную информацию...

— Баста, Борисыч! Чего это ты разблагодушествовался после почти неподдельного дагестанского? Сам ведь прекрасно знаешь: в интернете не информация, а затемняющий логику мышления и память информационный шум. Потом, как знаешь, я в трех советских вузах обучался, два из них окончил. Памятью не обижен, поэтому все что услышал-увидел с пятилетнего возраста — помню. А что из ранее незнаемого понадобится, так у меня дома и в рабочем кабинете на факультете полдесятка тысяч томов по всем отраслям знания. Самое существенное, что по развиваемой нами с тобой науке о феноменологии разума в интернете — только наши мысли и выкладки, чтобы другие читали. А насчет оперативности... торопливым кирпич на голову падает! Вот это-то скорость интернета и разучило нынешние поколения не то что мыслить, но даже знать таблицу умножения...

— Но все же информация...

— Да что ты, Борисыч, с легкого хмеля заладил: информация, информация... Мне на прошлой неделе понадобилась биографическая, очень короткая, справка о Сальваторе Дали — для статьи, что пишу к следующему номеру «Феноменов»,— как об основоположнике сюрреализме, то есть трансформированного художественного отображения реальности и так далее — будешь вычитывать, познакомишься. Спохватился — а у меня по нему ничего нет. Пришлось, скорбя душой о нарушении принципов, попросить нашу кафедральную секретаршу-лаборантку, почтенную Наталью Тимофеевну, благо она с педобразованием и до пенсии учительницей литературы в школе трудилась, найти и выпечатать мне из какой-нибудь современной электронной энциклопедии статью-персоналию о Дали. Что она и сделала. Начал читать — и волосы дыбом! О художественной манере с десяток сухих строчек, а далее все о его взаимоотношениях со своей условной супругой Гала́, то есть русской Еленой Дьяковой, прежней женой поэта Поля Элюара. Основной упор — на ее почти сумасшедствие и половое извращенчество: секс втроем с Дали и все тем же Элюаром. А сам Сальватор-сюрреалист суть тоже извращенец и половой трус... Каково? — Вот тебе и классика интернетовского информационного шума!

Мне сразу по сложной ассоциации память выдала, в смысле из подсознания в «оперативку», говоря нынешней компьютерной мовой, передала достопамятный фильм грузинского режиссера, где-то в начале второй половины восьмидесятых годов — самый разгар «алкогольной» горбачевщины! — вышедший на экран... это где о *гравицапе*. Помнишь?

— А как же! Даже коллективные просмотры устраивали... особенно после посещения пивной.

— Вот-вот, лучше после пивной; такую кин-дза-дзу на радость народу, измаявшемуся стоять в трехчасовых очередях за «талонной» водкой, советсский кинематограф выдал. Так это моя память ассоциативная тотчас два словесных шедевра из фильма выдала: «Нам на Землю надо — через полчаса гастрономы закрываются»,— и полный шедевр: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, у него нет цели!» Кстати говоря, из всего обилия художественной антисоветчины наиболее восхитительны этот фильм и «Чевенгур» Андрея Платонова. Куда там до них примитивному злопыхателю Солженицыну! Ну, это я к слову.

— Ассоциация твоя, Игорь Васильевич, архипонятна. Ты у нас, дорогой, прямо-таки толстовец по делам и убеждениям!

— А что здесь такого зазорного? Я лично более всего в нашем великом земляке уважаю его призыв и личный пример самоусовершенствования, как единственно возможную мотивацию нравственного, морального сохранения человечного человека, извиняюсь за тавтологию. Так и здесь: нас сейчас пока считанные единицы, осознающих всю пагубность всеобщей компьютеризации — интернетовщины, но придет время, когда человечество осознает, что история дает ему единственный шанс от расчеловечивания (это уже не тавтология, но антитеза, Борисыч!): отринуть себя от пагубной «паутины». Как это технически, так сказать, сделать при всеобщности вышесказанной? — Не знаю, но на то есть хитроумные японцы и китайцы, сумрачный германский гений, говоря словами нашего великого классика, и острый галльский ум...

— Думаешь, Васильич?.. Придет время, наши *недолайкины* лайкать с утра до ночи перестанут, да?

— Вот именно. Долайкаются ведь?! Кстати, разливай по последней, а я тебе еще один почти анекдот из жизненных наблюдений расскажу. С сексуальной окраской — как всех выпивших мужиков на половую сальность тянет... Природа! Куда от нее, матери нашей биологической, денешься?

(Выпили-закусили, а тут супруга вынесла с кухни запоздалое горячее — запеченную в духовке с антоновкой — год нынче выдался урожайным яблочным. Делать нечего, Игорь Васильевич достал из заначки еще бутылек дагестанского... И бежать в сетевой «*Красное & Белое*» не надо! Хотя там все напитки — дрянь...)

♦ — Слушай же, Борисыч. Я, как сам прекрасно знаешь, телевизор не смотрю, исключая редкие советские фильмы, что иногда по утрам показывают, когда дома только пенсионерки; молодые же поколения потом трудовым, обычно спекулятивным и воровским, в это время хилую деньгу на содержание семьи зашибают. Но вечером моя Антоновна, умаявшись от хлопот домашних, любит сериалы посмотреть... умеренно глупые и сентиментальные. Я обычно пишу или читаю, поэтому все воспринимаю как словесный фон. Поневоле и реклама порой в уши лезет, раздражает. Инстинктивно и на вновь появившуюся — на то она и профессия у рекламщиков! — реагируешь. Возникают ассоциации с реальной жизнью. Например, засел против воли в башке сюжет такого ролика: утро в квартире с евробстановкой. На кружевной постели, почти что трехместной как у Гала́-Дали-Элюара, например, протирает после сна глазки почти голая красотка в ночном наряде а ля проститьюшен. И размышляет озвученно: сейчас кофе выпью и посмотрю *лайки от друзей*. Что такое «лайк», хотя

ты мне не раз пробовал объяснить, из отвращения к компьютерным американизмам я не знаю. Все ищу ассоциаций — и вот оно после этой рекламной штучки-дрючки тотчас и явилось! Ты, Борисыч, в качестве примера этого лайка обычно приводишь графический значок — стилизованное сердечко. Какой-то там смысл у него, дескать, есть. А какой? — Не запоминается, а тут ассоциация эта все и разъяснила.

В девяностые — начале двухтысячных годах приходилось в столицу наведываться на конференции и прочие веселые мероприятия, придуманные для общения старых друзей. Нередко выпадала оказия на служебной машине своего декана задарма прокатиться. До Москвы по раннеутренней незабитой дороге быстро водитель Жора домчит, а вот на въезде по Варшавке мука мученическая: и летнее солнце уже подпекает, а впереди утомительная километровая пробка, продвигающаяся со скоростью один метр в минуту — я сам засекал. Одно развлечение для «гостей столицы»: между замершими машинами из числа въезжающих снуют ловкие ребята в адидасовской униформе, матерчатые картузы с утиными козырьками на головах, что ловко достают из-за заплечных сумок глянцевые журнальчики с предложением услуг проституток и (бесплатно) мечут их вовнутрь машин — стекла боковые по причине жары и духоты опущены. А на страницах журнальчика пестрят обнаженные тела «в позах» жриц физиологической любви на разный возраст, цвет и спектр указываемых сексуслуг, включая предельно извращенные... Поскольку же журнал зарегистрирован Роскомпечатью, то по его законам сугубо срамные места платных красоток фотомонтажно прикрыты теми самыми стилизованными сердечками, о которых ты, Борисыч, мне толкуешь. Вот по такой ассоциации я и понял: что такое лайк! Ха-ха-ха! Не в бровь, но в глаз... То есть этим самым лайком нынешние пользователи интернета прикрывают, как в античном мире фиговыми листками, свои срамные места, то есть башку свою пустую, в которой здравых мыслей уже и не осталось вовсе. А недолайкин, что есть уже устоявшееся поименование нынешних молодых поколений, просто будет означать: не достигший половой зрелости! Ха-ха-ха!

— Хорошая аллегория, Васильич, ничего супротив и не возразишь. Ты, я смотрю, вторую дагестанского откупориваешь?

— Не в сухую же эту пышущую жаром курицу с яблоками скучно жевать? Не бось, Борисыч, сдюжим!

...Как водится на Руси, ранее святой, затем советской, а теперь олигархо-либеральной, при появлении на столе свежей бутылки мужики нарочито серьезнеют, от анекдотов и игривых разговоров о бабах на некоторое время переходят к философическим рассуждениям.

— Так-то оно так, Васильич, но в пространстве интернетовском и отменные спецы практикуются, те же программисты, хакеры, создатели компьютерных вирусов: люди высокой научно-прикладной квалификации. Надеюсь, отрицать очевидного не станешь?

— Стану, Борисыч, и разобью твое убеждение в пух и прах!

— ?

— Да-да, в прах. Из названных тобою спецами исключительно являются только «вирусники». Но имею глубокое убеждение, что вирусы и антивирусы, то есть программы заражения и борьбы с таковыми, делаются одними и теми же людьми, вернее, лабораториями и целыми исследовательскими организациями, цель какового действа — извлечение денег из воздуха. Это я называю *принципом стекольщика*, что еще сто с лишком лет назад О. Генри в «Огнях большого города» блестяще описал как чисто американское бизнес-изобретение...

— Как же, помню: бежит по улице мальчишка и крушит булыжниками из мостовой окна, а следом его хозяин-стекольщик шествует: «Кому окно вставить! Вставляю окна...» Но все же остаются программисты, хакеры?

— Ты, Борисыч, незаслуженно высокого мнения о программистах. Это отголосок давних шестидесятых годов, когда вычислительные машины только появились, а слово *программист*, наряду с *физиком*, *космонавтом*, вызывало восхищение и восторг экзальтированных дам и школьников. Я же не зря пять лет по совместительству преподавал на вычислительном факультете, то есть говорю со знанием дела: программирование есть скучнейшая и монотонная работа, где можно и вовсе без головы включенной обойтись. Особенно в части современных программ высокого уровня, состоящих из миллионов условных строк. Программист только переводит на машинный язык уже разработанный умным постановщиком задач алгоритм. Чувствуешь разницу? Так-то. Именно поэтому на Западе наши любители подзаработать, мол, славны бубны за горами! — исключительно программистами трудятся. Тамошние высоколобые этой нуднятиной брезгуют напрочь...

А хакеры... знаешь, Борисыч, в нынешних сериалах для домохозяек расхожий типаж, именуемый «компьютерным гением»,— очкастый пацанчик пионерского возраста. Он же и хакер. Недалеки от истины создатели этих сериалов. Давай порассуждаем здраво. Если ребенку и взрослому человеку поручить одинаковую, некоторую условную работу выполнить, то каков их алгоритм ее исполнения? Ладно, Борисыч, разовью мысль. Взрослый, руководствуясь главным принципом поведения человека — врожденной ленью (все изобретения — от лени!), начнет обдумывать: как, не слезая с печи и не пачкая рук, выполнить заданный урок. И что-нибудь обязательно придумает и сдаст порученное в срок. А ребенок? Наблюдал, конечно, сам как дитя еще малоразумное, а разум только годам к двадцати-двадцати пяти пробуждается в осознанном виде, может часами монотонно перебирать всякие камешки, стучать подвернувшейся палочкой — хорошо не дубиной! — по столу, стулу, головке тож неразумного братика или сестренки... Он ищет и пока еще не может найти алгоритм решения задачи.

Нынешний человек, причем уже взрослый, перестроившись на сугубо компьютерное мышление, подобен такому мальцу. В чем алгоритм компьютерного вычисления? — Правильно, в монотонном переборе всех возможных сочетаний и так далее. Тож и «компьютерный гений», он же и хакер, бессмысленно перебирают цифири... хотя бы их и миллионы в одну кучу свалены. Самое существенное — защиту от хакерских взломов придумывают такие же компьютерные недолайкины.— Не по возрасту, конечно, но по уму... вернее, отсутствию такового. Своя своего понимай, переиначим присказку, поэтому хакер-недолайкин сравнительно легко взламывает защиту, выдуманную таким же компьютерным недолайкиным. Вот и ответ: почему серьезный человек, с развитым творческим, не цифровым, мышлением не годится на роль хакера...

...Долго, до темноты и сухого донышка второй бутылки дагестанского горячились, беседовали наши теоретики. А черт, дьявол злокозненный, слушал их из угла и про себя усмехался над наивными людьми еще доинтернетовской формации. И бог располагает пока человек полагает!

♦ За пару-тройку вечеров Игорь Васильевич настолько наловчился вести интернетовский почтовый обмен с коллегами и авторами своего журнала, что даже испугался: чур меня! А не втянусь ли я ненароком в эту паутину, не стану ли в одночасье профессором-недолайкиным? И личный кот Скородумова попривык к новому занятию хозяина, запрыгивал на рабочий его стол и немигающими глазами все наблюдал за движением рук по клавиатуре.

Но очень скоро появившееся было некоторое благодушие профессора к идеологическому врагу-интернету стало угасать. Надо сказать, что когда он вел переписку через журнального секретаря, то подписывался либо просто « главный редактор», а

чаще и вовсе — «редакция журнала». Теперь же пришлось указывать свою фамилию. Вот это и сыграло свою роль в дальнейшем общении профессора с всемирной паутиной, завершившимся актом французского синдрома... и полным обращением его в толстовцы.

Поскольку и исключительно для поднятия престижа своего журнала, твердо держа в памяти высказывания классиков марксизма-ленинизма «бить врага его же оружием» и «для достижения наших целей использовать все ресурсы классового врага», Игорь Васильевич во всю пользовался информационными возможностями интернета, не забывая порой приговаривать, что-де против лома нет приема. А проще говоря, все номера своего журнала, все свои издаваемые книги дублировал в электронном виде на наиболее солидных отечественных и зарубежных сайтах. Соответственно и его творческие биографии где только можно пестрели в всемирной паутине...

Теперь же всякий пользователь интернета мог запросто сопоставить его электронный адрес с *Ф.И.О.* столь известного в мировой науке ученого. Игорь Васильевич уже на первой неделе интернет-переписки понял: какого он дал маху, начав подписывать письма своим именем; знал бы заранее — так и продолжал использовать инкогнито «редакция»... Что ж, все мы, даже заслуженные профессора, крепки задним умом! Итак, как щеголяют латинизмами ученые люди к месту и не совсем, *a fortiori**... но здесь не меньшего маху дал и инструктировавший Скородумова секретарь Борисыч — во всем почти неподдельный дагестанский виноват! Сам многоопытный интернетчик, ранее зачитывая шефу по телефону новую почту, он, как само собою разумеющееся, опускал всякие благоглупости — от назойливой рекламы до откровенного мошенничества, что пышным веером прикреплялись к сугубо деловой почте.

Но — к делу скорбному. Поначалу его даже веселил «научно-коммерческий» спам. В каждый просмотр почты, что Игорь Васильевич производил через два дня на третий, на экране появлялись объявления — приглашения публиковаться в научных журналах, издаваемых на русском(?) языке в Польше, Чехии, Венгрии, но особенно почему-то в скандинавских странах: Норвегии, Дании, Швеции и даже в суровой стране викингов Исландии. Знающий профессор с вычислительного факультета объяснил при случайной встрече в «Наливайке» такую любовь столичных коммерсантов от науки к исторической родине варяжских (в основном из Одессы в Москву перебравшихся) гостей: «Там, Васильич, проще и дешевле всего зарегистрировать периодическое издание. Чистое разводилово для полных недоумков, но, наверное, кто-то и клюет: оплатят через интернет пять-семь тысяч за свою статью, получат по «бумажной» уже почте тоненькую тетрадочку «датского журнала», отпечатанного в Подмосковье на ротапринте и — радуются себе! Все одно такие «публикации» в научном реестре в зачет нигде не идут».

Где-то через пару недель освоения Скородумовым врага-компьютера стали приходить от непонятного адресата, понятно, с обращением по имени-отчеству, письма с навязчивым предложением: «...Поздравляем Вас, уважаемый Игорь Васильевич! Мы приняли решение поощрить Вас, как выдающегося ученого и в связи с юбилеем великого <далее строго по «Календарю памятных дат» на текущий год следовали имена Лапласа, Эйлера, академика Остроградского и т.п.>, премировать 2000 рублями. Для перечисления просьба сообщить номер Вашей банковской карты. Остаемся Вашими...» Профессор Скородумов рассмеялся такому примитивному разводилову, но на всякий случай созвонился с Борисычем-секретарем. Тот заизвинялся, что ранее забыл предупредить: «...Игорь Васильевич! Ни в коем случае дальше не раскрывай таких писем, где в заголовке темы значится эта «сакральная» сумма именно в 2000 рублей!

* Исходя из более весомого, тем более (лат.)

К ним часто прикрепляют такой мощный вирус, что разоришься на чистке. А для чего это делается? — Даже знакомые хакеры не могли мне объяснить...»

Дальше — больше. Как потом сообразил профессор, круг интересующихся степенью его слабоумия при предполагаемом — с таким обилием степеней-званий в интернетовских биографиях! — финансовом изобилии продолжает расширяться от одного просмотра почты до другого. Много он чего нового из ареала интернет-мошенничества узнал за неполный месяц, в частности, что является он прямым и единственным наследником в базе почившего в штате Аризона миллионера, точнее с капиталом в 6500000$, по имени Алан Скородумов. Об этом счастливого наследника известил на специально ломаном русском языке адвокат и душеприказчик покойного Джордж Смит, эсквайр...

Заставило его в начале расслабляющего жаркого августа, когда все люди, даже очень умные профессора, теряют бдительность, поначалу взволноваться письмо на бланке Федеральной службы судебных приставов, где значилось, что он должен был еще две недели тому назад закрыть долг по судебному постановлению номер такой-то от числа тоже такого-то... При неуплате оного «ваши счета будут заблокировать до полного погашения долга». Хлопнув для ясности расслабленного жарой сознания пару стопок водки из початой бутылки, что истекала слезой в холодильнике, Игорь Васильевич еще раз со вниманием прочитал тяжебную бумагу и рассмеялся: сочинитель ее вовсе не знал его отчества и отсылался явно не по-судейски: «Здравствуйте, Игорь Скородумов». Явно не по-служебному звучала и концовка письма: «С наилучшими пожеланиями, ФССП России». Опять же исходный адрес судебного пристава-исполнителя не содержал принятого в этом славном ведомстве наименования домена *fssprus*, а звучал по-импортному; как перевел Игорь Васильевич на русскую транскрипцию: *броуэнхилл*. ...Уже в сентябре, после всех случившихся событий, профессор Скородумов не поленился сходить на вычислительный факультет, где друзья порекомендовали ему лучшего студента-хакера. Тот почтительно — снисходительно выслушал знаменитого профессора, несколько минут потанцевал пальцами по клавиатуре и выдал результат: адрес с упоминанием *броуэнхилла* зарегистрирован на Каймановых островах...

♦ Ближе к середине августа разводиловы становились все более наглыми, раздражающими Игоря Васильевича. Явно атакующие перешли к игре ва-банк. В один препакостный для интернет-неофита день Скородумов раскрыл почту и удивился обилию имен авторов его журнала и друзей-знакомых со всей страны и мира. Все эти письма содержали до удивления однообразный текст: адресанты вежливо-сочувственно, но и несколько настороженно сообщали, что они не прочь перевести запрошенную «дорогим Игорем Васильевичем» сумму для поддержания издания «Феноменов разума» на указанную им банковскую карточку, но только просят (уж не обижайтесь, мой дорогой!) подробнее объяснить: что же такое случилось с редактируемым вами журналом?

...Ответственный секретарь Борисыч был убежденным сторонником здорового образа жизни — редкие посиделки с шефом за дагестанским не в счет...— прослушав в десять вечера животрепещущие новости о пенсионной реформе, слава богу, он успел недавно себе ее оформить, строго по распорядку дня ложился спать. Поэтому был озадачен неуставным звонком шефа в половине одиннадцатого. «Игорь Васильевич! Ты, к сожалению, попался в лапы хакера, который взломал твой адресный ящик и теперь собирается обобрать твоих друзей и авторов журнала, понимаешь? Срочно разошли им всем отбойные письма с пояснением!» ...Что Игорь Васильевич, по-серьезному матерясь, что пугало доброго его кота, и делал до полуночи. В объясняющих письмах с глубочайшими извинениями, что всегда характеризует человека

безвинного, он добавлял, что отныне просит все присылаемое ему, как и ранее, адресовать на редакцию журнала, не упоминая его Ф.И.О. После чего *насовсем* отключил от сети рассадник дебилизма и мошенничества, отложив расправу с ним на раннее утро и прошел на кухню. Достал из холодильника дежурную початую бутылку, а ввиду разыгравшегося нервного ночного аппетита на закуску затеял жарку глазуньи с салом. Коту, чтобы не завидовал хозяину, налил блюдечко молока, а в едальную плошку положил его любимой пшенной каши, сваренной с мелко порезанной печенкой, щедро перемешав с психотропным китекетом...

Борисыча же пощадил, не стал будить среди ночи, отложив телефонный звонок о возвращении к прежнему *status quo* на наступающий — на часах начало второго ночи — день. «Будет день, будет пища»,— пробормотал в унисон своим мыслям профессор-толстовец, совершенно забыв, что это присказка раздражает кота, который по своей биологической природе унаследовал от давних предков отряда кошачьих манеру есть ночью... Впрочем, и днем не отказывался — из уважения к хозяевам.

♦ Игорь Васильевич явно недооценил все коварство утренней тишины. Не только врач-психиатр в отставке Евгений Семенович Дорошенко наблюдал казнь «компа» и слышал рассуждения профессора о пагубности оцифровывания человечества. Сосед Перфильев — с пятого этажа, по диагонали влево его балкон от скородумовского — годами дряхл, но зрением и слухом хоть в космонавты записывайся! И все это наследственное: уже в третьем поколении, считая от забастовки иваново-вознесенских ткачей, где юным штрейкбрехером и доносчиком был его дед, все Перфильевы, как любители грамотности, испытывали неистребимую тягу к сочинению подметных писем. Впрочем, эта старинная русская забава... со времен новгородских берестяных грамот.

Уже заматеревший Перфильев-дед в годы *НЭП'а* своими доносами отправил в уездный *ДОПР*, *КПЗ* по-нынешнему, в полном составе два товарищества на взаимном доверии. Его старшой Егор в ежовщину целиковое руководство райкома под пятьдесят восьмую подвел — «десять лет без права переписки», но вскоре и сам загремел (не плюй в колодец...), едва успев увидеть новорожденного сына — нынешнего соседа Игоря Васильевича. Зато Перфильев-сосед вволю грамотностью своей натешился. Заодно оформил бумаги на отца и деда как жертв сталинизма (Перфильев-дед тоже плохо кончил...)

Но последнюю четверть века сосед Скородумова отчаянно скучал: доносы нигде не принимали, не до них было. Даже квартальный участковый ими брезговал. Только в самом начале новой власти, когда в столице из танков постреливали, а по радио и телевидению прямо призывали «неравнодушных граждан с демубеждениями» сообщать куда и о чем следует, воспрявший духом внучок день и ночь строчил. Правда, без каких-либо последствий для всего круга его общения...

Сейчас же, на девятом десятке лет своей интересной жизни, Перфильев-внук решил тряхнуть стариной, с интересом пронаблюдав утреннюю сцену и беседу двух неодобряемых им соседей: очень много мнящего о себе профессора из второго подъезда и врача-психиатра из первого, у которого он когда-то амбулаторно лечился.

Позавтракав манной кашкой, сваренной незамужней дочерью, жившей в отцовой квартире, Рем* Егорович разложил на столе своей комнаты писчебумажные принадлежности. Черновик он писал, как положено, правой рукой, а набело, трудясь до седьмого пота, до самого вечера, выводил буквами, очень смахивающими на церковно-славянский полуустав, что характерно для правшей, пишущих конспирологически левой рукой. Как и положено по сложившейся традиции, излагал он на сдвоенном

---

* Во второй половине тридцатых годов, когда крепили дружбу с Германией, детям зачастую давали имена немецких революционеров, причем противоположных убеждений: от Тельмана до Рема — руководителя штурмовиков. Поскольку Гитлер его расстрелял, то у нас он считался героем...

листе, вырванном из старинной школьной тетрадки «в клеточку», начав с сегодняшнего события: «Партия и правительство всемерно призывают к развитию цифровой экономики и к всеобщему использованию новейших достижений современной науки и технологий, в особенности — интернета, с использованием которого *наш* человек может активно участвовать в жизни страны, даже не выходя из дома»... Далее все таким же высоким, верноподданническим слогом Рем Егорович клеймил «якобы профессора» Скородумова Игоря Васильевича, указав его адрес проживания и место работы, который сего дня в 6.28 по московскому времени демонстративно выбросил со своего балкона компьютер и, обращаясь к отставному врачу-психиатру Дорошенко Евгению Семеновичу и дворнику-гастарбайтеру Селиму (фамилия неизвестна), а также к жителям их квартала, выгуливающих домашних собак (в нарушение правил — без намордников!), призывал последовать его примеру со ссылкой на некий французский синдром, но ведь натовцы истинному российскому патриоту не указ! ... И так далее на всех четырех школьных страницах в клеточку вырванного из пожелтевшей от долгого неиспользования доносной тетрадки (а в тумбочке еще давний запас тетрадок) Рем Егорович обосновывал идеологическую подоплеку дикого поступка профессора Скородумова. Кстати, не носящего галстук, курящего, иногда выпивающего, а главное — не уважающего футбол, «нашу национальную спортивную гордость»...

Завершив творение, Перфильев запечатал его в старинный, еще советского образца порыжелый конверт — опять же из заветной стопки таковых в тумбочке. Надписал адрес. Марки на конверте не имелось, но по трехпоколенному опыту Рем Егорович знал: *куда надо* и нефранкированное* письмо дойдет! Другое дело: будут ли его читать?

♦ Весело на Руси жить! Но все до поры до времени. Когда молох глобализма поглотит, хотя бы и до последнего сопротивляющуюся, нашу страну, то на смену строгой процентной-биологической и социопсихологической норме чудаков, воров, клинических идиотов, нонконформистов и других «исключений из правил», что так разнообразят серую жизнь нашей северной страны, придет единый зомбированный *человейник*. Веселью в оцифрованном мире места не будет, поэтому, как распевали в шинках средневековые бурши: «*Gaudeamus igitur!*» То есть веселитесь впрок. Пока не поздно.

* Образованный еще в XIX веке Международный почтовый союз в качестве рабочего языка использует французский; отсюда и забытый ныне термин «франкированный», то есть с наклеенной на конверт маркой — знаком оплаты почтовой услуги.

Анатолий Андреев
(г. Минск, Белоруссия)

УНДИНА
Монолог Маринеско*
НОВЕЛЛА В СТИХАХ

Доктор филологических наук, профессор, писатель, член Союза писателей Беларуси, Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России и Союза писателей Союзного государства. Член Президиума Общественной палаты Союзного государства. Автор 255 научных публикаций, в том числе монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры», «Теория литературы», «Персоноцентризм в классической русской литературе XIX в.», «Аксиомы персоноцентрического литературоведения» и др. Автор двенадцати опубликованных романов («Легкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...», «Авто, био, граф и Я» и др.), книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная не место для печали», книги стихов «Сквозь Млечный путь — железная дорога», пьес.

1

Нет правды на земле. Но правды нет и выше.
И ниже нет. В морских пучинах также
Ее не сыщешь. Иже с ними. Как же быть?
Идти своей дорогой, не ропща. И не сгибаясь.
Я это знаю — я, законно потопивший
Громаду «Густлова». Законно! И могу я,
Не опуская глаз, смотреть в глаза любому.
Но не любой.
Вчера опять среди кромешной тьмы,
Которая с глубинами морскими схожа,
Ко мне девчонка приходила. Да, во сне.
И робко так, оборки платья теребя,
Меня спросила — на чистейшем русском! —
Не опуская глаз: «Скажи мне, дядя,
Зачем убил мою ты маму,
Красавицу Мадлен,
Голубоглазую блондинку, чья вина
В том лишь и состояла, что она,
Супружескому долгу повинуясь,

* Сведения об истории подвига Маринеско можно найти здесь: https://flot.com/history/events/ marinesko.htm

Вослед за мужем, в китель облаченным,
Взошла на палубу «Вильгельма Густлова».
Меня держала за руку. А я вдруг поскользнулась
На палубе той жуткой и злосчастной,
В тот жуткий мрак и жуткий тот мороз,
И больно стукнулась коленкой загорелой
О железяку. Было больно мне. Скажи
Зачем убил ты маму и меня, живую,
В пучине моря утопил?
Мне было страшно. Больно было мне.
Ты был когда-нибудь в аду? А я была.
На «Густлове», на скользкой палубе,
Был сущий ад после твоих торпед.
Потом потоп всемирный, слава Богу,
Конец мученьям нашим положил.
Но прежде в том аду замерзла мама,
Вмиг обратившись в стройный обелиск,
Пусть ледяной, но гордый хрупкий столб.
И этот памятник страданию ушел на дно.
Сосулька — по железу — в воду. Вот марина
На все века и на все вкусы, правда?
Зачем? В чем виновата я перед тобой
Или пред Богом грозным? Иль пред кем еще,
Кто этим миром страшным правит?»
«Дорогая,—
Хотел я вымолвить —
Дитя мое! Спроси об этом
У дяди в строгом кителе, который,
За узкою твоей спиною прячась,
Десятки тысяч истребил девчонок русских.
В него я метил».
— А попал в меня...
— Я метил в китель ненавистный!
— Мишенью стала я...
— Ты знаешь, на войне...
— Как на войне, я знаю.
Как на войнушке. Заигрались все в войну.
И все позволено нам на войне. Я знаю.
— Да ты здесь ни при чем!
— Я знаю. Но без мамы
Как мне теперь шагать в глухую вечность
С моей больной коленкой? И без мамы!
Одной! Ведь это ты привык
По океанам шарить в темноте
На субмарине на весь мир известной,
На всей земле, и даже выше. Ну, а я...
К ужасной и холодной темноте
Я не привыкла. Да и не привыкну впредь.
— И что ж, всегда ко мне ты станешь
Прогулки совершать в глухую полночь?

А, кстати, как тебя зовут, красавица?
— Зовут меня... Кому какое дело?
Какая разница? Меня ведь нет.

Она, не опуская глаз пустых,
Исчезла вдруг. Рассвет пленительный,
Раскрасив бледный неба холст,
Взошел над миром.
Но не надо мной.
Не над моей душой, измученной
Виденьями ночными.

2

И день прошел в обычной суете. Гражданской.
В трудах, дабы добыть кусок насущный.
Взошла луна над морем. По волнам,
По светлой ряби, столь любезной взору,
Трудяга-катер мирный, словно в гору,
Из сил последних рассекал залив,
Отпугивая сон мой долгожданный
Игрушечным гудком. И в этот час,
Стирая грань меж явью и виденьем,
Вновь появилась девочка. Клянусь,
Я был обрадован не меньше,
Чем в тот момент, когда мои торпеды,
Моей команде повинуясь, взяли
Смертельный курс на «Густлова».— Привет! —
Сказал я, гордо глядя ей в глазницы.
Зияющие. Круглые. Пустые.
Пытался все глаз голубых сияние
Представить. И — не мог.
— Привет, малютка!
Хочу сказать тебе сегодня громко
Я нечто важное. Давай поговорим
Начистоту. Про «Густлова». И все на свете.
Давай расставим точки все над всеми i.
— Давай,— она сказала просто и — клянусь! —
Сияньем голубым меня облила снизу,
А получилось — с высоты ребяческого роста.
В груди моей тучнел шершавый ком.
Кошмар привычный вдруг подкрался тучей.
Холодным потом все чело взялось.
Но я, превозмогая чувство долга,
И чувство самосохранения,
И робости геройской,—
Превозмогая слабости свои,
Себя взял в руки. И встряхнул, как следует.
— Давай. Следи за мыслью. Знаешь, что такое?
— Про мысль?

— Да, что есть мысль. Тебе известно?
— Не очень. Моя мамочка, Мадлен моя, меня
Ввела бы в курс... Ну, в общем сам ты знаешь,
Что дальше я сказать хотела. Извини,
Что причинила боль тебе. Невольно.
Проблема в том, что вся я состою из боли.
И соли. Что ж, давай следить за мыслью.
— Да, да, конечно же, давай. Давай, конечно.
Послушай-ка, а ты не по годам умна.
И хороша не по летам. Давно
Спросить хочу я: сколько тебе лет?
— Подростком я была. Тринадцать стукнуло.
Последним моим летом. Пред последнею
Зимой. Джульетте Капулетти будто.
Моей любимой. Знаешь ты о ней?
— Давай уж лучше проследим за мыслью.
Был договор.
— А я не против. Начинай.
— Что бишь сказать тебе хотел я... Об одном
День целый думал непрестанно. Ты скажи...
Ну, в общем... Я не знаю, как начать...
— Начни смелее. Ты, ведь, говорят,
Не робкого десятка. Нет? И храбрости
Тебе не занимать. Все лишь о том и говорят.
— Да, знаю, знаю.
— Так смелее, мой капитан.
— Одна мне мысль покоя не дает.
— Какая мысль?
— Скажи мне, девочка, скажи,
Моя Ундина, если бы ты вдруг
Была бы... скажем, дочерью моей.
Да погоди ты мило улыбаться!
— Была бы дочерью твоей. И что же?
Что ты хотел сказать?
— Гордилась бы ты мной, моя Ундина?
Уф, груз долой, сумел произнести.
— А было нелегко?
— Едва хватило сил.
— Конечно, тяжело. Представить даже тяжко.
Вопрос, конечно, не из легких.
— Вопрос дурацкий, ты сказать хотела?
— Вопрос глубокий. Я совета бы, наверно,
Спросила у Мадлен своей любимой.
— Пойми, гордилась бы ты мной,
Как я тобой горжусь? Вот в чем вопрос.
— Ах, Маринеско... Мне уж, право слово,
Давно как все равно. Я стала
Людей бояться, перестала их понимать.
Совсем запуталась: где есть моя вина,
А где — беда? За что нас так?

И в чем неправ был фюрер?
И был ли он хоть в чем-то прав?
Моя Мадлен святая — чем она не угодила?
И кому? Ах, Маринеско, отпусти
Меня из снов своих! Прощаю я тебя.
Не мучь меня. Гордиться же тобой
Не в силах я. Подумай сам. Следи за мыслью.
— Ундина, нет, не уходи! Нет, нет!
Не покидай меня в ночи
И в одиночестве моем постылом!
— Не надо было убивать меня. В невесты,
Глядишь, сгодилась бы тебе. Шучу.
— А мне уж не до шуток. О, не уходи!
Что буду без тебя? Так, казусом войны.
Обрубком. И обломком. Матерьялом.
С тобою ж рядом чувствую себя
Я человеком. И...венцом творенья.
— В своем ли ты уме, о, Маринеско?
— Не знаю я. Иные полагают,
Что я герой; иные так гордятся
Персоною моей, другие — проклинают.
Себе я цену знаю. Но другим
Цена в базарный день — полушка. Медная.
— Послушаешь тебя — ты без греха, однако.
— Кто ж без греха? Я вспыльчив и горяч.
Немного я угодник дамский. Вот и все.
Пожалуй, все, как на духу.
— А мне зачем все это знать?
Я ведь ребенок. Иль желаешь
Ты ревностью моею насладиться?
— Не знаю я. Не уходи.
— Пора. Давно пора мне.
— Куда? Ведь у тебя в запасе вечность,
А у меня — с десяток снов инфарктных
И целебных вместе. Не спеши.
— Нет вечности, мой милый Маринеско.
Есть только миг, подобный вечности. И тот
Ты отнял у меня и у Мадлен моей
Любимой.
— Ладно. Будь по-твоему. И все же
Скажу тебе последнее мое желанье.
Мне сон последний подари!
Упиться дай мне роскошью общения с тобою.
А также и с собой. Под занавес. Что ж ты молчишь?
— Борюсь с собой. С желаньями своими.
Ну, так и быть. До завтра, до полуночи. Пока.
Я поспешу к своей Мадлен. Роднее
На этом свете у меня нет никого.
Да и на том. Подруг я не ищу. Пока.
И вновь рассвет мне был врагом: он похищал

Бесценные мгновения у жизни,
Которая все более напоминала мне
Мой сон.

3

Ундина! Ах, зачем явилась ты ко мне,
Герою? И зачем покой нарушила, смутила душу?
Тебе ведь все равно там, неизвестно где,
А мне бы — жить да жить. Но не судьба.
Как объяснить мне вам, гражданским людям,
Что есть война?
Неужто формула войны —
Проста, ужасна и — негероична?
Что, уж не Марс могучий, и не рыцарь
На белом и лихом коне есть символы войны,
А воин в безупречном том мундире,
Изящно скроенном да ладно сшитом,
Тот воин, у которого рука по локоть
В крови Ундины убиенной утопает,
Голубоглазой и прелестной?
Чумы коричневой, Я, победитель,
Отныне не герой — убийца жалкий? Так?
Но нет! Такого быть не может!
Абсурд и клевета! Ведь мы тогда
Лишимся всех героев! Всех! До одного!
Не только Маринеско, но сам Грозный-царь
Сомнительный герой тогда, не правда ль?
Опричник и злодей, не более того.
А Петр Великий — он герой или тиран?
Попробуйте его отмыть вы руки
От крови тех, кто прорубал окно в Европу
Согласно императора приказу,—
В Европу ту, которая топила
В крови мою Отчизну? А Георгий Жуков,
Тот воевода, что заставил захлебнуться
Кровинушкою русскою так верно
Фашистов-нелюдей, сынов Европы славной?
Отнюдь не меньше он фашистов
Положил, а больше. И гораздо больше!
Не полководец он? Лишь кровопийца,
Усерднейший служака? И всего-то?
И — страшно вымолвить! — отец народов,
Генералиссимус Иосиф Сталин,
Суровый гений чей страну укрыл
От верной гибели,— он тоже лишь мерзавец,
О ком стенают миллионы жертв?
И памятник ему — кощунственный проект?
И тухлая затея? Мне ответьте!
А Минин-гражданин? А князь Пожарский?

По-вашему, все, все, все, все герои —
Лишь свора штрафников и гопников?
Головорезов недобитых? Подколодных гадов?
Неужто все герои — лишь наполовину,
А остальное в них — преступники и жертвы вместе?
И Маринеско — в том ряду? О, боги!
А кто ж тогда всех защищает вас от смерти?
От гибели? Ценою гибели и смерти,
Само собой, иного не дано.
И бросите вы камень свой в меня —
А попадете им в историю людей,
Кровавую, но славную. Бросайте!
Без стесненья! Но при этом знайте:
Кто первый камень бросит в нас, тому
Людей не жалко. И тот жизни враг.
А значит, и мой личный враг.
Нам не договориться.
И что же получается: Ундина —
Всего лишь щепка, а война есть рубка
Леса темного?
Ответ такой:
Идите все вы к черту, упыри!
Ундину я убил. Но если б дрогнула
Моя рука, если бы толику сомненья
Я в сердце заронил хоть на секунду,
Тогда бы превратился я в убийцу
Банального. А я герой.
Банальный. Но герой.
И званье это я никому на свете не отдам.
С собой в могилу его я унесу.
Все точечки над i расставлены?
Не знаю. Не уверен. Я люблю Ундину.
Улыбочки кривые? Мне плевать.
Моя любовь вся состоит из боли.
А вы — идите к дьяволу.
Теперь я все сказал.
«А, вот оно! — вскричали упыри.
— Герой раскаявшийся — не герой,
А так себе — слабак. Отсюда сопли,
Истерика, приятель. Неприятно
Услышать возражения убийственные? А?»
Краплеными я не играл и не играю.
Ответ мой четок, тверд и однозначен:
К черту, упыри!

4

И вечер был. Вот и гудок. Игрушечный.
— Ты слышал, Маринеско, ту сирену
Тот стон «Вильгельма Густлова»,

Идущего на дно? А? Маринеско?

Моя Ундина так меня встречала
В последний вечер наш, переходящий в ночь.
— Прощальный вой девятипалубной громады
Не смог своим гнусавым басом,
Срывающимся то и дело на фальцет,
Отчаянные вопли заглушить детей.
Как небеса могли простить сей вопль
Пронзительный всем людям? Не тебе,
Назначенному крайним,— не тебе,
А роду человеческому вкупе?
— Под ту сирену, что в дуэте с воплем,
Я засыпаю мертвым сном под утро.
И просыпаюсь нехотя. Хотя
Не сплю ни капли.
— Ой ли, Александр?
— Ты мне не веришь? Слово офицера!
— Спокойной ночи — то не про тебя?
— Нет, нет, увы, не про меня. Но цель
Была законна! Лайнер фрицев
Был боевым. Военным кораблем. И точка.
— Боевым.
С детьми. И женщинами. И со стариками.
— Ты хочешь на меня грехи войны списать,
Моя Ундина? О, не торопись.
Уже ты опоздала. Сам себе я
Свой высший суд. И сам себя я
Хоть оправдал, но не простил. С тебя довольно?
Спасибо, кстати, радость, что пришла.

Тут тихий ангел пролетел. Моя Ундина
Молчала долго. Наконец, потупив очи,
Она спросила тихим голосом:
— Скажи мне,
Что было там написано по-русски,
На тех торпедах? Мелом? Зло? Не помнишь?
— «За Сталина!», «За Родину!» Как принято
Перед решающим сраженьем. Эти крики
Немые дух нам поднимали
И заглушали страх.
— Зачем же, смертники, вы не писали «За Любовь»?
— Так разве пишут — «За Любовь»? А мы не знали.
— Когда так пишут, то торпеда сразу
Теряет смертоносный свой запал.
Она становится куском железа
Бесполезным. Ну, а «Густлов»
Куском железа бесполезным не был.
Он домом был всем нам, пока не стал могилой...
— Но «За Любовь» ведь лозунг не войны;

Любовь — послевоенный лозунг. Чтобы
Врага разбить, озлиться надо и возненавидеть.
Иначе миру не бывать.
Сначала — победить. Потом — любить.
— Мне лишь тринадцать. Пусть и навсегда.
Я лишь любить училась,
И до ненависти лютой
Мне было далеко. Да и зачем?
Ты шел через войну к любви, а я с рожденья
Постигла эту истину простую.
Я — девочка. Была. До той «атаки века».
До апокалипсиса. Нет, ты дьявол, Маринеско.
Детей погибло много тысяч.
Ведь это целый город, Александр Иваныч,
Страна большая. Что там — целый мир!
Под корешок ты рубанул отменно, Маринеско.
— Ундина, ты на Леонору милую
Похожа. Когда злишься.
— Кто такая?
Очередная верная твоя любовь?
— Нет-нет, любовь навеки. Дочь она моя.
Но есть еще и Танечка, Танюша...
— И тоже шведка? Что за совпаденье!
— Моя Ундина, полно. Танечка — моя душа.
Моя дочурка нежная.
— И значит, представить можешь ты себе легко
Все наши чувства с мамой.
— Да, легко. Не представляешь, как легко.
— Еще кого любил?
— Еще была Валюша. Нет же, целых две
Валюши. И еще... И много я кого любил, Ундина.
Я за любовь сражался — вот в чем штука.
— Неправедными средствами сражался.
— Ты говоришь, как политрук. Но ты же девочка,
Ундина! А про средства... Они были законны.
И не я законы те писал, а бог войны. И Родина.
— Скажу я так: ты слишком многих
Любил. Да, слишком многих. Хотя мне дела нет.
Да и самой меня не существует.
— Не говори так, умоляю. О, не надо!
Ты для меня реальней всех живых.
— Ну, слушай же, что я скажу тебе, живая.
Не обижаться только, чур. А впрочем,
Тебе решать. Готов ты слушать?
«За Родину!», ты говоришь. И что ж твоя страна?
Что родина? Она ведь и сгубила
Тебя своей «атакой века». Верно?
И поделом! Про «аз воздам» ты слышал?
— Не Родина меня сгубила! Нет!
— Но ты ведь не «Герой»!

— Не Родина!
— А не «Герой» — так самозванец.
Кровопийца! И ворюга!
— Не Родина! Мне Родина — простит,
Как я простил ей все. И даже больше.
Но есть хмыри и упыри — вот их-то
Я не прощу уж никогда. И ни за что.
А «именем народа» —
Они умеют это исполнять.
Вот их бы всех на «Густлов» — и рука б,
Не дрогнула, клянусь. Фашистов хуже
Рои завистников, так плавающих мелко.
— Ты это смог бы. Ты — морской убийца.
Ты гениально одаренный дьявол.
— Ты ошибаешься. Хотел я в море
Ходить, быть моряком. Но не военным.
Торговым, например.
— Торговым. Мирным. Ой ли!
Сомнение терзает тут меня.
Ты прирожденный хищник, ты из тех,
Позволено кому не думать, нажимая на гашетку.
Позволено приказы выполняя, тем совесть очищать.
Позволено вам быть не человеком,
Но воином, убийцей хладнокровным.
Вы хладнокровные и есть, герои! Гады!
Я ненавижу вашу доблесть подлую.
Довольно! Сколько нас, убитых,
Придет к своим убийцам! Но вы тоже
Убиты все, убийцы. Мертвецы вы.
Вот правда в чем — и на земле,
И выше. И во глубине. И — и везде.
И это правда всех убитых. Не убийц.
— Довольно! Стоп! Я, командир подлодки К-13,
Приказываю вам, Ундина, бросить
Все эти мысли вредоносные,
Ведущие не в рай, но в ад.
— В пучину,
Сказать хотели вы, маэстро Маринеско?
А кстати, что есть Маринеско,
Как не пучина моря? Как не бездна
Морская? Как не впадина на теле бездны?
Маринеско Александр Иваныч, так ли?
— Ундина, стоп! Ты не беси меня!
Ведь скор я на расправу, и до трех
Считаю я единым махом.
— Так говорят машине, Маринеско,— «Стоп!»
Машине, Александр Иванович, дражайший.
А нам, ундинам, все команды ваши
Влетели в ухо — и не задержались,
Нелепые и жалкие словечки,

Бодрящие матросов и старшин. «Стоп, стоп...»
Командуйте своим старлеям, а также адмиралам.
— Извиняюсь. Я горяч. Бывает.
— Вы извиняете себя, как вижу.
— Нет-нет, прошу у вас прощенья.
— Прощения просите у Мадлен голубоглазой
И у дочери ее.
— Так я же и прошу!
У вас и у нее. Иль вы не дочь ее?
— Ундиной я зовусь, я — дочь всех матерей,
Погибших со своими дочерями,
Я — та... А впрочем, не дано понять вам, мой капитан,
Третьего ранга капитан.
— Не говори, что не живая ты, Ундина!
— Опомнитесь, безумец Маринеско,
Герой и дьявол, Александр Иваныч.
— Да, да, конечно. Я в порядке, полном
И окончательном порядке. Я надеюсь.
— Тебе нужна психиатрическая помощь,
Мой капитан.
— Нет, чур меня!
Спаси и сохрани от этих санитаров!
Уж лучше сразу — в петлю. Так спокойней.
— Уж лучше в море. Я шучу.
Ох, что-то я шучу немало нынче.
Ох, что-то весела я чересчур.
Да ладно. Ведь могу себе позволить
Хоть изредка, хоть что-нибудь такое
Невинно женское, пусть женщину во мне убили.
Ах, Маринеско, вы не убивайтесь так. Бывает,
Как вы изволили сказать. С кем не бывает?
Теперь мое последнее желанье:
Давай продлим очарованье —
Давай продолжим наши сны и наши встречи?
Что скажешь, Александр?
— Откуда имя
Мое ты знаешь?
— Кто ж его не знает?
Герой ты, и увековечен.
Спроси любого — и тебе ответят:
«Как вы сказали? Маринеско Александр? Герой!»
Не то, что я, безвестная, и в лету,
Безвестно канувшая — в море
Балтийское, хотела я сказать.
В залив прелестный Данцигский. В пучину.
Так что же, капитан, мне завтра приходить?
— Прошу я! Умоляю! Буду ждать я.
Вот только боль акулою мне впилась
Под левый бок. Торпедою-занозой
Пронзен. Стоять нет мочи. Принужден я

Прилечь. Тельняшка жмет.
До завтра.
Если доживу...

5

Я, Александр Иваныч Маринеско,
При трезвой памяти, уме неповрежденном,
Пишу свое предсмертное письмо
Химическим карандашом —
Моей Ундине. Ей лишь в руки
Клочок бумаги должен сей попасть.
Секретно совершенно. Даже рыбам
Я не доверил бы своих каракуль вопль.
Знать не должна душа живая ни одна
В подлунном и бездонном нашем мире,
О чем мы с нею говорили откровенно.
Признанье совершить хочу и тем облегчить душу.
Я умер в пятьдесят. Советский офицер.
Отец мой был румын. Из рода Маринеску.
Мне на роду написана связь с морем,
С глубинами его. И тайнами.
Подводником родился я на свет.
И потому на острие атаки века
Был профиль мой. Я вопреки приказу
Сменил свой курс. И вот на горизонте —
Громада «Густлова». О, фон Вильгельм!
Какая, брат, удача! Цель какая!
Убит ты будешь дважды. А претензии — к судьбе.
Все три торпеды аккурат легли по ватерлинии.
Все три торпеды — враз! —
Попали в цель.
И цель та — я.
Я, Маринеско Саша,
Рожденный в городе Одессе,
В году двенадцатом. Полвека прожил. Год за десять.
Но разве это возраст для героя?
Хотя мне кажется, что пал я жертвой
Атаки века, задолго до похорон —
Еще тогда, в блестящем сорок пятом.
Комдив Орел, мой адмирал, к Звезде
Меня представил. Только адмиралы
Другие попадались. И они повычитали
Из подвига вину —
Не перед ВМФ, как им казалось,
А перед... В общем-то, вину перед тобой,
Моя Ундина. Это справедливо.
Я не ропщу. Я — не Герой
Советского Союза. И атаку века
Теперь уж обратили на меня

Согласно правилам военного искусства.
И я, подобно «Густлову», иду ко дну.
Герои долго не живут. Такая вот история.
«Эска»-13 — это не малютка!
Тринадцать было экипажей «эсок»,
Тринадцать субмарин. Одна лишь уцелела.
Под номером тринадцать. Как понять все это?
Судьба здесь или счастье?
Непруха или фарт?
Того не знаю я. Но адмирал мне верил.
И шведка верила, красавица, блондинка.
«Ее любил ты?» — голос слышу твой, моя Ундина.
Не знаю я. Вот право слово. Я всегда
Был офицер. Женат я был на долге,
С приказом обрученным. Это правда.
Но я не совесть очищал, приказы выполняя,
А брал ответственность. Такой вот роковой нюанс.
Все это, собственно, тебя не воскресит, моя Ундина.
Я это знаю. И... мы оба это знаем. И...
Да что там говорить.
Прости, что не дождался.
Прости, что не сказал всего,
Что мог еще и должен был сказать.
Прости.
И — честь имею!

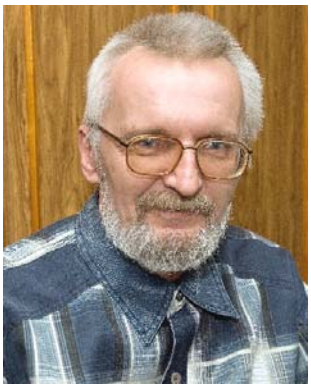
PS. SOS, SOS, SOS...

6

PPS. И вечер пал. И выл гудок. Игрушечный.
Пришла Ундина в сон пустой и горький
Привычною тропой. А Маринеско...
Его уж не было. Уже уплыл он, своевольно
Сменив свой курс и своенравно
Бессмертье променяв на вечность.
И прощенье, которое она несла с собой,
Уж было лишним. И безадресным.
И ждал ее сюрприз: она хотела,
Сама того не ведая, прощенья
Затребовать у капитана.
Капризное и странное желанье,
Запретное, быть может, даже в чем-то
И бессердечное! Но честное.
А он бы оценил. Он бы все понял. Но —
Увы! И из пустых глазниц закапали
Горячие слезинки, добавляя
И горечи, и соли в море,
Не облегчая горя, но напоминая
О нем всем тем, кто вопреки всему

Избрал стезю героя.
«Маринеско!
Зачем ушел из снов
Моих ты навсегда?
Письмо твое я получила;
Но ты не попрощался, как того желал,
Не отпустил, а — привязал меня сильнее.
Зачем ты так со мной?
Я знаю: убивая мамочку, Мадлен,
А с ней меня, голубоглазую Ундину,
Ты убивал себя, спасая остальных,
Чье имя — все.
Ты поступал по совести
И следуя приказу. Мир спасал ты,
Спасителю подставив
Свое плечо в погонах, со Звездой.
И чувство долга, уж конечно,
Тобой довольно, и сполна.
Гордилась я б таким отцом! Ты слышишь?
Да, правда есть, хоть правда непроста:
И горькая, и сладкая, и с солью.
Но... правда правд ты знаешь, в чем, мой капитан?
Война пусть никогда не повторится.
Далее
Слова бессильны.
Все.
Прости.
Прощай.
Твоя Ундина».

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ



Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

О, ВРЕМЯ, ПОГОДИ...

Смирнов Михаил Иванович, родился в городе Салавате в 1958 г., печатался в СМИ Башкирии, московских изданиях, интернет-изданиях и пр. Лауреат ряда литературных премий. Наш постоянный автор.

Поднявшись на крыльцо, я остановился, глубоко вздохнул и невольно присел на верхнюю ступеньку — шутка ли: отмахал почти дюжину километров под дождем по раскисшему проселку; сто раз, наверное, вспомнил гоголевское: дороги в России расползаются, как раки. Пару раз, утомившись, я попытался передвигаться по травяной обочине, боясь зачерпнуть голенищами пудовых от налипшей грязи сапог коричневой жижи колеи. Но трава обочины, залитая водой, была скользкая, словно лед, и совершенно непроходима. Пришлось вернуться на фарватер.

Нелегко дался мне этот марш-бросок. И когда на пригорке показалась деревня, запела душа моя. А на крыльце — сморило. И я сидел на сырой досочке и осматривал скудный пейзаж осеннего сада. Редко краснели ранетки; рябины было много — к суровой зиме; между пышных кистей цвиркали синицы. Вдоль стены дома поленница; к сожалению, ольхи да осины много, бедноватый у нас в округе лес. Поверх высокой поленницы уложены куски рубероида, на фоне их аспидной черноты стекающие витые струйки кажутся хрустальными. Случайный лучик солнца коснулся одной — золото потекло с рубероида. Но уже вечереет. Над туманными купами дальнего леса черные стаи птиц, скоро они будут жить в теплых краях... Пора и мне; сыро, зябко, холодно.

Я толкнул тяжелую дверь, глаз не сразу привык к тьме. Но запахи! Терпко — вязанки чеснока и лука, на противоположной стенке — сухое разнотравье: душица, малина, иван-чай пучками да вязанками, разве все упомнишь? Уже и предметы проявились, а я вдыхал и вдыхал; у родины много запахов, но главные — в доме...

На здоровенных гвоздях висит все та же пара фуфаек (я прислонился к ним щекой), что-то вроде попоны, солдатская плащ-накидка с огромным капюшоном (как ты попала сюда, многострадальная?) Сапоги, фэзэушные ботинки, у-у-у, какие большие. Но я знаю их — до чего же удобные! Толстые носки-то всегда на ноге — попадешь в обувку эту не глядя и — на двор...

Я вышел наружу, вымыл свои резиновые, поставил их в модельный ряд. Споткнулся о лестницу — там, под крышей, наверное, есть сундук со старыми вещами. А скорее всего, он давно пуст — я же сам когда еще все там разворошил...

Я шагнул в избу, сбросил рюкзак и верхнее прямо на пол.

Баба Груня сидела на высокой лавке около печки и помешивала деревянной ложкой в чугунке.

— Здрасьте, баб Грунь! Наконец-то добрел... Опять печку ободрали? Завтра подмажу...

— Да я как заношу дрова, так цепляюсь. Говорила Кольке-печнику, чтобы чуток поменьше сделал, ан нет, не послушал. Наворотил. Дров не напасешься. А ты скидывай одежку, скидывай. Проходи, Санько. Как же ты добрался в такую непогодь? — словно не удивившись моему приезду, спросила баба Груня.— Хе-х, снова приехал осень провожать? Что в ней нашел-то? Грязища на улице, и дожди хлещут да хлещут. А говоришь, красивше осени ничего нет. Хе-х,— она мелко, дробно засмеялась и прикрыла рот ладошкой.

— Да, баб Грунь, к осени приехал. К ней, родимой.

Поздоровались, разговорились.

Всю жизнь меня удивляла эта особенность деревенских встреч — приедешь спустя хоть пять лет после последнего посещения, а беседа о человеке или событии словно и не прерывалась.

И однажды я почувствовал неизъяснимую прелесть этой странности — время мое и чувства словно восстанавливались, меня не утомляли не раз слышанные истории, да и сам со странным удовольствием я повторял уже не раз сказанное. В городской жизни подобное невозможно...

На бабе Груне старенькая линялая кофтенка, застиранная длинная юбка, на поясница завязана шаль. На ногах топтыши, так она называла обрезанные валенки. На голове платок, из-под него выбились прядки седых волос. Она смотрела на меня блекло-голубоватыми глазами. Выдвинула из печи небольшой чугунок. Обхватила его серым, с пятнами сажи, полотенцем и поставила чугунок на стол. Достала каравай и начала отрезать от него толстые ломти:

— Как чуяла, что появишься. Точно! Глянула в окошко. Дождь хлещет, а ты вдоль забора идешь. Весь в Нюрку, в мамку, уродился. Она приезжала осень провожать, и ты взялся. Твою мамку многие с малых лет считали малохольной. Утром встанешь, чтобы коровку подоить, взглянешь, а она мелькает в платьишке возле воды — рассвет встречает! Мамка-то ее рано померла. Некому было за Нюркой приглядывать. Так и росла дичком. Думали, пройдет, когда замуж за залетного выскочила. Ан нет, просчитались! Каждую осень приезжала. У меня останавливалась. Вещички оставит и на речку мчится. А я на крылечко выйду и поглядываю. Она, бывало, сядет на берегу, уставится на воду или на лес и не шевельнется. Тепло ли, слякотно ли, снег сыплет, а ей все одно. Это она осень провожает! Вернется, а взгляд чистый-чистый, словно в церкви побывала. Господи, прости мою душу грешную! Переночует. Выйдет на двор. Прижмется к рябине, словно прощается. Обнимет меня и бежит на тракт, торопится в город поспеть... Хе-х, и соседи на тебя посматривают! Чать, и ты будешь сынка сюда привозить, а, Санько?

— Да, баб Грунь, буду,— сказал я и засмеялся.— Мы же все малохольные...

— Тьфу ты, прости Господи! Слышь, а что твоя Танька такая худющая? — взглянула баба Груня.— Плохо живете, да?

— А если хорошо живем, значит Танюха должна быть толстой? — склонившись над рукомойником, я засмеялся.— Она похудела, когда Сережку родила. Второго огольца родит, тогда поправится.

— Танька на сносях? — взглянула баба Груня.— А по ней не скажешь. Доска доской. Ну, дай Бог, дай Бог! — она взглянула в передний угол и быстро перекрестилась.

Я вытер руки и лицо застиранным полотенцем. Повесил его на вбитый толстый гвоздь. Потянулся. Прижался спиной к печи:

— Хорошо-то как! Ух, натопила!

— Пришлось. Покуда поросяткам приготовила. Щец наварила, и в печи потомила, как тебе нравится. Митяй, сын Вьюрихи, вчера свинку заколол. Кусище приволок. Ты, Санька, присаживайся. Хе-х, снова гостинцев понавез из городу? Да куда мне одной столько-то? Ну, ежели подружки зайдут... Угощу, побалую девчонок. Бери хлеб, бери. Свежий. Позавчера токмо испекла. Погодь-ка чуток, мы еще по рюмашке опрокинем.

Было заметно, как она обрадовалась моему приезду.

Я сидел на лавке и наблюдал, как баба Груня суетилась возле стола. Она достала из старого буфета большие тарелки. Фартуком протерла ложки и положила рядышком. Напластала розоватое сало с прослойками. Вынула из банки пару соленых огурцов с прилипшими семенами укропа и с какими-то листочками. Не очистив, разрезала крупную луковицу. Вытащила литровую бутылку с мутноватой жидкостью и две граненые стопки. Села напротив меня. Налила самогон вровень с краями и подняла рюмку:

— Ну, Санько, за приезд,— медленно выпила, замерла на мгновение и резко выдохнула.— Хороша, зараза! Выпей, Санько, для сугрева. Выпей, чтобы не захворать.

Я осторожно взял стопку. Поднял. Не решаясь, посмотрел на белесую жидкость.

— Что застыл, аки столб, Санько? — шепеляво спросила баба Груня, норовя откусить беззубыми деснами кусочек сала.— Не бойся. Пей. Чистая! Не то, что ваша химия. На пшенице ставила. Ох, хороша! Я теперь три стопочки, и хватит. Организм не позволяет. Старая стала.

— Баб Грунь, сколько тебе лет, если три стопки выпиваешь? — я спросил и засмеялся.— Сижу, не знаю, как одну-то осилить, а ты...

— Хе-х! — дробно раскатился смешок, и она шлепнула по бутылке.— Раньше, бывало, соберемся с подружками, так этой посудины маловато было. Выпьем, сметем со стола, что приготовили. Песен напоемся. Душеньку отведем в разговорах, и вставали трезвые, будто не пригубляли. Годков-то скока? Почитай, восьмой десяток доживаю. Многих уже нет на свете, а я небо еще копчу. Видать, рановато. Срок мой не подошел, Санько. Пей, не томи душу. Щи стынут.

Задержав дыхание, я опрокинул стаканчик и сразу закашлялся, внутри полыхнуло от крепкого самогона.

Баба Груня протянула кругляш огурца:

— Накось, закуси. Что слезы потекли? Крепка, зараза? Но хороша, хороша! Всю хворобу из тела выгонит. Погрызи огурчик. Скусный!

Вытирая выступившие слезы, я захрустел огурцом. Отмахнулся от второй стопки. Принялся за щи. В большой тарелке кусок разварившегося мяса с торчащей костью, крупная фасоль, картошка, капуста. Сверху, под золотистой пленочкой жира, кругляши морковки и венчик укропа. Вперемешку откусывал сало, хрустящие огурцы, подсоленный репчатый лук, перемалывал крепкими зубами, заедал вкусными щами...

Я облизнул ложку. Положил ее в пустую тарелку. Откинулся к стене и взглянул на бабу Груню.

— Ух, вкусняцкие щи! — пробормотал я, вздохнул и посмотрел на чугунок.— Умять бы еще тарелочку, да не уместится.

— Хе-х! А мой старик, бывало, вернется, стакан опрокинет, донышком вверх пе-

ревернет — это была его норма. Ни разу за всю жизнюшку не видела, чтобы еще выпивал. Ложку возьмет, и давай наворачивать! Не успевала подливать да подкладывать. Пот в три ручья течет, а он еще самовар вздует, напьется чаю. Сядет возле печи. Засмолит козью ножку. Так и не приучился к папиросам. А потом выйдет на улицу и начинает то дрова пилить, то навоз убирать. Ох, жаден был до работы! Царствие ему небесное! — баба Груня мелко перекрестилась и посмотрела на темную икону.— Вижу, Санько, спать потянуло? Погоди чуток. Чайку еще попьем с баранками и уляжешься.

— Нет, баб Грунь, хватит,— я направился в горницу.— Утром встану пораньше. Хочу на речку сходить да в ельничке прогуляться.

— Не знаю, не знаю,— сказала баба Груня, держась за поясницу.— Косточки ломит. Чую, к утру разведрится. Кабы мороз не ударил.

Оставшись в трико и футболке, я улегся на старый диван. В полутьме были заметны висевшие в рамках старые фотографии. Отсвечивало зеркало, засиженное мухами. Возле голландки, за занавеской, виднелась баб Грунина кровать — старая, с облезлыми шариками на спинках. Я в детстве старался их открутить. На половицах лежали самотканые цветные дорожки. В красном углу мерцал огонек лампадки перед образами, напротив двери стоял большой комод с разнокалиберными флакончиками, с пузырьками из-под лекарств и прочей мелочью. Возле окна, над столом висели старые ходики. Так было всегда в горнице, сколько себя помню. Сквозь полудрему я слушал шелест дождя за окном, как баба Груня что-то тихо говорила и звякала посудой, убирая ее в шкафчик. Потом она прикрыла меня ватным одеялом, и я заснул.

Очнулся от странной тишины за окном. Казалось, баба Груня продолжала позвякивать чугунками. Она шаркала топтышами да бормотала по-старушечьи, по привычке. И в то же время, что-то изменилось, чего-то не хватало в привычных звуках. Я прислушался. Скрипнул пружинами старого дивана, поднялся и, потянувшись за свитером, взглянул на окно. Здесь-то до меня дошло, что не слышно звуков дождя, лившего несколько дней подряд. Я раздвинул занавески. Всмотрелся в предутренние сумерки.

— Чего соскочил в такую рань? — донесся неторопливый говорок бабы Груни, и она заглянула в темную горницу.— Говорила, что разведрит, так и случилося. В сараюшку пошла, Зорьке сена надергать, дык еле спустилась с крыльца. Шла по двору, аж хрустело под ногами. Морозцем прихватило землю да лужи. Куда ни глянь — все покрылось ледяной коркой. А ты собрался осень провожать. Хе-х! — она дробно засмеялась и махнула рукой,— сиди дома, Санька, грейся. Нечего по морозу шляться.

— Нет, баб Грунь, схожу,— сказал я.— Пройдусь вдоль берега. Может, зацеплю щучку. Поджарим на обед. Потом проведаю ельник и вернусь,— и снял с гвоздя старую фуфайку.

— Погоди, Санько. Побежал, не завтракавши, как и мамка твоя,— засуетилась баба Груня.— Горячего чайку попей с баранками. Душеньку согреешь.

Я налил чай и стал отхлебывать. Поставил кружку на стол. Надел сапоги. Взял рюкзачок, в котором лежала коробка с блеснами. Едва открыл дверь, как баба Груня протянула старую шапку:

— Надень. Голову застудишь. Санько, пока ходишь, я свежатинки нажарю. Вчера-то не угостила. Да чугунок со щами подогрею. Долго не шлендай. Обед простынет. Ну, беги, провожай свою осень, провожай. Эть, краса... Хе-х!

Я взял спиннинг. Спустился с крылечка, держась за холодные шаткие перильца, отполированные ладонями за долгие годы. Ледяная корочка хрустнула, когда наступил на землю.

Взглянул на розовеющее небо. Не та погода установилась для щуки, не та. Ну и ладно. На берегу посижу, погляжу на речку, на воду...

Стараясь не наступать в колею, покрытую тонким слоем льда, я прошел вдоль заборов. Кое-где виднелся свет в домах или мелькал багровый огонек лампадки. Выбрался за околицу. В низине, укрывшись кустарником, протекала неширокая речушка. Я каждую осень приезжал в деревню. Уходил на речку. Иногда ловил щучку, а чаще — просто сидел на берегу и наблюдал за водой, за деревьями. Прогуливался по лесу и навещал ельник, что разросся неподалеку от деревни.

Похрустывала под ногами пожухлая трава. Репейник, будылья крапивы, заросли чилиги стояли припорошенные колким инеем. Проваливались ноги, ломая ледяную корку. Чавкала грязь, и почти сразу же ее прихватывало крепким морозом. Но пройдет немного времени, и под солнечными лучами снова предстанет взору неприглядная для постороннего, но любимая мною краса осенней природы.

Я спустился с небольшого обрыва на прибрежную полосу речушки, которой и название-то давно забыли. Любой житель или прохожий называли ее всяко, как вздумается, в зависимости от настроения. Одним словом — безымянная. Остановился возле кромки. Сквозь прозрачные закраины видны полегшие водоросли. Испугавшись меня, сверкнула серебром рыбья мелочь и исчезла в глубине. Во льду застыл желтый березовый лист. А там, на открытой воде, разошлись небольшие круги. Нет, это не щука. Так... Верховка балует. Резвится. Куда же вы несетесь, мелочь? Не думаете, что под любой корягой или валуном вас ожидают щучка или судак. Эх, молодь, сеголетки...

Присел на холодный валун. Странное, слегка тревожное, но и восторженное чувство охватывало меня, когда я оказывался возле реки. Хотелось вдыхать и вдыхать тонкие ароматы воды, жухлых трав, опавших листьев. В такие моменты я чувствовал горечь неизбежности расставания со всей простой прелестью осенней природы. Но наполнялась душа благодарностью к скромным, но драгоценным дарам ее. Долго наблюдал за речкой, несшей воды куда-то вдаль. В ту даль, где я еще не был. И буду ли? Пока не знал... Потом взобрался на небольшой обрыв. Осмотрелся. Я же решил навестить ельник, он зеленел неподалеку от деревни.

Казалось, я недолго находился возле речки, а вокруг уже нет той утренней морозной красы, когда шел сюда. На открытых местах сиротливо торчали нагие кустики репейника. Под ногами реже похрустывало. Опять зачавкала грязь. С трудом перебрался на взгорок, где начинался ельник. Раздвигая ветви, я направился в сторону деревни. Посматривал на яркий зеленый наряд, на желтовато-коричневый слой опавшей хвои с вкраплениями старых шишек и белую морозную бахрому, она сохранилась под нижними лапами ельника. Слушал цвирканье синичек. Вскоре вышел на маленькую поляну, окруженную высокими елями. И здесь мне показалось, будто под лапой, в теньке, что-то мелькнуло. Остановился. Приподнял колючую ветвь и удивленно присвистнул. Передо мной, с прилипшими к шляпкам иголками, приютилась небольшая семейка рыжиков. Откуда же вы, родимые? Ваше время давно закончилось! Долго я смотрел на них. Любовался в углублениях шляпок замерзшими капельками воды, которые превратились в тонкие ледяные снежинки и словно паутинкой затянули донышко. Но по краешкам шляпок уже была черноватая полоска от первого заморозка. Опасаясь дотронуться до льдистых снежинок, я достал нож и срезал рыжики. Снял шапку. Уложил туда грибы. Опрометью бросился к дому, чтобы показать бабе Груне необычные, сверкающие снежинки и сами рыжики, что не ко времени появились на свет, украсив ярким цветом осенний унылый наряд.

— Баб Грунь, баб Грунь,— крикнул я, ввалившись в избу,— иди сюда быстрее! Глянь, краса-то какая!

Подслеповато щурясь, баба Груня вышла из горницы.

— Эть, малохольный,— она проворчала и нахмурилась.— Шлендаешь по морозу. Что в дом притащил? Точно, в мамку уродился, в мамку!

— Глянь, баб...

Она подошла, шаркая топтышами. Заглянула в шапку, откуда торчали рыжие головенки грибов с льдистыми коронками, и недоверчиво посмотрела на меня.

— Не может быть, Санько! — и снова склонилась над шапкой.— Откель такое чудо взял? Хе-х! Зима на носу, а ты грибы разыскал. Эть невидаль-то! Осень долгой была, поэтому они появились. Времечко свое спутали.

Прошло несколько минут. Снежинки превратились в чистые прозрачные капельки осеннего дождя и ртутью перекатывались по донышкам запоздалых грибов.

— Раздевайся, Санька,— сказала баба Груня.— Заждалась тебя. Чугунок да сковородку не вынимала из печи. А с ними что делать? Поджарим? — и положила рыжики на стол.

Я посмотрел на грибы. Пахнуло горьковатым запахом свежих рыжиков. Словно время вернуло нас в прошедшее лето, приготовив гостинец перед долгой и суровой зимой. И не удержался, ткнул пальцем:

— Последний подарок... Баб Грунь, посмотри, краса-то какая!

Это и есть твое окно в природу, человек суетный.

Александр Мошна
(г. Харьков, пос. Песочин, Украина)

Родился в Харьковской области. Член Союза журналистов Украины. Лауреат конкурсов «Мастер» в еженедельнике «2000», в еженедельнике «Крокодил в Украине», в журнале «Крокодил +» (Киев).

Дипломант Международного литературного конкурса «Православная моя Украина» и юмористического конкурса «Ешкин кот» (Керчь). Лауреат Международного литературного конкурса «О любви к Родине» (Москва). Дипломант литературного конкурса на призы издательства «Эксклюзив» (Харьков) и Дипломант Международного литературно-музыкального фестиваля «Звезда Рождества» (Запорожье).

Автор книги «Ощущение свободного полета». Публиковался в журналах Украины, России, Белоруссии. Ряд миниатюр и рассказов переведены на немецкий язык.

ДА СКОЛЬКО ТОЙ ЖИЗНИ...

— Если переступаешь порог дома, следи, чтоб в голове никаких посторонних мыслей нельзя было обнаружить. Желательно, чтоб восторженность впечатлений струилась исключительно в мою сторону,— сказала мне как-то жена, серьезно обидевшись на то, что я проморгал отметить «косметическое убранство» на ее голове. И при этом «воткнула шпильку», съехидничала:

— Доживу ли я до той минуты?

— Доживешь,— бодро успокоил жену и нарочито долгим, внимательным и оценивающим взглядом смерил ее с головы до ног и шутливо выдал заключение:

— Немного уже осталось.

— До чего немного осталось? — дрожащими губами, эхом прошелестела супруга и, перехватив мой сочувствующий взгляд, испуганно вздрогнула. Глазами, полными слез, уперлась в мой подбородок вопросительно.

— До той минуты,— скупо и невозмутимо обронил я, вспомнив классика, что краткость — сестра таланта.

— До какой — той? — продолжала вытягивать из меня подробности жена и тут же наматывать их на свою нервную систему. И здесь ее вдруг прорвало:

— Ты что-то знаешь? Тебе врач сообщил, что я неизлечимо больна? У меня рак?

Я ничего не успел сказать, как она торопливо, упавшим голосом, пролепетала:

— Я так и знала. Я чувствовала, что этим все кончится.

И, окончательно сломленная, рухнула на стул. Я озабоченно потрусил в кухню, где предпринял попытку усердных поисков стакана и чайника.

В это же время короткими очередями выкрикивал в прихожую:

— Откуда такие гнусные подробности? Кто тебе их напел? Подумай сама — в твои-то годы?

— Что в мои годы? — подняла заплаканные глаза супруга, когда предстал я перед ней со стаканом в руке.

Вижу, события принимают несколько опасный оборот. Надо срочно перестраи-

ваться, а то, не приведи Господи, здоровье свое подорвет, сляжет. А кто ж борщи мне будет готовить? И стал я вдруг заботливым, осторожным и внимательным.

— Ты же очень у меня молодая,— заворковал я,— разве ж рискнет болезнь скрестить с тобой шпаги?

Я понимаю, что несу чепуху, но здесь, казалось мне, главное — не останавливаться, и смысл сказанного подкреплять убедительной интонацией.

— Ты же у меня так мила и прелестна. Любая болезнь только один раз скосит свои глаза на тебя и, ослепленная твоей красотой, забудет, чего приперлась. Микробу, к примеру, от одной твоей обаятельной улыбки враз от зависти рожу перекосит. А каждую бациллу непременно кондратий хватит, если ты пройдешься перед ней своей неотразимой походкой в туфельках на каблучках и в том, помнишь, голубом платьице с белыми хрюшечками.

— Рюшечками,— мягко поправляет меня жена, доверчиво уставив на меня свои наивные немигающие глаза.

— Рюшечками,— согласно откликаюсь я, киваю утвердительно головой и продолжаю будить свою фантазию. Но чувствую, что требуется привал. Сказывается отсутствие репетиций. Смутно догадываюсь, что речь моя должна быть краткой и емкой, поэтому надо было срочно швартоваться около какой-то убойной фразы. Я напрягся, подыскивая лихорадочно слова, и ляпнул:

— И потом: тебе ничто не может угрожать, пока я с тобой. И знаешь, почему?

— Почему? — покорно, как ребенок переспрашивает меня жена и замирает в ожидании.

Я демонстрирую мхатовскую паузу, а жена не выдерживает этой пытки и пересохшими губами снова нетерпеливо повторяет:

— Почему?

— А потому что я...— и здесь мой голос предательски срывается на шепот. Оказывается, трудно все-таки выдавливать некоторые слова, если ты их лично прочувствовал и, не расплескав эти самые возникшие чувства, стараешься донести до собеседника:

— А потому что я тебя люблю.

Жена, счастливая, расплывается в улыбке. И я отмечаю про себя, что ей это к лицу. Не успеваю еще что-то додумать, как супружница моя благодарно потянулась ко мне. И я уже торопливо закончил фразу около ее губ:

— И моя любовь всегда будет твоим надежным щитом...

Награда, безусловно, нашла своего героя. Но я о другом. Скажу по секрету: еще до того, как благодарная и восторженная публика в лице моей жены окатила меня нежностью, я изрядно вспотел. Признаться, нежные слова поначалу давались мне с трудом, застревали в горле. А потом, со временем, знаете, втянулся. И, по словам моей женульки, в будущем у меня неплохие перспективы. Нежности свободно могу произносить без запинок и шептать с трепетной интонацией. Признаться, я уже регулярно балую свою любимую. А что? Терзать друг дружку скандалами и портить нервы — никакой романтики. Скучно, господа, неинтересно, да и сколько той жизни...

ПРЕЗЕНТАЦИЯ УДАЛАСЬ, ИЛИ СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ

Презентация книги стихов прошла «на ура». Я давно такой не видел. Народу собралось прилично. Кого здесь только не было! Я даже успел завязать знакомство на перспективу. Телефончиками обменялись. А все вокруг наперебой поздравляли и хвалили героя вечера за его умение видеть далеко, но не отрываться от близких и друзей. Высказывать свое понимание жизни, но при этом не рваться необузданно в заоблачную высь. Говорить с тобой поэтическим языком высокого штиля, но без переводчика. Держать планку на приличной высоте, но без тех закидонов, «зауми», отчего чувствуешь себя дебилом без всякой надежды на выздоровление. Вести за

собой тихо и к прекрасному, но не с грохотом перетряхивая и смакуя «нижнее белье», и находить в том, подобно токсикоману, «ароматы» действительности.

Слова звучали сердечные и душевные за столом под звон бокалов. Но как только все было выпито, приглашенные стали торопливо и скучно прощаться. Некоторые просили пригласить их и на презентацию следующей книги, настойчиво совали свои визитки. А друг детства так расчувствовался по пьяни, что старательно облобызал виновника торжества и проникновенно заметил:

— Ты отлично подготовился, дружбан. Про коньяк не забыл — хвалю! Короче — презентация удалась!

— А как тебе книга? — робко спросил герой вечера.

Собеседник сыто икнул:

— Откровенно тебе сказать, я готов перечитывать твои творения бесконечно. Ты только пригласи, — и он широким жестом указал на стол, — никогда не посмею тебе отказать. Я ведь понимаю всю тонкость души поэта. Ему важно, чтоб рядом были поклонники.

— Спасибо за понимание, — кисло улыбнулся хозяин попойки, бережно снимая с губ поклонника, как с елки игрушки, остатки салата, и при этом уклоняясь от очередного лобзания.

КЛАДБИЩЕ

Недавно появилась у меня несколько странная привычка: захаживаю на кладбище и размышляю о жизни. Изумляться особо и нечему — о жизни задумываться не помешает каждому. Странно другое: почему-то всегда с опозданием у нас это выходит. Не зря же говорится: всю жизнь учишься, а дураком помрешь. Только вот с возрастом и постигаешь вдруг с огорчением, что откровенно просачковал в своей жизни. И перелопачиваешь обиженно свое прожитое, чтоб отыскать что-то привлекательное для глаза и маленько душу успокоить. А она ведь бунтует! И носишься с охапкой неустроенных мыслей своих, не знаешь, куда их и приткнуть, чтоб только унять этот пронзительный и неподкупный голос совести.

Но от себя далеко ли ускачешь? И варишься в собственном соку терпеливо и отважно, покорно тащишь свой крест. А афишировать обреченность — тоже ведь абсолютно никакой охоты. Петушишься, гримасничаешь, чтоб только отмести подозрения и удержаться на этой жердинке духовных ценностей, только б не столкнули тебя проворно в пропасть бездуховности. Вот и цепляешься за сиюминутное, не заглядывая за горизонт. И выгибаешься, незаметно для себя, выпутываешься из этих сетей, что постоянно набрасывают на тебя с разных сторон, чтоб стреножить и умертвить душу твою, превратить тебя в бесчувственный чурбан или отморозка.

А ты, словно дон Кихот, упрямо и смешно бунтуешь, продолжаешь лихо размахивать деревянной шпагой, словно на подмостках сцены. Сопротивляешься этому железному монстру, которого почему-то называют прогрессом. Совсем не таким он тогда мне виделся вдалеке. Теперь все отчетливей понимаешь, что обознался. Или вскормили его не тем молоком, или среди нас появились какие-то мутанты, что и заправляют прогрессом на погибель всему человечеству.

А на кладбище думается хорошо. С грустью, со слезами на глазах, с нежностью и любовью, трепетно и молчаливо размышляешь о смысле жизни. Исповедуешься сам себе по полной программе. А рядом с этими холмиками невозможно слукавить и думать о чем-то мелком. Философом становишься неожиданно. Отрываешься от житейских проблем и паришь себе легко среди крестов, которые, как люди, грустно растопырили свои руки и замерли в глубоком недоумении, словно никак не могут уяснить себе: почему это приковали их здесь на вечное поселение?

И бродишь между холмиками осторожно, в задумчивости, всматриваешься в лица умерших на фотографиях, надписи считываешь, вычисляешь, сколько прожил человек, — и мысль невольно подкрадывается и спринтером проносится зримо, как на телетайпе: «Вот так и ты однажды, когда придет твой час, будешь лежать в сырой земле в ожидании своих хробаков. А наверху народ будет шнырять среди могил. И какой-то тип непременно остановится и около твоей, вылупится на твою физию, что на портрете, любопытство поспешит заострить вниманием и станет прикидывать в своей башке, сколько же это лет успел ты проскакать на этой планете?..»

И грустно становится, необъяснимо горько, и думается о прошлом, и будущее вызывает надежду. Хочется непременно быть добрее и честно выполнить свою миссию на земле. Щедро отдать себя всего людям, чтоб не зря все это.

И уносят мысли тебя глубокие так далеко, что невольно вздрагиваешь с опаской и оглядываешься в тревоге. И душа не выдерживает такого надлома, и неожиданно безадресно заскулит вдруг обиженно и беспомощно. И этот вопль отчаянья тихо зависает над кладбищем...

ОСТАВИТЬ ПОСЛЕ СЕБЯ ЧТО-ТО ДОБРОЕ

Еще с детства бредил я профессией путешественника. Как приходило лето, так и отправлялся по чужим садам. Правда, окружающие не всегда верно понимали мои устремления, многие и не догадывались, что таким вот образом я будил любовь к географии.

Не знаю, как там Колумб, лично я знаменит стал всего за одно лето. Все началось с того, что хитрый дед Кузьма устроил засаду и изловил меня на своей яблоне. После чего отстегал крапивой ниже пояса и отпустил с миром.

Такой пещерный и коварный дедовский способ воспитания вызвал у меня бурю негодования, и я, подхватив подштанники, с ревом носился некоторое время вокруг деревни.

О других страницах своей биографии я скромно умолчу. Но страсть к путешествиям тихо и навсегда поселилась в моей душе. Поэтому и сейчас люблю повояжировать. Как говорится, себя показать, других посмотреть. И здесь совсем неважно, куда и зачем чесать. Главное — быть в движении. А движение, говорят, — это жизнь. Вот и пытаюсь насладиться отрезком времени, что отпущено мне судьбой.

А кругом — красота неписанная. Непаханое поле восторгов и восклицаний. Пора монологов и откровений.

Господи! Как славно жить на земле. Как здорово просто дышать и наслаждаться свободой. Мечтать безгранично и легко улыбаться по пустякам. Только вот удержать бы себя от мелочных обид и зависти, выкорчевать изнутри эту занозу — «перемывать косточки» своим братьям и сестрам. Плакаться в жилетку.

Братцы! Рванем на природу. Вслушаемся в шуршание листвы, философское молчание лесных долгожителей и щебетание птиц. Очеловечимся! Детство свое вспомним и улыбнемся восторженно и без оглядки, выразим на своем лице искреннее изумление и радость. Просто так. От полноты чувств. И с такой трепетной нежностью осторожно прикоснем к своему собрату свои озябшие души. И доверчиво посмотрим в глаза друг другу открыто и с любовью. Как перед дальней разлукой.

Так уж случилось, всем нам начертано быть путешественниками. И находимся на этой земле в качестве гостей. Прозвонит звонок, и кого он где застал — тот немедля и навсегда отправляется в путь. Только успеть бы попрощаться, сказать свое последнее «прости».

Еще хочется непременно оставить после себя что-то доброе и хорошее. Пусть не в мраморе или бронзе запечатлено, не в книгах рассыпано. Хотя бы в воспоминаниях своих близких и родных. На первые пятьдесят лет.

Йосси Кински
(г. Москва)

ХАРЛЕЙ-ДЭВИДСОН

Родился в 1980 году в семье инженера. Выпускник Университета культуры и искусства по специальности «Художественное творчество и экранная драматургия (сценарист)». Публикации в литжурналах России, США. Автор более 10 киносценариев, нескольких театральных пьес.

Сквозь сон Ивану почудилось, что чьи-то цепкие руки сомкнулись на его горле. Он попытался вдохнуть, но ничего не получилось. Стряхивая остатки ночного кошмара, он резко сел на своей кровати. Сердце колотилось в груди, будто птаха, пойманная в силки. Он жадно ловил губами воздух и таращил глаза, похожий на выброшенную на берег рыбу. Вдруг вдох получился. Иван всей грудью, всем животом стал тянуть в себя воздух, но его мучительно не хватало. Он рванулся к окну и резким движением рванул фрамугу на себя. Но даже высунув голову в окно, Иван не ощутил облегчения. Деревья стояли неподвижно, листья не шевелились. Хозяйская собака, положив голову на передние лапы, мирно спала возле стоящего мотоцикла. Воздух казался густым и тяжелым. Он тягуче обволакивал все вокруг, но поймать его ноздрями и вдохнуть всем объемом легких никак не получалось. Показалось, что время остановилось. Блуждая по комнате в поисках помощи, взгляд зацепился за стрелку часов на стене. Фосфорный носик толстой стрелки едва ощутимо вздрагивал где-то в районе цифры три. С каждым звуком, сопровождающим ход тоненькой, с волосок, секундной стрелки, которую в темноте невозможно было различить, Ивана покидали силы. Хватаясь за углы мебели, он раненым зверем стал пробираться в сторону кровати, в которой мирно посапывала жена, свернувшись в позе зародыша. Он опустил тяжелую ладонь на ее хрупкое плечо и стал трясти изо всех оставшихся сил. Едва приоткрыв глаза, она произнесла что-то нечленораздельное и, причмокивая, перевернулась на другой бок. Иван стал валиться набок и локтем с размаху бухнулся на нее, простонав: «Умираю...». Жена рванулась с постели, дернула веревочку, и комната осветилась мягким желтым светом ночника, разбрасывая по стенам и потолку причудливые узоры.

Держась за сердце, он тяжело дышал, а в углах посиневших губ показалась пена. Синеватый кончик носа напоминал созревшую сливу. Бессмысленный взгляд остановился в одной точке и напоминал пару выпавших на экране игрового автомата фруктов, совпавших в момент выигрыша. Жена стала хлестать его по щекам:

— Ну, что же с тобой случилось?

В какой-то момент Иван прохрипел:

— Воздух... Мне нечем дышать! Я умираю!

Эмили плачущим голосом выкрикивала:

— Где болит? Скажи! Что делать? Как тебе помочь? — но он ее уже не слышал.

Вдруг Иван издал какой-то звук, похожий не то на одышку, не то на кашель, и снова открыл глаза.

— Скорую! — просипел он сдавленным голосом, но, посмотрев на ошарашенную и застывшую от ужаса жену, прикрикнул: — Быстро! Врача!

Его вопль разбудил спящего в соседней комнате сына. Фигурка заспанного мальчонки возникла в дверях. Глядя на корчащуюся от боли фигуру отца, он замер на мгновение, а потом поднял глаза на мать:

— Что с папой?

— Позвони в скорую! — крикнула Эмили, на которую вид беспомощного и взъерошенного после сна подростка подействовал отрезвляюще, и она вспомнила, что уже давно выросла и должна сама принимать важные и ответственные решения не только за себя. На ходу зацепив ногами мягкие тапочки, она помчалась на кухню за водой.

Мальчик исступленно колотил ладонью по кнопке телефонного аппарата, но долгожданных гудков не было. Телефон уже несколько месяцев был отключен из-за долгов. Ребенок выскочил из дома, перебежал на другую сторону улицы и схватил трубку телефонного автомата в будке.

— Алло, нам срочно нужна скорая помощь! Отец умирает! Семнадцатый округ, седьмой дом. Быстрее, пожалуйста! — выкрикивал он в ответ на вопросы с другой стороны телефонного провода.

От вчерашнего Ивана ничего не осталось. Сегодня он был бледен и метался, как больной клаустрофобией, застрявший в кабинке лифта. Сын побежал в круглосуточную аптеку на углу улицы, сжимая в руке листок с назначениями врача.

Иван жадно тянул содержание кислородной подушки. Рядом на стуле жалобно всхлипывала и иногда тоненько скулила Эмили. Пару минут спустя Иван прохрипел:

— Эмили, не плачь! Я никогда не думал, что все так быстро... Я никогда не был тебе хорошим мужем.

Эмили много лет прожила рядом с Иваном. Она видела его трезвым, пьяным, буйным, радостным. Но представить его вот таким, кающимся и виноватым, она не могла и даже никогда не пыталась этого сделать. Такой жалкий вид Ивана и жалкий тон этого разговора настолько не вязались с привычным образом брутального мачо, которому всегда соответствовал этот огромный богатырь, что пятнадцатилетний сын, вернувшийся из аптеки, выронил пакет с лекарствами на пороге комнаты. Парень вдруг осознал, что из этого огромного и мощного тела прямо на глазах уходит жизнь.

Давным-давно, когда совсем юной девчонкой Эмили с замиранием сердца подбирала слова, чтобы сообщить Ивану о своей беременности, он просто расхохотался и заявил, что женится на ней, может быть, только когда состарится, ей пришлось принять эти условия безоговорочно, ведь дома ее никто не ждал. Пьяный отец, услышав ее разговор с матерью, выгнал из дома, и ей больше не на кого было рассчитывать. Все эти годы она терпеливо ждала, когда же ее супруг осознает, что старость уже дышит на него. Он со смехом принимал и первую седину, и первые приступы радикулита, когда, как молодой, хорохорясь перед молоденькими спортсменками в зале, брал слишком тяжелый вес, и даже свою регулярную мужскую несостоятельность списывал на неумелые ласки малоопытной жены. И она безропотно все принимала и ждала, ждала. И вот он перед ней, так и не состарившись, умирает...

— Что же будет с нами? — спросил Иван затихающим голосом.

Его грудь тяжело заходила в движении, жадно вбирая в себя содержимое кислородной подушки. Немного погодя, он снова заговорил:

— Хватит! Я не хочу, чтобы после моей смерти моего сына в школе стали называть ублюдком, потому что за него больше некому заступиться! Дайте мне бумагу и ручку!

Мальчик исполнил распоряжение отца, и неровный почерк стал покрывать чистый лист.

— Держи!

Эмили бросила беглый взгляд на протянутый дрожащей рукой супруга листок. Там было заявление о признании законным их незарегистрированного брака.

Шестнадцать лучших лет своей жизни она ждала именно этого момента и верила, что если он каждый раз возвращается к ней с самых дорогих и известных европейских курортов, то ждет она не напрасно. Даже когда она нашла в его сейфе, не закрытом второпях, его донжуанский список, который пополнялся после каждого отпуска все новыми именами и номерами телефонов, она отогнала от себя тяжелые мысли и убедила себя в том, что верность, видимо, совсем не мужская добродетель. И никогда она не требовала никаких объяснений, не устраивала постыдных сцен. Просто молча, тихо и преданно ждала, что однажды он перебесится и останется с ней навсегда. Не было никаких сомнений в том, что там, на курортах и в роскошных круизах во время романтических свиданий на палубе в лучах заката, он не вспоминал о семье ни на миг.

И вот предчувствие шага в вечность напомнило ему вечную истину: после игры ферзь и пешка ложатся в одну коробку. На кровати громоздилась лишь беспомощная туша, жизнь которой зависела от глотка воздуха из кислородной подушки. Осознав это, Иван заторопился по-человечески проститься с семьей, сказать им какие-то теплые слова. Он знаком пригласил сына приблизиться. Тот наклонился над кроватью.

— Сынок, там, во втором ящике письменного стола, коробка от сигар. Принеси ее.

В увесистой коробке оказались ключи, три банковские карты, евро, фунты, доллары.

— Запиши их коды: 17-17. У всех код совпадает. Я специально так сделал, чтобы не путаться.

Эмили не поднимала глаз на эти сказочные богатства. Ее внимание привлекла круглая дырочка на старой и залатанной на локтях единственной рубашке сына. На правом кармане была еще одна, прожженная случайно. Именно из-за этого в свое время рубашка и досталась сыну от отца в подарок после очередного отпуска. Сам же Иван был полицейским, и круглый год носил форму. А сорил деньгами только во время отпуска, когда гулял на полную катушку и, чтобы путешествовать налегке, не стремился забирать с собой чемоданы новой одежды, купленной там по случаю.

Из тягостных раздумий Эмили вывела странная фраза умирающего:

— На счете в Центральном банке у меня есть немалая сумма, правда, не представляю, как вы ее получите.

И вдруг Эмили прорвало:

— Что ты сказал? Деньги у тебя есть? А кому они нужны в твоем банке, когда нам здесь дыры в семейном бюджете латать не за что! — с каждым словом тон Эмили набирал обороты и громкость.— Да чтоб ты сдох вместе со своими деньгами, счетами и банками! Избавь нас уже от себя, наконец!

Последние слова она уже глотала вместе со слезами, рекой текущими из глаз. Иван сочувственно посмотрел на жену. Сердце его впервые сжалось от жалости. Он поспешно завершил размашистой подписью доверенность на имя сына. Вдруг глаза его расширились, щеки стали раздуваться и появилась сильная одышка. Как из загробного мира, в тишине прозвучал глухой и хриплый голос:

— Сынок! Подойди ко мне!

Эмили вздрогнула, а мальчик недоуменно уставился на отца, чей голос еще никогда не был таким мягким, ласковым. Он будто бы принадлежал кому-то другому, словно звучал из спрятанного где-то поблизости репродуктора, который запускался, стоило умирающему отцу пошевелить губами. Мальчик шагнул к кровати и присел к

отцу. Иван погладил сына по голове. Но где были эти заботливые отцовские руки вчера, месяц, год назад и все прошедшие пятнадцать лет его жизни? По лицу мальчика бесшумно потекли крупные слезинки, обгоняя друг друга.

— Ну же, не плачь, сынок! Я ведь не был тебе хорошим отцом! Ну ничего, зато теперь у тебя есть деньги. Будете с мамой хорошо одеваться.

Горькая слеза, упавшая на лицо Ивана, обожгла его тяжелым воспоминанием. Он не раз видел эти слезы, бегущие из самой глубины детской души, когда кричал мальчишке: «Ты не мой ребенок!», ругал или бил его. По лицу Ивана заструились тонкие ручейки, пробирающиеся по неглубоким морщинам. Сын никогда не видел ничего подобного, и в его голове мелькнула мысль: «Неужели этот жестокий человек с каменным сердцем и чугунными кулаками способен так растрогаться?»

— Я должен признаться тебе,— продолжал отец все тем же хриплым и неестественным голосом.— Я запрещал тебе ходить на бокс, потому что боялся, что когда стану старым и слабым, ты станешь отвечать мне. Но теперь ты сам можешь оплачивать свои занятия, если захочешь. Теперь, когда меня не будет, поверь, найдется много желающих испортить тебе жизнь. Учись отвечать. Ах, как же все не вовремя! А ведь я так хотел тебя взять тебя с собой в отпуск на море! И остался всего какой-то месяц! Ну ничего, теперь с матерью поедете.

Мальчик крепко обнял отца и громко зарыдал.

Тишину разорвал резкий звук дверного звонка. Эмили, как испуганная птица, сорвалась с места и бросилась открывать. В комнату тяжелым, но уверенным шагом вошел врач с чемоданчиком инструментов. За ним, как паж при короле, семенила медсестра. Привычным движением она проверила пульс, пока врач так же привычно осматривал белки глаз умирающего, разлепляя толстыми пальцами опухшие веки. Затем он осмотрел горло и отправил медсестру на кухню ставить стерилизатор на плиту. Смешав прозрачные растворы из разных ампул, больному сделали укол и протерли его след ватным тампоном, отдающим камфарой.

...Золотые лучи рассветного солнца настойчиво рвались в просветы между тяжелыми пыльными гардинами, извещая о наступлении утра. Теплый июньский день наполнялся привычной городской духотой. Только под утро успокоившиеся после ночных бдений у постели больного мать и сын крепко уснули в предрассветной тишине. Чудом спасенный от смерти умелыми руками доктора Иван медленно открыл глаза, зевнул и сел на кровати. Он хмуро посмотрел на спящую семью. Потом встал, осмотрелся вокруг и по привычке сделал утреннюю зарядку. Подошел к столу, на котором лежали банковские карты, подписанные им доверенность и записка, в которой он дал согласие на брак. Как ни в чем не бывало, он взял все бумаги и порвал на клочки. Банковские карты убрал на прежнее место. А вот ключи спрятал в другом месте. «Ишь, чего они захотели! Обойдетесь! Не про вашу честь!» Он быстро умылся, почистил зубы, надел полицейскую форму и темные солнечные очки, поспешно вышел и громко захлопнул за собой дверь. С улицы донесся визг собаки, которую Иван ударил ногой со всего размаха. Шум мотора Харлей-Дэвидсона нарушил утреннюю тишину.

Владимир Пронский
(г. Москва)

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ ПРЕДЗИМЬЯ

Родился в городе Пронске Рязанской области в 1949 году. В начальных классах учился в г. Алексине, откуда родом его отец. Работал токарем, водителем, корреспондентом, редактором.

Автор романов «Провинция слез», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», «Послушание во славу». Повестей «Мягкая зима», «Свобода прежде всего», «Воспоминания о розах», «Уходило спелое лето» и других, множества рассказов.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъем», «Север», «Странник» и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье. Лауреат премии имени А. С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова и нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

Сергей Степанов собирался на премьеру собственной песни почти равнодушно, словно это была не первая его премьера. Предстоящее событие по-настоящему радовало месяц назад, пока он не знал, где будут исполнять песню. Оказалось: где-то за городом! А он-то мечтал о сверкающем концертном зале, многочисленной публике. Мечтал взять на концерт семью, пригласить знакомых... Еще более огорчился, когда композитор Владимир Балакин, написавший к его словам музыку и одновременно являвшийся дирижером клубного хора, стеснительно недоговаривая, попытался объяснить по телефону, что, мол, предстоит не обычный концерт, а благотворительный, в интернате для больных нервными заболеваниями. Да-а... Хороший подарочек. Как только не называют в народе подобные интернаты, но Степанову ничего не оставалось, как согласиться из-за отсутствия выбора.

Вообще-то, Сергею Викторовичу надо бы радоваться, что все так удачно сложилось. Всего лишь два месяца назад его стихотворение о родном городе случайно попало к незнакомому композитору, неожиданно написавшему музыку. Когда диск с записью песни оказался у Степанова, он сперва радостно удивился, но, прослушав черновое исполнение, хотя и приятное для слуха, ужаснулся от несовершенства собственного текста. Эта незаконченность показалась ему — прозаику, автору нескольких романов и многих рассказов, привыкшему доводить произведения до профессионального уровня, непередаваемо обидной. Что это за песня, сложенная из трех куплетов, два из которых повторялись?! Надо срочно дорабатывать!

Никогда, наверное, он не трудился с таким неистовством, прибавив к тексту три куплета, наполнив его законченным сюжетом, выверив стилистически, взглянув на него с исторической глубины, многократно проверив стихотворный размер. Эти двое суток показались тяжелыми, но счастливыми. Многое вспомнилось: и родители, и любимый город, и вид, открывающийся с городского холма, красоту которого он

стал понимать только с возрастом. И почему-то постоянно вспоминалась соседская девочка Таня, с которой дружил в начальных классах. Это потом он узнал, что Таня была неизлечимо больна, поэтому училась в специальной школе соседнего города. Родители привозили Таню лишь на каникулы, и он, маленький тогда Сережка, все дни проводил с белокурой, такой хорошенькой и тихой девочкой, подолгу пристально смотревшей на него не моргавшими голубыми глазами, хотя родителей это часто сердило, и они придумывали всякие уловки, чтобы их разлучить. Он тогда не понимал, зачем они это делают, если ему очень хорошо с ней. Ведь никто так не умел смотреть, даже мама с папой,— только она, Таня! Его даже не отпугивали насмешки: «Не дружи с ней! Ребята будут дразнить женихом и невестой!» Их, действительно, дразнили, а он не обижался. Таня — тем более. Да и чего обижаться, если им так славно быть вместе. Они даже пели о всеобщем счастье на Земле. Запевала обычно Таня: «Будет людям счастье, счастье на века...», но пела по-своему: «Будэт людем счасте, счасте на века...» — и Сережке казалось, что она нарочно неправильно поет, перед каждым словом делая паузу. Ее медлительность походила на игру и не мешала петь вместе; он легко приспособился к ее забавной манере. Эту песню в те годы часто исполняли по радио. После первых строк о всеобщем счастье в ней мощно звучали слова о революции, о силе советской власти — красивая песня, что и говорить. Но они тогда всех тех красивых слов не понимали. Им было достаточно самых первых, понятных — о бесконечном счастье, обещанном в скором времени. Им тогда казалось, что по радио поют о них самих, о том, что именно их ждет то самое неизбывное счастье, которое с годами только будет усиливаться.

Но неожиданно оно оборвалось.

Сережка в ту пору привык, что Таня появлялась на время каникул, ждал ее приезда. Появилась она и после окончания второго класса, но, погостив дома несколько дней, вдруг сказала ему по секрету, что завтра уезжает. И правда: на следующий день родители куда-то увезли ее на машине. Сережка едва успел проводить Танюшку и потом плакал весь день. Позже — ни родители Тани, ни свои — ничего по-настоящему не объясняли, а когда он уж слишком приставал с расспросами, то торопливо говорили, что она надолго уехала к бабушке в далекий южный город. Сережа хотел верить их словам, и почти верил, но все-таки какое-то, хотя и малое, сомнение оставалось, потому что говорили они сердито, почти зло. К тому же никогда прежде он не слышал о другой Таниной бабушке. У нее ведь была своя, привычная, жившая вместе с Таней. Ее он хорошо знал и даже любил, потому что она всегда угощала вкусными пирожками с вишнями или яблочным повидлом. Разве можно уезжать от такой? Поэтому и сомневался.

Почти год ходил, ничего не зная о Тане, даже начал забывать. Но следующей весной подрался из-за нее, когда играл с мальчишками в лапту, и кто-то из них сказал, что его невеста давно на кладбище, даже обещал показать ее могилку, а он тогда стал доказывать, что она уехала к бабушке и вот-вот приедет на летние каникулы... Тем вечером Сергей вернулся домой с разбитым носом, в изорванной рубашке и расплакался перед родителями. Тогда они рассказали ему всю правду, впервые говорили не сердито, а жалеючи. Услышав все, как есть, он плакал еще горше, и его долго не могли успокоить. Родители, конечно, хитрые, говорили, что он совсем взрослый, он — будущий мужчина, что все должен понимать, а не размазывать по щекам слезы, подобно плаксивой девчонке. Он соглашался, а в душе не мог смириться с такой ужасной несправедливостью.

Но все проходит, мало-помалу прошло и это горе. И, наверное, окончательно забылось бы. Но через год-другой, когда Сергей учился в четвертом классе, его не приняли в пионеры. Причина одна: отказался петь в классном хоре на смотре художественной самодеятельности! Учительница и члены родительского комитета пытались

узнать у него причину отказа и столь глупого упрямства, но он упорно молчал и не хотел ничего объяснять. Да и как скажешь о том, что будь какая-нибудь другая песня, он легко бы ее спел, но песня, которую 4-а класс готовил для смотра, начиналась словами: «Будет людям счастье...» Когда он начал петь на первой репетиции, то сразу вспоминалась Танюшка, и глаза разбухли от слез. Он убежал из актового зала, чтобы никто не увидел его слабости. Эту историю в школе запомнили, и позже, за отказ участвовать в самодеятельности, Степанов остался без пионерского галстука; да и с комсомолом потом было не все гладко.

Если смотреть на тогдашние события сегодняшними глазами, то они покажутся мелкими, не заслуживающими вниманиями, даже наивными. Но они были, и поэтому остались в душе навсегда, правда, спрятались так далеко, что почти не вспоминались или вспоминались без тогдашнего драматизма. Это теперь Сергей Викторович мог вспоминать спокойно, с легкой даже иронией: что было, то было — у кого в детстве не происходило чего-то похожего. Давние события, случившиеся полвека назад, и, конечно же, приглушенные временем,— даже самые яркие и запоминающиеся поначалу,— теперь лишь легким ветром радости или печали иногда возвращались в нынешнюю жизнь.

С такими волнующими мыслями ехал Степанов в подмосковный интернат на премьеру песни, сочиняя которую, чаще обычного вспоминал свой районный город, детство и все, что связывало тогда с ним и не отпускало в течение всей жизни. Может, и стихи-то сложились именно поэтому: из любви к детству, ко всем людям, жившим тогда и живущим теперь.

Хористы встретились в метро на «Пражской», потом разместились в заказном автобусе. Ехать недалеко. Если не московские пробки, домчались бы за полчаса. Да, собственно, никто не спешил, дорога знакомая: хористы ехали в этот женский интернат с шефским концертом не впервые. У некоторых из них даже имелись знакомые среди тамошних постоянных обитателей.

И вот автобус в поселке и остановился у ворот, увитых зловещей спиралью Бруно. Подобные стальные сверкающие завитушки с режущими гранями, на вид красивыми, понятно, плохое украшение для чего бы то ни было. Они и здесь навевали не самые лучезарные мысли. Правда, из-за ограды виднелась часовня, и вид ее радостно уравновешивал первое впечатление, неожиданно сковавшее Степанова.

В интернате их ждали. Рядом с руководством интерната и заботливым отцом Димитрием, духовно окормлявшим здешних прихожан и организовавшим личным радением благотворительную поездку, можно было заметить невольных жителей сего места, гроздьями выглядывавших из окон и дверей, хотя вокруг разлилась сырая ноябрьская стынь. Степанов вышел из теплого автобуса в числе последних и следом за хористами ступил за распахнутые двери. Он никогда ранее не бывал в подобных заведениях, а тут сразу попал в другой мир, который мог только представлять в воображении. Но оказалось, что в этом мире внешне ничего нет необычного, особенно, если смотреть вдоль длинного коридора, похожего на больничный, по которому сновали нянечки в белых халатах и вольготно прогуливались жители интерната в цветастых халатах, и не только в них. Здесь и запах был, как в больницах,— сложный запах лекарств, хлорки и то ли лука, то ли чеснока, который, видимо, использовали как народное средства от гриппа. Правда, жители вели себя не как в обычных больницах, а пытались обратить на себя внимание. Все дружно улыбались, наперебой здоровались, широко раскрытыми глазами пристально рассматривали гостей, отчего Сергей Викторович сразу вспомнил Таню, будто вернувшуюся из детства. Сам же он остерегался смотреть в глаза, словно боялся увидеть в них что-то запретное, пугающее,— такое, что вслед за взглядом может переселиться в его душу; лишь с Таней он когда-то мог беззаботно переглядываться. Теперь же впал в состояние легкого переполоха, хотя суетой, хождением туда-сюда, пытался вести себя так же, как и приехавшие гости.

Для женской части хора выделили комнату с пугающим названием «Изолятор», в которую хористки вошли в повседневной одежде, а вышли в сценических платьях и кокошниках — артистками. Мужчинам для переодевания достался кабинет врача. Вся эта привычная для них суета, короткая репетиция, вроде бы ничего не значили, но были важны для понимания окружающих людей, вхождения в образ. Своей подготовкой, негромкими загадочными голосами они обращали на себя внимание жильцов и разжигали их любопытство, словно пришельцы из иного мира.

Незаметно вглядываясь в окружающие наивные лица, Сергей Викторович вдруг понял, что они совсем не отталкивающие, а именно наивные, каждое по-своему несчастное, но одновременно и счастливое от беспокойной внутренней душевной жизни, известной только им самим. Можно лишь представить, что значит для этих людей приезд артистов, захлестнувший впечатлениями и эмоциями, если свобода жителей интерната ограничена высоким забором и спиралью Бруно. Ведь они все понимают. Иначе не радовались бы, не заглядывали в глаза, не ласкались бы бездомными сиротинками. И возраст для них не имел разницы. Все они прилежно, с одинаковым энтузиазмом старались привлечь внимание, запомниться. Некоторые подходили к хористам, как к старым знакомым, и, держась за руку, долго не отпускали их.

В какой-то момент Степанов был ошарашен взглядом белокурой девчушки, будто случайно скользнувшей глазами — совсем не так, как смотрели другие. И едва он задержал на ней взгляд, как она широко раскрыла глаза, и в их чистой синеве он вдруг увидел тревожно-знакомый оттенок. Сразу даже не понял, что это были глаза Тани; девчушка и внешне была похожа. И хотя прошло полвека, но те бесконечно давние взгляды вдруг вспомнились Степанову так свежо и радостно, словно перед ним мелькала не эта девчушка, по виду, будто случайно оказавшаяся здесь, а непостижимым образом вернулась его детская привязанность. За минувшие десятилетия он подзабыл ее образ, а теперь вдруг обрел заново, и ее лицом стало лицо этой синеглазки, нашедшей среди хористок свою знакомую Аллу, называвшую ее «дочкой».

— Как же зовут вашу «дочку»? — подыгрывая, будто бы серьезно спросил Степанов у Аллы, цветущей от этой встречи, почему-то надеясь — а вдруг?! — услышать имя «Таня».

— Это — Лада, моя дочурка! Правда, Ладушка?! — обняла девчушку Алла, а Степанов подумал, что у них даже имена созвучные.

— Моя мама Алла... — негромко, неимоверно растягивая слова (точь-в-точь, как Таня!), произнесла девчушка и туже прижалась к Алле, как к настоящей маме, словно боялась ее потерять. Они действительно очень походили одна на другую: обе светловолосые, обе пугливые и постоянно улыбающиеся виноватыми улыбками.

Степанов хотя и ошибся в имени Аллиной «дочки», но, глядя, как Лада доверилась покровительнице, подумал: «Какая разница! Не в имени дело, а в отношениях!» Взаимное тяготение незнакомых, в общем-то, людей повлияло на Сергея Викторовича по-особенному, сразу разволновало, окончательно заставило иначе смотреть вокруг.

Концерт намечался в столовой, вскоре торопливо наполнившейся шумными зрителями, и начался с поздравления отца Димитрия и исполнения тропаря празднику иконы Казанской Божией Матери. Степанов смотрел на зрителей, многие из которых осеняли себя крестным знамением, исподволь изучая особенно запоминающихся. Но какими бы они ни казались своеобразными, всякий раз его взгляд останавливался на лице Лады — на вид самом обычном, но, глядя на которое, ему раз за разом вспоминалась Таня. Казалось, Лада вот-вот широко раскроет синие глаза и, трудно выговаривая каждое слово, запоет с большими паузами: «Будет людям счастье, счастье на века...»

После православного песнопения батюшка передал слово Алле — ведущей концерта, и она объявила название первой песни. Кто-то в зале сразу продублировал, выкрикнув: «Я лечу над Россией!» Пока зрители оживленно и крикливо обсуждали

название, терпеливый баянист и хористы, предупрежденные Балакиным о сдержанности и тактичности, держали паузу, и только когда зал мало-помалу успокоился, начали песню по сигналу дирижера. Когда она закончилась — слушатели не жалели ладоней, оглушили аплодисментами.

Песня Сергея Викторовича прозвучала второй по счету. Алла объявила о премьере, сообщила, что автором музыки является композитор Владимир Балакин — элегантный, подвижный дирижер хора, а текста — писатель Сергей Степанов, находящийся в зале. Зрители принялись оглядываться, но, кажется, никто не признал в высоком человеке в легком сером свитере одного из авторов. Слова собственной песни, в исполнении хора, показались ему такими необычными и радостно-пугающими, восторженными, что не оставляли места никаким иным мыслям. Это чувство было схоже с давним, но незабываемым, отчетливо сохранившимся в душе с юных времен, когда он стал автором первой публикации в «районке». Помнится, от восторга, казалось, летал над землей, парил, и даже не от самой заметки, а от вида собственной фамилии, напечатанной типографским шрифтом! Потом было множество публикаций, и впечатления от них мало-помалу сделались привычными, такими, какими бывают от обычной работы. И вот, новый всплеск эмоций и радости, будто он всю жизнь копил в душе любовь и тепло к родному городу, а сейчас это все вспомнилось и предстало перед глазами: его улочки, вид на речную излучину и дальние поля, открывающийся с крутого холма, на котором в средние века стояла крепость. Все-все вспомнилось, а ярче всего почему-то — Таня. И такими воспоминания получились подробными и ясными, что он чуть ли не прослезился и совершенно по-особенному посмотрел на застывшие лица внимательных слушателей. Ему даже показалось, что в эти минуты они все побывали на его родине и радовались вместе с ним. Когда же исполнение песни закончилось новыми аплодисментами, Алла представила Степанова, он вышел на поклон, и все по-иному посмотрели на него, словно до этого он выдавал себя за кого-то другого. Кто-то сказал, имея в виду его высокий рост:

— Мы его сразу заметили!

Все заулыбались, Сергей Викторович заулыбался вместе со всеми, вдруг подумав, что от волнения, все-таки пришедшего к нему, почти не запомнил первого прилюдного исполнения собственной песни! Вот те раз! Ждал-ждал этого момента и... проморгал. И все-таки теперь не это являлось главным. Поэтому и огорчался недолго. Он вдруг понял, что после незапланированного оживления стал своим в этом доме, и все здешние люди своими. И если ранее он отводил глаза, когда встречался с ними взглядом, то теперь улыбался в ответ. Сделав фотографии хора и солистов, он присел среди зрителей и почувствовал боковым зрением, что они рассматривают его, запоминая, а одна из женщин, скукоженная от возраста и напряженная от волнения, даже дотронулась до локтя и попросила:

— Разрешите пожать вам руку!

Женщина осторожно подала узкую ладонь, рука показалась Степанову холодной, но, встретившись с женщиной взглядом, он все-таки увидел тепло, шедшее из ее темных и уставших глаз, пусть и слабое.

А концерт шел своим чередом. Песни сменяли одна другую, зрители без устали хлопали в ладоши, иногда комментируя либо название песни, либо слова ведущей. Но, странное дело, эти реплики не мешали выступлению, воспринимались всеми как само собой разумеющееся дополнение и — вот чудо! — усиливали восприятие. Дай слушателям волю, они бы не жалели ладоней до утра.

За чудесное исполнение, за внимание к обитателям интерната отец Димитрий преподнес хору образ Царицы Небесной «Умиление» и пожелал, чтобы Матерь Божия была и впредь руководительницей и спасительницей всех верующих. В заключение концерта сделали общую киносъемку и фотографии на память, раздали батюшкины подарки.

Лада, в которой Степанов увидел Таню из детства, не отходила от Аллы, освободившейся от обязанности ведущей, а когда зрители разошлись, обе вместе вернулись в столовую, где хористов угостили чаем с бутербродами и пирожками, и сели за стол рядом. Сергей Викторович взял пирожок и вспомнил Танину бабушку, а сама Таня, казалось, сидела напротив. По взгляду Лады, ее поведению было видно, что она очень хочет, чтобы Алла забрала ее с собой, но не знает, как сообщить об этом, и Алла, видимо, понимала ее желание, но не отваживалась сказать Ладе, что это невозможно. Да и как объяснить наивному человеку то, о чем даже намекать никто из гостей не в праве, чтобы не растревожить его чувств и чувств иных жителей этого дома, невольно не навредить им, заранее зная, что обычные слова здесь бессильны. Степанов видел, как отзывчивая Алла, видимо, скрепя сердце и чувства от невозможности помочь чем-то конкретным, мило улыбалась своей подружке, обещала, что совсем скоро они вновь приедут, и тогда встретятся, поговорят. Лада слушала, слегка кивала и смотрела широко раскрытыми глазами, пытаясь отгадать: правду ей говорит Алла или лукавит. Ждать ее или нет?! Но как можно что-то по-настоящему понять среди суеты, разговоров, мимолетных взглядов? Как завладеть чьим-то вниманием впопыхах?! Трудно это сделать, очень трудно. Даже простым смертным.

Благословленные отцом Димитрием, хористы выходили к автобусу, Степанов шел рядом, и показались все они в эти минуты давно знакомыми, необыкновенно близкими, словно прожил с ними долгую и добрую жизнь. Вместе с гостями, как растревоженные пчелы из улья, вытекали из здания хозяева. Они выскочили проводить артистов в свитерах, кофтах, совершенно забыв о дожде, наверное, от волнения казавшимся им теплым и ласковым, словно не сырой и студеный ноябрь разлился вокруг, а цвел приветливый май, всюду распустились цветы, и птицы небесные неугомонно заливались в нежной зелени, будто в раю. Женщины окружили автобус и, не обращая внимания на снеговую тучу, предвестницу близкого предзимья, неслышно кравшуюся от свинцово-синей Москвы-реки, настойчиво просили не забывать их, приезжать еще и еще, обязательно приезжать! И что им эта черная туча с белесыми подпалинами, грозившая, как сказала бы Танина бабушка, ледяным чичером, когда уезжали любимые люди, мелькнувшие будто во сне. И никто из женщин не ведал, когда этот сон повторится, и повторится ли. Поэтому и не жалели эмоций, потому что не умели их жалеть: они жили сегодняшним днем — радостным и прекрасным.

Лишь Ладушка застенчиво стояла в сторонке в черных брючках и домашних шлепанцах, скрестив руки на белом растянутом свитерочке, и что-то кричала «маме Алле». Кажется, плакала, или это лишь показалось Сергею Викторовичу из-за мокрых стекол, хотя он и сам был готов разрыдаться. И опять, глядя на Ладу, вспомнил Танюшку, вспомнил последнее расставание с ней, когда ее отец-фотограф навсегда увозил дочку на собственной «Победе». Тогдашний Сережка верил во все, что ему говорили родители: и свои, и Танины. До следующей весны верил, пока однажды не увязался с мальчишками играть в лапту. Лишь только тогда узнал, что Таню увезли не к другой бабушке, которой у нее к тому времени не было, а в областной закрытый интернат. Там ее здоровье окончательно расстроилось, и вернулась она в город в первую тихую осенью, чтобы навсегда упокоиться под золотистой сенью кладбищенских лип.

Никто, конечно, не знал, о чем думал в эти минуты Степанов. У всех были свои мысли и чувства. Сам же он вдруг понял, что не зря Господь благословил премьеру песни именно на Казанскую, именно в этом месте. Ведь в песне говорилось о любви к Родине, призывном колокольном звоне и молитве, ведущей людей за собой. Он очень надеялся, что и Таня услышала в праздничный день эти благословенные слова, радушно ниспосланные с горней высоты.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

Наш постоянный автор

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ОТ ПУЛИ

1

Крутится, крутится, крутится голубая акварель...
Жизнь остановилась за пять минут до двенадцати...
На разбитых коленках судьбы — гнойники...
На закостенелом лице — пулевые пробоины глаз...

Хочется жить, хотя жить уже невозможно. Будущее размыто, прошлое похоронено. Настоящее — пять минут до двенадцати, пулевые пробоины глаз, круговерть голубой акварели.

Миша! Мишаня! Если бы ты знал, как тяжко жить в настоящем, когда будущее размыто, прошлое похоронено, и нет ничего в порочной связи времен, что могло бы окропить память живой водой.

Передо мной чашка кофе, а в ней, в ее глазуированном болоте, отражение мертвых моих чувств.

Крутится, крутится, крутится голубая акварель. Твоя акварель, Миша. Твой автопортрет с пулевой пробоиной глаз, списанный с зеркала — этого зеркала, перед которым сейчас сижу я.

Твои голубые тона — холодны. Есть в них небо, но нет в них жизни. Мерзко тебе, Мишаня, там, на фоне замшелых сопок. Мерзнет в руке автомат, зябнет на заиндевелом пальце перстень. Помнишь, ты мне говорил: на перстне миниатюра твоей жены. Но нет у меня увеличительного стекла. Наверное, ты изобразил свою Таню в самых радостных красках. Но что может дать ей сейчас свечение твоей радости? Даже глаза, и те, должно быть, выцвели у нее, как услышала от меня по телефону, что ты погиб.

Зачем ты погиб, Миша? Не проще ли было упредить выстрелом смерть? Почему я должен был стрелять за тебя? Чтобы спасать уже свою жизнь?

2

Хорошее дело — патруль! Ночь. Звездная сыпь. И предощущение обязательного рассвета.

Но где-то у горизонта крадется скорпионом полночь.

Человек знает все. Только не знает своей пули. Только не знает, кем и когда взведен затвор.

Вот поднимается ствол винтовки. Мушка перебегает с одного сердца на другое. И ей все равно. Как патрону, послушному пружине магазина. Как пальцу на спусковом крючке.

Две живые мишени. Из них на прицеле та, что повыше ростом — легче попасть. А мишени, живые мишени, перебрасываются живыми словами, непонятными еще мертвой пуле, еще мертвому затвору, еще мертвому бойку.

Впрочем, что там непонятного?

Ты говорил:

— Да-да, в Доме художников, в Иерусалиме! Там и откроется выставка моих миниатюр. Обещали через две недели. Сейчас отпечатаем пригласительные билеты и...

Мишаня, я стрелял, прикрываясь твоим телом. А, может быть, даже Таней — именем, которое кровавыми пузырьками вскипало на твоем рту и, обратясь в пар, облачком, защитным облачком стлалось над моим автоматом.

Не знаю, кто спас меня — ты ли своим беспомощным телом, впитывающим предназначенную мне смерть, или эта туманная обволочь, рожденная именем любимой тобой женщины.

Я вроде бы жив...

Жив еще...

Потом поеду в Иерусалим. Хоронить тебя там, где должна была состояться твоя первая персональная выставка. И вновь мне быть мертвым. Что я скажу твоей Тане?

«Мишаня прикрыл меня своей грудью»?

«Ты спасла меня своим именем»?

Что я скажу?

Разве что — «он просил передать...»

И отдам ей твою последнюю акварель.

Отдам перстень.

«На нем твой портрет, Таня. Махонький, как слеза...»

3

Въедливый, омывающий сердце туман пасется над Самарией. Роняет в дрожи росу на траву, гасит звуки. Он вечен, как и эти мохнатые сопки, как щербатые, солнцем побитые камни, как одинокий верблюд, стискивающий меж горбов древнего бедуина.

Старцу за тысячу лет, как и снулой мухе на его носу. Они тихо дремлют, не беспокоя друг друга и вечность, которая сонно ложится под ноги двугорбого покорителя пустыни.

Мне бы тоже так слепо дремать. Но я за колючей проволокой. За мной военная база, напичканная какими-то, под охваты высшей тайны секретами. И мне рвать предрассветную тишь:

— Эй, стой! Пароль?!

Но какой пароль у вечности?

Жизнь? Смерть?

И способна ли человеческая, пусть даже крытая изнутри нержавеющим железом глотка перекричать зыбучий туман Самарии?

Кочевник времен — верблюд — отфыркивается в глубине сопок. Мне чудится: он губасто выкатывает слюну и — харк! — с презрением на окрик, на досадный звуковой барьер, перекрывающий незыблемые его горизонты. И мерно, не меняя размеренной поступи, откатывается в свою вечность — мимо и мимо меня, мимо и мимо охраняемых мною ворот, спиралей проволоки с взращенными за нею секретами, нужными ему, как мне его излюбленные колючки от местного саксаула.

Мы поделили колючку. Ему — его. Мне — моя.

Мои псы нервно переругиваются. Оскорбленные верблюжьей невозмутимостью, гавкают — гавкают. Гребут вдоль цепи, чтобы уже не голосом, чтобы уже скрежетом ржавого металла дойти до бедуина, разорвать прилипчивую его дремоту, смахнуть с его носа муху, такую вроде бы пугливую у нас на базе.

4

Пес — рыжий, с вислыми ушами дворняжки — кладет мне на плечо свои лапы. Дрожь его лап отзывается дрожью на моем автомате американского производства М-16.

Туман. Поганная сырость. Знобит. И солнце огромным глазом слезится на закраине неба. И ветер, промозглый живчик, колючей проволокой прорезается к нему сквозь белесую стынь.

Подана машина.

Облезлый джип с водителем — восточным человеком Рами, полным каких-то въедливых соков, как тронутый матовой пыльцой виноград.

Вчера на стрельбище, когда ради баловства бьют по консервным банкам, он чуть было не угробил нашего лейтенанта Ури. У парня отказал автомат, и он повернул самострельный ствол «Узи» к командиру базы:

— Дура! Не стреляет!

Ури инстинктивно, рывком отвел от груди погибельное оружие, и распоротое выстрелами небо обронило на землю двух голубей.

Поди догадайся теперь, не откажет ли в убойный момент у водителя и старенький, маразматически кряхтящий джип?

5

О чем говорят резервисты-попутчики, не связанные ни «политикой», ни «биржевым крахом», ни премьерой театра «Хан»? Они говорят о «бабах», неких двуногих существах, смазливых, похотливых, жадных до мужской ласки, как клоп до человечьей крови.

Мужчины — эти бывшие мальчики, постигшие таинство первого поцелуя в темном подъезде с разбитой лампочкой, будут говорить о «бабах» даже у Бога за пазухой. А уж если они не у Бога за пазухой, да к тому же в солдатской форме, то им — о «бабах» — сам Бог велел.

У каждого мужчины (в израильской армии) должно быть — про запас, на случай дальней дороги — «Дон-Жуанское прошлое». Рами был человек восточный, он не слышал о Дон Жуане даже после рождения второго ребенка. Но о «бабах» он все распрекрасно знал. Правда, видел в них не «баб», а соседских девчонок, которых до пятнадцати лет надо было манить «арктиком» — мороженое на палочке, а после пальчиком, обмотанным для приличия шекелевой ассигнацией.

И это его «видение» представляло мне какой-то плоский мир, где ожидание уступало мановению пальца, а от эмоционального взрыва не оставалось в закоулках памяти ничего — даже мелких чувств.

И сейчас, сколько Рами не пылил мне мозги своими блуждающими сновидениями, не мог — да и откуда? — выхватить ни одного, равного моему.

Где он найдет эту просветленность глаз с преждевременной, ухватившей все слезой?

Эту закостенелость руки с дымящейся чашкой кофе?

Этот скульптурно-мертвый поворот головы?

Эту скользкую тишину, по которой катишься, катишься в непоправимость?

6

— Слушай, друг-маэстро,— сказал мне Рами, когда мы въехали в иерусалимский район Катамон, следом за которым начиналось мое Гило, где в незапамятные времена будущий царь Давид, а тогда вифлиемский пастушок пас своих коз.— Сделай одолжение, дай мне сотенку шекелей. Верну — не забуду.

Я посмотрел на него: в глазах кобелиная «чумливость», на лице блудливая улыбка.

Рами надавил на клаксон и, не сомневаясь в моей кредитоспособности, протянул руку за платежеспособной бумаженцией.

— Вон там ждут,— поспешно добавил, видя, как из примеченного мною окошка выглянула рожица с барашковыми завитками волос и приветливо кивнула ему.— Я мигом. Должок верну и назад.

Ждал я шофера недолго.

— Ну, друг-маэстро?

— Что?

— Ты готов?

А в глазах у него уже никакой кобелиной «чумливости», тоска собачья в его глазах.

— Я готов.

— Курс на Гило,— выдохнул Рами, и затих, ожидая от меня каких-то знаковых слов.

Но каких слов? Что ему сказать? Мишани больше нет. И говорить мне об этом не с ним, а с Таней.

— Поехали! — сказал я.

Солнце огромным глазом светится на закраине неба. В той точке, где оно касается земли, ждет меня Таня. Я расскажу, как погиб ее муж, передам акварель и перстень с миниатюрой. И мне станет легче...

Легче ли мне станет? Не знаю...

Страшный неживой голос Тани с резким телефонно-русским акцентом все еще давит меня.

ИЗ ЛИВАНА С ОКАЗИЕЙ

Осколок снаряда от Эр-Пи-Джи, советского производства, торчит в железном боку автобуса. Он прошел слева направо — через оконное стекло — в спину. И вышел из груди, чтобы облить кровью его автомат, лежащий на коленях.

Моисей впал в кому, не успев подумать о смерти. Не успев даже в мыслях передать привет матери, жене, дочке. Впал в кому и, отвергнув боли и тяжбы минувшей жизни, парил над Добром и Злом — теми понятиями, которыми из века в век кормится человечество. Пока, в разрыве времен, не приступает к пожиранию единоутробных братьев.

Моисей умер...

Его автомат М-16 покоился на кожаном сидении автобуса — так и не высадил в отместку ни одной пули.

Группа иностранных корреспондентов — эти Хоу, Дитрихи, Смиты, коих он вынужден был сопровождать от Цора до Бейрута, услышав скрежет железа, отвели глаза от запредельной синевы ливанского неба, и теперь с ужасом смотрели на него, военного корреспондента радио «Голос Израиля».

Его мама Рива, лежащая на операционном столе в ашкелонской городской больнице, осознала смерть сына шестым чувством и не позволила себе мирно скончаться под ножом хирурга.

Кому, как не ей, хоронить Моисея на военном кладбище?

Из тысячи болей выбирают одну.

Кровь не стынет в поджилках, когда ноет сердце.

Кого убивают первым, если приспело время войны?

Первым убивают Ее сына.

Ривин сын Моисей, сын Моисея и внук Моисея, нареченного в честь Моисея, выведшего евреев из египетского плена, погиб от шального осколка на выезде из Бейрута, так и не успев поспеть в Ашкелон к началу операции.

Рива, мать Моисея и дочь Моисея, нареченного в честь Моисея, выведшего евреев из египетского плена, из тысячи болей выбрала одну — смерть сына.

Его смерть она ощутила внезапно, на операционном столе, за мгновение до того, как уснула под наркозом.

Рива очнулась в палате от приступов тошноты. Тело ее содрогалось в спазмах. Старая женщина чувствовала ноющие покалывания в груди, терзаемой куском стали, поразившей ее сына.

Хаим, племянник Ривы, обретший это имя, означающее на иврите — жизнь, в честь дарованной ему жизни в гетто, чуть ли не силком тащил к ее кровати дежурную медсестру. А та негодующе дергала острыми, как вешалка, плечами и отбивалась скороговоркой:

— Все с ней будет хорошо! А рвота... Без рвоты не отойдешь от наркоза.

— Сделайте что-нибудь! — кричал, не слыша девушки, Хаим.

И дежурная медсестра сделала «что-то», лишь бы «что-нибудь» сделать: сменила на Риве белье.

— Хватит орать! — сказала она Хаиму, сделав «что-то». И вышла в коридор — плечики вразлет и покачивается, будто худоба-манекенщица от сквозняка.

— Ей плохо! — вдогонку плечикам крикнул Хаим.

— А кому хорошо? — отозвалось из глубины коридора.

Рива булькала горлом, подбирая руки к груди.

— Оставь эту девчонку, Хаим. Она права: кому сейчас хорошо? Идет война, а она... они бастуют. Объявили голодовку на нашу голову. Это надо же, бастуют...

— Но ведь она... Она дежурная!

— Помолчи, Хаим. Мой язык к смерти прилип. Трудно говорить. Закажи памятник.

— Рива, что с тобой? Да ты! Тебе до ста двадцати, и без всякой ржавчины!

— Памятник, Хаим! И беги в родильное отделение. Я чувствую... Хая... Я чувствую... там... с внуком моим... с Моисейчиком... плохо. Не разродится она.

— Рива, да что с тобой впрямь? Каким Моисейчиком? Мы же договорились! Если мальчик, назовем его Давидиком, по моему деду.

— Я знаю, что говорю, Хаим. Беги! Мне... мне...

Рива прикрыла ладонью рот. Но поздно. Ее вновь затрясло. Она выгнулась, так и не отвернувшись от племянника. Хаим выскочил из палаты, пугливым взором отметив, как сквозь ее пепельные пальцы бьют желтые струйки.

«Боже!» — прошептал в коридоре. Выхватил из брючного кармана, не вытаскивая пачки, сигарету. Попросил огонька у проходящего мимо солдата с «Узи» на плече.

— Откуда?

— Из Ливана.

Прикурив, спросил:

— А что у тебя?

— Сын! Сын у меня!

— Так скоро?

— Что? — не понял солдат.

— Да, нет! Я просто так...

Моисей был счастливый отец...

У него была дочка, шести лет. А сейчас, появился и сын.

В этот раз он очень хотел сына — с той же силой хотения, как в прошлый раз, когда очень хотел дочку.

Дочку назвали Басей, по имени сестры его матери, убитой гитлеровцами в концлагере. А сейчас ему нужен был сын, чтобы назвать его Давидом, по имени деда, растерзанного заживо немецкими овчарками после неудачного побега к партизанам.

Но он уже знал: имя малышу теперь — Моисей, в честь него. Все согласно еврейской традиции.

Моисею не терпелось перенестись к своему младенцу, пускающему изо рта первые пузыри жизни. Но догадывался: за ним присматривает Хая... Язык не поворачивается произнести слово — «вдова».

Чего их беспокоить?

И он перенесся, раз выпала такая оказия, в Кирьят-Гат — за десять километров от Ашкелона. К милашке — дочушке Басеньке, за которой обязалась присматривать соседка Алия Израйлевна.

Алия Израйлевна смотрела телевизор и громко цокала языком, сопереживая происходящему.

На черно-белом экране просторного, как холодильник, ящика демонстрировали врачей ашкелонской городской больницы, учинивших забастовочные санкции с последующей голодовкой медицинского персонала.

Басеньке пора спать. Но она предпочитала другое занятие. В ванне, под теплым душем, отмывала от серой пыли походный «Репортер» Моисея, который обычно висел на его плече, когда он отправлялся в командировку.

Изнемогая, «маг» вел голосом ее папы какой-то путевой репортаж. Басенька, в ожидании своих слов, записанных некогда на пленку, била по клавишам, будто она за роялем.

Наконец дождалась.

— Я слон! Я слон! — раздалось из магнитофона.

Басенька радостно захохотала.

В коридоре, отгороженном ширмами от больных, тихо бастовали врачи. Они сгрудились у телевизора, слушали последние, касающиеся их голодовки известия и умиротворенно вздыхали.

Коридор, отгороженный ширмами, связывал хирургическое отделение с родильным.

Хаим рванулся было по нему, хотя и опасался: остановят!

Нет, его не остановили. И не потому, что в эти минуты стрекотали камеры телевизионщиков. Его не остановили потому, что белые халаты делали вид, будто ничего экстраординарного в лечебном заведении не происходит. Они видели лишь телевизор, а в нем себя — голодающих перед телеоператорами из разных стран мира. И старались не замечать Хаю, дорвавшуюся почти до самого телевизора с ребенком на руках, но так и не втиснувшуюся в кадр.

— Доктор! Доктор! — шептала она, протягивая ребенка врачу.— Смотрите! С ним все в порядке? Он не подает голоса!

— Минутку! — сказал врач.— Потерпите немного. С ним все будет в порядке. А у нас санкции.

Он повернулся на стуле, уставился в экран зазывного ящика, в лицо своего коллеги, профсоюзного беса, бесстрастно излагающего требования забастовочного комитета.

— Доктор! — вспыхнула Хая.

— Потерпите немного. Голос у него прорежется,— бесстрастно ответил врач.

Автомат Моисея лежал на коленях под его безвольными руками.

В далеком Бейруте.

Его тело, поникнув, подрагивало на мягком автобусном сидении.

В далеком Бейруте.

Но дух его метался по Ашкелонской больнице, от Хаи к врачу, от врача к маме Риве, от мамы Ривы к двоюродному брату Хаиму.

Хая бросилась к телефону-автомату.

Моисей подставил руки. Но так и не смог принять даже на мгновение младенца, чтобы ей было легче набирать на ускользающем от пальца диске заветные цифры. Его сына принял на руки Хаим.

— Алло! Алло! — скороговоркой произносила Хая.— Скорая помощь? Скорая, скорей, сюда! Адрес? Ах, да — адрес! Записывайте! Ашкелонская городская больница! Родильное отделение!

И тут младенец, будто отказываясь от медицинской помощи, самостоятельно подал голос. Пронзительный и сильный — голос человека, вернувшего к жизни. Почему «вернувшегося к жизни»? Потому что Моисею показалось, что это был его голос...

— Живи, малыш! — сказал он тихо, зная, что его никто уже не услышит.

...В Израиле стояло жаркое лето, рекордное по количеству родившихся израильтян.

Жаркое лето достопамятного 1982 года — время затяжной войны в Ливане и бессрочной забастовки врачей.

Глеб Рубашкин
(г. Выкса, Нижегородская область)

ТУМАНЫ

Окончил финансовый факультет Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат экономических наук, работает руководителем экономического подразделения на одном из предприятий Объединенной металлургической компании. Публиковался в журнале «Нижний Новгород».

Золотистые волны накатывают, гладят и обнимают своими колосьями. Небо забыло про то, как выглядят облака. Больше всего хочется раскалившимся затылком почувствовать хотя бы малейшее движение воздуха.

До леса осталось совсем немного, когда они заметили его. Белесый, с длинными, как у женщины, почти бесцветными ресницами. Лицо усеяно крупными веснушками. Часто-часто моргает, разбрасывая капли выступивших слез.

— *Tote mich nicht! Ich bitte dich! Ich habe eine Familie — eine Frau und drei Kinder! Nicht schiessen, nicht schiessen, bitte!* — лопотал немец, судорожно протягивая смятую фотографию, на которой счастливо улыбались миловидная круглолицая женщина и три таких же миловидных девочки в одинаковых белых платьицах в мелкий горох.

— Про что он бормочет? — спросил Ковальчук.

— Про детей что-то,— отозвался, услышав что-то смутно знакомое еще со школьной еще скамьи, Селиванов.

— А-а-а, про детей. Вот и оставался бы с ними дома, с детьми. Пошли. Некогда нам здесь задерживаться. Рядовой Челышев, фрица в расход!

— Как в расход?

— Что значит как?! Молча. Ты что — дефективный? Или тебя на срочной службе винтовкой не учили пользоваться? Выполняй приказ!

— Товарищ лейтенант, я не могу. Не могу вот так, безоружного.

— Ты что, Челышев, под трибунал захотел?! Или ты хочешь подождать, когда они все сюда прибегут?! Может, ему еще пулемет вернуть?

— Я все понимаю. Рука не поднимается.

— Стреляй, мать твою! Ты на войне, а не с бабой на сеновале! Стреляй, я сказал!

Когда Челыш щелкнул затвором, немец, вложив все свои силы в один большой прыжок, вмиг оказался подле него и, ухватившись обеими руками за ствол, мокро и нечленораздельно завыл. Челыш резко ударил его правой ногою в грудь, отбросив метра на два от себя, и сразу, без промедления нажал на спуск.

Потом немец часто приходил к Челышу по ночам. Оборачивал к нему свое рябое, выпачканное в грязи, масле и слезах лицо и визгливым, бабьим голосом начинал голосить. Его крик пронизывал Челыша как спица, насквозь, и выходил наружу вместе с холодным и липким потом, бесповоротно нарушая то сладкое, безмятежное спокойствие, которое дарит нам сон.

На войне с каждой новой смертью Челыш больше всего поражался тому, как он все это воспринимал. Так, будто кто-то пытался докричаться до него с берега, а он плыл под водой, едва улавливая отдаленную волну звуков и неразборчивые слова, и ему совсем не хотелось выныривать на поверхность.

Под Москвой он попал в окружение. Его руки тогда опустились в прямом смысле, из обоих запястий сочилась кровь, из ран выглядывали белые-белые кости. Единственным оружием, которое он мог использовать, были его крепкие, ровные зубы, справиться с которыми не смогли ни сырые окопы Смоленщины, ни гнилой Дальний Восток. Командиры обнаружили брешь в рядах немцев и предприняли попытку выйти из окружения. Чалыш из последних сил переставлял ноги. Рядом с ним брел солдат, с трудом удерживая руками то, что так не хотел от себя отпускать,— свои кишки, которые предательски вываливались при ходьбе из огромной раны на животе.

Челыш никогда не пытался себе объяснить — что же это такое было? Какая сила уберегла его тогда, не дала пуле скользнуть чуть повыше руки, не позволила сдаться в плен и упасть под кусты в надежде на то, что кровь унесет из него все то, что так беспокоило — боль, страх и отчаянье? Что заставило земляка—танкиста, с которым он три дня назад поделился махоркой, оказаться рядом с ним и поднять на борт своей бронированной «ласточки»? Челыш просто глубже и глубже погружался под воду. Туда, где уже ничего не слышно и слышать не хочется.

* * *

Ласковые предзакатные лучи разукрасили улицу мягкими цветами теплого летнего вечера. Челыш присел на лавочку у калитки и самозабвенно потягивал папироску. Едкий сизый дым и нежное августовское солнце умиротворяли и несли с собой ощущение спокойствия и гармонии. Это был своеобразный ритуал, некое священнодействие, тайный смысл которого был постижим лишь ему одному.

Челыш любил Тишину, ждал ее и наслаждался ею.

Однако в гармонии всегда находится место для тревоги, которая незаметно появляется, постепенно пускает корни и, в конце концов, полностью разрушает то, что до этого казалось таким незыблемым. Предвозвестником той самой тревоги стал гулкий протяжный стон, доносившийся издалека.

Несмотря на то, что звуки эти были привычны Челышу, так как слышал он их практически каждый будний день, лицо его исказила еле заметная гримаса. «Опять Балда со своими туманами»,— сорвались с его губ резкие, но едва слышные слова.

Призрак недавней идиллии злорадно растворялся в воздухе. С другого конца улицы раздавались дребезжащие протяжные звуки, очень похожие на рев раненого животного. Несмотря на, казалось бы, их несвязный характер, иногда человеческое ухо могло уловить отдельные сильно исковерканные слова, изредка выпадавшие из этой «стены шума». Самым узнаваемым из этих слов было — «па-а-а-ти-а-а-а-ны».

Челыш знал, что через несколько минут можно будет опознать и другие слова. Учитывая то, в который раз для него уже звучала эта «ария», он мог и не напрягать свой слух. Эту песню Челыш знал наизусть, хотя давно был готов отдать все на свете за то, чтобы ее никогда больше не слышать. Судя по всему, звучал только первый куплет, и надо было готовиться к худшему. Идти домой, в духоту, не хотелось, и Челыш решил в очередной раз испытать всю эту муку до конца. Правда, его решительность в этот раз была какой-то особенной. Он терпеливо ждал, уверенный в том, что Балда и сегодня не изменит свой привычный маршрут и примерно минут через десять окажется рядом.

Балда неспешно приближался к дому Челыша. Он с наслаждением покачивался из стороны в сторону и с удивительной для его состояния ловкостью избегал всех

препятствий, которые встречаются на сельских тропах — ям, камней и коровьих лепешек.

— Здорово, Балдин! — окрикнул издалека Балду Челыш.

— Здорово, Петр Иваныч! Дай подымить, коль не жалко,— с дружелюбной готовностью откликнулся Балда, довольно быстро преодолевая расстояние до дома Челышевых.

— Да чего там! Держи, конечно. Садись — покурим. Чай устал? Где трудился-то сегодня?

— Сегодня баню в Медянке закончили для Кривокурихи. Баня знатная вышла, мне аж завидно стало, что у самого такой нет. Только нескладуха получилась — она денег от сына ждала, а он чего-то не прислал. Ну, вот и пришлось ей нам первачом проставляться. Когда расплатится теперь — шут ее знает! Андрюха Тулупов все кости ей перемыл, а Кривокурихе все как с гуся вода. Она, знать, на стол мечет да приговаривает: «Ты, Андрюша, выпей, покушай, поначалу — намаялся то ведь как! А там и порешаем, что с калымом-то делать».

Андрюха, конечно, про деньги гнет и гнет, а живот все равно свое просит. Ну, он и поддался. А у Андрюхи же привычка, знаешь поди,— он ведь перед каждой стопкой крестным знамением себя осеняет и произносит: «Ну, Господи, благослови!».

Он себе и в этот раз не изменил, конечно. Но, как только произнес свое коронное, да стакан к губам поднес, тот у него возьми в руках, да и тресни! Так треснул, что аж весь стол осколками засыпал! «Тулуп» весь лицом побелел да со двора-то ее и вышел резко. Нам еще, проходя, шепнул — не пейте, мол, ребята ее самогон — заговоренный он. Сам знаешь, чего про нее судачат. А нам-то с такого расстройства без вина вообще тяжко было — хоть вой. Вот и послали мы Андрюху с евойной дурью туда, куда девок обычно приглашают,— усмехнулся Балда.— Самогон и на самом деле особенный какой-то у нее — после литровины на троих унесло нас так далеко, что аж страх взял не вернуться оттуда. Жаль только вот, что лапу сосать и дальше теперь придется. А у меня еще и случай такой, что треснуть надо, а денег найти.

— А что за случай-то?

— Да Аленке День рождения послезавтра, а гостинец покупать мне и не на что. А она ведь ждать будет — знает, что папка ее не забудет.

— Так ты что — совсем без гроша?

— Гол как сокол. Тяжело сейчас здесь с работой. В колхоз к Палычу я не пойду — это все равно, что гадюку на болоте дразнить. Я ему там как бельмо на глазу буду. Он и так разговоров про Зойку избегать старается, а тут вдруг мне еще заместо красной тряпки пред его глазами заявиться? В город убежать, вослед дражайшей супруге? Так это можно сразу в каталажку направляться — ну не смогу я там удержаться о того, чтоб рыло ее конторскому не начистить! А если уж про сам завод-то говорить — тоскливо для меня все там. В цеху летом особенно тяжело — не вздохнуть. Что сталеваром, что сварщиком, что слесарем — не мое это. Другое дело совсем — на воздухе бревна тесать или лес валить на просеке. Вот это по мне! Только туго нынче с работой-то для плотника!

— Может тебе продать что-нибудь?

— Да нечего. Если только паутину из углов собрать да бельевую веревку из нее сварганить. Только еще не факт, что сам ее использовать не захочу — совсем тоска зеленая заела, даже вино не помогает. Как Аленку в город отвезу, так и берет сразу за сердце. Как клещами. То надавит посильнее, то ослабит.

— А много ли целковых на подарок тебе надо-то? Чай девчонка, не королевна какая.

— Да рублей пять — семь. Аленке рисовать дюже нравится. Все говорит: «Вот

бы красками настоящими, масляными попробовать!» Я тут в Горький ездил недавно — Савельичу мебель грузить помогал — да и зашел на Свердловку. А там увидел вывеску — «Художественный салон». Зашел,— а там чего только нет — кисти, холсты, краски, картины разные продаются. Красиво все. Смотрю — масляные краски лежат — пять семьдесят. Думаю: «Вот Аленка обрадовалась бы!» А денег с собой нет ни шиша. Калымов мало последнее время. Народу на хлеб не хватает — какая уж тут стройка! А Аленка ведь ждет — знает, что я ради нее в лепешку расшибусь. Не то что маманя с хахалем ее. Я вот думал — у Кривокурихи баню поднимем — да займею рубликов. А с ней видишь как все получилось.

Челыш сочувственно покачал головой.

— Эх, вот бы помочь как тебе! Да в долг не дашь — не вернешь ведь, пропьешь. Знаем мы вас, плотников — работников. Да мне бы и так не жалко тебе подсобить, да говорят толка не будет в этом, если задаром,— у переносицы Челыша собрались глубокие-преглубокие борозды, нос вдруг как-то заострился, а глаза потонули под нависшими бровями.— а может мне у тебя какую-нибудь безделицу купить?

— Может, лапти возьмешь? От деда Семена еще остались. Вещь самая что ни на есть полезная. Любым из них Ваське с первого раза в рожу попадаю, когда он, злодей, на стол запрыгнуть решается.

— Да нет, что ты! И кошки-то у меня отродясь не водилось. Может, ты мне что-нибудь не такое ценное продашь? Все ж таки сам дед Семен вязал лапти-то. Таких мастеров нынче не сыщешь.

— Что же тебе продать-то? Нет у меня ничего.

— Ну, не скажи! Есть кое-что.

— Говори, Чалыш, не томи! Что же это за сокровище такое у меня есть, о котором я сам и не знаю?

— А вот песня у тебя есть, что ты каждый вечер горланишь. Про партизан там что-то.

— Да хорош шутить! Как это так — песню продать? Да и на кой она тебе?

— Ну, тебе-то она ведь на душу легла. А мне, думаешь, не может? Хоть на ушах моих в свое время целое семейство медвежье потопталось, а песни я люблю, с армии еще. Только, вишь чего — почти у каждого мужика в деревне есть своя козырная. Вот я и подумал — пусть и у меня такая песня будет. Мне эта, про «туманы-партизаны», приглянулась очень. Давай, я тебе шесть целковых, а ты мне слова ее на листочке запишешь, а сам другую какую выучишь. Ты — парень шустрый по таким делам. А песен разве хороших мало?

— Нет, Иваныч, другую без толку петь. Эта у меня от души идет. Тоску она глушит, пока звучит. Я ее услышал, когда в госпитале лежал в сорок втором. К нам тогда знаменитый хор Пятницкого приезжал. Много песен они нам спели — русские народные в основном. Но как стало подходить к концу, объявили, что решили исполнить сегодня совсем новую песню. И тут выходит на сцену девушка,— Валентиной, кажись, звали. Молоденькая такая, симпатичная. Как только запела, у меня ком в горле встал да слезы предательские на глаза начали наворачиваться. Песня закончилась, а в зале тишина, ни звука. Видно, не на одного меня она так подействовала — все как в ступор вошли. Тут меня понесло будто что-то. Я до сцены в три прыжка добежал да как чмокну эту Валю в щечку ее румяную. Спасибо, Вам за песню такую чудесную! — говорю я ей.— нельзя ли повторить? Она стоит, глазищами своими хлопает — опешила, видать, сильно. А тут еще все как захлопают, костылями по полу застучат, заорут: «Браво! Бис! Даешь еще!». Раза четыре они эти «Туманы» спели тогда. С тех пор вот и не расстаюсь я с ней, с песней-то. Она мне, можно сказать, как талисман — пока помню, пою. Пока пою, жить еще хочется.

— Ну, если так она дорога тебе, извини — не знал! А ты, Санек, не грусти, не тоскуй — образуется все у тебя. Ты, вон, какой еще молодой да складный! На селе ни одной холостой али вдовой бабенки не осталось, которая тебя глазенками-то своими еще не обстреляла. Ходил бы да вместо того, чтобы песни орать, по сторонам получше посматривал. Ну да ладно — кому-кому, да не мне тебя учить. Пойду я — забор поправлю. Как говорится — «делу время, а потехе — час». Вот час мой, который на потеху, весь и вышел. Бывай здоров!

— Петр Иваныч!

— Чего еще?

— Постой! А про то, что песню у меня купишь — ты не пошутил?

— Нет, конечно. Ты когда разве слышал, чтобы я шутил?

— Да нет, ни разу. Верится в это с трудом что-то. Ну а коли я решусь продать тебе эту песню, как узнаешь, что я слово свое сдержу?

— А я тебе, Саня, на слово поверю. Село ведь у нас не такое большое. На одном конце чихнешь — через полчаса уже каждому двору известно. А ты что, или надумал вдруг?

— Да негде мне больше денег искать, а для дочки чего не сделаешь. Переживу как-нибудь. Есть карандаш? Давай напишу слова.

— С собой нет. Сейчас из дома вынесу. И целковые захвачу впридачу. Погодь маленько.

Буквально через несколько минут Челыш вернулся с листком писчей бумаги, идеально подточенным карандашом и несколькими изрядно помятыми купюрами в руках.

— Возьми, вот, семь рублей — и на краски хватит, и на дорогу до Горького в оба конца.

— Давай карандаш. Я слова тебе сначала запишу.

Балдин старательно вывел протрезвевшими руками на помятом, неровном листе бумаги слова, которые помнил всегда и в любом состоянии мог повторить наизусть. Поставив последнюю точку, он еще раз пробежал глазами написанное и, вдруг, неестественно резким движением протянул листок Челышу.

— Ну, держи, Петр Иваныч, пользуйся. Хорошая песня. А что, семь рублей — это ведь не тридцать сребреников? Или без разницы...— Сашины губы скривились в жалкое подобие улыбки. Он взял протянутые Челышом целковые, опустил голову и медленно побрел по направлению к родному дому, будто бы разыскивая что-то у себя под ногами.

Последнюю фразу Балды Челыш не понял. Да и чего только хмельному на язык не придет. Он аккуратно вчетверо сложил листок со словами песни и убрал во внутренний карман пиджака. Пользоваться он им, конечно, не собирался. «Все равно пусть лежит. Вместо договора будет»,— ухмыльнулся Челыш и достал новую папиросу. Вечер начинал налаживаться.

* * *

Через пять месяцев автобус с заиндевевшими окнами вез Челыша в родное село. Он еще с осени обосновался в городе и работал на заводе сварщиком — вспомнил профессию легко, заново учиться не понадобилось. Денег получал несравнимо больше, чем в колхозе. Вечером ходил в кино. Иногда на танцы выбирался. Нет, не танцевал. На девок глазел. Да и не только глазел, конечно. Такие крали приходили — в кино не увидишь, не то что на селе! А настоящих мужиков, таких, как он, было в ту пору мало совсем. Вот и попадали эти птахи в его силки практически беспрепятственно.

Но что же тогда повлекло его домой? Две причины. Одна, можно сказать, официальная — племянника в армию проводить надо было.

Про вторую причину Челыш никому не рассказывал. Около двух недель назад из села ему пришло письмо. От девушки. Звали ее Елена Щукина. Жила она на соседней слободе, их огороды разделял лишь один невысокий забор. Совсем недавно Челыш ее даже не замечал. Так, носилось что-то мимо сопливое, с вечно разбитыми коленками и в залатанных платьях и сарафанах, что доставались от двух старших сестер донашивать. То корову из стада встречает, то по воду бежит, то с мальчишками играет в чижа или в салочки. А буквально прошлым летом как расцвела девица, налилась березовым соком так, что ее теперь иначе как «Елена Прекрасная» никто и не называл.

Тем удивительней было Челышу узнать из письма, что уже два года, как смотрит на него Елена не только как на соседа, но и как на мужчину, с которым хочется прожить бок о бок всю свою жизнь. Однако по причине природной скромности и строгого воспитания подойти и заговорить первой она даже и мысли себе не могла позволить.

Челыш был сильно обескуражен этим письмом. Он несколько раз его перечитывал, до конца так и не веря в то, что там было написано. Искал какой-то подвох, но так и не смог найти. Он просто-напросто ни во что уже не верил. Чтобы унять непонятную ему доселе тревогу, твердо решил при первом удобном случае поговорить с Леной и все окончательно для себя выяснить.

Подходящий повод для поездки в село не преминул представиться — сына старшей сестры Анюты, Егора, призвали в армию и она, собирая сыну проводы, естественно пригласила на них и брата Петра. Анюта, как и Елена, жила на соседней от Челыша улице, только на четыре дома дальше.

К дому Анюты он подошел около шести часов вечера. По шуму, который был слышен издалека, было понятно, что застолье уже в разгаре. В прихожей Челыш заметил, что все половики сняли для удобства гостей, поэтому, не разуваясь, сразу же проследовал в большую комнату. Кровать из нее вынесли, а к обеденному столу, который находился в центре помещения, приставили еще два.

Гости уже успели разделиться на группы «по интересам» и наполнить весь дом шумом базарной площади.

Анюта заметила брата и сразу захлопотала — за столом было довольно тесно и нужно было быстро найти для Петра место и при этом никого не обидеть. Она блестяще справилась с этой задачей и буквально за две минуты уговорила постесниться своих говорливых родственников — мужниных теток — Тамару и Евдокию и бабу Дусю, которую местные юмористы прозывали «Дульсинеей».

В результате Челыш оказался аккурат между ними. Напротив, через стол, его соседями оказались бригадир сельских плотников Андрей Тулупов с женой Марией.

— Здорово, Иваныч! — Тулупов привстал и протянул Челышу свою здоровенную «клешню».

— Здорово. Андрюха! Как дела у тебя? Работы хватает?

— Да уж не жалуемся — сам, поди, знаешь, что с осени завод начал материалы выделять для своих работников на строительство. Рук там хватает не всем. Вот они нас и зовут на подмогу. Мужиков толковых только все меньше и меньше. А так — отказывать даже некоторым приходится.

— А мужики-то куда пропадают? Война-то уже закончилась.

— Да в город почти все уехали. А те, кто остался — зашибают сильно или вообще сгинули, как Сашка Балдин.

— Балдин? А что с ним?

— А ты разве не знаешь? Ведь уже почти месяц как нету его.

— Как нет? Да где же он?

— Да сказал же — нету! Умер он, погиб!

— Как умер? У него здоровья на полдеревни бы хватило.

— Да спился он, тоска, видно, заела. Летом еще ходил — песни распевал, а по осени запил по-черному. Тут уж, видно, ему не до песен уже было. А под Новый Год запоролся зачем-то далеко в лес, на Зимовку, да и замерз там насмерть — пьяный был, не почувствовал, наверное, даже, что отходит. Я вот все думаю, что так и не смог он перенести того, что Зойка в город к своему инженеришке сбежала, шалава поганая! Какого мужика погубили! Лучший плотник в бригаде был!

— Слыш, Андрюша, а ты знаешь, как он перед смертью начудил-то еще, Балда-то наш? — решила вмешаться в разговор «Дульсинея».

— Ты это о чем, тетя Дуся?

— Да говорят, что когда нашли его, в лесу, замерзшего, то шибко удивились, зачем он туда с собой целую коробку красок захватил. Сашка отродясь акварелями не баловался. Что за черт его заставил эти краски в лес тащить?

— Да если тебя, баба Дуся, тоже «белочка» посетит, ты и не то в лес потащишь,— губы Тулупова скривились в язвительной ухмылке. «Дульсинея» ему не нравилась, потому что она была «тихой» стервой и сплетницей, впрочем, как и добрая половина деревенских бабушек,— может, сковородку любимую, а может — граммофон.

— Что это ты, Андрюша, на меня так осерчал? Я или чего не так сказала? — заискивающе пропищала баба Дуся.

— Да ты поменьше языком мели, да побольше внуков воспитывай, а то вырастут лоботрясами, как Коленька твой! Говорят тебе — пил мужик по-черному с сентября самого, не осталось у него разума к зиме уже никакого! Тосковал он страшно. А, ведь, все из-за вас, из-за баб! Вся любовь у вас только на словах, а деле... Эх! Да что я тебе говорю! Как о стенку горох! — Тулупов резким движением опрокинул себе в глотку все жгучее содержимое стограммового граненого стакана и уставился невидящим взглядом в пол.

— Андрюшенька, не серчай на меня, глупую старуху! — заверещала «Дульсинея». С ним ей невыгодно было ссорится. Баня у нее совсем покосилась, а Коленька — хоть и сын родной, а руками своими лучше всего умел если только в носу поковырять.

— Давайте лучше песню Сашину любимую споем. Ему, наверное, там приятно будет,— вклинилась в диалог тетка Тамара и, не дожидаясь ответа, затянула своим дребезжащим голосом:

«Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.
Эх! Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага».*

«Дульсинея», пытаясь сгладить негативный осадок от своей эскапады, почти сразу же подхватила:

«На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей!

* «Туманы» — Музыка В. Захарова, слова М. Исаковского

— И на старой смоленской дороге
Повстречали незваных гостей».

Следующий куплет этой песни слышали уже все без исключения Анютины гости, потому что его вместе со старушками уже ревел своим громоподобным басом бригадир артели плотников Андрюха Тулупов:

«Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу».

После этого пели уже все. Оказалось, что благодаря ежедневным концертам Сашки Балдина, слова этой незамысловатой песни отложились в памяти практически у каждого жителя слободки:

«С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой».

Челышу что-то сильно давило на грудь и в то же время нестерпимо сжимало виски. Он резко выскочил из-за стола, подхватил с вешалки свою фуфайку и молниеносно скрылся за дверью.

Выйдя на улицу, он зашагал прямиком к дому, в котором жила Елена. Колючий морозный воздух обжигал лицо. Но Челыш не чувствовал этого. Решил закурить. Достал и стал зачем-то на ходу разминать в руке папиросу. Остановился. Резко вскинув руку, выбросил ее, смятую, в сугроб. Развернулся и быстрым, твердым шагом двинулся в противоположную сторону.

В кривеньком Анютином домике, несмотря на довольно сильный мороз, окна были распахнуты — тепло от человеческих тел никак не могло уместиться в тесных, похожих на кельи, комнатках. Из окон на стылый воздух вырывались знакомые до дикой, тянущей боли слова:

«Не уйдет чужеземец незваный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!»

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ЗВЕЗДА НАД КОПРОМ
(глава из повести)

В Москве Иван остановился у старых знакомых отца, которые жили в большой трехкомнатной квартире на Бауманской улице. Узнав, что Ивана направляют в командировку в Москву, Матвей Кузьмич сходил к односельчанину Федору Семеновичу Травкину и узнал у него адрес и домашний телефон его брата Василия и своего друга детства, который жил в Москве. Позвонил он ему с междугородней телефонной станции, незадолго до этого открывшейся в Шахтерске. Услышав старые и огрубевшие от времени, но все равно хорошо узнаваемые и даже родные голоса, оба очень обрадовались друг другу. Долго вспоминали родные Озерки, односельчан. Вспомнили, как босоногими пацанами ловили в озере рыбу и Василий чуть не утонул, но его уже захлебывающегося успел вытащить из-под воды Матвей. Вспомнили, как мыли по вечерам в озере лошадей, а барский конюх дед Авдей разрешал им за это на них покататься верхом. Вспомнили, как вместе работали на шахте и уже Василий спас Матвею жизнь, вытащив его из-под шахтного завала. Многое вспомнили два старых друга, не видевшиеся почти полвека, даже всплакнули втихомолочку. А еще о многом они вспомнить не успели из-за короткого времени их разговора. Матвею Василий сказал, что он будет очень рад встретить, познакомиться и приютить на время у себя дома его сына Ивана.

В доме Травкиных Ивана встретили как родного. Василий Семенович даже обнял его и, не дав толком снять верхнюю одежду с обувью и подарить переданные отцом деревенские подарки, потянул его на кухню, где в это время расставляла на стол тарелки с закусками Светлана Борисовна.

— Ты посмотри, Светлана, вылитый Матвей! — сказал он жене.— Нет, ты только посмотри, такой же высокий, плечистый, с ямочкой на подбородке, вылитый Матвей! И такой же, как и Матвей, черноволосый! Хотя вы, Петровы, все там, в Озерках, чернявые были, как цыгане! — не переставал радоваться Василий Семенович.— Ты посмотри на него, посмотри! Помнишь Матвея-то? — спросил Василий Семенович у жены.

— Я его плохо помню, я видела его только один раз,— улыбнулась Светлана Борисовна, рассматривая Ивана, который смутился от такого радушного приема.

— Давай, давай, Светлана, расставляй закуску, а то Иван с дороги, наверное, проголодался,— начал поторапливать жену Василий Семенович, доставая из холодильника бутылку водки.

— Да нет, я не проголодался, вы не волнуйтесь,— ответил смущенный Иван.

— Ты не разговаривай, а давай садись за стол,— приказал гостеприимный хозяин.— Светлана, а ты куда это собралась? — спросил он у жены, увидев, как та направилась из кухни.

— Пойду я, Василий, что-то нездоровится мне, давление, наверное, поднялось,— ответила Светлана Борисовна.

— Что, может врача вызвать? — растерянно спросил он у жены.

— Не нужно, я пойду приму лекарство и прилягу,— ответила та.— Вы извините меня, Иван, что не составлю вам компанию,— сказала Светлана Борисовна, обращаясь к Ивану. Тот в согласии кивнул головой.

— Отец-то, наверно, на пенсии? — спросил Василий Семенович, разливая водку в рюмки.

— Давно уже,— ответил Иван.

— А сыновья-то его, твои братья, они как живы-здоровы? Старшего-то, по-моему в честь деда Кузьмой назвали, а вот второго забыл как зовут, хоть убей, забыл. Да уж и времени-то сколько прошло?! — растерянно проговорил Василий Семенович.

— Семеном его зовут, он сейчас в Горьком живет, на строительстве завода работает. Женился, дети у него маленькие растут.

— Это хорошо, что женился,— улыбнулся Василий.— А ты-то не женат еще?

— Нет, я еще не женат,— смутился Иван.

— Ну и правильно, что не женат, успеешь еще — женишься,— произнес Василий Семенович и вновь потянулся к бутылке. Плесканул себе немного водки и хотел налить Ивану, но увидев у него рюмку полной, поставил бутылку на стол.— А ты чего не пьешь? Стесняешься или не пьющий? — спросил он.

— Не хочется что-то,— ответил Иван.

— Ну и правильно, успеешь еще,— произнес Василий и разом опрокинул содержимое рюмки себе в рот.— Ну, а старший, Кузьма, он-то как? Я слыхал, будто посадили его, отсидел или еще нет? Сколько ему дали-то,— вновь спросил Василий, не переставая жевать.

— Да, его во время войны еще посадили на десять лет.

— Ого! Многовато! За что же его?

— Как врага народа осудили,— нехотя ответил Иван, опустив голову и отложив в сторону вилку. Ему был неприятен разговор о старшем брате, но Василий Семенович об этом не догадался.

— Не пришел еще? — вновь спросил он и потянулся вилкой к тарелке с лежавшими в ней тонко нарезанными колбасными дольками.— Да ты ешь, ешь, не сиди сложа руки-то,— проговорил Василий, увидев, что Иван ничего не ест.

— Нет, еще не пришел,— ответил Иван и, взяв вилку, начал неспешно есть.

— Пора бы уже прийти! — удивился Василий.— А что пишет, почему задерживается?

— Врагов народа судили без права переписки,— дерзко ответил Иван. Ему не хотелось развивать эту тему, но как ее остановить, не обидев радушного хозяина квартиры, он не знал, а потому терпел. Из последних сил, но терпел.

— Да-а, дела-а! — задумчиво протянул Василий Семенович и вновь потянулся к бутылке. Налил себе и молча выпил.— Дела-а! — вновь повторил он и замолчал. Даже закусывать не стал.

Иван его молчание принял за возникшие в сознании Василия Семеновича опасения и даже страх из-за того, что пригласил к себе в дом родственника находящегося в лагере врага народа. Он стушевался, не зная, как себя вести дальше в сложившейся ситуации.

— Может, я пойду, Василий Семенович? — спросил он.— Там в институте иногородним обещали места в общежитии предоставить.

— А что так? — удивился тот.

— Да, может быть вам не совсем удобно...— растерянно начал Иван.

— Что мне неудобно? — Василий начинал улыбаться, он понял, возникшие в голове Ивана мысли и ему стало смешно.

— Ну, все-таки я родственник... врага народа... и в вашей квартире...

— Ты чего, подумал, что я испугался? — засмеялся Василий Семенович во весь голос.— Выкини из головы такие мысли. Бориса Всеволодовича, отца моей жены, перед войной арестовали как врага народа, якобы он до революции был эсером?! Вот здесь, в этой самой квартире при обыске все вверх дном перевернули, искали доказательства его принадлежности к партии эсеров. Каждое хранившееся письмо от его боевых товарищей еще по гражданской войне перечитывали по нескольку раз. Ничего не нашли, а все-равно посадили. И тещу мою дорогую вслед за ним тоже замели, за то, что она скрыла от властей, что Борис Всеволодович раньше был эсером! — Василий Семенович вновь засмеялся в голос.— Идиотизм! Она его в те времена даже еще и не знала! Неделю ее в тюрьме продержали, а потом выпустили. И нас со Светланой Борисовной тоже на допросы таскали, но ничего они от нас не добились! А Бориса Всеволодовича, как только война началась, из лагеря выпустили. Нужны были опытные инженеры, чтобы начать масштабный выпуск военных машин, вот о нем и вспомнили. Потом ему даже Сталинскую премию вручили за хорошую работу, но мы думаем, что это была вроде бы как компенсация за то, что его продержали в лагере! И Борис Всеволодович, и Валентина Евгеньевна до самой своей смерти смотрели на нас со Светланой с гордостью и благодарностью за то, что мы на допросах не сломались и не дали против них никаких показаний! Так что мы с женой — калачи тертые! А ты подумал, что я испугался! Эх ты, Иван! — Василий Семенович похлопал Ивана по плечу. От выпитого он захмелел, лицо его раскраснелось, глаза блестели, его потянуло на разговоры.— Да мы с твоим отцом в шахте каждый день смерти в глаза смотрели и не боялись, а ты подумал обо мне, как о трусе! — он горестно вздохнул.

— Просто вы надолго замолчали, а я и вправду подумал, что вы испугались,— сказал Иван. Ему стало стыдно за свои мысли.— Простите меня, Василий Семенович, за эти мои подозрения,— покраснев, проговорил он.

— Ладно, ладно, я не сержусь,— миролюбиво произнес Василий Семенович.— А замолчал я от того, что задумался о брате твоем Кузьме. Думаю, может быть, его освободили, а после освобождения куда выслали? Но неужели он не может там, в ссылке, найти возможность и сообщить о себе?! Вам бы надо в НКВД сходить и все у них там узнать,— посоветовал Василий Семенович. Иван в знак согласия кивнул головой.

В это время в прихожей раздался щелчок замка, и открылась входная дверь. Через пару минут в кухню буквально вбежала девушка лет восемнадцати на вид. Она была среднего роста, не толстая, но и не худышка. Одета она была в синюю кофточку и узкую темную юбку. Темно-русые волосы были острижены по плечи, чуб заколот в правую сторону.

— Привет, дед! — проговорила она и поцеловала Василия Семеновича в щеку.— У нас гости? — поинтересовалась она у деда, при этом с интересом взглянула на Ивана выразительными голубыми глазами.

— Да это Иван, сын моего старого друга, приехал в Москву из Шахтерска на повышение курсов, недельку поживет у нас в квартире,— ответил Василий Семенович и повернулся к Ивану.— Познакомься — это моя внучка Маринка.— Иван привстал со стула и моча кивнул Марине головой.

— А что это, сын твоего друга разговаривать не может? Только может головой кивать? — спросила Марина у Василия Семеновича, с ироничной улыбкой на лице продолжая внимательно, до неприличия, рассматривать Ивана. От улыбки на ее раскрасневшихся от мартовского морозца щечках образовались ямочки.

— Почему же не могу? Могу,— только и смог вымолвить смутившийся под Марининым взглядом Иван.— Меня зовут Иваном,— сказал он.

— А меня — Мариной. А еще меня называют — Марикой, Марьян и даже Мэри. Это кому как захочется,— проговорила она, вновь растянув тонкие небольшие губы в улыбке.— А ты, дед, вообще-то, спьяна ничего не перепутал? Может быть, Иван твоему другу доводится не сыном, а внуком? — спросила Марина, повернувшись к Василию Семеновичу и указывая при этом кивком головы на стоявшую на столе почти пустую бутылку из-под водки.

— Ничего я не перепутал. Иван родился, когда его отцу, а моему другу детства, было уже довольно-таки много лет. На Руси это называется — поздний ребенок. Тебе бы, как будущему журналисту, такое нужно знать,— отшутился Василий Семенович на бестактность внучки.— Кстати, Иван, моя внучка учится в МГУ на журналистку.

От услышанного Иван неподдельно удивился. Он еще ни разу в жизни не встречал девушек, которые учились бы в МГУ, тем более на журналистку. А уж чтобы когда-либо познакомиться с такими девушками, даже и не мечтал. Втайне он был рад новому знакомству. Марина ему понравилась и внешне, и своим поведением — кокетливым и раскрепощенным. «Наверное, в Москве все девушки такие — незажатые и свободные, не то, что наши!» — глядя на Марину, подумал Иван.

— И чем же мы занимаемся, «поздний ребенок»? Я так поняла, что учимся в каком-то московском институте, и теперь приехали сюда на сессию? — спросила Марина. Она присела за стол, наколола на вилку кусочек колбасы и, неспешно положив его себе в рот, начала медленно его пережевывать, не переставая при этом буравить Ивана взглядом.

— Мы работаем на шахте, а сюда приехали в Московский институт угольно-добывающей и горной промышленности на курсы повышения профмастерства,— в тон Марине ответил Иван. Он уже перестал тушеваться перед красотой Марины и взял себя в руки, вот только ладони продолжали оставаться потными, но он их умело маскировал, убрав руки со стола.

— Представляешь, Маринка, Иван приехал в тот самый институт, который я в свое время закончил,— вступил в разговор Василий Семенович, но Марина на деда даже не взглянула, она бесцеремонно и бестактно рассматривала Ивана.

— Ух, ты! Как интересно! — теперь уже она неподдельно удивилась.— Никогда в жизни еще не видела настоящих шахтеров.

— Как не видела, а я? — спросил у нее Василий Семенович.

— Ты, дед, шахтер не настоящий, ты в метро работал.

— Здрасьте-пожалуйста, не настоящий!? А раньше-то я на шахте работал! — возмутился Василий Семенович.

В это время на кухню вошла Светлана Борисовна и поздоровалась с Мариной.

— Привет, бабуля! — ответила та на приветствие.— Бабуль, правда дед у нас не настоящий шахтер, а метростроевец? — спросила она.

— Почем же не настоящий? Когда мы с дедом познакомились, он работал в шахте. Это он потом, уже живя здесь, в Москве, стал метростроевцем,— ответила Светлана Борисовна.

— Ты как себя чувствуешь? — озабоченно спросил у жены Василий Семенович и взял ее за руку.

— Да ничего, я поспала и теперь мне лучше.

— Никогда еще так близко не общалась с настоящим шахтером,— не обратив никакого внимания на то, что Светлана Борисовна занемогла, проговорила Марина, не отводя взгляда от Ивана.

— А я никогда не общался со студенткой московского университета, тем более с журналисткой,— ответил Иван.

— Пока еще не с журналисткой,— пожала плечами Марина.

— Ну, с будущей журналисткой, какая разница? — Иван взглянул на Марину. Их взгляды встретились и они, сами того не ожидая, улыбнулись друг другу.

— А чем ты собираешься занять себя? — спросила у Ивана Марина.

— Завтра утром мне нужно быть на курсах в институте.

— Я имею в виду день сегодняшний,— уточнила она.— Сегодня ты что делать будешь? Уж не собираешься ли ты сидеть дома?

— Марина, оставь человека в покое,— придав голосу строгие нотки, проговорил Василий Семенович.— Иван с дороги, может быть он хочет отдохнуть, а ты его уже замучила со своими расспросами.

— Нет, нет, Василий Семенович, я не устал,— ответил Иван, а затем повернулся к Марине.— Ничем я сегодня не занят, а дома сидеть мне не хочется, если только свои старые конспекты, которые я вел еще в техникуме, почитать, на всякий случай я их взял с собой,— ответил он.

— Не нужно тебе читать твои конспекты,— тоном, не терпящим возражения, произнесла Марина.— Сегодня мы с друзьями, тоже со студентами, собираемся на речную прогулку на пароходе по Москва-реке, не хочешь ли ты составить нам компанию? — спросила она у Ивана.

Иван не ожидал такого поворота событий. Ему, конечно же, очень хотелось пообщаться с москвичами, поговорить со своими ровесниками, узнать, как и чем живут они в столице, что их интересует, что волнует, чем они увлекаются? А уж со студентами он пообщаться даже и не мечтал, а тут такая удача! Но еще больше Ивану хотелось подольше побыть в обществе Марины. И он с радостью согласился.

— Если вы готовы взять меня в свою компанию, я с удовольствием,— ответил Иван, моментально вставая из-за стола, опасаясь, что Марина передумает брать его с собой.

Спустя пару часов Иван с Мариной были уже на Речном вокзале в Химках, где Марину уже давно ожидали ее друзья.

— Мэри, ну ты что так долго? Мы тебя уже заждались,— недовольно проговорил один из парней, на вид ровесник Марины, высокого роста и худощавого телосложения. Одет он был в длинное темное пальто и серую шляпу. Под пальто у него была белая рубашка с повязанным на ней темным узким галстуком. Черные брюки внизу были очень узкими и коротковатыми до такой степени, что были видны его темные носки. Обут он был в легкие остроносые туфли. Он бесцеремонно обнял Марину.— Мэри, я уже без тебя соскучился,— плаксиво-тянущим голосом произнес он и изобразил мученическую гримасу, глядя на Марину жалобным взглядом голубых глаз. Затем, издав вдруг звериное рычание, прижал Марину к себе. Она тоже обняла его за тонкую талию, и они, слегка прикоснувшись друг друга губами, наигранно поцеловались.— Эдичка, и я по тебе успела соскучиться,— ответила ему Марина.

Ивану это не понравилось, но он сделал вид, что не заметил этих ужимок.

— Познакомьтесь,— это Иван, знакомый моих родителей. Он приехал из какого-то Шахтерска на какие-то курсы, и временно остановился у нас в квартире,— представила Марина Ивана своим друзьям. Затем она взглянула на Ивана.— А это, Иван, мои друзья: Эдуард, Виктор и Танечка.

Эдуардом оказался тот высокий парень, который обнимался с Мариной и который Ивану не понравился, из-за чего он его мысленно обозвал «долговязым». Виктору на вид было около двадцать лет, он был невысок и коренаст. Одет он был в темное пальто с повязанным под ним серым шарфом. Пальто было очень длинным и края его доходили Виктору почти до щиколотки, но, тем не менее, из-под пальто были видны отличающиеся от Эдуардовских широкие брюки. Обут он был в черные ботинки, на голове надета серая кепка, которую Виктор надвинул низко на карие глаза. Татьяна

была ровесницей Марины, небольшого роста и худощавого телосложения, черноглазая, с ярко накрашенными губами. Одета она была в короткую темную шубку, узкую, как и у Марины, юбку и короткие красные сапожки. На голове была надета красного цвета шапочка-лодочка, из-под которой выбивались локоны черных волос.

— Мы с Эдуардом вместе учились в университете, а потом его исключили за то, что у него очень узкие и короткие брюки. Преподаватели потребовали от Эдуарда, чтобы он их не носил, но он не выполнил их требование, и его за это исключили,— рассказала Марина Ивану, представляя Эдуарда.

— Как исключили?! Что, разве за такое могут исключить из университета?! — спросил Иван. Он был шокирован от услышанного.

— Могут,— ответила Марина.— А Эдичка — молодчина, не поддался им! — улыбнулась она, взглянув на Эдуарда.

«Какой же он — молодчина?! — мысленно удивился Иван восторгу Марины.— Из университета вылетел, дурная голова! Вот если бы мне выпала такая возможность — учиться в МГУ, я бы беспрекословно выполнял все требования преподавателей, лишь бы только учиться в университете и закончить его»,— подумал Иван.

— Татьяна — будущий юрист, она учится в юридическом институте, а Виктор — это друг Татьяны. Он тоже студент, учится на кинорежиссера,— продолжала представлять Марина своих друзей.

— На кинооператора. Я учусь не на кинорежиссера, а на кинооператора,— поправил Марину Виктор.

Иван назвал свое имя и протянул мужчинам руку для рукопожатия, Татьяне он кивнул. Новые знакомые Ивана произвели на него различные впечатления. Эдуард ему не понравился сразу. Во-первых, при знакомстве с ним в его взгляде промелькнула искорка какой-то брезгливости, а уголки губ при этом скривились в надменной улыбке. Во-вторых, он показался Ивану человеком не серьезным и даже слегка глуповатым. В-третьих, и это было самое главное, что Эдуард бесцеремонно и бестактно обращался с Мариной. Виктор Ивану показался человеком малоразговорчивым, не общительным и даже каким-то угрюмым. Татьяна Ивану понравилась своей скромностью, малоразговорчивостью и поведением, которым она походила на девушек, живущих в его родном Шахтерске, только она в отличие от них несколько иначе одевалась.

Иван достал деньги, отсчитал необходимое для вскладчины их количество, и протянул Татьяне, которая пошла к кассе покупать билеты. На причале в ожидании парохода уже собралось много народа и вскоре, издав длинный и гундосый гудок, причалил пароход «Дон». После того, как пассажиры вошли на пароход, он вновь прогудел длинно и, заурчав мотором, стал отходить от причала и набирать ход. Пароход шел по каналу, разбрасывая на ходу мощные волны Москва-реки, которые с шумом разбивались о каменные берега. По каналу двигались плоты и баржи, навстречу проплыли огромные теплоходы «Маршал Ворошилов» и «Кузьма Минин». Бегущие от них огромные волны с шумом хлестали в борт «Дона».

Иван раньше никогда не плавал на морских или речных судах и вот теперь, стоя на палубе качающегося на волнах парохода, испытал чувство радости и даже какого-то детского восторга. Он с удовольствием смотрел то на волны, то на проплывающие мимо них пароходы, то на стоявшие на берегу канала столичные постройки. Погода была чудесная. Мартовское весеннее солнце пригревало своей теплотой, и в то же время морозный еще воздух отрезвлял от весеннего хмельного состояния.

— Предлагаю всем спуститься в ресторан и отметить знакомство с Иваном, а заодно и нашу речную прогулку,— предложил Эдуард и все дружно поддержали его предложение.

В ресторане, который находился в трюме парохода, было уже многолюдно, ли-

лась тихая музыка и сизым туманом витал табачный дым. Свободных столиков не было, и друзья остановились в замешательстве. Наконец, пока Иван с Виктором ожидали очереди у стойки буфета, освободился столик. Купили вино, пиво, салаты и мороженое.

— Ну, и чем же сегодня живет село? — обращаясь к Ивану, спросил у него Эдуард, осушив бокал с вином.

— Да тем же, чем и Москва,— ответил Иван. Он тоже выпил вина, и оно приятно растеклось по всему телу.

— Ну, не скажи, не скажи. Москва — это Москва! Столица! Мы здесь можем себе позволить сходить вечером в кино, в театр, в цирк, в музеи какие-нибудь. Вот можем совершить речную прогулку на пароходе по каналу. А вы? Чем вы занимаетесь в своем селе? — не согласился Эдуард с ответом Ивана.

— И я тоже не могу себе представить, чем можно заняться в деревне? — поддержала Эдуарда Марина, сделав небольшой глоток вина.

— Ну, каналов-то с пароходами у нас, конечно, нету, а вот в нашем районном городе Шахтерске, а не в селе, как ты, Эдуард, говоришь, тоже показывают в районном Доме культуры кино, по вечерам бывают танцы, часто приезжают артисты из области, а иногда и из Москвы, ставят спектакли. Мы тоже, как и вы здесь, в столице, живем нормальной жизнью. А вы, наверное, в Москве, думаете, что мы там у себя только хвосты коровам крутим? — засмеялся Иван. От выпитого вина и пива он немного захмелел, звучавшая музыка приятно ласкала слух, общение со столичными студентами его радовало, покачивание на речных волнах успокаивало, и от всего этого он расслабился. Его потянуло на разговоры.

— А вот ты, Эдуард, скажи, как такое возможно, чтобы из-за каких-то брюк из университета вылететь?! Я этого понять не могу! — спросил он у Эдуарда.

— Ну, во-первых, меня исключили не из-за брюк, а из-за моей принципиальной позиции...

— Да какая это, к дьяволу, принципиальная позиция?! — перебил его Иван.— Глупость! Самая настоящая глупость! Бросить учебу из-за каких-то дурацких принципов?!

— Тебе этого не понять,— резко ответил Эдуард и потянулся к бутылке с вином.

— Ну, почему? — не унимался Иван.

— Ой, мальчики, хватит вам спорить, а то я чувствую, что вы сейчас поссоритесь,— дружелюбно проговорила Марина, обращаясь к Эдуарду и Ивану.

— Нет, пусть он мне объяснит, мне хочется понять поступок Эдуарда,— сказал Иван Марине.

— Я еще раз говорю, что тебе этого не понять,— вновь ответил Эдуард.

— Ну, почему, Эдуард, почему? Ты считаешь меня бестолковым? — не унимался Иван.

— Нет, я не считаю тебя бестолковым.

— Тогда почему мне не понять твой поступок?

— Потому, что ты живешь не в Москве! — ответил Эдуард.

— А какая разница, кто и где живет? Поступки-то мы совершаем одинаково! Тебе велели надеть другие брюки, ну и надень! В конце-то концов, какая разница, в каких брюках ходить?! Они же, твои преподаватели, занимают положение выше тебя, а значит, ты должен им подчиняться, а не они тебе!

— Я согласен, что они в иерархической лестнице стоят на ступеньку, а может быть и не на одну, а на несколько выше меня! И я во всем, что касалось учебы, им подчинялся. Ну, почему, объясни мне, почему они должны мне указывать, в чем мне ходить? Какую музыку мне слушать и какие фильмы смотреть? С какими друзьями

дружить, или какой хлеб мне есть? Почему я, свободный человек, живя, как они везде говорят, в свободной стране, не имею права надеть ту одежду, которая мне нравится?! Почему? — возмутился Эдуард.

— Потому, что в жизни есть определенные ограничения, которые нельзя нарушать,— ответил Иван.— Я тоже у себя на работе подчиняюсь всем требованиям, которые мне предъявляют мои начальники.

— Государство определяет в себе такие понятия, как существование границ и правил поведения людей, проживающих в пределах этих границ. А правила поведения регламентированы соответствующими законами. Если одно из понятий исчезает, например, не будет границ или не будет закона, определяющего общественное поведение людей, то это будет уже не государство, а дикое племя, или, если хотите, стадо. Я поняла, что Иван хотел высказать именно эту точку зрения, но он не смог правильно сформулировать свои мысли,— вступила в разговор Татьяна.

— Да, именно это я и имел в виду,— ответил Иван, с удивлением взглянув на Татьяну.— Как хорошо ты, Татьяна, это объяснила Эдуарду, а то я никак не мог подобрать слова,— простодушно улыбнулся он.

— Ну, Татьяна высказалась, как юрист,— сказала Марина.

— Будущий юрист,— улыбнулась Татьяна.

— Тут я полностью согласен с Таней. Каждый человек должен подчиняться законам,— вступил в разговор, молчавший до этого Виктор.— Если не подчиняться, то будет бардак. Я был на войне и знаю, что такое — подчиняться законам и приказам! Если бы мы там не подчинялись приказам, то войну бы никогда не выиграли.

— Ты воевал? — удивился Иван.

— Да, воевал. Меня на войну взяли, когда она уже заканчивалась, но все же я успел повоевать,— ответил Виктор.

— Виктор и кинооператором-то решил стать там, на войне,— проговорила Татьяна, ласково взглянув на Виктора.

— Расскажи? — попросил Иван, обращаясь к Виктору.

— Да, ладно,— махнул тот рукой и замолчал.

— Виктор на фронте повстречался с кинооператором, который снимал кинохронику, и попросил у него разрешения взглянуть в глазок кинокамеры. А когда взглянул, то увидел все вокруг себя так, словно он находился в маленьком кинозале, как будто он попал в маленький, какой-то сказочный кинотеатр. И этот сказочный кинотеатр так увлек Виктора, что он решил для себя, что если на войне останется живым, то после войны обязательно поступит учиться на кинооператора,— рассказала за Виктора Татьяна.— Он мне сам об этом рассказывал. Правда, Витюш? — спросила она с улыбкой на лице, глядя на Виктора. Тот смущенно кивнул головой и потянулся к бокалу с пивом.

— И все-таки, я с вами не соглашусь! — вновь заговорил Эдуард.— Вот вы говорите, что нельзя не подчиняться законам! Я согласен, законы нужно соблюдать! Но написано ли в твоих, Татьяна, кодексах, что нельзя ходить в узких брюках? Вот если там такое написано, тогда я не прав, тогда я обязан был сменить брюки! Но там-то такого нигде не написано! Тогда почему я должен выполнять не расписанный в кодексах закон, а чью-то прихоть, чью-то дурость?! — с возмущением в голосе спросил он, обращаясь ко всем и в первую очередь к Татьяне.

— Кроме существующих законов еще имеют место различные подзаконные акты, а в определенных организациях и учреждениях правила внутреннего распорядка и поведения. Например, врачи при оказании помощи больным людям должны быть одеты в белые халаты, военным или милиционерам нельзя находиться на службе без ношения военной или милицейской формы. В вашем университете разработали и

утвердили правила, запрещающие ношение узких брюк,— начала объяснять Эдуарду Татьяна.

— По-моему, с этими узкими брюками сейчас идет борьба не только в нашем университете, но и везде, даже на улицах милиция забирает тех, кто ходит в узких брюках,— перебила Татьяну Марина.— Давайте лучше потанцуем, дамы приглашают кавалеров,— предложила она и, схватив Ивана за рукав, потащила его в центр зала, где в это время уже кружились в танце несколько пар. Татьяна последовала ее примеру, пригласив на танец Виктора. Эдуард остался за столиком один. Он с недовольным видом взглянул на Марину и потянулся к бутылке с вином. Налил себе целый бокал и залпом выпил. Затем задымил сигаретой и, развалившись на стуле, стал наблюдать за танцующими Мариной и Иваном.

— Не страшно тебе, Иван, в шахте работать? — спросила у молчавшего Ивана Марина для того, чтобы начать разговор.

— Нет, а чего там страшного? — удивился он.

— Ну, все-таки под землей находишься, а вдруг она обвалится?!

— Кто обвалится?

— Земля.

— Почему же это она обвалится? С какой такой стати? — спросил Иван.

— А что, разве в шахтах не бывает обвалов?

— Почему же не бывает? Конечно, случаются завалы.

— А у вас завалы были? — вновь спросила Марина.

— До меня завалы были, а при мне не было, так, небольшие аварии случались, а завалов не было,— ответил Иван.

— А какие аварии, расскажи?

— Шахту затапливало водой или плывуном.

— А что такое — плывун?

— Это песок с водой. Сверху по имеющимся в земле трещинам начинает течь вода, и если в земле есть слой песка, то он вместе с водой стекает в шахту,— начал рассказывать Иван.— Когда в шахте идет плывун, то от этого плывуна нужно держаться подальше, потому что в этот самый момент и может произойти обвал кровли. Плывун мокрый и вязкий, а поэтому, когда в него попадаешь, то он затягивает, как болото, и были случаи, когда шахтеры, убегая от него, теряли в этом вязком песке свои сапоги,— засмеялся Иван, но Марина оставалась серьезной.

— Как страшно! — она, словно от холода, пошевелила плечами.— Ты, наверное, очень смелый и сильный, раз работаешь в шахте,— проговорила она, взглянув Ивану в глаза.

— Ну, почему смелый и сильный?! Я — обыкновенный,— Иван выдержал ее взгляд и они какое-то время танцевали молча, глядя друг другу в глаза. И в этом их молчании все громче и громче слышались разговоры их глаз. Все слышней и ясней начинали улавливаться светлые и добрые чувства их повстречавшихся взглядов, это их молчание говорило о многом, оно было громовым. «Ты очень красивая! Ты мне нравишься, но мне очень жаль, что ты не моя девушка, а этого дурака Эдички, для которого в жизни самым главным и самым важным является не твоя любовь и не будущее университетское образование, а его узкие брюки, ради которых он даже бросил учиться в университете! Коснись что, он и тебя бросит! Как вещь, как тряпку, променяет на свои узкие штаны! Неужели ты, Марина, этого не видишь? Как же ты можешь любить такого амбициозного человека, каким является Эдуард?! Будешь ли ты счастлива, если свяжешь с ним свою жизнь? Мне кажется, что ты будешь глубоко несчастной! Как же мне тебя жалко!» — печально говорили, цвета угольных колчеданов из далекого Шахтерска, черные глаза. «Зачем ты приехал к нам?! Зачем во-

рвался в мою жизнь?! Ты же все-равно не останешься со мной здесь, в Москве! Ты же все-равно уедешь к себе на родину, в свой Шахтерск! Я же слышала, с каким теплом, с какой любовью ты рассказывал мне о своей шахте! И я поняла, что твоя работа тебе нравится, твоя жизнь тебя устраивает, и вряд ли ты захочешь ее менять! Наверное, и девушка у тебя есть?! Конечно, есть! Не может быть, чтобы у тебя не было девушки! Она, наверное, очень красива, красивее меня, и ты любишь ее, и прожить без нее уже не сможешь! И ты никогда не изменишь ей, потому что такие, как ты — сильные и смелые — никогда не изменят, никогда не подведут, никогда не предадут! Как же мне жаль, что ты никогда не сможешь меня полюбить, как бы я хотела быть твоей девушкой! Я не знаю тебя хорошо, но чувствую, что ты очень хороший парень, и я ревную тебя к твоей девушке, которую никогда не видела, я ревную тебя даже к твоей шахте! Как же ты красив!» — вторили им глаза цвета синего безоблачного московского неба.

Марина отвела взгляд в сторону и положила голову Ивану на грудь.

— Ты сильный, а я слабая женщина, и у меня от вина кружится голова, мне нужно выйти на свежий воздух,— почти простонала она.

Ивану не хотелось отпускать от себя Марину. Ему нравилось кружиться с ней в танце, было приятно наслаждаться ее голубыми глазами, даже сквозь одежду ощущать тепло ее тела, чувствовать жар ее сердцебиения и слышать ее дыхание. От всего этого, от прикосновения к Марине и от выпитого вина он тоже захмелел, но Марина действительно была бледна, и Иван решил вывести ее на свежий воздух. Осторожно протиснувшись между танцующими парами, они поднялись на палубу. Приятная ресторанная музыка сменилась ровным рокотом двигателя парохода и всплесками волн за бортом, свежий мартовский морозный ветерок отрезвил, и бледное лицо Марины слегка порозовело. Она развела руки в разные стороны и, приподняв голову, подставила лицо ветру и солнцу.

— Ну как, полегчало тебе на свежем воздухе? — Иван опустил руки Марины вниз и взял ее под ручку.

— Да, мне стало лучше,— улыбнулась она.

— Сейчас, наверное, сюда придет твой Эдуард,— вздохнул Иван.

— А у тебя есть девушка? — отведя взгляд в сторону, спросила Марина.

— Да, есть,— ответил Иван и тут же пожалел о сказанном.

— Я так и думала,— сказала Марина, осторожно освобождая свою руку.

— А ты живешь с бабушкой и дедушкой? — спросил Иван, чтобы сменить тему разговора.

— Да, с ними. Раньше я жила с родителями в другой квартире, а теперь ее сдали квартирантам.

— А где же твои родители? — осторожно спросил Иван, опасаясь, что с ними случилось что-то очень страшное.

— Они уехали в служебную командировку, в Африку,— ответила Марина.

— Как интересно! — проговорил Иван.— А ты почему не поехала вместе с ними?

— Им не разрешили взять меня с собой. Да и родители были против моей с ними поездки. Они сказали, что мне нужно поступать в институт и учиться,— вздохнула Марина.

— А ты бы хотела уехать вместе с ними?

— Не знаю?! — пожала плечами Марина.— Может быть они правы, что не взяли меня с собой, мне действительно нужно учиться и окончить университет,— ответила она.

Их диалог прервал подошедший Эдуард. Он был изрядно пьян.

— Не помешаю? — спросил он с сарказмом в голосе, наклонив перед Иваном и Мариной голову и сняв шляпу.

— Эдичка, ты опять начинаешь строить из себя дурачка? — спросила у него Марина.— Я тебя прошу, перестань, пожалуйста, клоуна из себя изображать, тебе это не к лицу. Сейчас не время и не место для твоего шутовства, да и вообще так себя вести в обществе малознакомого человека не прилично,— попросила она.

— Конечно, мне не к лицу строить из себя дурачка и не прилично так себя вести,— кивнул головой Эдуард и надел шляпу.— А тебе прилично в танце обжиматься, как ты говоришь, с малознакомым человеком? Тебе прилично смотреть на него влюбленными глазами? Прилично тебе ложить голову на грудь малознакомому человеку? Или может быть вы с ним уже не малознакомые? Может быть, вы уже успели познакомиться поближе? — стал задавать вопросы Эдуард. Он был зол. Смотрел на Марину и Ивана с нескрываемой ненавистью, глаза его горели, руки тряслись, в паузах между задаваемыми вопросами он скрипел зубами. Казалось, еще секунда, и он бросится в драку.

— Выбирай, пожалуйста, выражения,— жестко ответила ему Марина. Она тоже вспылила. Ее раскрасневшееся на свежем воздухе лицо вмиг покрылось белыми пятнами.

Эдуард замолчал. Он отвернулся от Марины и стал смотреть на воду. Все молчали. Иван чувствовал себя виноватым в произошедшей ссоре. Ему не хотелось быть камнем раздора между Эдуардом и Мариной. Ему было очень жаль Марину, а к Эдуарду он испытал еще большую неприязнь, и за оскорбление Марины готов был дать ему по физиономии, но он сдерживал свои эмоции. Хорошее настроение вмиг улетучилось. Так хорошо начавшаяся речная прогулка была окончательно испорчена. Остаток времени, за редким исключением, провели во власти всеобщего молчания. Около восьми часов вечера пароход причалил в Химках и, распрощавшись с друзьями, Марина и Иван направились домой. Всю дорогу в метро молчали. Марина испытывала два чувства — это чувство обиды, нанесенной ей Эдуардом, и чувство неловкости перед Иваном за испорченный вечер. Иван также испытывал чувство неловкости из-за того, что, как он считал, ссора между Эдуардом и Мариной произошла по его вине.

Он смотрел на молчавшую всю дорогу и отвернувшуюся к окну Марину и чувства жалости к этой девушке у него разрастались с каждой минутой. В темном окне вагона метро отражались огромные глаза Марины и, как показалось Ивану, в них стояли слезы.

— Долго вы гуляли, долго! Марина, ну разве так можно?! Мы с бабушкой уже начали волноваться! Ничего не случилось? А то ты какая-то взволнованная,— встретил их на пороге Василий Семенович.

— Все нормально,— нехотя ответила ему Марина и, сняв в прихожей верхнюю одежду, ушла в свою комнату. Плотно закрыла за собой дверь, после чего послышался характерный щелчок запираемого замка. Таким образом Марина всем дала понять, что ей необходимо побыть одной и чтобы это ее одиночество никто не нарушал. На ужин она не пришла, ответив через дверь Светлане Борисовне, что она не голодна и хочет лечь спать пораньше, так как неважно себя чувствует. В этот вечер Иван Марину так больше и не увидел, хотя ему очень хотелось с ней поговорить.

После ужина он с Василием Семеновичем смотрел телевизор, шел фильм «Свадьба Кречинского». Василию Семеновичу фильм нравился и он то и дело комментировал происходящее на экране, а Иван, наоборот, никак не мог понять смысла фильма из-за того, что его мысли постоянно были не у экрана телевизора, а там, за дверью, в той комнате, где сейчас, как ему казалось, уткнувшись в подушку, плакала Марина. В этот момент ему очень хотелось прижать ее к груди и утешить, как малое, неразумное дитя. После окончания фильма Ивану застелили постелью диван в той же комнате, где они с хозяином смотрели телевизор. Комната была большая и называ-

лась залом. У стены стоял сервант, в противоположном телевизору углу у окна стояло зеркальное трюмо, посредине комнаты круглый стол с несколькими стульями. У стены два кресла с деревянными подлокотниками и раскладной диван-кровать, на котором и лежал Иван. Стены комнаты были расписаны накатом, светло-зеленые рисунки которого уходили высоко вверх, под самый потолок, посредине которого красовалось круглое гипсовое панно и в центре завершалось висевшей хрустальной трехламповой люстрой. Дверь в комнату была прикрыта, а висевшие на окнах длинные, до самого пола, вишневого цвета шторы-портье были занавешены. Несмотря на плотные шторы, уличный свет все же пробивался в комнату, от которого, а может быть от неприятных воспоминаний о прогулке по Москва-реке, Иван долго не мог заснуть.

Рано утром его разбудили возбужденные голоса, доносившиеся из кухни.

— Она со мной поступила очень грубо! — говорил Василий Семенович.— Я подошел к плите, а она мне нахамила!

— Не кричи, говори тише, у нас посторонний человек, что он о нас подумает? — говорила Светлана Борисовна, успокаивая мужа.

— Пусть он слышит! Пусть он знает, какая она — эта наша внучка! А то изображает из себя цацу культурную, а сама — хамка! — не унимался Василий Семенович.

— Прошу тебя, Василий, успокойся! — вновь заговорила Светлана Борисовна.— Иначе у меня сейчас поднимется давление и я слягу! — попросила она.

— Пусть она собирается и уходит к себе на квартиру! Хватит с меня! Сколько можно?! Даже постороннего человека не постеснялась — скандал устроила! Воспитали внученьку!

— Ну что ты разошелся из-за пустяка? — вновь попыталась успокоить мужа Светлана Борисовна.

— Какой же это пустяк?! Я хотел поставить на плиту молоко, а она говорит мне: уходи отсюда, не вертись! Что я слышу от родной внучки?! — вновь воскликнул Василий Семенович. Голос его сорвался на визг.

— Не кричи! Еще раз говорю: не кричи! Я сейчас приготовлю тебе кашу, только ты не кричи! — тихим голосом произнесла Светлана Борисовна.

— Я тебя просил приготовить мне завтрак, а ты сказала, что плохо себя чувствуешь, вот я и хотел сам себе кашу сварить,— уже тише проговорил Василий Семенович, но голос его от перевозбуждения продолжал дрожать.

— Я сказала, что плохо себя чувствую, но это не значит, что я не смогу приготовить тебе кашу,— спокойно ответила ему жена.

— Господи! Прошла жизнь! Не жил, а мучился всю жизнь! — не унимался Василий Семенович.— Почему люди живут иначе? Почему у них хорошо воспитанные дети и внуки?! — задался он вопросом.

Иван лежал молча. Голос Василия Семеновича был плаксив, и Ивану казалось, что он плачет. Ему вдруг стало очень жаль Василия Семеновича. Он никогда не смог бы даже заподозрить в веселом и радушном хозяине глубоко несчастного человека. «Неужели несчастье ему приносит Марина? Вот уж никогда бы не подумал, что она может принести человеку не радость, а печаль, тем более человеку очень близкому?! А на вид она кажется очень доброй и культурной. Неужели так ловко может притворяться?!» — размышлял Иван. Он дождался, пока ссора стихла, и только после этого прошел в ванну. Завтракать он не стал, сославшись на нехватку времени.

На курсы повышения квалификации профессионального мастерства слушатели приехали со всего подмосковного угольного бассейна. Руководителем курсов был небольшого роста и полного телосложения с серыми глазами на круглом лице пятидесятилетний профессор Михеев Владимир Александрович, преподававший в инсти-

туте горную разработку и обнаружение в недрах земли угольных пластов. Он не стал читать лекции, а сразу раздал слушателям контрольные вопросы и чистые листы бумаги. «Хочу проверить ваши знания как практических работников»,— заявил он. Ивану досталось задание по механике на тему: «Подготовка к работе и методы эксплуатации горного оборудования», которую он помнил еще с момента своего обучения в горном техникуме, да и в повседневной работе Иван сталкивался с этим постоянно. Он начал отвечать на вопрос с проектирования, но нужные мысли в голову не шли. Он никак не мог забыть услышанную утром ссору, случайным свидетелем которой оказался. «Вся эта ссора произошла из-за меня. Если бы не я, то Марина не поссорилась бы с Эдуардом, и не произошла бы ее дальнейшая ссора с дедом,— размышлял Иван.— Зачем же она... как же она смогла... сорвать свою злость на близком ей человеке? Неужели я в ней ошибся, приняв ее, эгоистку, за порядочную, скромную и добрую девушку? Неужели они, эти московские девушки-студентки, все такие, как хамелеоны?! — задавался он вопросом.— Я во всем виноват,— я! Сегодня решу вопрос с местом в общежитии, а к ним больше не приду, и с Мариной встречаться не хочу! Пусть живет так, как жила до меня!»,— твердо решил Иван.

Вечером после занятий он вернулся в квартиру к Травкиным, дверь ему открыла Марина, она в квартире была одна.

— А где же твои дедушка с бабушкой? — спросил Иван, начав собирать свои вещи и укладывать их в чемодан.

— Они ушли по делам,— ответила Марина.— А ты это куда собираешься? — спросил она.

— В общежитие,— ответил Иван.

— Что так?

— Иногородним слушателям велено проживать в общежитии,— соврал Иван и, чтобы не встречаться с Мариной взглядом, отвернулся от нее.

— Основы советской журналистики,— прочитал он попавшийся ему на глаза лежавший на столе учебник.— Наверное, интересный предмет? — спросил он после недолгого молчания.

— Да, очень интересный, только мне это все ужасно надоело,— вымученно улыбнулась Марина.— Я утром поругалась с дедом, ты, наверное, все слышал? — спросила она.

— Нет, я не слышал. Я, наверное, в это время еще спал,— соврал Иван.

— У меня со вчерашнего вечера было плохое настроение, и я поругалась с дедом,— повторила Марина.

— Плохое настроение у тебя было из-за ссоры с Эдуардом, а причиной ссоры стал я,— произнес Иван.

— Ну, почему же ты? Ведь это я тебя пригласила на танец, а не ты меня.

— Я имею в виду общее положение. Если бы я к вам не приехал, то ссоры с Эдуардом не было бы, а значит и ссоры с дедом тоже не было бы,— начал рассуждать Иван.

— Не говори ерунды, ты тут совершенно не при чем. Мы с дедом ругаемся уже не первый раз, и до твоего приезда тоже ругались,— грустно проговорила Марина.— Я уйду жить в свою квартиру, предупрежу квартирантов, чтобы они подыскивали себе другое жилье, а сама перееду туда.

— И что ты этим добьешься?

— Хочу жить одна! Хорошо одной, что хочешь, то и делай, когда хочешь, тогда и приходи домой, и никто у тебя над душой стоять не будет!

— И это все? Ты считаешь, что в этом счастье и есть? А как к этому отнесутся твои родители? — стал задавать вопросы Иван.

— Не знаю, но жить я хочу одна,— вздохнула Марина.

— А ты думаешь, что одной будет жить легче?

— Думаю, что мне одной будет легче,— ответила Марина.— Или ты сомневаешься? Вот ты, самостоятельный человек, работаешь уже, скажи мне: сомневаешься или нет?

— В чем я сомневаюсь? — переспросил Иван, не поняв вопроса Марины.

— В том, что смогу ли я жить одна без деда с бабушкой или не смогу? — Марина смотрела на Ивана, ее глаза блестели.

— Ты хочешь услышать от меня правду или лесть? — спросил Иван, внимательно взглянув на Марину.

— Правду и только правду! — воскликнула она.

— А не обидишься? — спросил он.— Впрочем, мне теперь уже безразлично, обидишься ты на меня или нет?

— Не обижусь, говори! Только говори всю правду! — потребовала Марина, которая в этот момент Ивану показалась совершенно другой: жесткой, требовательной и властной. Она ему показалась в отличие от той Марины, которую он узнал с первых минут своего знакомства, совершенно другой девушкой.

— Ну, тогда слушай,— Иван вздохнул, собираясь с силами, чтобы высказать Марине все то, что он о ней стал думать с того момента, когда услышал ссору на кухне.— Куда тебе жить одной, когда ты в семье еще жить не научилась? Да, я слышал вашу с дедом ссору, я не спал, но я слышал только его слова, твои не слышал, ты, наверно, на тот момент уже вышла из кухни. Ты думаешь, что раз тебе на кухне никто мешать не будет, то у тебя все получится? Вот у вас в квартире чисто, все убрано по своим местам, на кухне тоже порядок. Это ведь бабушка твоя убирается, а не ты.

— Почему ты так решил? — спросила Марина.

— Потому что я вижу в твоей комнате беспорядок,— Иван без разрешения вошел в комнату Марины.— Видишь, кругом беспорядок, нет руки хозяйки. Смотри, все валом навалено. Кругом пыль и беспорядок. Вещи на стуле накиданы, книги разбросаны. Ты этого не замечаешь? Так у тебя и в квартире твоей будет, в которой ты одна жить собираешься. Жила бы ты в деревне, тебя бы за твое безделие бабы деревенские запозорили бы!— разгорячился Иван, но увидев покрасневшее лицо Марины, замолчал.

«В конце концов, кто я такой, чтобы делать ей замечание, какое имею на это право?» — вдруг подумал он.

— Ты прости меня, Марина, но ты сама попросила меня честно высказать тебе свое мнение,— виновато проговорил Иван.— Ну, ты сама посуди: дед твой на тебя сегодня утром ругался и справедливо ругался! Ему покушать никто не может приготовить. Бабушка заболела, а ты не можешь ему приготовить элементарной каши. Ты не обижайся на него, он ведь был голодный! Он же тебя воспитывает этими своими замечаниями, чтобы тебе в твоей дальнейшей жизни легче было бы жить. Вот ты поругалась с Эдуардом, а на деде сорвала злость. Разве так можно?! Ведь дед твой — это для тебя самый близкий человек! А о ссоре с Эдуардом не думай и не переживай. Пройдет немного времени, и вы с ним помиритесь и впереди у вас должна быть хорошая жизнь!

— Мы с ним больше никогда не помиримся! — тихим голосом произнесла Марина.

— Почему же не помиритесь?! Обязательно помиритесь! Ты только верь в это! — возразил Иван сомнениям Марины.— Когда веришь в хорошее, то и на душе становится хорошо и радостно.

— А я не хочу с ним мириться!

— А вот это ты неправильно решила. С Эдуардом в ссоре, с дедом в ссоре, так жить нельзя!

Марина, слушая Ивана, смотрела на него каким-то колючим, пронизывающим его насквозь взглядом. Лицо ее, шея и уши пылали багрянцем.

— Ты уходишь от нас? — спросила она.

— Да, ухожу,— ответил Иван.

— Почему? Тебе у нас не понравилось или мы тебя чем-нибудь обидели?

— Нет, ничем вы меня не обидели и мне у вас очень понравилось.

— А почему же ты тогда уходишь?

— Всем слушателям курсов велено проживать в институтском общежитии,— вновь соврал Иван.

— Тогда может быть пойдем по Москве погуляем? Вот сейчас, соберемся и пойдем? — несмело предложила она.

— Сегодня не могу, много задали заданий к завтрашним занятиям.

— А завтра? Завтра вечером ты будешь свободным?

— Завтра я тоже не смогу, мне завтра нужно быть...

— Поцелуй меня! — неожиданно проговорила Марина.

Эта просьба Марины для Ивана прозвучала так неожиданно, что он осекся на полуслове. Он взглянул на Марину. Ее глаза блестели, лицо было красным, губы дрожали.

— Поцелуй меня! — вновь повторила она.

Ивану не нужно было повторять дважды. Он и сам уже давно ощущал непреодолимое желание обнять Марину, а потому, услышав от нее эту просьбу, нежно, словно боясь раздавить, взял ее за руки и прижал к себе. Теплота ее губ вскружила ему голову, громкими барабанами застучала в груди, дрожью прошлась по всему телу, затуманила разум. Марина закрыла глаза и, словно раненая птица, издала звук, похожий на стон. В тот же миг ослабла и стала податливой, и наверняка упала бы на пол, но Иван удержал ее, крепко прижав к себе...

Неожиданно откуда-то из-за леса налетел шквальный ветер. С жадностью подхватил на вершине террикона пригоршню породы и, перемолов ее в серую снежную пыль, понес по окрестностям Шахтерска, обжигая своим горячим вихрем обнаженные тела полей, лесов и оврагов, а наигравшись вдоволь и нагулявшись, побежал далеко на север в сторону Москвы. Добежав, обессиленный смягчил свой норов, превратившись в тихий и спокойный небольшой весенний ветерок, и обласкав московские парки и скверы, растворился на белокаменных столичных улицах, напоследок оросив их духом далекого, но в одночасье ставшего родным и близким города Шахтерска.

Андрей Иванов
(г. Новосибирск)

ОДИНОКОЕ СЕРДЦЕ СТУЧИТ

Литературный псевдоним — АВИ. Родился в 1963 году в городе Чехов на западном побережье острова Сахалин; в десятилетнем возрасте переехал в город Новосибирск. После радиотехникума, служил в Советской Армии, затем учился на филфаке Томского Госуниверситета им. Куйбышева. Окончив школу машинистов, более десяти лет работал на железной дороге начальником поезда. В 1990—1993 гг. учился в Томской духовной семинарии.

Публиковался в газете «Красная звезда», журналах «Советский воин», «Новатор», в томской и новосибирской прессе, в коллективных сборниках. В 2016—2017 гг. издано пять книг прозы. Член Российского союза писателей.

Когда мне было всего-то двенадцать годков, судьба забросила меня в казахстанский городок Приозерск — чтобы я прожил там парочку юных счастливых лет. Жили мы с матушкой в гостинице, в маленькой комнатке для командированных специалистов советской «оборонки». Городок военный, в основном его населяли офицерские семьи. Ну, было еще немного гражданских специалистов. Плюс продавцы, медики, учителя...

Выйдешь за пределы города — и сразу перед тобой простирается пустыня-степь. Глина, высохшая кусками, вся в трещинах от палящего солнца. Перекати-поле шарами по ветру носится, скорпионы и змеи ползают, редкие казахстанские дикие тюльпаны алеют. А рядом — огромное озеро Балхаш, наполовину соленое, наполовину пресное.

Наш городок стоял, где пресноводье. Там я купался летом с одноклассниками, а зимой мы и на коньках по озеру катались, и в хоккей играли. И на рыбалку мы туда круглый год ходили. Мороз в январе хоть и не крепкий, но лед на озере мощный, толстый. И настолько прозрачный,— прямо чистое стекло, слегка зеленоватое.

Однажды, в выходной, собрал я зимние удочки, маленькую скамеечку прихватил с собой, взял бур для сверления ледяной лунки, бутербродики и термос с чаем. И отправился на рыбалку. Идти до озера совсем недалеко. Всего-то километра полтора от нашего дома.

Пришел на берег, дальше топаю по прозрачному льду. Метров на сто от берега отошел. Иду — и все под ноги себе смотрю. А во льду и подо льдом — царство волшебное, сказочное. То рыбина вмерзла в лед на глубине, то водоросли так изящно расположились, словно на картине фантастической. Красотища!

Вдруг вижу внизу большую тушу сайгака — это такой дикий козел местный. Морда во льду торчит прямо подо мной. Глаза зверя открыты, и смотрит, как живой. Видимо, утонул бедолага. Да так и остался в застывшей воде, словно на витрине.

Постоял я, поудивлялся — и потопал лунку для рыбалки сверлить.

Пока крутил коловоротом дырку во льду, не только согрелся, но и вспотел весь. С полчаса крутил. Лед-то, наверное, сантиметров тридцать, или больше. Не помню уж теперь.

Ну, наконец, добрался до воды, уселся на табуреточку свою. Похлебал горячего чаю, начал снасти настраивать.

Сижу, дергаю плавными рывками леску, жду поклевки. Вокруг тишина; куда ни глянь — ровная гладь льда. Только вдалеке дымок от труб городка поднимается. Солнца нет, ветра нет, белое безмолвие и покой.

И в голове у меня никаких мыслей нет. Ну, совсем никаких. Тишина в голове, полное слияние с природой. Признаться, в своих походах на рыбалку я это состояние даже больше люблю, чем рыбу вытаскивать.

Но вот и первая поклевка...

Первым мне попался судачок. Приятно хищника тащить: сопротивляется рыбина, упирается, дергается из стороны в сторону. Нужно плавно ее вести, иначе сорвется — и поминай, как звали.

Вот и морда рыбья — глазастая, недовольная — показалась в лунке. Цепляю судака стальным крюком за жабры, он мой. Осторожно, стараясь не причинить рыбе лишней боли, освобождаю пасть от крючка, кладу добычу на лед, рядом с собой. Хищник изгибается, будто ежится от мороза, несколько раз дергается, хватает жабрами воздух — и замирает. Уснул первоходок.

Опускаю леску в лунку. Опять кружка чая пошла в ход, опять жду. Как можно словами рассказать о радости рыбака? Как передать трепет ожидания и азарт, надежду и восторг охотника? Тишина природы, покой и — одновременно — знание, что в озере подо мной кипит жизнь. Это только на поверхности царит белое безмолвие льда, а в глубине кипит невидимая мне жизнь. Та, что движется по своим природным вечным законам. И так чудесно это осознавать...

Опять поклевка. Пальцы чувствуют дрожание живого существа на другом конце лески. Подергивания — сначала скромные, осторожные, слабые, а затем резкие, настырные. Рыба попалась и пытается сорваться с крючка.

Тяну. И шепчу вслух, сам себе: кто же там, кто?

Тащу рыбину к себе, а она тянет к себе. Если сорвется,— значит, она победила, вырвалась, спаслась. Даю добыче слабину, слегка приотпускаю леску, затем подсекаю — и тяну снова.

Ну, вот и он. Еще один судачок, побольше первого. Глядит на меня не мигая — видно, еще не понял, что попался. Прыткий парнишка, однако. На лед его: пусть отдохнет и уснет.

Удача и азарт рождают аппетит. Достаю бутерброды. Какими же вкусными они кажутся на природе — гораздо вкусней, чем дома! Чай парит на морозе, кружка согревает озябшие руки. Все время поглядываю на пойманных судаков, с гордостью любуюсь уловом. Господин Балхаш сегодня не скупится!

Но рановато я сделал такой вывод. Полчаса. Час. Полтора. Ни единой поклевки! Некоторые рыбаки в этом случае меняют место. Пробуют бурить новые лунки, перемещаются по льду. Я же просто сижу и жду.

Однако подмораживает. Мои судачки уснули на морозе, окаменели, превратились в ледяные поленья. Этак скоро и я начну подмерзать...

Но леска в моих пальцах вдруг начинает скользить вниз. Притормаживаю ее движение, прислушиваюсь. Ни рывков, ни дерганий нет. Но вот опять пошла леска вниз. Ослабла. Провисла. Кто же там, на крючке?

Резкий рывок сгибает короткое удилище. Я припускаю, даю рыбе заглотить наживку поглубже. Теперь — подсечка. Есть!

Тяну. Идет плавно, но тяжело: судя по всему, на крючке — кое-что посолидней моих первых судачков. Только бы снасть не порвалась!

Тащу добычу все уверенней. Вот-вот должна показаться в лунке и морда попавшейся живности.

Оппа! Голова рыбины появляется над поверхностью. Да это сазан! И такой громадный! Здорово, дружище семейства карповых!

Он смотрит на меня и словно ухмыляется — поймать-то ты меня поймал, а попробуй-ка, достань!

А вот достать то и непросто. Экземпляр не маленький, а моя лунка — размером с нынешний CD-диск. Кажется даже, что сазанья морда — больше лунки. Как же вытащить добычу из воды?

С двух сторон осторожно провожу крючки из жесткой стальной проволоки. Завожу их сазану за жабры и тяну вверх. Рыба безмолвно шевелит губами: видно, материт меня последними словами. Пускает пузыри из слизи — не иначе, хочет плюнуть мне в лицо.

Туго продвигаясь, шкрябая жабрами, плавниками и всем своим жирным брюхом по стенкам лунки, упругое тело сазана все-таки медленно ползет вверх. Уф, достал я его, наконец-то. Вот он, красавец!

Большая, изящная рыба, покрытая крупной, отливающей серебром и золотом чешуей, жадно хватает мощными жабрами морозный воздух, раздраженно шлепает мокрым хвостом. Что ж, на сегодня хватит. Нам с мамой больше и не надо. Раза на три хватит поужинать свежей рыбкой.

По времени порыбачил я около четырех часов. Сворачиваю снасти. Два полена мороженных судаков и притихший сазан уходят в рюкзак. Беру табуретку в руки. Меня ждет обратная дорога.

В гостинице у нас на этаже была общая кухня. Пара алюминиевых столов, пара электрических плит, несколько рукомойников. Когда кто-то готовит нечто ароматное и пахучее, об этом знает весь этаж.

И вот, мама сегодня на ужин собралась жарить рыбку. Пойманную мной! Я доволен собой, горд, издали наблюдаю, как матушка чистит улов. Судаков чистить сложновато: чешуя у них помельче, чем у сазана, и прилегает к телу покрепче.

Но самое главное: пока мама моет моих рыбок под краном с холодной водой, они... оживают. А этим рыбкам палец в рот не клади, зубы у них — что бритва. Цапнут — мало не покажется, заживать рана будет долго.

«Вот это да,— думаю я, глядя на свою добычу.— Как эти замерзшие рыбные поленья могли ожить? И теперь снова пытаются дышать жабрами, шлепают хвостами, пускают пузыри из пастей... Непонятно. Чудо природы!»

Но это еще не все. Когда мама, выпотрошив внутренности у ожившего сазана, отрезает ему голову и кладет кусочки рыбины на сковороду, я нахожу на столе еще живое сердце сазана. Откладываю его в сторонку, мочу теплой водой... Оно бьется!

Вот оно, чудо жизни! Мы уже закончили ужинать кусочками рыбы с золотистой поджаренной корочкой и несем посуду на кухню, чтобы вымыть. А сердце еще бьется!

Именно бьется. Размеренно, правильно, четко соблюдая ритм. Оно не в агонии и не в конвульсивных судорогах. Ведет себя так, словно еще находится в теле живого существа. Сама рыбина уже давно пожарена, вся съедена, а ее сердце бьется, как ни в чем ни бывало...

Не знаю, сколько часов оно бы еще работало. Но пришли соседи и вытерли стол насухо, убрав с него весь мусор.

Я еще в детстве где-то читал, что сигналы, задающие ритм сердцу, поступают из мозга. Так как же сердце может одиноко биться вне тела?

Как могли ожить, воскреснуть рыбы, замерзшие пять часов назад на льду? Как оживают после долгой зимы в промерзшей до дна реке караси? Закапываются в песок и ил? Но ведь мои-то судаки и сазан никуда не закапывались. Они задубели, одеревенели, умерли на льду — и вновь воскресли в воде, в раковине нашего умывальника.

Кто управляет всеми этими воскрешениями, кто владеет жизнью этого, одиноко лежащего на столе, бьющегося сердца?

С той поры минуло более сорока лет. Но и сейчас я не перестаю думать об этом. Как устроен наш живой мир? Как, по какой программе оживают весной деревья и травы? Как, по какой программе одни люди встречают своих единственных и любимых, а другие их теряют?

Одно я знаю точно. Этот мир придуман не людьми. Мы лишь пользуемся придумками Создателя, Творца. Пользуемся, все больше становясь одинокими, бьющимися в безмолвии сердцами. Как то рыбье сердце из моего детства, одиноко умирающее сердце сазана на алюминиевом столе.

Яков Шафран
(г. Тула)

СБОЙ КОМПЬЮТЕРА

Ничто не предвещало неприятности. Все шло своим чередом. Артур, будучи Председателем Совета директоров корпорации, выступил первым и, как делал это уже десяток лет, подробно доложил о положении вещей: внутренняя и внешняя политика, инновации, годовой доход, затраты, зарплаты, налоги, чистая прибыль, благотворительность и пр., подробно останавливаясь на каждом пункте,— все, что ему подготовили главбух и главный экономист. Члены Совета внимательно слушали, не перебивая, кто-то даже записывал. В общем, все было как всегда.

Когда он закончил, немного обсудили услышанное, затем поднялся исполнительный директор, и собрание приступило к выборам Председателя и членов Совета. Артур расслабился, свободно развалившись в кресле, нимало не сумняшеся в результатах голосования по поводу своей персоны. Кое-кого переизбрали. И только тут он заметил, что за широким столом присутствует ряд новых людей. Когда же поставили на голосование его кандидатуру... и не избрали! — Артур вначале воспринял это как шутку, но, убедившись в серьезности произошедшего — теперь он не только не Председатель, но и вовсе не член Совета! — он, по протоколу стоящий перед голосующими, зашатался и буквально упал в кресло. Его, «старого кадра», и еще нескольких таких же «прокатили», а вместо них — этих молокососов из новой волны!.. Он задохнулся от обиды и негодования, и все тело, казалось, превратилось в гулко бьющееся сердце.

Обливаясь холодным потом и дрожа, Артур проснулся.

— Будете умываться? Душ или ванну? — спросил Дом.

— Душ,— по привычке, но с заметным волнением, еще не отойдя от сна, ответил Артур.

После душевой, также уточнив все в деталях, он съел горячий завтрак. Благодаря обычным утренним занятиям Артур несколько успокоился после панической атаки во сне. Включив транслятор, он убедился, что показатели Фирмы, за которые он отвечал, были в норме, но для порядка — скорее внутреннего — он все же вызвал в 7D-пространство того же транслятора (с сохранением всех параметров обычного межчеловеческого общения, в том числе запахов и тактильных ощущений, плюс индикатор детектора лжи) исполнителей, которые отчитались каждый по своему направлению. Все было хорошо.

Когда Дом, испросив ответы на все свои вопросы умолк, а транслятор, попросив разрешения перейти в спящий режим, отключился, Артур вышел на балкон. Воздух был чист и свеж. На небе курчавились белые облака, между которыми проступала бездонная синева. Солнце зашло за облако, и все краски стали более густыми и глубокими. Город простирался перед Артуром, теряясь в дальней дымке у горизонта.

Улицы его были пустынны — люди уже давно общались с помощью трансляторов и перемещались посредством телепортации, а роботы, в том числе и дома́ горожан, получали все необходимое для жизнеобеспечения людей и себя теми же путями, но по своим, отведенным только для них, техническим каналам. Животных — давних сожителей людей: кошек и собак — также уже давно не наблюдалось: домашние жили под покровительством роботов, а с бродячими было покончено. Но все же во дворах, или на территориях, что под ними подразумевались, было заметно движение.

Артур хорошо знал, что это за движение, но с годами не переставал улыбаться, наблюдая его. Дело в том, что продолжительность жизни увеличилась до 120 лет и до наступления пенсионного возраста, который подняли с 80-ти до 100 лет, и благодаря введенным параллельно с этим запретам на тунеядство — дабы избежать деградации и не портить демографические показатели,— и на иные, кроме аналитических и творческих, профессии, все должны были трудиться. Уклонение грозило ограничением диапазона и дальности работы трансляторов и телепортаторов, вплоть до полного запрета ими пользоваться, для злостных же уклонистов было предусмотрено заточение в Пространство Тьмы и Молчания, которое редко кто мог выдержать без нарушения психики. Среди таких «заточенцев», как и во все времена, находились особо изобретательные и авантюрные единицы, устраивавшие побег с захватом чужого телепортатора, и даже с изменением личного идентификационного номера, но еще меньшему их количеству удавалось избежать поимки и аннигиляции. Вот... А где работать этим бедолагам, «допенсионщикам», не имеющим творческих способностей, если, несмотря на сильнейшее ограничение рождаемости и полную, как писали древние, компьютеризацию, а сейчас — роботизацию, места аналитиков всех уровней — единственное, кроме творчества, что еще оставалось в ведении людей, так как страх доверить и это искусственному разуму еще довлел над человечеством,— были ограничены по количеству и полностью заняты? И придумала одна умная голова, вооруженная конечно подключением к Мегакомпьютеру, занять их очищением — как прямым, чисто физическим, так и полным по всем параметрам — выделенного каждому для этих целей пространства. Посему и «мели» они теперь каждый свои десять квадратных метров — по-старинному «сотку» — квадратно-гнездовым способом с помощью полуроботов, уничтожавших как пыль и мусор, так и всех мелких и крупных «пришельцев» разных планов и уровней, незаконно, по-контрабандистски проникающих в наше пространство...

Полюбовавшись на стройные ряды «дворников», Артур вернулся в комнату. И вовремя — замигал сигнал телепортатора, предупреждая о посещении. На экране засветилось фото его подруги, Аделии. Он ответил, прикоснувшись к сенсору — «Да, я на месте»,— и сел в кресло в ожидании визита. Это Артур хорошо сделал, ибо «то», что он увидел, неминуемо обрушило бы его «оземь», как говорилось в 7D-книге, которую он просматривал вчера вечером.

В комнате появилось чудовище — с фиолетовой кожей, оранжевыми всклокоченными волосами и уродливыми формами незнакомая женщина, черты лица которой лишь едва напоминали его Аделию.

— Что с тобой? — спросил Артур, не решаясь сказать «дорогая».

— А что?

— Да ты посмотри на себя!

Аделия вытащила из сумочки свой телепортатор и включила зеркало. Реакция не замедлила себя ждать. Артуру, правда, испытывая брезгливость, пришлось восстановить вертикальное положение своей посетительницы. Та еще раз, будто не доверяя себе, взглянула в зеркало и, быстро нажав на кнопку «Возвращение по исходному адресу», плача, исчезла в пространстве.

«Что это было? — подумал Артур и вспомнил:— Вчера в информационном блоке передавали что-то по поводу наказания людей за деторождение не только большими налогами (как было до того), но и изменением внешности... Так вот оно что? Но ведь у Аделии нет детей?! Не могла же она за одну ночь стать матерью, когда и следа беременности еще вчера не было...»

Он включил транслятор, нашел в архиве интересующую его информацию и прочитал, что женщины и мужчины, допустившие в нарушение закона рождение одного ребенка, при телепортации будут навечно иметь сиреневый цвет кожи, допустившие появление на свет двоих — фиолетовый, соответственно, троих — плюс к фиолетовой коже еще и оранжевые волосы, а четверых — к этому всему еще и уродливые формы тела... «Хорошо еще, что только при телепортации! — подумал Артур.— Мы не в браке, поэтому меня это не коснулось... Но ведь это чудовищная ошибка! Нужно срочно заявить об этом!» — решил он и нашел адрес Агентства по контролю численности населения.

— Менеджер Агентства... слушает вас,— раздался голос робота и вслед за этим в 7D-пространстве появился и он сам, в причитающемся этикету человеческом виде и строгом черном костюме при галстуке.

Артур коротко, но эмоционально, объяснил тому все.

— Не волнуйтесь, мы разберемся,— заученной фразой сказал менеджер и добавил: — Но, вообще-то, у нас ошибок не бывает...

— Не бывает?! — взъярился Артур.— А ну-ка, соедини меня с аналитиком!

Для робота, если у них присутствует, а судя по его реакции — да, это было то же, что для человека — оскорбление. Его глаза как-то заискрились, а руки стали совершать нелогичные движения. Ослушаться приказа или быть невнимательным к просьбе человека он не мог, но в программе его — Артур это знал — была заложена дискуссионная подпрограмма, которая давала ему возможность определенное время убеждать человека. Однако этот робот-менеджер почему-то не решился воспользоваться ею,— наверное, Артур произвел на него неизгладимое впечатление,— и тут же связался с дежурным аналитиком Агентства. Тот являться пред светлые очи жалобщика не стал — все-таки дежурный,— а просто нарисовался на экране.

Артур уже менее эмоционально изложил ему положение дел, назвал свое и Аделии имена и идентификационные номера, и аналитик минуту поковырялся в анналах памяти Суперкомпьютера.

— Да, вы правы, это ошибка.

— Вот видите!

— К сожалению, произошел сбой Компьютера...

— Мг... И это все? Мы требуем морального удовлетворения!

— Моральная компенсация вам будет предоставлена,— сказал аналитик и отключился.

— Ну что, дорогуша? — с усмешкой обратился Артур к роботу.

— Извините... Вам уже все объяснили...— и повернулся, как бы уходя, одновременно нажимая на кнопку возврата.

Артур отметил про себя, что спина его выражала недовольство.

«Ишь, уже тонко чувствовать научились! — Обиделся...» — подумал он.

Однако нужно было перемещаться на службу, в квартальный департамент ТЧК-27-3-170 Центра исполнения бытовых желаний, где Артур работал, опять же, аналитиком, и он, отдав необходимые инструкции Дому, нажал на кнопку телепортатора. Обычно перемещение происходило мгновенно, ибо в информационных полях, как известно, нет ни инерции, ни потери энергии. Но на сей раз случилось невероятное...

Сильный толчок — и Артур обнаружил себя сидящим на лужайке в совершенно незнакомом ему месте. Ярко зеленела трава, кое-где были видны мелкие желтые цветы. Напротив его растерянно вертел головой незнакомый ему человек. Вернее, человеком его можно было назвать лишь с большой натяжкой, так как это был хорошо известный по новостным лентам тип, именуемый жителем подземелья или андеграунда. Ушедшие из общества, нигде не работающие и, соответственно, лишенные жилплощади и всех социальных возможностей, прозябали они,— хотя так говорить было бы неверным, ибо шли на это добровольно и, при этом, испытывали, наверное, некое удовольствие,— в канализационных тоннелях, подвалах и прочих соответственных местах. Полицейские службы их отлавливали, но выжить полностью не могли, так как те кочевали по ночам, никогда не оставаясь на одном и том же месте, не желая попадать в исправительные заведения, где злостно неисправимых просто-напросто аннигилировали.

Однако, что интересно, у «нового знакомого» Артура был телепортатор, правда старой модификации, весь обшарпанный, может быть, и разбитый, но мигающий зеленым светодиодом, что говорило о подключении его к городскому Суперкомпьютеру. По всей видимости, произошло столкновение Артура с этим типом в информационном пространстве, что было практически невероятным из-за сверхнадежности Компа. По крайней мере, наш аналитик о таких вещах и слухом не слыхивал.

А тип был еще тот: грязная и оборванная одежда, обросший и небритый, вонь от давно немытого тела все более и более «озонировала» пространство. Он растерянно хлопал глазами и воровато озирался по сторонам, видимо, опасаясь полицейских роботов. Но уходить ему было нельзя, так как по идентификационному номеру прибора — а они у обоих, ввиду катастрофы, уже были зафиксированы в памяти Компьютера,— роботы могли его перехватить при следующем перемещении и по закону моментально «заточить», как говорится, без суда и следствия.

— Как вы можете пользоваться таким телепортатором? Сколько раз уже сталкивались? — возмутился Артур.

— Да, не-е-е-е-а,— протянул тип.— Он работает, три года пользуюсь, как нашел,— наш «умник» помог узнать пароль бывшего хозяина, обновить его и даже засекретить... и ничего...

На лужайке «нарисовался» мужчина, судя по форме — аналитик телепортационной службы. Он, не говоря ни слова, взял приборы у Артура и, брезгливо надев перчатки, у «типа», подключил их к чему-то у себя и удивленно хмыкнул:

— Исправны! Значит, не ваша вина. Давненько таких случаев не было...

— А кто же виноват? — спросил Артур.

— Если бы даже по каким-то неведомым, но исключительно маловероятным причинам вдруг произошло мгновенное искривление пространства, то Суперкомп также мгновенно все бы поправил. Значит...

— Что значит?

— Значит...— служащий явно тянул с ответом.— Значит, это Его ошибка...

— Вот это да...— присвистнул Артур. «А если Он еще как-нибудь ошибется, и еще — да не в таком пустяковом случае, как у нас с «типом», а в деле похлеще?» — подумал он и поежился.

Аналитик — есть еще люди! — не стал сообщать в полицию насчет «типа», помог «столкнувшимся» разлететься каждому по его адресу, и через мгновение Артур оказался у себя в департаменте. Поделав накопившуюся работу, он связался с Аделией.

Служащие Агентства по контролю численности населения помогли ей — внешность при перемещениях, права и социальные льготы вернулись, но на душе остался

неприятный осадок и страх повторения произошедшего. Однако присущее Аделии чувство юмора возобладало:

— Хочешь посмеяться? — спросила она.

— Ну?

— Я ведь от тебя домой не сразу попала,— похохатывая начала она.— Занесло меня к незнакомому мужчине...

— Да-а? — шутя и уже ничему не удивляясь, произнес Артур.

— Ты ничего такого не подумай... Но лучше сядь, а то упадешь со смеху.

Артур сел, и Аделия продолжила:

— Залетаю я, значит, а он сидит и... представляешь,— мастурбирует перед трансляционным фото! Взглянул на меня, и от одного моего вида вмиг потерял и то подобие потенции, что у него было!

— Ха-ха-ха! — закатился Артур, и Аделия его активно в этом поддержала. Они та́к смеялись, взаимно передавая друг другу смех, как мяч, что все закружилось, завертелось, запрыгало у Артура перед глазами...

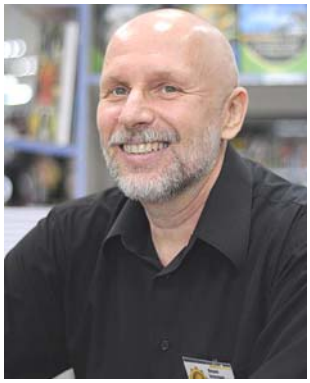
И он проснулся...

Артур протер глаза, не сразу соображая, как это часто бывает после сна с активными сновидениями, где он находится и что с ним. Но, посмотрев в боковое стекло, он сразу понял, что по-прежнему стоит в глухой пробке. Часы показывали 10 минут, как он попал в нее.

«Это же надо, сколько приснилось всего-то за считанные минуты! И интересно — приснилось, что я проснулся, а фактически сон продолжался, только в другой плоскости!» — подумал Артур.

А вокруг и вдаль — куда доставал взор,— были машины, машины и машины, всевозможных марок и габаритов. Он открыл окно, и тут же воздух с выхлопными газами наполнил салон. Но Артур с удовольствием вдохнул эту смесь. «Господи, слава Тебе, что я живу сейчас! — мысленно взмолился он, хотя и на йоту не был верующим.— Пусть пробки, пусть воздух, пусть все там черт знает что еще, но, главное, управлять и авто, и собой, и всем-всем в своем быту могу я ***сам***, а не какая-то — хоть и супер организованная, с высоким, намного превосходящим человеческий, интеллектом,— однако все же машина! Боже, как я мог проклинать, стоя в пробках, наше время и мечтать о «светлом будущем»?!.. Ну и что — пробка? Ведь в это время можно побриться, сварить кофе — он недавно установил в авто кофеварку, последнее слово прогресса (не перед сном будь он помянут!),— посмотреть фильм, посидеть в Интернете, поработать... с ноутбуком (хотел подумать: «на компьютере», но осекся)... Счастливое время — у людей есть дети, работай, кем хочешь, — и никому за это ничего не бывает! Рай, а не время!»

Михаил Белозеров
(г. Донецк, ДНР)



НА ВЫСОТЕ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА
(глава из романа)

Писатель, по литературному дару — стилист. Родился в 1953 году 10 ноября в г. Омске, в семье военного врача. Детство прошло на Кольском полуострове. По образованию инженер-системотехник. Работал в издательстве «Сталкер» редактором направления русская литература. На настоящий момент «на бумаге» издано 12 романов и два десятка рассказов. Жанр романов от фантастики, сюрреализма до реализма. Издавался в следующих издательствах: «ЭКСМО», «Яуза», «Крылов», «Сталкер», «Шико», «Остеон-пресс», а также в различных журналах: «Знание-сила», «Донбасс», «Брега Тавриды», «Реальность фантастики», «Порог».

Под псевдонимом Михаил Джимов издавался в «АСТ» как автор кинологической литературы.

Нашему большому другу —
Ларисе Синичкиной.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто решил вперед идти.

Константин Симонов

Глава 1
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

В январе шестнадцатого я выполз, прихрамывая, на высокую балюстраду реабилитационного центра ГБУ, что на «Достоевской», с осколком в легких, с флешкой нового романа в кармане и с абсолютной уверенностью, что теперь-то мне конец — не может судьба так долго благоволить одному человеку.

Мои бесконечно верные Репины стоически ждали меня внизу, и я махнул им аптечной палкой, демонстрируя, что моя левая уже работает и что я уже способен на геройский поступок, то бишь проскакать на одной ножке по запорошенной снегом лестнице и не переломать себе кости окончательно и бесповоротно.

Я с опаской вдохнул морозный воздух, с недоверием посмотрел на бледно-голубое небо в росчерках перистых облаков и, хотя это было кощунством к прошлому, ощутил счастливое головокружение, после чего долго откашливался. Сказались

полдюжины операций и полугодичное пребывание в закрытых помещениях. Потом я храбро пересчитал все пятьдесят три ступени, делая на каждой полуминутную остановку, чтобы отдышаться, и, наконец, очутился внизу. Сердце мое бешено колотилось, в голове трубил небесный хор, а ноги предательски подкашивались.

— Ну как... рыба?..— вызывающе бодро поинтересовался Валентин Репин, изучая мое лицо, по которому катился пот слабости, но обниматься не полез, а сочувственно ткнул растопыренную пятерню, демонстрируя опасение сломать мне запястье своим рукопожатием альпиниста.

Видно, я был совсем плох. Да и то правда, при росте метр девяносто пять я весил не больше пятидесяти шести килограммов, и меня спокойно могло унести порывом ветра.

— Что?..— переспросил я из-за давней контузии, полученной под Саур-Могилой.— А-а-а... — однако, по его лицу сообразил, о чем он.— Вроде ничего.— И не узнал своего голоса, потому что отвык его слышать вне помещения: был он глухим и трубным, как глас архангела, хотя и с камушками в осадке, и в этом качестве отражал мое нынешнее душевное состояние кризиса духа, ведь часто смысл происходящего заключается только в контрасте.

— Мишаня, тут Жанна Брынская тебе кое-что подарить хочет...

Именно с таким грудным прононсом он всегда отзывался о своей жене, почти как о намоленной иконе: «Моя Жанна Брынская!»; и я давно принял их на веру, то бишь перестал удивляться.

Его красавица-жена, этническая полька, с лицом, усыпанным солнечными веснушками, радостно привстала на цыпочки; совсем близко, сверху вниз, я увидел прекрасный карий глаз; и осторожно чмокнула меня куда-то в челюсть, куда дотянулась, а потом величественно, как и все ее манеры, развернула просто-таки огромный мохеровый свитер, потому что я был одет в то, в чем меня доставил спецборт: в старую, заштопанную куртку-ветровку и брюки. В четырнадцатом, в разгар боев в донецком аэропорту, Валентин Репин экипировал пять человек, в том числе и меня, армейской формой. Жаль, что я не оправдал его доверия. Война в Донбассе — это испытание совести народа, и он прекрасно его выдержал.

Я оставил постылое больничное одеяло, в котором выполз, на лавочке для медсестры Верочки Пичугиной, которая с безнадежно-тихой грустью провожала меня взглядом с балюстрады, натянул этот необычайно теплый свитер, пахнущий домом, и впервые за шесть месяцев невольно засмеялся, отметив краем сознания, во-первых, сам факт предательского смеха, а во-вторых, и еще то немаловажное, что человеку, в общем-то, не так уж много надо — всего лишь любви и участия.

— Все! Поехали, поехали! А то замерзнем,— необычайно деликатно выразился Валентин Репин, обращаясь больше с упреком к любимой жене, нежели ко мне, и мы, погрузившись в машину, осторожно повезли мое измученное тело по рождественской Москве в Королево. Прощай, реабилитационный центр, выглянул я в окно, единственно пожалев, что так и не поцеловал на прощание Верочку Пичугину, которая, кажется, была в меня тихо влюблена и, если втыкала иглу в вену, то с крайней деликатностью и с чрезвычайной нежностью, а уж ватку прикладывала — одно удовольствие.

Москва была вся в праздниках и блистала новогодним убранством. Там, в окопах, мы молились на эту Москву, пусть сыто-барскую, пусть насмешливую, пусть равнодушную, не признающую нас ни под каким соусом, но все равно нашу Москву, вечную Москву, настоящую Москву, преданную Москву, представляя ее чем-то единственно ценным в этом мире, дальше которой отступать было некуда — даже когда мокли под дождями, даже когда тряслись и глохли под обстрелами, даже когда

не спали, не ели сутками, умирали на госпитальных койках или в лапах врага. Человек обязательно должен во что-то верить. И я верил, и мои товарищи по оружию тоже верили, иначе напрасно гибнуть не имело никого смысла, а надо было сдаться на милость укрофашистам, разбежаться по степям и дубравам и выть от бессилия на луну и звезды.

Мне было тридцать семь, я был одинок и гол как сокол, мою жену Наташу и мою дочь Варю убила мина в июле позапрошлого года (я просто знал, что так нужно думать, иначе можно было сойти с ума), в мою квартиру на Университетской влетел снаряд, и возвращаться в Донецк было некуда. Редакция на Киевском проспекте, в которой я служил, выгорела дотла, и боец из меня теперь был аховый, как сказал главврач Сударенко: «До первой же пробежки, осколок шевельнется, перережет легочную артерию, и в три секунды истечешь кровью». Я видел на снимке этот осколок, величиной с пять рублей, с рваными краями, как шестеренка у часов, и чужеродный человеческой плоти по сути. Мне предстояла по поводу этого еще одна операция, но вначале надо было восстановить силы, потраченные войной, однообразным питанием, а главное — нервами.

— Коньячок, надеюсь, тебе можно? — обернулся Валентин Репин с двусмысленной ухмылкой вечного фигляра.

Я обожал его за эту улыбку, которая говорила, что по версии Валентина Репина в мире все прочно и незыблемо, как небесный свод, и будет так до скончания веков, и после — тоже. Конечно, Репины не знали всей правды; правда заключалась в том, что человек во второй половине жизни рано или поздно попадает в ловушку под названием безысходность со всеми вытекающими для души последствиями. Со мной это произошло раньше, чем с ними. Однако я не спешил их разочаровывать, пусть они дозреют, как хлебная закваска, все равно деваться некуда.

— Можно,— ответил я, оберегая свой исколотый зад от ухабов на дороге и неожиданно возвращаясь к тому тлеющему ощущению выздоравливающего человека, который успел подзабыть.

Нервы были ни к черту! Они провисли, как бельевые веревки, и любое воспоминание приводило их в смятение, и не только потому что меня едва не убил «замок», я не спал, как все нормальные люди, мне раз за разом, как кошмар, снился Калинин, позывной Болт, с окровавленной культей, я тащил его по минному полю, на его губах пузырилась кровь, а над нами свистели пули; мне снился человек, ни фамилии, ни позывного которого я не знал. Он вдохновлено показывал мне позицию. Вдруг голова у него вспухла, как красный шарик, и я оказался обрызганным кровью и мозгами с ног до головы. Больше всего испугался человек, который отвечал за мою безопасность, Ефрем Набатников, позывной Юз, замкомроты — «замок», рубаха-парень, готовый и в огонь, и в воду, и просто страшно, неимоверно везучий, как черт, но осенью пятнадцатого почему-то прикрывшийся мною от мины. С тех пор меня рвало непредсказуемо, в любом месте, абсолютно без видимых причин, и люди смотрели на меня, как на алкоголика, а у меня всего лишь непроизвольно облегчался желудок, поэтому я ел, как птичка, чтобы никого не пугать и не смущать.

Ефрем Набатников, позывной Юз, заорал срывающимся голосом: «За мной!», и мы побежали в тыл, а по нашим позициям ударила артиллерия и еще парочка крупнокалиберных пулеметов. С тех времен я знаю, что такое быть виноватым в чьей-то смерти. Я назвал того человека Томом Клэнси, потому что, когда мы пришли в землянку, он читал книгу именно этого автора, «Охота за «Красным октябрем»». Больше я о нем ничего не ведал; был он подслеповатым, очкастым, с седой щеточкой усов, и когда говорил, чувствовалось, что у него вставная челюсть. В начале войны в ополчение брали всех умеющих мало-мальски стрелять, и не умеющих — тоже. Я хотел о

нем написать, но Ефрем Набатников сказал, что у него даже нет списка добровольцев, люди приходят и уходят, когда им заблагорассудится. «Это и есть гражданская война,— сказал он с тем выражением, когда констатируют неудобный факт, но деваться некуда.— Ты не пиши об этом, не надо...» «Почему?!» «Ну а что ты напишешь? Мол, старик пришел и умер от шведской разрывной пули?» «Так и напишу»,— уперся я. «Ну как знаешь,— покривился он, словно от кислого.— Мне известно, что у него никого нет, что он разведен, а жена с детьми в Италии». «Откуда?» «Рассказывал по пьянке. Знаю, что сын у него — мелкий воришка, а жена три раза делала аборты от разных мужиков. Так что смерть для него даже подарок». Действительно, подумал я, писать не о чем, миллионы людей мучаются и корячатся примерно так же. Мужику даже повезло — умер моментально, ничего не поняв.

Я забывался лишь на рассвете в короткой передышке, загнанный кошмарами, до утреннего градусника. Выздоровление мое становилось все более эфемерным, и мои бесконечно терпеливые Репины, дабы не закапывать меня на ближайшем погосте, мудро решили забрать к себе и выходить, как бездомную собаку. Денег на жизнь им вечно не хватало, а тут еще иждивенец свалился на голову. Я знал, что Валентин имел долгий разговор с главврачом Борисенко, и примерно догадывался о его содержании: мол, кормить и еще раз кормить, и никаких отрицательных эмоций, только положительные, тепло и внимание, а если женщину, то исключительно жалостливую, но не слезливую и, тем паче, не крикливую, душевную, проникновенную, мягкую и покладистую. Ну а где ты такую возьмешь? Сейчас такие не родятся.

Все каким-то необычайно хитрым путем возжелали ублажить мой посттравматический синдром, как будто он был маленьким, пушистым котенком, а не монстром, дремавшим до поры до времени у меня в голове. Фонд, за счет которого меня патронировали, благополучно испустил дух, и я не представлял, где возьму деньги для ближайшей операции.

Однако все это относилось к будущему, которое могло и не наступить, поэтому я нарочно сделал большой глоток дагестанского «Лезгинка», дабы погасить в себе дремлющее чудовище, и живительная влага растеклась по моим жилам. Я дал себе слово жить одним днем, одним часом, одной минутой, только так можно было спасаться от мыслей о прошлом, оно сделалось опасным, как неразорвавшаяся мина, терзало меня в моменты забвения и не давало себя обмануть, потому что всегда и везде было многократно сильнее, чем я.

— Ну и правильно,— согласился Валентин Репин, заметив мой испуг, только он, надеюсь, не понял, к чему он относился.

— Мы тебе здесь невесту нашли,— с ходу взяла быка за рога Жанна Брынская, внимательно следя за дорогой и заслуживая ироничный взгляд Валентина Репина, который, должно быть, хотел сказать, что хорошая новость, как ложка дегтя, подается к обеду, но никак не раньше.— Аллой зовут, моя институтская подруга.

Ее прекрасные карие глаза вопросительно скользнули по моему отражению в зеркале.

— Вот этого мне только не хватало,— среагировал я, избегая ответной реакции, потому что оттуда на меня глядело костистое, осунувшееся лицо изможденного человека, который, в отличие от Репиных, не питал никаких иллюзий насчет своего будущего, разве что утешался мыслью вернуться в окоп и подохнуть в нем, но даже это отныне было роскошью, поскольку для войны он стал непригоден.

— Зря, старик, зря,— покровительственно сказал Валентин Репин,— женщина для того и создана, чтобы опекать и холить! Правда, Жанна Брынская?! — с вызовом спросил у жены, поправляя свои огромные роговые очки, которые делали его похожим на бронтозавра.

В тот же вечер я их ему сбил, в попытке с кем-то сразиться, оставив на переносице Валентина Репина багровую ссадину; пить надо меньше, каялся я поутру, прекрасно осознавая, что в последней стадии опьянения алкоголь действует на меня неадекватно.

— Правда, Валик, правда,— согласилась Жанна Брынская с тем долготерпением, которое свойственно мудрым женам, и мы застряли в пробке.— Миш,— обратилась ко мне Жанна Брынская,— а чего ты теряешь? Тебя же под венец не тащат,— она по-свойски мне подмигнула, хорошо хоть Валик не заметил.— Познакомитесь, поболтаете, может, понравитесь друг другу.

Они словно забыли о моих: Наташке Крыловой и о дочке Варе, которые для меня никуда не делись. И я простил их за короткую память, не скажешь же им, что я самый дрянной беглец от прошлого, которое не отпускает, которое вцепилось, как самолов, и держит, как швартовый канат, что оно мечет в меня стрелы воспоминаний и одаривает такими снами-кошмарами, от которых хочется повеситься. Просто они хотели мне помочь. Это было частью их заговора с главврачом. А еще они были моими друзьями из того самого ужасного прошлого.

— Предпочитаю мужчин! — заявил я, ни капли не моргнув глазом.

— Мужчин?! Но почему?! — чуть ли не плюнули они мне в лицо, как две кобры; а Жанна Брынская еще в праведном гневе ударила и по тормозам, чем вызвала цепную реакцию позади нас.

— Потому что с мужчинами можно пить, курить и сквернословить,— разочаровал я их.

— А-а-а... поэтому...

То-то я их огорошил, а потом — рассмешил.

— Старый солдат не знает слов любви? — иронически осведомилась Жанна Брынская, вопрошающе вскинув жгуче-польские брови.

— Ты посмотри на меня...— угрюмо возразил я, глядя на свои тощие, как стручки, колени, на руки, торчащие, словно две куриные лапки, из обшлагов куртки, хотя причина, конечно же, была не в этом,— какой из меня жених?!

Коньяк сделал свое дело, язык у меня развязался, обычно я не слишком болтлив, полагая, что в этом мире все уже сказано.

— А чего?..— удивленно обернулась Жанна Брынская, перестав разглядывать меня в зеркало заднего вида.— Ты еще ничего. Правда, Валик?

Она происходила из древней польской шляхты, умела делать неприступное выражение лица, была заведующей аптекой, что на Циолковского, в которой торговала не только лекарствами и пробиотиками, но и из-под полы — ведьмиными снадобьями, и жила совершенно в ином мире, чаще всего в интернете и еще где-нибудь, где нет войны, боли и душевных потерь, любила своего мужа-изверга и наслаждалась столичной жизнью, выращивая целлулоидные антуриумы и бонсай, и, слава Богу! Такие женщины, мечта любого нормального мужчины (слава Богу, я был ненормальным), живут долго и счастливо, одаривая всех вокруг светом небесной радости.

— Правда, рыба,— с ехидным прононсом согласился Валентин Репин.— Были бы кости, а мясо нарастет,— со смешком уточнил он, будто не верил ни во что святое, а только — в великую ипохондрию и великие горы, и мы помчались дальше.

Женщины меня давно не прельщали. С женщинами у меня были сплошные проблемы. И я невольно вспомнил, как тогда, когда считающий себя еще журналистом, пять суток выбирался из окружения и как к нам прибилась испуганная женщина, с которой мы грелись по ночам, прижимаясь друг к другу, потому что костер нельзя было разжигать, и как я был безмерно ей благодарен за нежданно подаренную нежность. Эта нежность долго жила во мне, как огонек в степи. Однако в госпиталь, где я лежал с ранением в бедро, эта женщина с зелеными глазами так и не пришла.

Так вот, она мне показалась олицетворением той самой женственности и безмерного терпения, ведь обычной пошлости, которой полно в сытой, размеренной жизни, между нами не было даже намеком. Наверное, в этом была виновата война и обостренное чувство неизбежной гибели — стоило укрофашистам отрезать нас от Лисичанска, мы бы пропали. Кстати, она единственная меня не бросила: все ушли, а она осталась, и мы кое-как доковыляли, попав один раз в изрядную передрягу. Эта передряга мне периодически снилась: я впервые убил человека, глядя ему в лицо, до этого я стрелял только по фигуркам в степи и не соотносил их со смертью, а здесь — глядя в лицо. Я не был спецназовцем, я не был омоновцем, я даже не был добровольцем, я был случайным прохожим, забежавшим на войну по служебной надобности. Пулю, застрявшую в боку, под ребром, я выковырял самостоятельно, она мешала мне идти; с ногой оказалось хуже, потому что я не мог дотянуться, а попутчики мои были для этого дела абсолютно негодными, взглянув на рану, они падали замертво, требуя задаток в виде спирта, мата и подзатыльников.

Звали женщину Ника Кострова, и я до сих пор ломаю голову, почему она не пришла хотя бы проведать? Неужели я ошибся в ней, я не знаю; я уже давно живу без претензий к этому миру.

Меня привезли, подняли на седьмой этаж и водворили в отдельную комнату с ликами Божьей Матери на стенах и красными антуриумами на подоконниках. Здесь было тихо и спокойно; впервые за полгода я почувствовал себя человеком, меня даже перестало тошнить.

Прежде чем залезть в ванную и привести свои мощи в божеский вид, я, испросив у Валентина Репина разрешения, сел за его компьютер и разослал во все редакции современной прозы роман об актере Андрее Панине, которого обожал и который единственный не давал мне сдохнуть на госпитальной койке.

Мне нравилась его настоящая, а не лакированная харизматичность киношных мальчиков с московских подмостков. Достаточно было взглянуть на его лицо со шрамами, на неоднократно перебитый нос, на сломанные уши и деформированные кулаки, чтобы поверить в него без остатка, а главное — в нем было то мужество, которое редко встречается в жизни — способность идти до конца; можно сказать, что я кое-чему у него научился, например, не мечтать о пустопорожнем, а заниматься делом. Я писал роман-надрыв в перерывах между операциями; мне снилось, что я подбираюсь к чему-то большему-большему, но никак не могу ухватит его. Я уже знал, что все подлинное — трудно, поэтому вложил в этот роман всю душу, а еще я понял: зреть в корень — это смерть, пусть отсроченная, но все равно смерть, но деваться было некуда.

После этого я позволил накормить себя «до пуза». Потом я спал, потом снова спал, потом еще раз спал, и только глубоким вечером мы пили водку и вспоминали всех тех, кого уже не было с нами. Кажется, началась суббота, и Валентину Репину не надо было утром топать на работу.

Работал он, кстати, на «Мосфильме», вторым перфекционистским режиссером, снимал рекламные ролики и клипы, но мечтал о большом кино, и рвал на мелкие клочки все хорошие книги от безысходности.

— Мне уже сорок три! — кричал он в запале.— Какой ужас!!! А я все еще на побегушках, и никакого просвета! — рыдал он над своей тайной после третьего стакана водки.

— Да... старик, не повезло тебе,— сетовал я, но ничем помочь ему не мог, разве что слопать его порцию жирного гуляша, которым в тот вечер так и не наелся.

Уловив мою иронию, он цедил, сжав зубы:

— Все равно я буду снимать!

Порой он, как маленький, тыкал в экран и дико кричал: «Это я, я, я!» Вначале мы с Жанной Брынской прибегали смотреть и радовались вместе с ним, а потом — через раз, потом — перестали, надоело.

— Это переходный возраст,— догадался я, глядя на Жанну Брынскую, которая тихо осуждала Валентина Репина за горячность.

— Миша, это не переходный возраст, это старость! — Жанна Брынская пребольно дернула мужа за рукав.

И я знал, что свою работу он обожает, и завидует мне черной завистью: мол, воевал, получил ранение, хоть какое-то развлечение, стал героем и все такое прочее, не менее историческо-романтическое, только забывал, что я едва не сдох. А на эту самую проклятую войну его не пускала Жанна Брынская. На мой же взгляд, мог бы сбегать в качестве хоть первого, хоть второго режиссера, а потом снять фильм, потому что об этой войне явно умалчивала киношная и литературная элита Москвы. То ли она ее не понимала, то ли ее просто не интересовала, а, может, то и другое вместе взятое. Некоторые, правда, заявлялись с одной единственной целью — попиариться на крови Донбасса с прицелом, ни много ни мало, на президентство вслед за Путиным, ну да Бог-то им судья.

А бандеровцы убивали нас за то, что мы думали и говорили по-русски.

* * *

В отличие от больницы, где еда была не лучше, чем конский пот, теперь меня откармливали, словно бройлера: куриные потрошки, бульончики, пышные булочки со страусиными яйцами и разнообразнейшими паштетами, котлетки, рагу, нежнейший ростбиф, все виды шницелей, отбивные, узбекский плов, разумеется, холодец, водка, коньяк, пиво и прочее, и прочее, и прочее не менее вкусное и сытное. Жанна Брынская крутилась как белка в колесе, истощая семейный бюджет не хуже мировой войны. Правда, иногда филонила за компьютером, и тогда из ресторана приносили первое, второе и третье, а на закуску — огромную пиццу, которую мы с Валентином Репиным уминали в два счета под пиво и хвалу его жене.

Обычно Жанна Брынская заглядывала ко мне в комнату и спрашивала:

— Миша, бульончик будешь?

— Какой?

— Куриный.

— А с чем?

— С чесночными пампушками.

— Буду! — вскакивал я.

У меня был отменный аппетит, я все время что-то жевал и решил, что попал в рай, и даже стал дремать по ночам, дабы не оставлять шансов кошмарам, которые таились где-то на периферии сознания. Порой они крутились, как документальное кино, с любого места. Например, мы оставляем Степановку, я оглядываюсь на человека, который бежит ровно за мной; я стреляю и вижу, что попадаю: пули рвут на нем одежду, а он не падает, потому что в броннике и потому что обколотый вусмерть, а дважды убить уже нельзя, но я все равно стреляю и стреляю, а он все не падает и не падает, а только хищно ухмыляется.

А еще Жанна Брынская по утрам поила меня настойкой болиголова. «Я знаю, что я делаю!» — авторитетно заявила она в ответ на мои возмущения: а не отправят ли меня нарочно с помощью алкалоида кониина к праотцам. К моему удивлению, я начал семимильными шагами продвигаться к поправке: кровоподтеки от капельниц на моих руках быстренько сошли, синяки под глазами побледнели, контузия моя нехотя

отступила, я даже лучше стал слышать, и все больше походил на человека, у которого даже волосы стали расти гуще и скрывали шрамы. Я постригся под «полубокс» в ближайшей цирюльне, и походка моя с аптечной палкой сделалась тверже и уверенней. Меня исподволь перестало тошнить, и я воспрянул духом. Продавщицы в соседнем супермаркете почему-то стали бледнеть и краснеть, глядя на мои мощи. А одна бедняжечка, на личной карточке которой значилось имя «Татьяна Мукосей», даже трижды мило сообщала, что свободна после семи. «У вас в горле перекатываются голодные камушки»,— поведала она зачарованно, глядя мне в глаза. Дважды я замечал ее у подъезда дома, где жил, и стал ходить, озираясь. В Донецке я не привык к подобным знакам внимания и не знал, что нравлюсь женщинам до такой степени, чтобы бегать за мной собачонкой, ведь моя жена уверяла меня в обратном: «С твоим рубильником и голодным подбородком ты годишься разве что в зоопарк!» Должно быть, москвички были другого мнения, или им некуда было деваться при такой скученности и дефиците мужского внимания, вот они и кидались на отработанный материал вроде меня.

А потом они все испортили: привели Аллу и устроили банкет с шампанским и брызгами. Спешите, братцы, спешите, подумал я и заподозрил, что меня хотят сбагрить с рук. Хотя, конечно же, это было не так; Репины мои были самыми бескорыстными людьми, которых я знал в жизни, их мучила ностальгия по прошлому. Есть такая болезнь — неизбывная любовь к прошлому, я тоже исподтишка страдаю ею, когда мне делать нечего. Люди такого склада, а их надо уметь разглядеть, становятся настоящими друзьями, стоит только попасть в их обойму.

Звонок в дверь и мышиную возню в прихожей я, естественно, пропустил мимо ушей: мало ли кто ходит к моим друзьям на правах гостей. Жанна Брынская, как обычно, позвала обедать, и я в предвкушении вкусностей и с бурчанием в животе, способным разбудить медведя в берлоге, оторвался наконец от Валикиного ноутбука, на котором барабанил с утра до вечера, выбежал из «своего» обиталища опять же в Валикином коротковатом и маловатом халате, в Валикиных походных шельварах и Валикиных же тапочках на босую ногу. К своему конфузу, я обнаружил на кухне шикарную шатенку, до странности похожую на мою жену, если бы не одна деталь: глаза у моей жены были карими, а у шатенки — синие, как циферблаты моих часов. Мне так и захотелось позвать ее по имени — Наташка, хотя такая шикарная женщина могла прийти к кому угодно, но только не ко мне. Наверное, там, в темноте коридора, прячется еще кто-то, решил я, сейчас он выйдет и покажет мне средний палец. Разумеется, я помнил, что они меня желали с кем-то познакомить, но не ожидал, что это произойдет так быстро. А самое главное, морально не подготовили к экспромту.

— Здрасте...— растерялся я и убрался, чтобы напялить единственный парадно-выходной костюм, то бишь свою зеленую униформу.

— Алла, это Михаил,— представила меня Жанна Брынская, когда я вернулся, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

— Миша, это Алла Потемкина,— мы тебе о ней говорили.

Лицо Жанны Брынской выражало искреннее участие в моей судьбе.

— Очень приятно,— выдавил я из себя.

Сорок шестой размер, такой же, как и у моей Наташки, безошибочно определил я, рост метр шестьдесят три, грудь — третьего размера, только брови густые, новомодные. У Наташки — тонкие и длинные. Маникюр розовый, ухоженный, неброский, со вкусом, тоже такой же, как у моей жены. И духи выдержанные в холодном аромате. А абрис скул голодный и стремительный, словно нацеленный куда-то во вне.

В общем, все, что я любил в прошлой жизни, а в настоящей — относился с большим сомнением, подозревая в дешевой имитации, ибо был убежден, что в жизни ни-

чего не повторяется, кроме моих кошмаров. Казалось, Алла Потемкина, с ее манерами красивой женщины, все поняла, сжала кулаки и густо покраснела.

Валентин Репин быстренько замял образовавшуюся неловкость:

— Ну, рыбы... за знакомство!

И мы выпили: мы с Валентином — водку, а женщины — какую-то кислятину. В общем, Репины очень и очень постарались: Алла походила на мою жену как две капли воды. Я так и сказал, закусывая:

— Вы очень похожи на мою Наташу.

— А что в этом плохого? — занервничала Жанна Брынская, аж подпрыгнув из-за моей бестактности, и сноп молний полетел в мою сторону, как в сериале «Властелин колец».

— Ничего,— пожал я плечами.

Тогда она смутилась.

— Простите, я не знала...

Быстрый взгляд в сторону Жанны Брынской значил, что ее, действительно, не предупредили.

Жанна Брынская тоже покраснела, что чрезвычайно шло к ее волосам, цвета темной меди. Она их по старинке укладывала волнами.

— Ну что? Когда-то же надо начинать. Ты лучше ешь! — подсунула мне котлетку величиной с утюг и в отместку полила ее сливовым соусом, чтобы я не болтал лишнего, а трескал за обе щеки.

Я не сказал им, что мы поколение, которому брошен вызов и что мое место там, в Донбассе, а не здесь; кто его знает, наверное, они просто рассмеялись бы мне в лицо, потому что ничего не поняли бы от своей размеренной, городской жизни, просто я им нужен был, чтобы утвердиться в ней еще сильнее и запрезирать меня, неудачника и калеку.

С минуту я пожирал содержимое моей тарелки, как голодный неандерталец, который неделю бегал за лосем по лесу. А очнулся только тогда, когда понял, что все зачарованно смотрят на меня, особенно — Валентин Репин, потому что давно держал на весу рюмку водки и ждал, когда я насыщусь. Никогда в жизни я так много и вкусно не ел, как в те дни.

Они были сытыми и упитанными горожанами, спящими в чистых, теплых, уютных постелях. Им трудно было понять, каково это иметь половину своего природного веса, не доедать весь предыдущий год и носиться по полям и весям с автоматом в руках. Я часто потом встречал у москвичей этот оценивающий взгляд. Они, верно, думали, что ты испытываешь, когда в тебя стреляют в опор, но почему-то не попадают, или когда рядом громоподобно взрывается мина и все окрест осыпает градом осколков, но в тебя почему-то не попадает ни один осколок, или когда ты притаскиваешь с нейтралки раненого товарища, а он уже мертв, или когда ты ешь рядом с мертвым товарищем, потому что надо есть. Многие спрашивали меня об этом, однако, я ни разу в своих рассказах не добился достоверной точности, чтобы меня правильно поняли, трудно было передать то, что передать невозможно, поэтому я перестал правдиво отвечать на подобные вопросы, отделываясь односложными фразами типа: «Было жутко, но не страшно». Самое удивительное, что мне верили из-за опасения повредиться в рассудке, потому что это была не та, «старая», война, о которой все знали из хроники, а совсем «свежая», чисто славянская, с умножающимся ожесточением, и она могла прийти в любой дом, дотянуться даже сюда, в Москву. Никто этого не понимал, кроме меня и нескольких тысяч людей, сидящих в окопах на западном фронте.

— Простите,— устыдился я.— Я все время голоден,— и отложил вилку.

Я месяцами ел прогорклую овсяную кашу и полусырую картошку без соли, теперь набирал упущенное, и ожидание мое было оправдано. «У вас типичное окопное истощение»,— сказала мне монументальная врачиха, пальпируя мой тощий живот на третий день госпитализации, и плотоядно глядела на меня как на экспонат для диссертации.

— Это... рыба... ешь, ешь! — с прононсом поиздевался за всех Валентин Репин.— Ты не гляди, что мы здесь зажрались! Мы свои, только притворяемся равнодушными!

Валик один меня понимал, он не был исконным москвичом, он был с Урала и знал, что за МКАДом тоже есть жизнь.

— Здоровый мужской аппетит,— возразила Алла Потемкина таким покровительственным тоном, словно взяла меня под опеку.— Вы же воевали?!

А вот этого не надо! — едва не запротестовал я. Не надо списывать на мои болячки.

Они сделали из меня страдальца. А я не хотел им быть. На страдальцах потом отыгрываются по полной за то, что они не оправдывают твоего доверия, выскальзывают из сетей сочувствия и становятся равным тебе. А это раздражает. А еще я вспомнил Нику Кострову. И задал себе избитый вопрос: «Куда ты пропала?» И сам ответил себе: «Потому что такие женщины всегда замужем». Я подумал, что Ника Кострова более цельная, чем я себе представлял, оттого и пренебрегла мной.

— Еще бы, накормить такого мужчину,— поддакнула Жанна Брынская, намекая на мой рост и костистость.

А Валик вежливо напомнил:

— Рука затекла...

Я спохватился: мы выпили еще и еще; и я, наконец, расслабился. Мне даже стала нравиться Алла Потемкина, хотя я не доверял ей. С какой стати она, такая красивая, умная и, должно быть, состоявшаяся, будет интересоваться мной, отставной козы барабанщиком? Нелогично!

Я даже представил наш диалог:

— Вы не москвич, вам трудно понять,— ответила бы она, отчасти смутившись своей откровенности.

— А-а-а... — кое о чем догадался бы я и перекатил бы в горле голодные камушки.— Дефицит мужчин?

Я представлял всех москвичей, без исключения, в галстуках и белых рубашках, всех спешащих и всех чрезвычайно занятых делом и зарабатывающих кучу денег, не зная, куда их девать.

— Нет,— удивила бы она меня.— Настоящих мужчин!

— Уверяю вас, я не настоящий,— поскромничал бы я, полный, однако, гордости за весь донецкий мужской род.

Она засмеялась бы, как моя Наташка Крылова:

— Самый что ни на есть настоящий! Уж поверьте мне, я знаю!

Оказалось, я подвергался бы анализу! Я был бы удивлен, чего там греха таить, даже возмущен до глубины души. Репины, естественно, выложили бы обо мне все, что знали и о чем догадывались, и от этого я почувствовал бы себя словно голым на Красной площади.

— Спасибо,— ответил бы я с горечью, потому что моя Наташка была неповторима, иначе стал бы я волочиться за Аллой Потемкиной.

Однако реальность оказалась хуже, чем я ожидал, и походила на ледяной душ: Алла Потемкина владела сетью «Аптечный рай», «Сталинская аптека», «Аптека на перекрестке» и еще чем-то там, чего я не расслышал, у нее был серебристый

«бьюик», скромный домик на Рублевке за каких-то двадцать пять миллионов долларов, усадьба в Альгаве и аллигатор в бассейне. Конечно, это оказалось не так, конечно, половину я придумал всего лишь в раздражении, даже московский снобизм приплел, но Жанна Брынская страшно ей завидовала, и они болтали об этом весь вечер, казалось, потеряв всякий интерес ко мне. У меня не было опыта общения с бизнесвумен, и я подумал: «А ничего, что она из другого класса?» Но в тот вечер и после она никогда мне этого не показывала.

«Действительно, зачем я ей?» — спросил я себя, и незаметно напился. Много ли тогда мне было нужно? Я сидел, набычившись, пытаясь быстрее протрезветь, и думал, что в этой жизни меня понимала одна моя Наташка Крылова, да и то не всегда, когда наши чаяния совпадали. Последние годы они совпадали все реже и реже, и мы, постепенно удаляясь друг от друга, не могли договориться, хотя, мне казалось, я предпринимал поистине титанические усилия, дабы наш союз не распался. В конце концов, от меня, романтика, остался голый функционал с гигантским знаком вопроса: «А зачем я живу?!»

А у нее была дурная привычка носить длинные халаты, которые скрывали ее длинные ноги, я бы предпочел наоборот, в смысле халатов, однако, увы, в этом плане я был лишен права голоса, ибо был мужчиной, а мужчины в ее понимании не заслуживали ничего большего, чем молчаливое презрение. Так она была воспитана, и так она меня воспринимала.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Жиганов
(г. Екатеринбург)

Родился в 1982 году в г. Свердловске. Окончил Уральский государственный горный университет. В 2006 году издательством Горного университета был издан небольшой сборник стихов. После окончания университета работает в сфере строительства.

ПАМЯТИ АЛИИ МОЛДАГУЛОВОЙ

В начале января мы маршем двинулись вдоль фронта к Новосокольникам. Прорвав оборону противника, наша бригада рванулась вперед, севернее города Новосокольники. Вышли к железнодорожному полотну у станции Насва. Враг встретил нас шквальным огнем. Ночью мы заняли исходные рубежи для атаки. На рассвете началось наступление. Батальон, вместе с которым шли снайперы, должен был перерезать железную дорогу Новосокольники-Дно в районе станции Насва и захватить деревню Казачиха.

Первая линия обороны была успешно прорвана. Но вскоре противник обрушил ответный яростный огонь, и наши пехотинцы залегли. Атака захлебнулась. Вот в эту критическую минуту Алия Молдагулова встала во весь рост и крикнула: «Братья солдаты, за мной!» И по призыву девушки бойцы поднялись...

(Из воспоминаний Г. В. Варшавского, политрука 4-го батальона).

В жаркой схватке за деревню Казачиха вышел из строя командир... Алия поднялась во весь рост и крикнула: «Вперед, за Родину!» За ней пошла вся рота и ворвалась в траншеи врага. Взрыв мины, и Лия ранена в руку, а я сгоряча ушла вперед... Потом я узнала со слов бойцов, которые шли позади нас, что, несмотря на ранение, Лия не бросила автомат и подстрелила одного вражеского офицера. Но и он все-таки успел выстрелить в ответ и вторично ранил Лию. Последний выстрел остался все же за ней. С поля боя ее вынесли командир отделения разведчиков Поляков и еще трое солдат, фамилии которых я не помню...

(Из воспоминаний Н. А. Матвеевой, снайпера-напарницы Алии Молдагуловой).

Июнь ласкает солнцем взор,
А ты пришел на школьный двор,
Чтоб встретить внучку в день ее успеха.
Вокруг родители стоят

И тоже ждут своих ребят,
И воздух полон нежности и смеха.

Вот дверь разинула свой рот,
И юность хлынула вперед
Живой волной, отчаянным прибоем.
И ты, как все, шагнул к крыльцу,
К тому знакомому лицу,
Что увидал за разноцветным строем.

А вон и внучка, посмотри,
Идет и светится внутри:
Сдала успешно первый свой экзамен.
И, глядя в девичьи глаза,
Другие вспомнил небеса,
Тот страшный бой, когда был дважды ранен.

Плела свинцовая метель
Над батальоном канитель,
Шквал прижимал и не давал подняться.
Разрывов отблески цвели
В глазах залегшей Алии,
Ей, как и внучке, было восемнадцать.

Перед тобой немецкий дот
Косил бросавшихся вперед,
Бил с высоты в невиданном упорстве.
И ты, глотая черный снег,
Не смел подняться в тот забег,
Где жизнь и смерть сплелись в противоборстве.

Разрыв, осыпалась земля,
И в рост шагнула Алия,
И вновь вблизи удар фашистской мины.
«Братишки, милые, вперед!»
И кровь по рукаву течет,
Зовя бойцов подняться до вершины.

Издав один протяжный стон,
Пошел в атаку батальон,
Так ходят в смерть с отвагой бесшабашной.
И натиск был неудержим,
Через огонь и едкий дым,
На самый верх, до жаркой рукопашной.

Сцепились в схватке грудь на грудь,
Превозмогли, пробили путь,
Ты ранен был в упор из автомата.
А где-то около тебя
Вторую рану Алия
Перетянула тканью маскхалата.

Вы взяли неприступный дот
Среди пылающих высот,
И штаб вручил отважным по награде.
Но каждый отдал бы свою,
Чтоб видеть рядом Алию
В победном сорок пятом на параде.

Она чуть-чуть не дожила,
Не дотерпела, не дошла,
Как будто замерев на полушаге.
Но ты навек запомнил ту,
Что позвала на высоту,
И выбил ее имя на рейхстаге.

...Пестрел от красок школьный двор,
Сливались выкрики в узор,
И солнца луч старался всех приветить.
Сказала внучка: «Вот и я!»
А кто-то крикнул: «Алия!»
И внучка обернулась, чтоб ответить.

СТОРОЖ БРАТЬЯМ МОИМ

Есть время бить, а есть — мечтать о бое,
Не обнажая лезвия меча.
Мой путь домой вдруг заслонили трое,
Над скромной рясой пьяно гогоча.

«Привет, отец,— и наглый смех сквозь зубы.—
Поговорим, потом пойдешь к жене».
Глубокий вдох, чтоб голос не был грубым,
А Кирин крик опять звучит в огне.

«Зачем напялил бабские одежды?
Мужик не просит, а всегда берет».
Им не понять, как худо без надежды
И знать, что смерть любимых не вернет.

Смотрю в глаза — всем сразу и отдельно.
Им наплевать, с ленцой жуют слова.
Их скука одолела беспредельно,
И пиво движет мыслью в головах.

«Святой отец, а как тебе девчонка?
Вон та, что прошмыгнула мимо нас,
Ведя за руку мелкого ребенка.
Ты согласись, что ножки — высший класс!»

Не обернувшись, отвечаю чинно,
Что яд греха кипит в крови у них.
«Скажи, отец, да разве ты мужчина?
Бог создал девок, чтобы трогать их!»

Удар в груди — и вновь сцепляю руки:
Инстинкт солдата сложно побороть.
И — Кирин голос, полный сладкой муки,
Тот нежный стон, что будоражит плоть.

«Эй, слышь, отец, подставь нам обе щеки,
Ведь твой Господь взывает все стерпеть».
И вспышкой — ночь и южный край далекий,
И взвод друзей, что поредел на треть.

И тот скупой знакомый почерк боя,
Когда лишь миг решает жизнь и смерть
И лишь одно желание слепое —
Быть рядом с каждым и везде успеть.

В тот раз молитвой был упор приклада,
Наградой — нерастраченный патрон,
И мат бойцов десантного отряда
Звучал во тьме, как тающий канон.

В ту ночь я уводил волков со следа,
За всех купив билет в один конец.
Но уцелел — лишь кость была задета,
Да через бок пролег кривой рубец.

Уже тогда седые командиры,
Отставив спирт, просили снова жить.
И, чтоб осилить новый путь без Киры,
Я принял сан, решив другим служить.

И насмотрелся вдоволь всякой мрази,
И с ними — тех, кто, стоя у черты,
Узнав на пепелище привкус грязи,
Утратил и любимых, и мечты.

Я не сломался и поверил в Бога,
Что предвещает встречу с Кирой вновь.
Терпеть и ждать — теперь моя дорога,
Намеченная Тем, Кто есть Любовь.

Чуть позже я отмою прегрешенья,
Перед свечой читая ветхий стих,
За то, что стал заложником мгновенья,
Бескомпромиссных принципов своих.

...Не описать смятения прохожих,
Тех, кто вблизи случайно проходил:
Святой отец с простым «Помилуй, Боже»
Трех наглецов на месте уложил...

СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ

Я советский солдат — Прохоренко, Матросов, Гаджиев.
Я Москва, Ленинград, Ашхабад, Севастополь и Киев.
Через пепел и ад я прошел не от спеси и скуки,
Я советский солдат, я выкручивал дьяволу руки.

М. Фидель. Я советский солдат.

Я советский солдат — безымянный, бессмертный, столикий —
Тот, кто шел на закат, совершая свой подвиг великий,
Кто фашистский штандарт не встречал в раболепном поклоне,
Приближая рассвет с каждым шагом в походной колонне.

Я не ждал от судьбы поцелуев, наград и подачек,
Не давал слабины и плевал на призывы о сдаче.
Я стоял до конца, когда небо просило пощады,
И к родимой земле приникал под огнем канонады.

Я друзей хоронил — каждый день, без надгробий и даты,
И ложился под танк, в кулаках зажимая гранаты.
Я тонул много раз, задыхался в снегах и буранах
И не смел отступать, когда кровь проступала на ранах.

Я бросался в штыки, чтобы солнце вставало, как прежде,
Миллионам сердец открывая дорогу к надежде.
Стиснув зубы, терпел, принимая лишенья и муки,
Чтобы горечь войны не узнали ни дети, ни внуки.

Я советский солдат, заключенный бессмертьем в граните.
Легион моих лиц вы в семейных альбомах храните.
Я из множества цен заплатил наивысшую долю
И прошел за других, не таясь, по смертельному полю.

Я стою в полный рост, замерев на краю пьедестала,
Моя слава крепка и с годами незыблемой стала.
Я покой стерегу, ибо нет безмятежней рассвета,
Чем восход над страной, что победной зарею одета.

Я есть в каждом из вас — тех, кто помнит суровые годы
И кто знает в лицо павших в битве во имя свободы.
Я смотрю на закат, чуть прищурив гранитные веки.
Я советский солдат — и свой пост не покину вовеки.

СЕГОДНЯ У НАС ЗА СПИНОЙ НЕ ПЫЛАЕТ МОСКВА

Россия проигрывает, в первую очередь, именно духовную битву — самую важную битву в любой войне. Ибо, как мы знаем еще со времен Александра Македонского, неприятеля можно разбить без единой потери: для этого достаточно просто сломить его боевой дух. Россия сейчас слаба как никогда, слаба, в первую очередь, духом. Но все только начинается: нам на смену идут еще более слабые и изнеженные люди, еще более деморализованные и ленивые поколения. Что будет с Россией в будущем — одному только Богу известно. Надежда, как известно, умирает последней...

Чернов А. В. Духовный мир российской молодежи.

Сегодня у нас за спиной не пылает Москва,
Не рушатся стены от танковых залпов в упор.
Нам кажется: было, прошло, отболело едва,
Но это не так, и об этом пойдет разговор.

Сегодня мы тоже стоим у последней черты,
И пусть наш рубеж не охвачен смертельным огнем,
Опасность в другом — мы незримо сжигаем мосты,
Ту хрупкую нить, что достоинством русским зовем.

Мы память свою каждый день раздаем по частям,
Открытость и честь в наши дни — неприемлемый лот.
Мы видим успех в бесконечном стремленьи к деньгам,
И чью-то любовь привлекаем шуршаньем банкнот.

Мы верим, как дети, в фальшивую мудрость зеркал,
В чужие слова, что звучат не по-русски совсем.
Мы судим поверхностно: «кто-то когда-то сказал...»,
И молча бежим в виртуальность от всяких проблем.

Нам проще не делать, смирившись с судьбою на раз,
Отвлечься на что-то, что даст иллюзорный покой.
Мы стали другими, чем те, кто сражался за нас,
Кто верил в нас больше, чем мы, принимая свой бой.

Мы стали другими, утратили ясную цель,
Пошли по развилке из сотен влекущих дорог —
И лживые звезды затмили коварную мель
И ярким смешением выбили твердь из-под ног.

Сейчас мы стоим у черты, только нам выбирать:
Идти через сумрак, стоящий у нас на пути?
Пройти сквозь него и самим свою участь решать?
Себя изменить и других за собой повести?

Как много мы можем свершить, когда просто хотим,
По-русски забыв, как всегда, постоять за ценой!
...Но где те комбаты, что встанут и скажут другим:
«За честь и Россию, за веру и верность — за мной!»

ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ

...Вы написали, что уж год,
Как вы знакомы с новым мужем.
А старый, если и придет,
Вам будет все равно не нужен.

Что вы не знаете беды,
Живете хорошо. И, кстати,
Теперь вам никакой нужды
Нет в лейтенантском аттестате...

К. Симонов. Открытое письмо.

Он уходил на фронт, она молчала,
Лишь в хрупких пальцах комкала платок.
Все сказано. Зачем твердить сначала
О том, что двое знают назубок.

Он обнял мать — и к ней шагнул проститься,
Коснулся губ, прижал, что было сил —
И оттолкнул, и побежал садиться
В простой вагон, что в вечность увозил.

Они остались: мать и та девчонка,
Что незаметно рядом с ним росла
И как-то вдруг отчаянно и звонко
В его мечты невестою вошла.

Он был так юн, она на год моложе,
О свадьбе оставалось лишь мечтать.
И тут война — нет испытанья строже
Для двух сердец, чем вынужденно ждать.

Он из окна успел увидеть лица —
Те два из них, что выбраны судьбой.
Он шел на фронт и верил — возвратится
И ради близких выдержит свой бой.

Из века в век у войн свои законы:
Кому-то жить, кому-то умирать.
Он шел вперед, сменялись батальоны
И те, кого друзьями мог назвать.

Был дважды ранен, впрочем, неопасно,
Как будто небо сжалилось над ним.
И все однополчане ежечасно
Шутили, что он письмами храним.

На перекрестках фронтового ада,
На замершей в ночи передовой,

В землянке и в воронке от снаряда
Он ждал визита почты полевой.

Она писала: «Я люблю и верю,
Что ты вернешься цел и невредим,
Что ты, солдат, сломаешь зубы зверю,
И будет мир, которого хотим».

Он бил врага — за тех ребят из роты,
Чья жизнь, как нить, в огне оборвалась.
За тех солдат, что шли на пулеметы,
Прочтя в письме: «прости, не дождалась».

Он знал войну и то, как лицемерно
Она любовь порой влечет на дно,
Как ранит сердце письмами смертельно
И выпивает душу заодно.

И вот, решив привязанность проверить,
Он написал девчонке пару строк:
«Не жди меня, любимая, у двери.
Я не приду: в бою лишился ног».

Пришел ответ — короткий, в десять строчек,
Скупой листок, расчерченный войной.
Все тот же тон, лишь изменился почерк:
«Держись, солдат, я жду тебя домой».

И он, сжав зубы, гнал врага на запад,
Через огонь — на самый край земли.
И вот настал победный сорок пятый,
Который приближали, как могли.

И он вернулся, вышел на вокзале,
Хоть твердо знал, что мать не встретит здесь.
Он, если б мог, отдал бы все медали,
Чтоб год назад забыть дурную весть.

Не воскресить ушедших безвозвратно,
Но эту боль он пережил сполна.
Дорога писем привела обратно —
И у крыльца его ждала она.

Он к ней шагнул, раскрыв свои объятья,
И тут же с шага сбился невпопад:
Поймал в ответ не яркий проблеск счастья —
Невидящий отсутствующий взгляд.

Война — от века страшное явленье
И нанесла предательский удар:

Та, что любила, потеряла зренье,
Когда тушила вспыхнувший пожар.

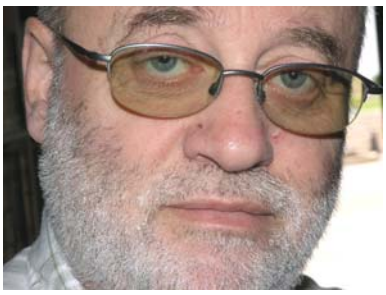
И замер он, не в силах молвить слова,
Как будто кто-то отделил стеной,
Смотрел на ту, что ждать была готова,
Когда б пришел увечный и хромой.

Она его любила безоглядно,
А он не мог сказать ей пары фраз.
Судьба за злую шутку многократно
Взыскала плату с милых сердцу глаз.

Он посмотрел на девушку слепую,
На дверь в ту жизнь, которой больше нет.
Принять ее, ущербную такую?
Терпеть весь срок, встречая с ней рассвет?

И тут она сама вперед шагнула:
«Скажите мне, что с суженым моим?
Война разлуку нашу затянула,
И я хочу скорей обняться с ним».

Он поглядел на плачущих в сторонке
И лямку вещмешка сдавил в горсти...
А вслед за этим прошептал девчонке:
«Он не придет.
Я друг его.
Прости».



Марк Полыковский
(г. Ашдод, Израиль)

ВЕЧНЫЙ ПИЛИГРИМ
Сонеты из цикла «Отголоски»

Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. Живет в городе Ашдоде. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет несколько сборников стихов и переводов с английского. Печатается в журналах Израиля и за границей. Литературный редактор издаваемого в Ашдоде журнала «Начало».

* * *

Был вечер, март, сияла синева*
Усыпанного звездной пылью свода,
И мысль о неизбежности исхода
Звенела тонко, как звенит трава
Кузнечиками... Не нужны слова,
Когда сверкнула призрачно свобода
В глазах у предводителя народа —
Без слов мгновенно разнеслась молва.

И вел Мошé народ свой по пустыне,
Отринув рабство присно и поныне,
В страну, где тучны нивы и стада.

И у меня был прежде свой Египет,
Я вышел из него, но сердце стынет,
Когда горит Полярная звезда.

* * *

В тени планет, веков и пирамид**
Не сыщешь утешенья ни на йоту —
Хоть вой в три глотки, хоть порви аорту —
Пусть дух твой над Вселенной воспарит,

Пусть, оторвавшись от своих корыт,
Подонков свора сердце донкихоту
Порвет, подобно алчному койоту,
Пусть застит свет порою жгучий стыд.

* Строка из сонета «Саваоф» Ивана Бунина.
** Строка из сонета Григория Ширмана.

Ты одинок, мой славный донкихот,
Ты прав, когда идешь всегда вперед,
Не ведая, что там, за перекрестком.

Тебе плевать на злобный рев невежд,
Ты держишь путь в край призрачных надежд,
Куда отправился еще подростком.

* * *

Восточную зарю сменила ночь*,
Когда скатилось солнце с поднебесья,
Последними лучами в мелколесье
Плутая и не в силах превозмочь

Законы бытия, исчезло прочь.
Но, вспыхнув в небе радостною вестью,
Луна сказала: «Солнца нет, но здесь я,
Я свет дарю — кому во тьме невмочь».

Луна, сияя отраженным светом,
Рассеет тьму ночную жарким летом
И в беспощадный сретенский мороз.

А скрывшись ненадолго накануне,
Опять сверкает ярко в полнолунье,—
Природа в этих играх виртуоз.

* * *

За Мертвым морем, в солнечном тумане** —
Чужая и враждебная земля,
Не зеленеют рощи и поля,
Верблюды в бесконечном караване

Бредут по беспредельной глухомани,
Туманные пронзая киселя,
Царапая на дюнах вензеля,
Похожие на графику в Коране.

Там, за́ морем, куда ни глянь, пески,
Там мысли будто скованы в тиски,
А женщины — в никабах и хиджабах.

Я был там в приснопамятном году
И больше в ту страну не попаду,
Где смешан с пылью стойкий пряный запах.

---

* Строка из сонета Марка Тарловского.
** Строка из сонета «Бедуин» Ивана Бунина.

* * *

Застигнут юный мой апрель ненастьем*,
Прохладою повеяло с утра,
И дождь опять полил как из ведра —
Как будто осень поманила счастьем.

Я к осени привязан сопричастьем,
Полезна мне осенняя хандра,
Когда стихи текут из-под пера,
И расстается лес с зеленым платьем.

Но нет, опять в природе перемены,
Шаги весны стеснительно степенны,
Но календарь, увы, неумолим.

Как все, в весне найду себе отраду,
Приму ее как редкую награду —
Апрель, как купина, неопалим.

* * *

Когда весною — в Божьи именины** —
Себе о совершенстве мира лгу,
Я вижу разнотравье на лугу
И слышу клокотание стремнины.

И нет, пожалуй, никакой причины
Вот так остановиться на бегу
На глинистом пустынном берегу
И сбросить тяжесть будничной рутины.

Все ложь. Все в этом чуждом мире ложь,
И совершенства нет в нем ни на грош.
Особенно весной — одни страданья.

То солнце, то в природе кавардак.
Весна — творенье Божье натощак,
Он сотворил ее нам в назиданье.

* * *

Молитве птичьей вняли небеса***,
И солнца луч сверкнул из поднебесья,
И если бы была, то сбросил спесь я,
Затмила б вмиг ее весны краса.

И туч стремительная полоса
Открыла солнцу наше мелколесье,

---

* Строка из сонета Сэмюэла Дэниела в переводе Сергея Сухарева.
** Строка из сонета «Фофанов» Игоря Северянина.
*** Строка из сонета «Туманский» Игоря Северянина.

Умчавшись вдаль за радостною вестью —
За реки, горы, долы и леса.

И пусть весна пока еще в начале,
Повсюду птичьи песни зазвучали,
И радуга раскинула свой мост.

Грачи расселись, как на нотном стане,
На проводах — все в бархатной сутане —
Галдят, воркуют, распушили хвост...

* * *

Лазурь всегда прозрачного апреля*
К исходу лета брызнула в окно,
И стало небо с морем заодно,
И зазвенели трели менестреля,—

Вдруг выпала весенняя неделя,
Когда душе то грустно, то смешно,
И кажется, что не грешить — грешно,
И мелешь чушь, как праздный пустомеля.

А утром вмиг небесная лазурь
Смывает напрочь всю ночную хмурь,
И звезды тихо гаснут на планете.

Пройдет неделя — журавлиный клин
Напомнит, что грядет осенний сплин,—
И где сказать о том, как не в сонете.

МОИСЕЙ

Словами между букв, пером не по бумаге** —
Ногами на песке печатал старец след.
Подует ветерок — следов в помине нет,
Корявый саксаул, мечтающий о влаге,

Быть может, век спустя припомнит о бедняге,
Упорно шедшем вдаль, и груз минувших лет
Клонил его к земле, за ним тянулись вслед,
Устав от маеты, такие же бродяги.

Несли Ковчег, а в нем Заветные скрижали,
На них Бог начертал Гимн скорби и печали
И путь им указал, и потянулись дни,

---

* Строка из сонета Татьяны Гнедич.
** Строка из сонета «Гюи де Мопассан» Игоря Северянина.

Года, десятки лет, безжалостное солнце,
И зуд, и мор, и глад, и сушь на дне колодца,
И голос с высоты: «Народ объедини!»

КЕДРОНСКАЯ ДОЛИНА

В ней спят цари, пророки и левиты*,
Спят в ожиданье Страшного суда,
Здесь протрубит неведомо когда
Архангел. Сдвинув каменные плиты,

В Кедроне все земные алфавиты
Воспрянут, их поднимет не вражда —
Надежды Путеводная звезда,
Одна для всех: для черни и элиты.

Мой Бог, достойно ль длить страданье,
Неведенье слепого ожиданья?
А может, ты вселяешь в них надежду?

Мой Бог, я думаю, дурная склонность
К садизму — эта неопределенность.
И все ж надеюсь, Ты простишь невежду.

* * *

Огромные и белые, как север**,
Летят куда-то к югу облака.
Они себе летят, а я пока
Надену теплый, чистой шерсти, джемпер,—

Насквозь, до дрожи продувает ветер,
И это, я скажу вам, на века.
Но что за чудо — встретить земляка
И скоротать с ним этот дивный вечер.

Рассеялись по свету земляки,
И сердце замирает от тоски
При виде облаков на синем небе,

Несущихся неведомо куда...
И почему-то в этот миг всегда
Я вспоминаю о пахучем черном хлебе.

* * *

Осенних скверов чуть желтеет сон***,
Верней, не сон — осенние тревоги,

---

* Строка из сонета «Долина Иосафата» Ивана Бунина.
** Строка из сонета «Мысли» Генриха Сапгира.
*** Строка из сонета Василия Бетаки.

И лишь за поворотом скрипнут дроги,
Я слышу, как осенний карильон

Звучит с моей душою в унисон,
Как будто все осенние дороги
Уходят в вечность — мимо синагоги,
И дождь поет, как встарь, «Вечерний звон»*.

От сна успокоения не жди,
Пока поют осенние дожди,
Пока шуршит листвою под ногами,

Тропинками петляя, старый сквер —
Запущен, и убог, и сир, и сер,
Забытый сыстари и на века богами.

ПИЛИГРИМ

Как многолик тот страстный пилигрим**,
Бредущий в никуда из ниоткуда,
Сверяясь с мерной поступью верблюда,—
Порою весел, как еврей в Пурим,

Порою мудр, как старец Питирим,
Его не брали язва и простуда,
И было это проявленьем чуда,
Которого не знал Великий Рим,

Ни дальние провинции у моря.
А пилигрим, с усталостью не споря,
Брел дальнею дорогой в никуда,

И кромка леса густо зеленела,
И небо завороженно синело,
И птица вылетала из гнезда.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Когда волна сломает рыхлый лед***
И дети сбросят зимние ушанки,
И по чуланам разбегутся санки,
И двор ворота настежь распахнет,

Все выбегут гурьбой за поворот,
Заслышав скрип невидимой шарманки,—

---

* «Вечерний звон» — популярная русская песня на стихи Ивана Козлова и музыку Александра Алябьева, написанная в 1827—28 годах. Текст Козлова представляет собой вольный авторский перевод стихотворения ирландского англоязычного поэта Томаса Мура «Those evening Bells».

** Строка из сонета «Страстный пилигрим» Игоря Кравеца.

*** Строка из сонета Александра Коненко.

Рвет душу кто-то там на полустанке.—
Зачем и кто? Да шут их разберет...

И каждый вдруг почувствует: весна,—
Проснется от мучительного сна,
И сквозь разрывы туч прорвется солнце,

И воздух по-весеннему упруг,
И кошки замяукают вокруг,
И треснет лед на луже у колодца...

РАССВЕТ

Ложится свет белесый на ступени*,
Дрожа и тая в утренних лучах,—
Так пламя в догорающих свечах
Рисует крутизну твоих коленей.

Какая ночь прошла, какая ночь!
В ней было все — и горечь, и услада,
Вершиною — последняя преграда,
Которую стремились превозмочь,

Без устали растягивая время...
Под утро ты забылась легким сном.
Уже сереет небо за окном,

И я понять пытаюсь: мелкотемье,
Сюжет избит и стар, как божий свет...
Но есть в нем пробужденье и рассвет!

* * *

Старинным слогом, давним языком**
Здесь шепчутся березы меж собою,
Тягучей заунывною мольбою
О чем-то ветер силится тайком

Поведать притаившимся тишком
Седым плакучим ивам над рекою,—
Им в этом мире тоже нет покою,
О ком они грустят? О ком, о ком...

И я грущу. О ком — и сам не знаю,
К чему мне в грусти вспоминать Данаю,
Осыпанную золотым дождем***?

---

* Аллюзия на роман Александра Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».
** Строка из сонета Сэмюэла Дэниела в переводе Сергея Сухарева.
*** Аллюзия на картину Густава Климта «Даная».

Грущу и все шепчу старинным слогом
На языке бессвязном и убогом,
О том, что все вокруг чего-то ждем...

* * *

Разбега мало для добра и зла* —
Частенько или «пере-», или «недо-»,
А в нужном месте не оставим следа
И после каемся: «Земля кругла,

И злые или добрые дела
Спроворит ненароком непоседа,
Иль кто-то обнаружит в книгах деда,—
Зависит от прохлады и тепла,

Разлитых как попало по планете...».
Я говорю не о зиме и лете,
Но лишь о состоянии души,—

Душевный климат управляет нами
И силой нашей связи с небесами.
Так успокойся и не мельтеши!

* * *

Украдкой время к вечности течет**,
И на пути не знает остановки;
К какой ни прибегал бы ты уловке,—
У метронома свой коварный счет,

И счетовод давно ведет учет —
Кому достанет знаний и сноровки,
Чтоб избежать последней рокировки,
Пока вздремнул небесный звездочет.

А время убыстряет свой полет,
Бьет зверя на бегу и птицу влет,
Я слышу за спиной его дыханье,

И не сорвать тугую пелену,
Я навсегда у вечности в плену,
Бессрочно райских роз благоуханье.

* * *

Усталых волн все глуше голоса***,
Смиряется неистовство былое,

---

* Строка из стихотворения «Безверие» Аллы Шараповой.
** Строка из сонета Уильяма Шекспира в переводе Самуила Маршака.
*** Строка из сонета «Одиссей в Киммерии» Максимилиана Волошина.

Лишь тучи рвутся вдаль над головою,
Надутые — трепещут паруса.

Вдруг Млечная проступит полоса
В разрывах облаков, и сам собою
Дым сигаретный струйкой голубою
Взлетит к созвездию Большого Пса.

А пес земной простуженно и тяжко
Залает, услыхав, как булькнет фляжка,
Став суше на спасительный глоток.

Глухие волны бьют по парапету.
Превозмогая монотонность эту,
Стремлюсь душой на запад, на восток...

* * *

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда*,
Ты — слезы, превратившиеся в память
О тех, ушедших в ветреную замять —
Бесследно, беспробудно, навсегда.

В краях тех — горных пиков череда,
Там нет намека на живую пажить,
Лишь глыбы льда и вековая наледь,
Суровые, как вечность, холода.

Ледник тоски не в силах растопить,
Твержу, как Гамлет: «Быть или не быть?» —
И в поисках правдивого ответа

Перебираю молча четки лет
И взвешиваю строго «да» и «нет»
Веками сотворенного сюжета.

* * *

Сулит зимой и летом календарь**
Твоих желаний неопределенность:
В суровом «нет» — к наигранности склонность,
А в «да» — такие смыслы, что словарь

И тот их не содержит... Я, кустарь,
В делах любви познавший окрыленность,
Все ж чувствую одну лишь утомленность,
Как невод продырявивший рыбарь.

---

* Строка из сонета Максимилиана Волошина.
** Строка из сонета Уильяма Шекспира в переводе Самуила Маршака.

Нет, не дружны мы с летом и зимою,
Одно лишь межсезонье — в самый раз,
Свободны мы осеннею порою.

А если дождь все льет и льет подчас,
Способствуя минорному настрою,
Конечно,— это время для проказ.

* * *

Я шел опять в твои замкнуться стены*,
Мой старый дом, мой милый старый дом.
Здесь нераздельны прежде и потом,
Почти неразличимы перемены,

Лишь закоулки памяти бесценны,
Мы здесь живем — с женою и котом,
Нам чужды суматоха и содом,
Не суетливы мы, но постепенны.

Мы здесь живем среди любимых книг,—
Пока мы с ними, дорог каждый миг
В твоих стена́х, мой дом, моя квартира.

Я видел, сколь обширен белый свет,
Но каждый раз обратный брал билет —
Домой, в свой дом, исколесив полмира.

* Строка из сонета Максимилиана Волошина.

Людмила Козлова
(г. Бийск)

MAXIMA
(из цикла «Оцифрованный человейник»)

Стихи и проза публиковались в центральной, региональной, местной печати и за границей (Дания, США, Канада, Венгрия, Украина, Белоруссия). Награждена специальным Дипломом Берлинского литературного института за развитие культурных связей между Россией и Германией и участие в совместных литературных проектах. Лауреат международного литературного конкурса «Лучшая книга... года» — 2014 и 2017 (Германия, Берлин-Франкфурт). Победитель Краевого издательского губернаторского конкурса — 2009 и 2015 г . Призер международного литературного конкурса «Аленький цветочек» им. С. Т. Аксакова (2018 г). Лауреат премии им. С. Михалкова (2008 г). Лауреат многих краевых литературных премий, в т.ч. им. В. М. Шукшина. Автор многих книг прозы и поэзии. Член Союза писателей России.

ПУПА — БОЛЬШОЙ БРАТ

Мой друг — переводчик
С вражеских языков —
Пророчит окно,
Выходящее в Рай,
Сто вариантов жизни!
Хочешь — тот,
А хочешь — другой!
Выбирай!
Но в каждом из них,
При любом раскладе, любой судьбе,
Даже самой отвязной и бесшабашной,
Ты спишь,
А Пупа думает о тебе!
Стра-а-шно!
Где-то котлета шкворчит,
Масло кидая за край жаровни.
Пупа думает о тебе!
Помни!

КРАСНОЕ ЯЙЦО

Красный Петух снес красное яйцо.
Катит Красный Петух красное яйцо
К тебе на крыльцо, ко мне на крыльцо —
Говорит: «Пристройте бедную детку,
А я вам за это — конфетку
Или две конфетки».
Съели конфетки на посошок,

Глядь, а на крыльце —
Красненький Петушок —
Птенчик-младенчик скачет.
Глядь — а дом-то уже горит,
И родня твоя и моя плачет.

— Не плачьте,— Красный Петух говорит,—
Берегите от слез лицо!
Я снесу вам
Еще одно
яйцо!

ТЫ НЕ ПОВЕРИШЬ

Ты не поверишь, живем в заМКАДье —
За семью решетками
И семью замками.
Ничего не поделаешь —
Внутри и снаружи чудится вой!
Жизнь делаем своими руками,
А иногда —
Даже и головой.

ВИДИТ БЛОГ

Вот за то, что мы слушаем
Эти лукавые речи,
И за то, что душа
Добровольно ослепла,
Где-то Ложь зажигает
Нейтронные страшные печи.
Видит блог —
Все закончится
Кучкою пепла!

СОВПИС И КЛАССИКИ

Дыркой от бублика, коркой арбуза —
Членским билетом торгуют Союзы.
Чем ни народней новейший Совпис,
Проще добыча верительных виз —
Выучил буквы, и вот уже тоже
Можно быть важным
И в классики вхожим.

ДУРАКИ И ДОРОГИ

Тот, кто не тратит энергию мысли,
Тот и владеет харизмой
сейчас.
Мускусный запах
отсутствия мысли —
Ориентир
оцифрованных
масс.

СИМУЛЯКРЫ

Все шире ложь — 3D-овраг,
Войска компьютерные ботов.
Погубит нас отнюдь не враг,
А симулякры патриотов.

ТЕЛЕФОН

Коробок пластмассовый,
Силиконовая пл*а*та —
Электронная душа моя,
Дракон домашний.
Дрожит и пищит —
Просит есть —
проголодался!

Кушай,
мой маленький!

ЦИФРОВОЙ ПРОЦЕСС

Рухнуло социалистическое,
А потом и социальное —
Homo homini lupus est*.
Цифровое мышление —
Функция дифференциальная:
Кто-то работает,
А кто-то ест.

РЕАЛЬНОСТЬ И НЕРЕАЛЬНОСТЬ

Виртуальная реальность
И реальная виртуальность
Объединились
В виртуальную НЕреальность —
Рай по имени ад:
Пусто.
Холодно.
Голодно.
Ангелы.
Листопад.

ПРО ЛЮБОВЬ

Если вы о любви,
Это посвист вчерашний —
Что такое душа,
Не припомнит никто.
Мир Земли будет мстить вам
И долго, и страшно —
И особенно,
если поймете,
за что.

---

* Homo homini lupus est — человек человеку волк (лат.).

ОБРЕМЕНЕННЫЙ ЖИЗНЬЮ

В песочнице малыш играет,
Радуясь всему.
А по дороге
обремененный жизнью
(ранец за спиной!!!)
Шагает мрачный первоклассник —
на урок.

В АВТОЗАКЕ

Свободой питаются даже собаки.
Собаки не любят ошейник и цепь.
Сегодня свобода сидит в автозаке,
А завтра и душу возьмут
на прицеп.

МОЗГ, ВРОДЕ, ЕСТЬ

Всюду враги! Значит, наши — герои!
Ну, а не наших — мы просто зароем!
Так и живем миллионами лет.
Мозг, вроде есть,
Но его — таки нет!

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Мир не объять
разумной головою —
Кто выжить смог,
ведом душой живою.
Дорога в жизнь трудна
и далека.
Я ощущаю
Двадцать пятым чувством:
Уменье выжить —
древнее искусство.
Уменье жить —
задача пошляка.

ПИГМАЛИОН

Человек с упорством Прометея
Создавал науку и кино —
Он творил!
А вот и Галатея —
Покемон
в зеленом
кимоно!

ГРИБЫ И ПИРОЖКИ

Назвался груздем —
Полезай в кузов.

А если стал пирожком
с начинкой
из телевизора?

ЗАКОНЧИЛСЯ КУПЛЕТ

Все глубже, глубже омуты цинизма.
Ну, вот и все —
закончился куплет!
В моей патриотической отчизне
Нет места жизни.
Жизни тоже нет.

ВМЕСТО ПЕНСИИ

Ордена на складках мантий,
Депутатские оклады,
Голосуйте, сядьте, встаньте —
Тутти фрутти, тутти кванти...*

Вот закон, а также ГОСТ —
Милый дедушка Силантий,
Вам повестка на погост.

ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ

Нам кажется, что каждый
Любил и не однажды.
И так всю жизнь и прожил,
Себя любя и множа.

НОВАЯ ЭПОХА

Дни наступили то ли белые, то ли черные.
Площадь Красная — место лобное.
Кончились люди огнеупорные.
Пряники раздают,
Но они несъедобные.

ЭТО ПО-НАШЕМУ!

Нынче черное мыслится белым —
Всенародна любовь к футболу:
Гол в миллион децибелов!
Гол в миллион имбицилов,
Нищих и голых!

МАХІМА

Если
Работать,
Не ожидая
Наград,
Деньги приедут
сами!

* Тутти фрутти, тутти кванти — все поголовно, и прочее, прочее (лат).

HOMO ERECTUS*

Его осмотрел хирург,
Его опечатал век:
Табличкою — демиург,
Наклейкою — человек,
Буденовкой — комиссар,
Расстрелами — Пролеткульт
В грудине зажег пожар
И в сердце пристроил
пульт!

Он выжил, и вот он здесь —
Эксп*и*риенс** злой игры:
Не дышит, не просит есть,
Но жестом
творит
миры!
Он знает, что значит «Эппл»,
Полоний, уран, иприт.
Дымятся тайга и степь,
И вот уже мир горит!

Его осмотрел хирург,
Его опечалил век.
Он — Сталин. Он — Микки Рурк.
Но вряд ли он —
Человек.

Палач и актер — лишь роль!
От крови и слез промок,
Он помнит на ВХОД пароль,
Но ВЫХОД найти —
не смог!

ПЕРЕВОДЧИК НЕ НУЖЕН

Сонный рассвет
Алым светом завьюжен.
Ранняя пташка
Мелодию вяжет:
— Фить-вить,
Фить-вить-вить...
Смыслы ловить
Легко —
Переводчик не нужен.

---

* Homo erectus — человек прямоходящий.
** Эксп***и***риенс — достижение персонажа компьютерной игры.

ОДАЛИСКА

Луна придвинула лицо опасно близко.
Прилив шипит волной косматой.
По кромке бродит одалиска —
Сбежала пробовать приволье,
Соленый ветер, шум прибоя.

Подарком кажется свобода,
Но у свободы есть
хозяин.

Пожар серебряный Луны...
Блестит цепочка золотая
на запястье,
И слышится
ее кандальный
Звон.

НЕ УДАЛОСЬ

В одном направленье
Планетная крутится ось —
В жизнь вошел чистым,
Солнечным Херувимом,
Но невредимым выйти
Не удалось.

РАБОТА ТАКАЯ
(или Эффективная пропаганда)

Мы живем в королевстве
Докторов и доцентов.
Любим всех —
Воробьишек и поросят.
По договору —
Мы врем сегодня
На сто процентов,
А завтра —
На пятьдесят.

ПИЩЕВАРЕНИЕ
(или Постмодернизм в действии)

Вышли в поля Интернета
Поэты —
Тырить один у другого сонеты.
Первый украл у Шекспира сонет,
Краденый текст обработал сосед,
Третий соседа пустил в обработку,

Следом четвертый решился на «ходку».
Музу хватая за юбку с натугой,
Съели Шекспира,
И съели
Друг друга.

ЧУВСТВА И МЫСЛИ

Любые чувства легко сыграть —
Где угодно: в поэзии или в царстве Т*а*ртар.
Попробуй сыграть мысль (!) —
Для этого надо родиться Эйнштейном
Или Жаном Полем
Сартром.

ВОВНЕ

Что-то я увлеклась,
Что-то слишком ушла в микрокосм.
Надо выйти вовне —
Говорят, где-то там,
На последней глобальной войне
В виртуальном костре ноосферного* века
Догорает последний фантом
Человека.

МОИ РАСКОПКИ

Если внимательно вглубь вглядеться,
Совершить вот такой любопытнейший акт,
Обнаружится
Мое древнее счастливое детство —
Золотой одуванчиковый артефакт.
Ничего от цивилизации и Европы —
В заповедных горах заповедные тропы.
За ними — Вечность, безбрежный мир:
Джомолунгма, Алтай,
Крыша мира —
Памир!

* Ноосфера — глобальный человейник, где человек — придаток глобальной виртуальной системы управления.

Елена Гусева
(г. Рязань)

Елена Николаевна Гусева родилась в г. Касимове Рязанской области в 1976 году. Окончила факультет иностранных языков Рязанского государственного педагогического университета. Довольно долго жила в г. Ухта Республики Коми. В настоящее время живет и работает в Рязани, преподает английский язык студентам медицинского университета. Вошла в шорт-лист всероссийского конкурса «Хрустальный родник»-2018. Есть одна публикация в журнале «Приокские зори».

ЗОЛОТИСТАЯ ПЫЛЬ

Леденящим контральто в предутренний час
Завибрировал сонный холод.
Встрепенулся, унылой подсветкой лучась,
Легендарный старинный город,

Огляделся застенчиво, мол, виноват,
Задремал — пощадите, бонзы!
Удержал скакуна богатырь Коловрат
Исполинской рукой из бронзы.

То ли поезд ночной вдоль железных боков
Неуемную льет тревогу,
То ли древняя боль сквозь границы веков
Пробивает дорогу к Богу...

Растревоженный город подставил лицо
Под секущего ветра клочья
И увидел себя быстроглазым юнцом
На дородной груди Поочья.

Тот юнец не берег ни лихого ума,
Ни отчаянной силы тела
И бесстрашно спустился с крутого холма
Под татарские луки-стрелы.

И твердели запястья, в сраженьях резвясь,
Воронье стерегло кругами.
И ложилась сомнений лукавая вязь
На доверчивый к злу пергамент.

Получил и нанес столько ран поделом
И напрасно — мечом и словом.
И забраться бы вновь на спасительный холм,
Но чудесный подъемник сломан.

И юнец повзрослел: не мое — не болит,
Я не грозный вершитель судеб.
Поступай, светлый князь, как Создатель велит,
А потомки, глядишь, рассудят.

И века потекли, огибая холмы,
Половодьем грозя весенним,
Бормоча монотонные песни-псалмы
О смирении и спасенье,

Родники и протоки с игривой водой
Забивая песком и илом
И в блаженно-юродивой тьме восковой
Поклоняясь пустым могилам.

Обмелела река, измельчали стада
На затинье времен. И город
Испустил неприкаянный вопль, а вода
Загудела, как тяжкий молот.

На рассвете крупинки волнующих снов
Растворились в затоне млечном.
На небесном табло непредвзятых основ —
Как всегда, без минуты вечность.

Леденящее эхо средь голых ветвей
Ослабело тысячекратно,
Неземные покатые плечи церквей
Утонули в штрихах квадратных.

Огляделся старик, передернулся весь.
А смахнуть бы к чертям сермяжным
Нерадивых творений убогую спесь!
Но — лениво, смиренно, страшно.

Не смахнул — укололся о храмовый шпиль.
И поплыл нежно-алым соком
Теплокровный рассвет в золотистую пыль
На старинном валу высоком.

У движенья вперед вкус соленой тоски,
Предвещающий вечный поиск,
И печаль, что вжимает в стальные тиски
Беспокойный, ритмичный поезд.

* * *

В зацикленном видео снова утро:
Весь мир за окном, я и чашка кофе.

Молчит телевизор, источник мутных
Проплаченных фраз от медийных профи.

Кофейный вкус драгоценным осколком
Исчезнет в бездне своих же клонов.
Отсчет начался — гонимая долгом,
Бегу мимо прутьев соседних балконов.

А там, в своем раю нелюдимом —
Мужчина, котик и сигарета.
У котика шерстка пропитана дымом,
Ладонями вылощена и согрета.

Мурлычет пушистый, латает дыры
В хозяйской ауре, словно жалеет.
И трудно не думать, что кот важнее,
Чем весь этот мир за окном квартиры.

ЖИТЬ В РАЗЛОМЕ ВРЕМЕН

Влажный запах домашней пыли.
Полированный слой меблировки.
Мы здесь слишком недавно были.
Мы же все еще здесь — полукровки,

Лихолетья заблудшие души,
Обнуленные полураспадом,
Ясновидящие и кликуши
По обоим краям баррикады.

Наяву строим небокоптильню,
А в бессонницу чувствуем кожей,
Как на кухне урчит холодильник,
Колебанья земные множит.

Где-то там, в инфернальной бездне
Разошлись нерушимые плиты.
Жить в разломе времен интересно,
Упоительно, зло, ядовито.

Путь на дно непригляден, долог,
Путь наверх осенен заботой:
Заполнять Марианский желоб
Повседневной, простой работой.

Всякий раз повисать на нервах,
Если громкий, скрипучий зуммер
Исполнял на мобилах первых
Приснопамятный «Черный бумер».

Разрываться на чет и нечет
Меж седьмым ноября и четвертым.
На экранную злиться нечисть
И самим себе мниться чертом.

И искать, искать философски,
Все и вся подвергать сомненью
И доказывать, что мы вовсе
Не потерянное поколенье.

А потом обрести пороги,
В дом войти без тугой поклажи
И смиренно уйти с дороги,
Когда пыль на ресницы ляжет.

* * *

От точки до точки — двенадцать песен.
Маршрут изучен, автобус тесен.
Сквозь пыльный и влажный оконный холод
Уныл и мрачен старинный город.

А люди, частицы с зарядом «минус»,
Сперва садятся поодиночке,
В руках телефоны — Android, Windows —
Заветный путь к удаленной точке.

И жизнь на бега в колесе похожа:
Извечна глупость и бедность тоже.
Дрейфуешь в потоке — хозяин, раб ли —
Пока коса не заменит грабли.

Авось, хоть куда-нибудь да прорвемся:
Забита встречка, а мы несемся.
В обмен на возможность судить мудрее,
Чем ближе к ночи, тем жизнь быстрее.

И словно в ответ агрессивной ноте
Тряхнет автобус на повороте.
На песне тринадцать на стоп нажми.
Твоя остановка.
Выходи.
Живи.

ИЮНЬСКОЕ ШУТОЧНОЕ

Зной. Июнь. Пол-лета впереди.
Выгорает треугольник на груди.
То по центру, то по краю
Город тени расстилает
И давнишние ожоги бередит.

На ступеньках оживленной мостовой
Разлеглись коты-буддисты вразнобой,
Соблазняют сонным взглядом.
Эх, прилечь бы с ними рядом!
Но боюсь, для тети вызовут конвой.

Олег Пантюхин
(г. Щекино, Тульская область)

* * *

О, как прекрасно осени тепло,
Природы неожиданный подарок.
Октябрьский день палитрой красок ярок.
И на душе от этого светло.

О, как прекрасна осени печаль,
Но все ж она легка и мимолетна.
И дышится так радостно, свободно,
И высока безоблачная даль.

О, как прекрасен осени закат.
И близится ненастное предзимье.
Но с каждым днем все ближе только ты мне.
И все любимее твой нежный взгляд.

Евгений Бессмертных
(г. Бийск)

Родился в 1954 г. в г. Бийске. Стихи стал писать в конце 70-х. Публиковаться начал за пределами родного города с 1986 г. (всесоюзный альманах «Истоки», журналы «Москва», «Академия поэзии», «Алтай», «Барнаул», «Встреча», «Бийский вестник», «Культура Алтайского края», «Огни над Бией» и др.) Одновременно с поэтическим творчеством занялся рок-музыкой. Записал 4 альбома, которые с большим резонансом засвечены на Питерских ФМ-радиостанциях (особая благодарность А. Гуницкому и Б. Гребенщикову). В интернет мои песни попали спонтанно, будучи выложены не мной, часто без ссылок на альбомы. Длительное время вел жизнь странствующего поэта (Москва, С-Петербург, Новосибирск.) Ценю в поэзии разнообразие и искренность. Автор шести поэтических книг. Член Международного Союза Творческих Сил «Озарение»

* * *

Заря вечерняя над Бией
отрадна, как величие души.
Пустырь прибрежный мой союзник,
вселенские открыты шлюзы,
все сущее в согласии благом.
Поэт затюканный, он знает,
за что любви суровый край достоин!
Благая весть? Любви предощущенье?
Чист, погружен и отрешен.
Собачий краткий лай вдали
очарованья не нарушит —
и вновь покой и тишина.
Все дышит вечностью: и лес заречный,
и горы вдалеке (почти фантомы!)
и солнце, окунувшееся в реку,
пред тем, как на покой уйти.

* * *

Светлой памяти Юрия Татаринцева

Немного грустный лягушонок,
Мы все как куклы «Маппет-Шоу»,—
На нас надавишь — мы пожухнем,
Скукожимся — и загрустим.

Жизнь — штука тяжкая, вестимо! —
С усталым видом пилигрима
Ты входишь в залу, где играет
В поэтов дюжина шутов.
«Ах, тонкий мир! Ах, амальгама!..»
Меня тошнит...
Мне больно, мама!
Я сжат, как Кермит,
мне так больно...
О, как страшна судьбы рука!

СТУДЕНТКИ МОЮТ ОКНА В АЛЬМА МАТЕР...

Студентки моют окна в «альма-матер»,
проворные, красивые студентки,
и небо кем-то вымыто уже.
Весна, и Пасха на носу,
все наносное — прочь!
Жизнь в чистом виде:
ни тебе отточий,
ни запятых —
как фраза «мама мыла раму» —
Новалис, Рильке, Данте —
все потом.
...Придурки «готы»,
с их игрушками-гробами!
Приходит в литкружок такая фея,
прелестный персик с пирсингом
ненужным —
и ну вещать про тлен и вечный мрак!
Не я ли декаданса бакалавр,
способный вызвать оторопь у камня?!
...Но вот девчонки моют окна,
и воздух первозданно чист.

ТРИЗНА ПО ШЕВАРНАДЗЕ...

Ты сеял ветры благ...
Но вот поспела тризна —
И лживый лис, актерствуя, «свалил»...
Чтоб в «Джорджии» уже, на жердочке
цинизма
Открыто гимны петь вчерашних темных
сил!
Успев нагадить здесь, во славу чуждой
мощи —
Сиятельный Плохиш, ты Сэму угодил.
Вот, наконец, почил.
Увы, не святы мощи! —
И не начистить фэйс, и словом не
почтить...

Олег Мошников
(г. Петрозаводск, Республика Карелия)

СТУПАЯ НАУГАД

Мошников Олег Эдуардович, родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Работает в одной из пожарных организаций Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

* * *

Белый свет полыхнул на крыльях
Белых птиц! —
Серебром волна —
Клики зыбкие без усилья
Пьет озерная сторона.

Оттого
В чем сумел признаться —
Жил гордыней?
Жалел людей? —
Будет края судьбы держаться
Клик серебряных лебедей.

* * *

Пройдусь знакомыми местами:
Дворами, парками, мостами.
Три перекрестка. Две реки.
На горке — старенькая школа.
Сирень роняет лепестки
На маленький озерный город —
Петрозаводск...
Столичный лоск
Лишен здесь всяческих присутствий:
Ну, разве ж улицей французской
Да заводскою слободой
Пройтись — вдоль зарослей певучих,

Загубин с медленной водой...
Фасады зданий время л*у*щит,
Стареет город — се ля ви...
Тем возмутельней, тем пуще —
Весна, сирени, соловьи!

КУРОЧКА, ПЕТУХ...

*Внучке Илари*и

Дождалось привета
Курочкино лето!
Вдоль проселка — травы,
Наугад — шершавы,
А со слов ребенка:
Шелкова гребенка...

Прозеваешь вряд ли
Лебеду да мятлик.
Потянуть былинку
Крохе — не в новинку,
Показать воочию
Петушка да квочку.

Тычет в бок ребенок:
У меня — цыпленок...

ДВУОЗЕРО

Задержалось — в протоке узенькой —
Небо синею лентой з*а* руку.
Дождь июльский прошелся музыкой,
Собирая из капель радугу.

С тростником сплелась лента-*о*берег,
Правит лодочкой зорька летняя:
Меж двойных озер — с неба н*а* берег —
Льется музыка семицветная.

ВОСПИТАННИК ОРКЕСТРА

Робко ранние пташечки
Взяли ноты зари.
В кительке и фуражечке,
Распугав мартобри,

Паренек лет двенадцати
Поднимает трубу...
И зубами не клацайте,
Не кляните судьбу —

Рота только готовится —
В сновиденье своем —
Просыпаться и строиться
По сигналу «Подъем»,

А мальчишка аукает
Предрассветный оркестр —
Полон певчими звуками
За казармою лес —

Звонко трели сигнальные
Подпевают ему!
Всех поднимут дневальные...
И труба тут к чему?

А трубач не сдается,
И старается медь —
Встретить зябкое солнце
До подъема успеть.

УБОРКА СНЕГА

Сугроб навалив,
Заблажил с недосыпа:
Да, ну ее к черту!
Хошь завтра — расчет!

А ветер опять
Кубатуру рассыпал,
И пух херувимский
Витает, сечет...

На снежных вершинах
Качаются ветры.
Луна — на излете...
На варежках — лед.

Поэт настоящий,
Как физик секретный,
Отбросив лопату,—
К потомкам придет.

ЗАРУБКИ И ЛИНИИ

Моченые грузди поставив под гнет,
До сумерек сели чаевничать с батей,
А тот — исподв*о*ль — свою линию гнет:
«Дровишек, вестимо, на осень не хватит...»

Я тяпаю прямо, а батенька вкось —
По щелке невидимой — ладно и ясно:
Любую еловую чурку подбрось —
Топор сердцевину размажет, как масло!

Назавтра — мозоли горят у меня,
Забыты «тревоги», учения, стрельбы...
На линии рваной судьбы и огня
Подумать о главном, как батя, успеть бы,

Отцовский, простой вспоминая пример:
«Заходишь в светелку, вояка, пригнись-ка...
Вон — твой на дверном косяке ростомер!
А дальше расти невозможно без риска...»

Особых секретов отец не раскрыл.
Ушел... Как уходит вода из колодца.
Но я ту зарубку в дверях не забыл:
Подался — из армии — в часть, к огнеборцам.

Глаза застилала мне слезная муть
От лестничной гари, от печки угарной —
И был мой пожарный единственный путь —
От смерти — по линии жизни рукавной!

. . . . . .

Соленые грузди и хлеба ломоть:
В саду поработать по осени — вкусно! —
С запасом — поленницу дров наколоть...
Но прежде найти свою линию нужно.

ИЗВЕЧНЫЙ СПОР

Сдвинул строчкой глагол неделимый,
Слово к слову пришпилил хитро...
Осень, небо и путь журавлиный —
Все банально, бездарно, старо!

Написалось: вдоль космосоштрассе —
Пролетел над землей утюжок!
Натворил, заблажил, размечтался
И — костюмные брюки прожог...

И когда уже некуда деться —
Запрокинута ввысь голова:
Обрывается — с выстрелом в сердце —
Журавлиная тетива.

* * *

Первоснежные картинки...
По дороге к роднику
Поперечные тропинки
Зачернели на снегу.
Вязнут детские галошки.
Мокнут бурки стариков.
Жмутся робкие сапожки
К борту крепких башмаков.
След попутный, след обратный.
Круг, оставленный ведром.
Жизни промысел понятный,
И божественный притом.

. . . . . .

Тропку торную находим,
И, ступая наугад,
Мы приходим, мы уходим...
Как осенний снегопад.

Александр Дорожинский
(г. Сергиев Посад, Московская область)

Лауреат Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад — 2018»: 3-е место в подноминации «Поэзия. Юмор».

БЫК И ЛЕВ

В кафе каком-то, охмелев,
Сидели двое — Бык и Лев.
Они не виделись давно.
И им почти что все равно —
Что за кафе. А под пивко
Течет беседа так легко.
Проходит час, потом и два.
Вдруг телефон звонит у Льва.
Он в трубку говорит: — Да. Да.
Конечно, милая. Всегда...
Нет, что ты, я чуть-чуть совсем.
Раз надо в семь, то буду в семь.
Цветы, конечно же, купил.
Нет. Нет. Коньяк совсем не пил.
Да. Понял все прекрасно я.
Целую. Нежная моя.
Опешил Бык, услышав Льва:
— Ну что за тон? Что за слова?
Лев, ты случайно не больной?..
Ты говорил сейчас с женой?..
Ты ж царь зверей. Как можешь ты —
«Я буду в семь», «купил цветы»?..
Ответ понятный и простой
Лев дал Быку, сказав: — Постой.
Ты не бычись и не шуми,
А успокойся и пойми —
У каждого жена своя.
Корова, стало быть,— твоя.
А я словами не сорил,
Ведь я же с Львицей говорил!

Марина Крутова
(г. Тверь)

Лауреат Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад — 2018»: 1-е место в подноминации «Поэзия. Свободная тематика»; 2-е место в подноминации «Поэзия. Юмор».

Поэзия. Свободная тематика

ЖЕНСКОЕ РЕМЕСЛО

Снег занавесил простынями сад:
Хэбэшки белоснежные висят,
И в детство тянут и зовут упрямо.
Там — тощая стиральная доска,
На зимней речке два гнилых мостка,
И прорубь, где белье полощет мама...

В воде холодной пальцы, словно лед.
Отпустишь ткань на миг — и унесет,
А мама шутит: «Для русалок платья!»
С ней рядом — таз, белье горой лежит...
Не каждый с ним управится мужик.
Вот только это — «женское» занятье.

Потом в саду, от неба до земли,
Белеют парусами корабли —
Морозом укрощенные скитальцы.
Так было раньше... И почти везде:
Белье купали в ледяной воде,
И мучились всю жизнь от боли в пальцах.

Течением те годы унесло...
Быть женщиной — «простое» ремесло?
Поймет не каждый этот подвиг тяжкий.
...А мама рядом. И ее рука,
Как в детстве, исцеляюще легка...
И я целую красные костяшки.

МОЙ ГОРОД

Тверской весны угрюмый вид
Напомнит старого бродягу:
В грязи, потрепан и небрит,
Окурком старой ТЭЦ дымит,
В кармане сжав Лазури флягу.

На коже — сыпь дорожных ям
И вены вздуты половодьем...
А по нахмуренным бровям
Трамвай ползет ко всем чертям,
И на Советской в ноль уходит...

На Комсомольской каждый год
Нарыв вскрывается подкожный.
И вновь бродяга просто ждет,
Пока беда «сама пройдет»,
Прижав асфальта подорожник...

Оставив почести другим
И старых крыш понурив плечи,
Мой город слишком человечен...
И от того до слез любим.

АНТОНОВКА

Антоновку с ветвей снимал сосед,
Стремянкой небо подперев умело.
И осень на его ладонях зрела,
И он был этой зрелостью согрет.

И становился будто бы здоров,
Вдыхая запах кислый и бодрящий.
И тяжесть яблок наполняла ящик,
И душу наполняла до краев.

Но жизнь сама снимает урожай,
Срывая с веток души, будто ношу...
И дом был снегом густо запорошен,
И было деда по-соседски жаль.

А прелый запах яблоневых строк,
Лежащих без движенья на соломе,
Напоминал, что был хозяин в доме,
Но пережить антоновку не смог.

* * *

Я расскажу тебе, подруга,
О том, что мне давно известно:
Чтоб очаровывать супруга,
Не нужно быть сухой и пресной!
Встречай его с улыбкой яркой,
В чулках на тоненьких подтяжках.
О трудностях своих не каркай —
Ему и на работе тяжко.
Пока он кушает спагетти,
Молчи, как будто ты немая.
Он на молчание ответит
Тебя с восторгом обнимая!
Устрой ему сеанс массажа,
Достань бутылочку муската...
И у-лы-бай-ся, если даже
Он позабыл, какая дата.
Играй, как будто ты на сцене,
Как будто он всего дороже...
Поверь, твой муж такое ценит —
Я все проверила. На нем же.

ЗЕЛЬЕ

В моем роду бывали ведьмы,
И мне достался этот дар,
Да жаль, в житейской круговерти
Забылся колдовской отвар...
Но чтобы муж любил сильнее,
Рецепт возьму из головы:
Немного листьев сельдерея,
Большой пучок дурман-травы,
Женьшеня корень для веселья,
Анис, морковку, любисток...
Уже почти готово зелье!
Добавить свеклу и чеснок,
Капусту, листик девясила,
Картофель, лук, багульник, хвощ...
Готов отвар волшебной силы —
Любимый обожает борщ!

* * *

Дома пыль и белье не глажено,
Суп не сварен, не кормлен кот...
Я с утра заглянула в «скважину»,
Чтоб узнать, как там жизнь идет.
Все мои бытовые сложности

Отстранились на дальний план.
Но какие теперь возможности
Мне показывает экран!
Я листаю и тычу пальчиком
На странички друзей и тех,
Кто запостил в своем журнальчике
Горе, радость, тоску, успех...
Одуванчики на обочине,
Кошку, брошку, тюрьму, суму...
Это все интересно очень мне.
Разобраться бы, почему?..
В мире блогеров, звезд и ЗОЖ-ников,
В мире платьев, еды, ногтей —
Помогите мне! Я в заложниках!
Я — заложница соцсетей!

Саша Морозов
(г. Смолевичи, Белоруссия)

ГОРОД N

Лауреат Открытого конкурса авторской песни, поэзии и исполнительского мастерства «Витебский листопад — 2018»: 3-е место в подноминации «Поэзия. Свободная тематика».

Этот город давно притворяется добрым и милым,
заливая в подвалы зрачков веселящий неон.
В телефонном талмуде не осталось знакомых фамилий,
значит, можно без лишних гудков отключить телефон.
Здесь господствует норд, беспросветные МРЭКи и мраки,
вот и думай, срываясь с насиженных пирсов и гнезд, —
то ли щепкой прибьет к берегам постаревшей Итаки,
то ли глупой пушинкой застрянешь в ажурности звезд.

Этот город устал от заезжих театров и мэров.
Здесь свои не в чести. Здесь своих не осталось совсем:
кто-то вышел в окно, остальные в кирпичных вольерах
у гламурных кормушек безоблачно ждут перемен.
Здесь и цепи молчат, не считая бродячей собаки,
прибежавшей на праздничный запах вчерашних пиров.
Из подсказок Судьбы — за окном лишь дорожные знаки
с указанием всех проходных (и не очень) дворов.

Этот город привык к веренице дырявых карманов,
подбирая с асфальтовой паперти мелкую жизнь.
Снег ложится на ржавые ребра безбашенных кранов,
не успевших при жизни увидеть свои этажи.
Забредут ли сюда на постой перелетные птицы,
осенят ли их дробью слепые охотники влет —
я не знаю кому, но я знаю, что буду молиться
за себя и за птиц, и за тех, кто сюда не придет.

Виктор Мостовой
(г. Стаханов, Луганская Народная Республика)

Родился 10.03.1952 г. в г. Стаханове Луганской области. 17 лет отдал шахтерскому труду, совмещая работу с творчеством. В 1993 году был принят в Союз писателей СССР, который был позже реорганизован в Международное Сообщество писательских союзов. В. Мостовой — один из основателей Межрегионального Союза писателей Украины, член Конгресса литераторов Украины, член Интернационального Союза писателей. Более 40 лет руководил городским литературным объединением «Стахановец». Выпустил 14 поэтических сборников; награжден литературными премиями им. О. Бишарева, Б. Горбатова, М. Матусовского, Ю. Каплана, Б. Гринченко; был лауреатом многих международных поэтических конкурсов и фестивалей. Печатался в антологиях, альманахах, коллективных сборниках, газетах и журналах в Москве, Петербурге, Киеве, Луганске, Донецке, Мельбурне, Канаде, США.

* * *

Что меня ждет — я не ведаю —
Там, за небесной чертой,
Дух ощущаю святой
И по ночам с ним беседую.

Грешною тенью бреду
И спотыкаюсь я сослепу.
Внес ли я в мир доброту,
Сердца кристальные россыпи?

* * *

В шахтерском нашем скверике,
Где листья опадали,
На трехколесном велике
Давил я на педали.

Круги кружили голову,
Фонтан прохладой веял,
И врассыпную голуби,
И дальше несся велик.

Я все звонком позванивал,
А мама вслед тревожно:
«Сынок,— вот наказание —
Катайся осторожно»!

ДОНБАССУ

1

Солнце, в речке дробясь,
Серебром растекалось,
И смывал в ней усталость
Терриконный Донбасс.

Много силушки в нем,
В нашем батьке родимом —
Не развеялась дымом
Память славных времен!

Его поступь крепка,
В седине он ковыльной,
Своей мощью глубинной
Еще даст уголька!

2

Извела боль тупая —
Хоть ложись — помирай:
Бандюки-раздолбаи
Разорили мой край.

Защитить не смогли мы
Свой Донбасс и свой кров.
Давит камень могильный
На судьбу горняков.

Боже, крест твой целую,
В думах ночи и дни —
Жизнь и славу былую
Ты Донбассу верни!

3

Край шахтерский в кровавых зарубках,
И от взрывов трещат перепонки.
Люди брошены в мясорубку,
Смерть заглядывает в воронки.

И осколками тополь посечен.
Не стихают обстрелы в Донбассе.
Но зажглись на каштанах свечи —
Их взрывная волна не погасит.

* * *

Живу, как под наркозом.
Бунтует кровь в висках.
А рядом абрикосы
В игривых лепестках.

И зеленью каштанов
Пронизан белый свет,
И никаких майданов,
И революций нет.

И шмель жужжит, снижаясь,
Купается в тепле.
Лишь мучит боль и жалость
К живущим на земле.

* * *

Эх, мне б от тоски гнетущей
Избавиться поскорей
И к ветке вишневой цветущей
Прижаться щекой своей,

Идти под луной волшебной,
Струящей магический свет,
Не чувствуя совершенно
Своих накопившихся лет.

* * *

Я в лес, как в музыку, входил,
Бродил по тропам, как по нотам.
И лес один, и я один —
Мы песенным полны полетом.

Той песни солнечный мотив
Переливался в хвойных лапах.
Я в лес, как в музыку, входил,
Мелодии вдыхая запах.

* * *

С каждым часом тяжелеет лес —
Снегопад на лапы елей давит,
Занесет и заметелит весь —
Ни одной тропинки не оставит.

Звезд морозных пригоршню возьму.
Жаль, они в ладонях тают быстро.
Как же дорог сердцу моему
Этот лес застывший, серебристый!

* * *

Метель девятым валом бушевала
И снежным вихрем скручивала лес,
Обрушивалась бешеным обвалом
На сосны, на людей, на город весь.

И ветры в трубы вьюжные трубили,
И хлопьями вращался снежный гул,
И рвались сквозь метель автомобили,
И люди пробивались сквозь пургу.

* * *

Как тихо в саду оголенном!
Распахнуты ветки, как шторки,
И грустью сквозит затаенной,
И света разбросаны дольки.

И блеск растекается тусклый
По листьям опавшим, по лужам,
И тени ползут по-пластунски,
И кашляет ветер простуженно.

Юрий Мартишин
(г. Электросталь, Московская область)

Наш постоянный автор.

ПОСМЕРТНЫЙ МОНОЛОГ ДУШИ

Тикают часы
Тихо и тоскливо.
Нервы, словно псы,
Душу рвут игриво.

Ты лежишь бледна
В неподвижной коме.
Жизнь дошла до дна,
Растворяясь в дреме.

Шепчет кислород.
Старая палата.
У кровати ждет
Врач с лицом солдата.

Стоя у окна,
Смерть глядит устало.
Ночь прошла без сна.
Ждать осталось мало.

Безнадежный вид.
Остановка сердца.
Доктор не спешит.
Заскрипела дверца.

Распахнулась в миг
Вечность у порога.
Коридор, старик...
Души ищут Бога.

Как парить легко!
Сердце отболело.

Мысли высоко.
Тело опустело.

Дух, летя на свет,
Сделал остановку.
Тебя больше нет.
Не поймет уловку.

Он же видит мир:
Ходят люди в белом.
Вон на блюдце сыр.
Женщина над телом.

Муж пришел в обед.
Развелись недавно.
«Двадцать с лишним лет
Жили вместе славно.

Убежал, подлец,
Не нужна больная.
Вот и мой конец.
Здесь печаль иная.

Будет Божий суд.
Рай и муки ада
За аборт, за блуд.
Кара — не награда.

Все решать Творцу.
Я уже не в силе.
Доживать отцу.
Мать детей в могиле.

Дочке бы помог,
Поддержал бы сына.
Важен диалог.
Он отец-мужчина»,—

Рассуждало так
Божие созданье.
В теле — мертвый мрак,
А в душе — терзанье.

Вдруг из света мост,
Как река металла,
Как кометы хвост.
И души не стало.

Пройден длинный путь
Тяжело, не гладко.

Надо помянуть.
Ей пришлось не сладко.

ПО ГРАНИТНОЙ ПЛИТЕ

Ты ушла в вечный мир от усталости,
Боль ломая душой много лет.
Не дождавшись обещанной старости,
Привалила землей белый свет.

По гранитной плите блики осени
Режут бледно-печальный портрет.
На нем волос твой черный, без проседи,
Но от этого радости нет.

Ветер памятник трогает листьями,
Тихо плача озябшим дождем.
Разум в коме валяется с мыслями:
Для чего в этом мире живем?

Галина Зеленкина
(г. Кодинск, Красноярский край)

Зеленкина Галина Николаевна, писательница и поэт, член Союза писателей России (МГО), академик и профессор МО ПАНИ (отделение «Литература»), член жюри Международного поэтического конкурса ПАНИ «Россия, перед именем твоим...» (2015—2017), родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте (Беларусь), в семье военного, участника Великой Отечественной войны. Окончила Иркутский политехнический институт (1971). С 1997 года занимается писательским трудом. Проживает в городе Кодинске Красноярского края.

Я ШЛА

Я шла с душою нараспашку
по улице давно чужой
и вспоминала друга Сашку,
что от рождения немой.

Я также вспоминала Димку,
что Сашку часто обижал,
потом мирился и в обнимку
с ним на футбольный матч бежал.

И вдруг подумалось некстати:
а вспомнят ли они меня,
гуляющей в зеленом платье
по склону завтрашнего дня?

ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька моя — одна улица,
вдоль нее два десятка дворов.
За околицей клены сутулятся
от объятий залетных ветров.

На полянке лесной многоцветие
и духмяной травы аромат,
и речушка бежит сквозь столетия,
мимо леса бежит на закат.

Посижу во дворе дома каждого,
что стоит у меня на пути,
словно нет ничего в мире важного,
чем по памяти детства пройти.

ТЕ НЕСКОЛЬКО МИНУТ

Плесните мне любви
на донышко бокала
и шелком нежных слов
укройте жизнь от смут,
и проводите в путь
с приморского вокзала,
мой поезд опоздал
на несколько минут.

Те несколько минут
я навсегда запомню,
как по перрону шла
с подругою не той
и думала, что мир
собою я заполню,
а это мир меня
заполнил добротой.

МНЕ ДО ТЕБЯ

Мне до тебя один лишь шаг
из суеты сует до истин,
но не могу шагнуть никак,
мне на него не хватит жизни.

Мне до тебя один лишь миг
от расставания до встречи,
но все часы стоят, и крик
надежд последних гасит свечи.

Мне до тебя один лишь вдох
в бесперебойности дыханья,
но в горле ком и, как итог,
непредсказуемость желанья.

Мне до тебя одна лишь грань,
что меж реальностью и сказкой.
Ты только душу не порань
сердец невидимою связкой.

Мне до тебя, как до звезды,
что дарит свет любви Вселенной,
но счастлив я, что там есть Ты
и правишь миром, где я пленный.

Мне до тебя один лишь шаг
из суеты сует до истин,
но не могу шагнуть никак,
мне на него не хватит жизни.

ОТЗВЕНЕЛО ЛЕТО КОМАРАМИ

Отзвенело лето комарами.
Журавлями откурлычет осень,
и укроет спящий лес коврами
из листвы берез и хвои сосен.

Оголятся тонкие березы,
задрожат стыдливые осины
и польются ледяные слезы
из кудрявых туч, что возят зимы.

Но пока на сердце бабье лето,
я молюсь невидимому магу.
И слова из солнечного света
так легко ложатся на бумагу

ВСЕ ПРЕКРАСНО В МИРЕ

Ах, какие в небе звезды и луна!
По реке гуляют ветер и волна,
в изумрудах ели, в радугах цветы,
все прекрасно в мире, если есть в нем Ты.

Забинтую душу нежностью, и пусть
в гости к ней не ходят ни тоска, ни грусть.
Солнечная радость и веселый смех
пусть заходят в дом мой, что открыт для всех.

Доброта и счастье льются в нем рекой,
тот, кто пить захочет, зачерпнет рукой
и умоет душу, и попьет добра.
Слов душевных горсти вместо серебра

подарю я гостю, провожая в путь,
может быть, и вспомнит обо мне чуть-чуть.
Мир от зла спасает наша доброта,
без нее планета стала бы не та.

Ах, какие в небе звезды и луна!
Луг, тайгу и горы вижу из окна,
в изумрудах ели, в радугах цветы,
все прекрасно в мире, если есть в нем Ты.

ЖАЖДА ЛЮБВИ

В разомкнутом пространстве бытия
искали счастье на исходе века
два странника по жизни — Ты и Я,
два, в общем-то, хороших человека.

Какой же получили мы итог,
от наших душ и тел прикосновенья?
А вот какой — Ты выпил чувств исток,
а Я — любви счастливые мгновенья.

КАК?

Как запретить, не запрещая,
как разлюбить, не разлюбив,
и обещать, не обещая,
и отмолить, не отмолив?

Кто скажет как? Я жду ответа...
Границы времени поправ,
идут слова во тьму из света...
Кто не виновен, тот и прав...

ПЕРЕКУР

Засветился в избе огонек,
загремела жена сковородкой.
У ворот пес бродячий прилег
в ожидании миски с похлебкой.

Дед лошадку повел в поводу
на луга заливные кормиться.
Бабка гонит гусыню к пруду,
а за нею гусят вереница.

Свежескошенной пахнет травой
за забором родимого дома.
Непрочитанной манит главой
повесть жизни, что мне незнакома.

Прочитал бы, да множество дел
не дают примириться с собою.
Отдохнуть на крыльцо я присел
покурить «трубку мира» с судьбою.

ЧУЖОЙ ДОМ

Я зашла в дом чужой, а в нем пусто.
Только верится в это с трудом.
Управлять чувством — тоже искусство,
жаль, что проку так мало есть в том.

По углам паутина разлуки,
и соседствует с плесенью пыль.
Одиночество взяв на поруки,
дом дряхлеет, как лживая быль.

Я гляжу на картину без света,
в полумраке не так страшен вид.
Тишина не дает мне ответа
на вопрос: кем же дом был убит?

Ахмет Ваулин
(г. Прокопьевск, Кемеровская область)

Родился в 1992 году в Кемеровской области. Публиковался в журналах: «Союз писателей» (Новокузнецк), «Современная литература России», «Российская литература», в приложении к журналу «Огни над Бией», в литературных альманахах «Спутник», «Форма слова», «Новый Енисейский литератор», «Сияние лиры», «Российский колокол», в конкурсных сборниках «На Енисейской волне — 2016», «Восторг души — 2017» .

ОЗЕРНЫМ БЕРЕГОМ ЛЕСА...

Озерным берегом леса
Раскинулись, стройны, высоки,
И день встречает вновь роса
И крик олений одинокий.
Сын финна жилистой рукой
Ячмень рассеивал на поле
Среди тайги дремучей той,
Которое ютилось, вскоре
Услышал птахи он привет —
Промчалась в воздухе синица
И, прорезая солнца свет,
На дубе села, чаровница.
Хоть дуб был стар, но словно юн,
Разнес листвою ветра вести,
И над деревнею, ворчун,
Стоит хозяином поместья.
Поодаль рыбаки брели,
Вооружась багром, сетями.
Их разговоры пусть вдали —
Давно известны между нами.

МЫШОНОК И ОРЕЛ

Вот в синеве легко парит
Орел могучий, белокрылый,
И солнце яркое горит
И зимний дарит лучик стылый.

Кого, царь гор, ты отыскать
Задумал в поле днем морозным?
Искристая белеет гладь,
Вся пред орлом открыта грозным.

Вот волчий след уходит в лес,
Тропинки заячьи петляют,
А в синей вышине небес
Ветра суровые витают.

Не разыскал себе орел
Желанной уж давно добычи,
Нежданно дух зимы пришел
Свирепый, что летает нынче.

Вот сел царь горный на скалу,
На долгий голод обреченный,
Мышонок спрятался в нору,
Снегами хладными спасенный.

ПРОСНИСЬ, ПИИТ РУСИ МОГУЧЕЙ...

Проснись пиит Руси могучей,
Представь все краски мира нам.
Хоть над тобой сгустились тучи —
Наперекор иди громам.
Сквозь гул толпы, непониманье
Пробейся, бурей пронесись.
И отвергают пусть старанье,
В безликий хор ты не просись.
В тот омут, где невежду хвалят,
Где можно лишь фальшиво петь,
И прозорливый ум лишь травят,
И маску творчества надеть.
Тщеславной мыслью одержимый
Стремится горе-рифмоплет.
Пусть ход пера легко движимый
Тебя над землями несет,
И ветер свежий вдохновенья
Зашепчет, рифму не тая.
Воздушного стихов рожденья
Пусть расцветает вновь заря.

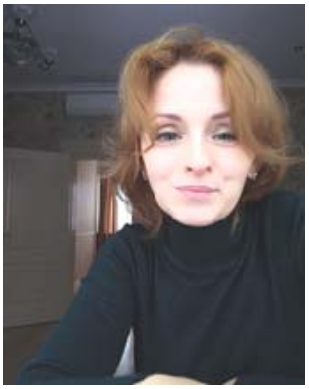
ВЕЛИК И ГОРД ТУМАННЫЙ ГРАД...

Велик и горд туманный град,
Морским ты ветром обдуваем,
Наряжен словно на парад,
А мы плащи уж надеваем,
Холодной осени сыны,

Твои стареющие дети.
Так пусть пригрезятся нам сны
О белоночном кратком лете.
Вдыхая свежесть тех аллей,
Что вновь осыпаны дождями,
Внимаем шуму тополей,
Гуляя пасмурными днями.
И шепчет пусть средь мхов река,
Бежит, темнея, вся в печали,
И мчатся в дали облака,
Что грозы долго предвещали,
Мосты твои вновь развели,
Блистаешь Севера красою,
Гудят протяжно корабли,
Лелеют песнею простою.

В РОГАТЫХ ШЛЕМАХ КАПИТАНЫ...

В рогатых шлемах капитаны
Корсаров северных морей,
Вы на ладьях ходили в страны
Ночной зимы, полярных дней.
С рассветом часто покидали
Отчизну хмурую свою,
Темнела что в туманной дали,
Встречая тучами зарю.
Страницы ветхие сказаний
О вас вещают нам теперь.
Богатства жаждали иль знаний
Открыв таинственную дверь
В пространства, что морями скрыты,
Где льда и пламени страна.
Походы ваши не забыты
В те земли, пусть шумит волна
И пенится, о берег бьется
Под небом хладным цвета льда,
Язык старинный раздается
Проходит эхом сквозь года.



Кристина Крюкова
(г. Москва)

ПОСМОТРИ НАД СОБОЙ

Родилась в 1977 году в подмосковном городе Истра. Окончила Московский государственный университет культуры по специальности «Режиссура». Первые стихотворения были опубликованы в районной газете «Ленинский путь». В 2013 году Кристина Крюкова стала победителем конкурса «Современная поэзия», в 2016 — финалистом IV Международного поэтического конкурса «45-й калибр». Ее произведения публиковались в конкурсных альманахах национальной литературной премии «Поэт года» и литературной премии «Наследие». В ближайших планах автора - издание своего первого сборника стихов. Живет в Москве и в Чеховском районе Подмосковья.

ПОСМОТРИ НАД СОБОЙ

Посмотри над собой,
Ты увидишь бездонное, вечное нечто,
С вереницами меди из ярких и тусклых огней,
Где медведи веками пасутся беспечно,
А у млечной реки полубоги купают крылатых коней.
Абсолют и химера
Сакрально сплелись в том мистическом крае,
И божественной мерой отмечено все:
от начала времен до конца.
Мне не страшно исчезнуть,
Я тихо, безмолвно сгораю,
Как сгорает печальный Поллукс в голове Близнеца.
Вот уж полночь, конец сентября. Урожаем
Собираю я звездный, холодный, туманный эфир.
И шепчу лишь одно:
— О, Создатель, ты неподражаем!!!
Как постичь твой великий, таинственный, сказочный мир!?

РОССИЯ

О, Россия моя некошеная,
Непрочитанная глава!
Отчего у тебя, взъерошенная,
Непричесана голова?

Отчего по твоим дорогам
Неустанно кочует грусть?
Отпусти ты ее себе с Богом,
И она отдыхает пусть.
Выжат воздух лесной и влажный,
Пролит лужею под сапог.
Мой походный блокнот бумажный
Весь уже отсырел, промок.
Погоди ты звонить молитвенно
И низины водой не пруди.
Вся прекрасна ты, даже рытвина —
Украшенье твоей груди!

НОЧЬ

Разливает чернила ночь,
Рассыпает звездную медь.
Я качаю малютку-дочь
Белых башен и гула средь.
Не познал этот город сна,
От того, что все слишком в нем!
А теперь еще и весна:
Запах почек и чернозем!
Все зовет окунуться в тушь —
Оборотную часть дня.
Зеркала бесформенных луж
Только звезд и влюбленных для.

ГОЛОС

В низовьях вен блуждает стук
Крови мятежной.
Пульсирует в запястьях рук
Мой голос нежный.
Он не творенье моих губ,
Он весь под кожей,
А звук, рожденный мною, груб
И односложен.
Все, что живет-кипит во мне,
Стекает лавой
Сквозь пальцы на моей руке,
Усталой, правой.
Моя душа теперь чиста
И неприкрыта.
А в сердце белого листа —
Клинок графита.

МАЙ

Нынче солнце сквозь легкую дымку
Нагоняет тепличный мор...

Повяжу я себе косынку,
Треугольный простой убор.
В сарафанчик из легкого ситца
Обернусь, как в листву сирень,
Я — охотник на души и лица,
Если только не мучит мигрень.
Босиком по московским бульварам
Пробегусь, как цветущий май,
Собирая улыбки даром
И дворняжек потешный лай...

ВОДОВОРОТ

Лилась вода меж островков несъеденных,
По переулкам, с кровель гибких,
Из парка рвался в час обеденный
С кислинкой запах почек липких.
Свистели птахи под окном печальные,
Рождая дружный детский хор,
От грома дребезжали ложки чайные
И чуть поскрипывал забор.
Клубился пар, и в воздухе взъерошенном,
Достигнувши второго состоянья,
Вновь собиралися горошины
Воды, как слезы покаянья.

ОРИОН

Октябрь, первый снег, и я стою одна
Под властным покровительством Титана.
И с удивленьем смотрит глубина
На Бетельгейзе — око великана!
Мистический, парящий Орион
Пришел ты, как всегда, к своей невесте.
Таков у нас незыблемый закон,
Что зимы мы с тобой проводим вместе.
Я с детства полюбила твой размах!
Среди героев ты был лучший воин!
Как буквоед, в астрономических томах
Читала мифы о тебе, но будь спокоен:
— Ты всех живых реальнее, я знаю:
Вот в прошлый год, когда наш клен опал,
Да и годами раньше, вспоминаю:
Ты на свиданье никогда не опоздал.
И всякий раз, куда б я не спешила,
Ты поднимал меня тихонько в небеса.
С тех пор я знаю Альфу и Ахилла
И тайны всех миров и чудеса!
Он приходил и к вам, должно быть, сотни раз.
И вы смотрели на него завороженно,

Не отводя от неба жадных глаз,
Когда в тоске дрожало тело напряженно.
Я верю, каждый задавал себе вопрос:
— Кто поместил на бархате Вселенной
Всю эту кладовую вечных звезд?
А наша жизнь им кажется мгновенной.

ИМЯ НОЧИ

Вырывается Ночь из объятий хмельного угара,
Круторогим серпом извлекая Селену из недр,
Бледный лик осветил пепелище дневного пожара,
Там, где прадед, ликуя, промчался безжалостно щедр.
Заливается небо прохладной, густой акварелью.
Вспыхнул первым воинственный Марс над повисшей рекой,
Но его убаюкать своей незатейливой трелью
Камышовка взялась, возвращая вечерний покой.
Упивается небо Гемеры чарующим шлейфом,
Облака розовеют и падают в зеркало сна.
Льется тьма, как вино, пробуждаются старые эльфы,
И планета Вода нам становится слишком тесна.
Обнажается Ночь бесконечностью тьмы и мерцания
Звезд далеких, давно в своих гнездах погасших уже,
И тревожит сердца неразрывность оков мироздания,
Гимн свободе рождая в одной бесконечной душе.

ГОРЕТЬ

Священный стерх срывается с гнезда,
Влечет меня в заоблачные дали.
Скажите, вы когда-нибудь видали,
Как гибнет одинокая звезда?
Саму себя, нисколько не жалея,
Вселенной расплескала словно в дар.
И миллионы лет потом над нею
Пылает возрождения пожар!
И ты подобен будь светилам жарким,
Не предавай Божественной души!
Гори огнем живительным и ярким!
Дари себя, люби, твори, дыши!

МАЯК

Когда настало Завета время,
Препятствий мнимых исчез оброк,
И груз ошибок — уже не бремя,
А точно выученный урок,
Тогда ты, к цели ступая твердо,
Идешь, как воин, в доспехах лет
И верность слову проносишь гордо

Сквозь блеск и пену чужих побед.
Тогда ты только с собою в мире,
Когда не ждешь, что тебя поймут:
Не растворяя себя в эфире
Чьих-то сеансов, часов, минут.
Когда для тебя абсолют — свобода,
Она набатом в висках звенит,
А переменчивая погода
Кует из плоти твоей гранит:
Тогда, меж небом и ржавой пашней,
Столпом горящим тебе стоять,
И свет твоей одинокой башни
Сквозь время будет другим сиять.

ДЕКАБРЬСКИЙ ДОЖДЬ

Накуролесил дождь в ночной Москве,
Декабрь бородатый растревожен,
Ступает по разбуженной траве —
И ни снежинки на сапожной коже.
Грохочет в жестяной отлив горох,
Нахохлились синицы и сороки,
А вместо птичьих игрищ, суматох —
Вода, журча, несет свои потоки.
Зачем гремит она под Новый год?
Где все молчало, словно в царстве сонном.
И тяжко охнув, фонари вот-вот
Исчезнут в этом омуте бездонном.
Вертится шар волчком вокруг светила,
Свой срок прожив, под снегом спит листва,
А мы все ждем, чтоб вечно так и было,
Но у природы есть свои права:
Печаль к лицу ей, радость юных лет,
И соблазнительна любая шалость.
Простим ей этот милый, детский бред,
Что для веков, мой друг, такая малость...

Ольга Гайдабрус
(г. Узловая Тульской области)

Родилась 6 мая 1984 года в Тульской области, в поселке 5-ая Пятилетка в семье железнодорожников. В 2001 году окончила узловскую Гимназию с серебряной медалью, в 2005 — Современную Гуманитарную Академию (по специальности «юриспруденция»), в 2010 — Российскую Открытую Академию Транспорта МИИТ (факультет управления железнодорожными перевозками). В настоящее время — дежурный по железнодорожной станции Узловая-1.

Стихи начала писать с 10 лет. С 2007 г. публикуется на литературном портале Стихи.ру. http://www.stihi.ru/avtor/5mvd5. С 2013-го г. существует и собственная литературная страничка на социальном ресурсе «В контакте» (https://vk.com/club52243340), 2015-го года и на сайте «Одноклассники» https://ok.ru/group/52740727111851). Занимается в литобъединениях Узловой и Новомосковск. Лауреат I степени 5 областного слета молодых литераторов (г. Тула, 2017 г.), номинант национальной литературной премии «Поэт года» (2017 г). Финалист литературной премии «Русь Моя» имени Сергея Есенина (2018 г). Лауреат 3-й степени международного интернет-конкурса «Бегущая Строфа» в номинации «любовная лирика» (2018 г). Имеются публикации в альманахах и газетах.

ОСЕНЬ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ

Город застрял в этой осени —
Намертво вмерз в мостовые.
Стрелки часов хочется
Сдвинуть на выходные,

Чтобы залезть с головою
В теплое одеяло...
В городе пахнет листвою,
Терпким вином и кальяном.

Я заблудилась во времени,
В этой осенней слякоти.
Город стоит потерянный
На перекрестке памяти.

Как ни броди по улицам,
В них не отыщешь прошлого.

Жмутся дома, сутулятся...
Дни, как дождей горошины —

Падают, падают, падают...
И утекают лицами...
Город гремит трамваями.
Хочется остановиться!

Только маршрут закольцованный —
Город, осколки осени —
Медленный круг заколдованный...
Первый снежок под колесами.

Только в зиме не спрятаться —
Татуировкой под кожей —
Осень на кончиках пальцев...
Так на меня похоже...

ЗАСЕНТЯБРИЛО ДОЖДЯМИ

Засентябрило дождями —
Время всплакнуть о лете...
Мокрыми тополями
Город укрыл дворы.
Ниточки паутины
Светятся на рассвете...
Я принимаю правила
Этой червонной игры.

Осень сдает неспешно
Ветром кропленую карту —
Знает, что буду снова
В полночь писать в тетрадь...

Эта игра продлится
Долго — до снегопада...
Дай мне, подруга-осень,
Желтые крылья — летать!

И В ЭТОМ СЕНТЯБРЕ

Добавь мне в чашку с чаем сладких ягод —
Сентябрь так особенно горчит,
И шелест желтых листьев под ногами
Мелодией простуженной звучит.

Добавь мне в чашку с чаем сладких ягод...
Горят кострища яркие рябин...
Сентябрь на дожди особо падок —
Вымарывает небо до седин.

И в этом сентябре особо остро —
Прохладный воздух давит на виски.
Добавь мне в чай немного пудры звездной
И летние ромашек лепестки.

И в этом сентябре уйдут тревоги,
И растворится в чашке с чаем грусть...
Блеснет осколок лета на пороге...
Я принимаю все... Я остаюсь.

ХОЛОДНАЯ НОЧЬ ОКТЯБРЯ

Пустые бойницы *о*кон...
Холодная ночь октября...
Ты прячешься в шаль, словно в кокон,—
Тебе не хватает огня.
Его нет в чернеющих листьях,
И в мутных озерах зеркал
Глаза, так похожи на лисьи,
Пусты... Словно кто-то украл

Ту искорку, капельку света...
А шаль, как защитный тотем...
В тебе где-то спряталось лето,
Да только делить его с кем?

ВЫЙТИ ИЗ ДОМА

Выйти из дома — распахнутым, налегке.
И не тащить за собою ненужный хлам.
Ветер гуляет в стареньком рюкзаке,
Ветер скользит, волнующе, по губам.

Выйти из дома, сквозь переулки шагать...
Где-то ночами синоптики жгут костры —
С бубнами пляшут, пытаясь предугадать —
Что же нам ждать от пьянящей шальной весны?

Выйти из дома и сесть в последний трамвай...
Ветер попутчиком мчится по проводам.
Эту весну рассветами прожигай!
Эту весну раздаривай городам!

Выйти из дома — в полночи утонуть.
Где-то синоптики греются у костра
И обещают завтра теплей чуть-чуть...
Ветер уснул на крыше... Идет весна.

АКВАРЕЛЬ...

В небе синяя акварель...
Я опять попрошу у Бога
Целовать меня на пороге
Если я ухожу в апрель.

Бог ворчит, Он опять устал
От извечных моих скитаний,
От несдержанных обещаний
Позабыть пути на вокзал...
Вновь срываюсь к открытой двер*и*!
Бог целует мои запястья...
И меня обнимает счастье,
Прижимает к своей груди.

Я глазами ловлю акварель
Бесконечного синего неба.
Улыбаюсь: «Спасибо Тебе,
Кем бы Ты, наверху, там, ни был».

Бог смеется в седые усы —
«Отправляйся... зовут вокзалы!
Ты всегда города меняла,
Не оглядываясь на часы...

Только помни, тебе теперь
Есть куда и зачем возвращаться...»
Значит больше не будем прощаться.
В небе кто-то разлил акварель...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Черной кошкою крадутся сны.
Заблудилась в облаках луна.
Пусть сбываются твои мечты,
Иссушая всю печаль до дна.

Звезды тоже будут ночью спать,
Им светить сегодня как-то лень...
Все тревоги и печали прячь —
Завтра будет новый светлый день.

Завтра будет и падение, и взлет,
Завтра можно побороть страх.
А сегодня, может, кто придет
Заблудиться в твоих светлых снах...

На твою подушку ляжет ночь,
Этой осенью она темней...
Человеку все дано превозмочь!
Если завтра будет новый день.

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

Мне кажется, что я еще нужна...
Нужна тебе... чтоб в полный рост подняться,
Чтоб выстоять у приграничья Зла
И чтобы не споткнуться, не сломаться.

Мне кажется, что легче, если я
Еще немного дольше буду рядом...
И если поддержать смогу тебя
Улыбкой, добрым словом, нежным взглядом.

А может быть не я тебе, а ты
Необходим мне, как глоток свободы?
Как Питеру нужны его мосты,
Как морю — соль, как тропы — пешеходу...

Как сумасшедшему его мечты,
Как осени дожди, как солнце веснам.
Мне очень важен, очень нужен Ты...
И я тебе нужна... Все очень просто.

КОГДА ОСЕНЬЮ ЛИСТОПАДЫ...

Когда осенью листопады
Закружат и пойдут дожди,
Я тебе буду очень рада —
Приходи ко мне, приходи.

Когда кружится за окном
Вьюга злая, ты приходи —
Я согрею своим теплом,
Приласкаю тебя на груди.

Когда дышит июльский день
Изнуряющею жарой,
Постучись в заветную дверь —
Я водой напою ключевой...

Но когда зацветут подснежники
И появится первая зелень,
Не нужна будет мне твоя нежность —
Я весной никому не верю!

ГОРОД

Город не спит, обезумев от света Луны,
Город стреляет в небо неоновой вспышкой.
Город гремит цепями людской суеты,
Город живет — влажной кожей асфальта дышит.

Шепчет ветрами, целует дождями взасос,
Фарами слепит и бьет кулаком подворотни...
Город любуется ночью из-под колес...
И провожает вокзалами сотни... сотни...

А ГОРОД НАШ...

Ты снова мчишь к огням большого города,
Чтоб очень скоро с ними заскучать,
В круговороте дней теряешь голову,
А я опять тебя устала ждать...

Тебе милей Москва с ее витринами,
С ее плакатами, где в каждом слове ложь...
А город наш, сутулясь магазинами,
Асфальта дыры наполняет в дождь.

А знаешь, я люблю весны простуду...
С тобой бы спрятаться под теплый плед...
Но болен ты столицей. И не буду
Удерживать, когда летишь на свет.

Ты возвратишься скоро... Только поздно —
Весна короткая, а я устала ждать...
Тебе заманчивей на Спасской звезды,
И всех колец милей огромный МКАД.

А мне — вокзал, где я тебя не встречу,
И темный парк, где ты уже не ждешь...
Наш город окнами пронзает вечер,
Асфальта дыры наполняя в дождь...

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС: «О ЛЮБВИ И ДРУГИХ НАПАСТЯХ»*

Публицист. Окончил Воронежский политехнический институт. Публиковался в журналах «Подъем», «Приокские зори», а также в литературных изданиях Воронежа, Москвы, Сарова, Хабаровска.

Автор двух книг рассказов — «Хозяин Вселенной» (2000 г.) и «Парус на солнце» (2011 г.). Печатался в литературных изданиях Воронежа, Москвы, Сарова, Хабаровска. Давний друг и автор «Приокских зорь».

1

«Мне нравилось описывать то, что происходило со мной, но со мной, увы, ничего особенного не происходило...»,— сказал как-то лауреат Нобелевской премии по литературе Габриэль Гарсиа Маркес, и явно поскромничал. Чего стоит только история его любви!

Гарсиа Маркес охотно признает, что появлению на свет своих произведений, которыми зачитывается весь мир, он во многом обязан жене. Если бы не ее беззаветная любовь, терпение и поддержка, вряд ли нам посчастливилось бы когда-нибудь познакомиться с «Недобрым часом», удивиться вознесению на небо одной из героинь «Ста лет одиночества» Ремедиос Прекрасной, или узнать, как Флорентино Ариса лишь в старости добился счастья с отвергнувшей его в юности возлюбленной в романе «Любовь во время чумы».

История любви писателя к собственной жене началась во время каникул после окончания Национального лицея, которые шестнадцатилетний Габриэль проводил у своих родителей. Чтобы ублажить «предков», он готовился к поступлению на юрфак университета. Сам же с детства бредил литературой, мнил себя писателем, которому оставалось только научиться писать, сочинял стихи. И вот случайно увидел на улице ту, о которой грезил в романтических виршах. Несколько дней сходил с ума по этой прекрасной смуглоликой девчонке, следовал за ней по пятам, пока не решился, наконец, познакомиться. Его избранницу звали Мерседес Барча, ей было всего трина-

* К прошедшему юбилею книги Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», изданной полвека назад; см. № 4, 2017 «Приокских зорь».

дцать, она оказалась наполовину египтянкой и поражала воображение своеобразной красотой и загадочностью.

— Я вас люблю и прошу стать моей женой,— без обиняков сказал будущий писатель.— Вы согласны?

При этом так долго и неотрывно смотрел в ее глаза, что она, чутьем угадав свое будущее, едва выдохнула:

— Да...

Ее родители просили юношу повременить с помолвкой, пока их дочь хотя бы закончит школу. Судьба будет четырнадцать долгих лет бросать Гарсиа Маркеса по городам и весям, странам и континентам, прежде чем соблаговолит соединить с возлюбленной, обещавшей хранить ему верность.

За этот период в жизни Габриэля произошло множество событий. Их отсчет следует вести от первого опубликованного в столичной газете «Эспектадор» рассказа, после которого он решился бросить юридический факультет и начать зарабатывать на жизнь литературным трудом. Увы, по собственному признанию писателя, свой первый гонорар он получил за «Сто лет одиночества», когда уже были опубликованы четыре книги, за которые не получил ни песо. Но отступать от избранного пути было поздно.

Покинув столицу, Гарсиа Маркес работает репортером сначала в городе Барранкилья, на севере Колумбии, а затем в Картахену — на побережье Карибского моря. По всей видимости, журналистам в провинциальных газетах платили не слишком щедро, поэтому в 1953 году Габриэль, бросив все дела, отправился с другом в Ла-Гуайра продавать энциклопедии. Он много ездит по стране, пишет рассказы и, наконец, делает официальное предложение Мерседес. Минуло уже девять лет со дня их знакомства.

В 1954 году двадцатипятилетний Габриэль приехал в столицу подыскать приличную работу: чтобы жениться, нужно твердо стоять на ногах. Приятель посоветовал попытать счастья в оказавшейся неподалеку редакции газеты «Эспектадор», той самой, где был опубликован первый рассказ писателя. Гарсиа Маркесу повезло, и уже через одиннадцать дней его назначили редактором с солидным окладом. В то же время, поддавшись на уговоры друга, Гарсиа Маркес представил на национальный литературный конкурс рассказ «День после субботы» и занял первое место. Перед молодым человеком открывались заманчивые перспективы, но он имел неосторожность опубликовать на страницах газеты серию репортажей, основанных на рассказе моряка, спасшегося при крушении судна. Судно на самом деле занималось перевозкой контрабандных грузов, а в махинациях оказались замешаны высокопоставленные чиновники. Главному редактору пришлось отправить своего сотрудника корреспондентом в Рим, затем в Париж. Вскоре в Боготе происходит государственный переворот, и военная хунта закрывает «Эспектадор». Собственный корреспондент газеты в Европе лишился своего скромного заработка. Однако, возвращение на родину стало для Габриэля еще более рискованным. Он договорился о проживании в отеле в долг. Подобно молодому Хемингуэю, прогуливается натощак по улицам и бульварам Парижа, воздух которого благотворен для расцвета талантов, и по вечерам печатает на машинке роман, который позже назовет «Недобрый час». У него за плечами уже целый цикл рассказов, представляющих собой жутковато-мистическое художественное исследование зыбкой и не такой уж непроницаемой грани между этим миром и потусторонним. Сам писатель об этих своих ранних рассказах позднее скажет, что они совершенно не соответствовали его настроению и мироощущению...

2

В 1957 году из Боготы пришло известие об опубликовании романа «Палая листва», пролежавшего в издательстве три года. Это произведение было благосклонно

встречено критикой, и окрыленный первым успехом писатель принял решение расплатиться с долгами и вернуться на родной континент.

Перед тем как надолго покинуть Европу, Гарсиа Маркес совершил путешествие за «железный занавес». «Нас было трое, пустившихся на подобную авантюру: Жаклин, француженка индокитайского происхождения, модельер одного из парижских журналов; странствующий итальянец Франко, нештатный корреспондент миланских газет, жилищем которому служило место, где его застанет ночь; третьим был я, носящий имя, записанное в моем паспорте. Все началось в одном франкфуртском кафе 18 июня в 10 часов утра. Франко для летних путешествий купил французский автомобиль и решительно не знал, что с ним делать, а потому и предложил нам «поехать посмотреть, что находится за «железным занавесом»,— так в своей обычной, живописно-ироничной, завораживающей манере Гарсиа Маркес начинает очерк «Из путешествия по странам социализма».

Кое-как уладив таможенные формальности, молодые люди пересекли границу ГДР. В описании этой страны преобладают недоуменные и тревожные нотки. «За две недели до этого,— пишет Маркес,— словно по прихоти случая — мы побывали в Гейдельберге, студенческом городе Западной Германии, впечатляющем своей открытостью и оптимизмом, как ни один другой в Европе. Лейпциг — тоже университетский город, но город печальный, где старые трамваи набиты унылыми, скверно одетыми людьми. Думаю, на полмиллиона жителей там еле наберется два десятка автомобилей.

Мы не могли понять, почему народ Восточной Германии, взявший в свои руки власть, средства производства, торговлю, банки, связь, был тем не менее грустным народом, самым грустным народом, какой я когда-либо видел». Еще один сразу бросившийся в глаза иностранцам изъян социализма — медленное обслуживание и очереди. «Забота о массе мешает видеть отдельного человека»,— так попытался объяснить Гарсиа Маркес причину разочаровавших его негативных явлений, с которыми пришлось затем столкнуться и в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии, где совсем недавно был подавлен контрреволюционный мятеж. Уже в ту пору неравнодушному взору писателя открылись симптомы болезни, через несколько десятилетий приведшей к краху социалистическую систему. В то же время писатель утверждал: «Я верю, что рано или поздно мир станет социалистическим, и чем раньше, тем лучше». Самое сильное впечатление на Маркеса за «железным занавесом» произвела поездка в СССР на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, куда он вместе с Франко отправился на поезде. На первой же станции после пересечения границы испытывающий ностальгию по родине писатель замечает: «Здесь царили деревенская атмосфера и провинциальная скудость, мешавшие мне ощутить разницу в десять часов, что отделяла меня от колумбийских деревень».

В Киеве во время стоянки состава делегатам фестиваля была устроена торжественная встреча. «Когда поезд тронулся, мы обнаружили, что на рубашках не хватает пуговиц, и было не просто войти в купе, заваленное цветами, которые бросали через окно,— вспоминает Гарсиа Маркес, и так и видишь в этой фразе его добродушную усмешку.— Казалось, мы попали в гости к сумасшедшему народу — даже в энтузиазме и щедрости он терял чувство меры». Затем приводит еще один курьезный случай. «Я познакомился с немецким делегатом, который похвалил русский велосипед, увиденный на одной из станций. Велосипеды очень редки и дороги в Советском Союзе. Девушка, хозяйка велосипеда, сказала, что дарит его ему. Он отказался. Когда поезд тронулся, девушка с помощью добровольных помощников забросила велосипед в вагон и нечаянно разбила делегату голову. В Москве можно было наблюдать картину, ставшую привычной на фестивале: немец с перевязанной головой, разъезжающий по городу на велосипеде». В отточенной лаконичности стиля уже угадыва-

ется создатель гениально краткого и выразительного описания утра в деревне: «Голубая влага, наполненная петушиными криками»...

А вот взгляд мало кому тогда известного иностранца на Москву и москвичей. «Москва — самая большая деревня в мире». «Исчезновение классов — впечатляющая очевидность: все одинаковы, все в старой и плохо сшитой одежде и обуви. Они не спешат и не суетятся, и, кажется, все их время уходит на то, чтобы жить». Последняя фраза, близкая по стилю и глубине к платоновской прозе, невольно наводит на сравнение того времени с нынешним...

3

После двух лет, проведенных в Европе, «магия реальной жизни» забросила писателя в Венесуэлу с нехитрым скарбом и неоконченной рукописью романа «Недобрый час», скатанной в трубочку и перевязанной галстуком — последним галстуком, который он когда-либо носил. Путь на родину был для Гарсиа Маркеса заказан. Чтобы понять — почему — достаточно прочитать созданную им в это время повесть «Полковнику никто не пишет». Именно тогда, в ответ на произвол диктатуры, в Колумбии зародилось партизанское движение.

И все-таки писатель рискнул в 1958 году приехать в родную страну, чтобы жениться на Мерседес, которая ожидала его в Барранкильи четыре года. Затем вместе с молодой женой снова вернулся в столицу Венесуэлы Каракас.

В 1959 году родился сын Родриго, и семья переезжает в Нью-Йорк, где Гарсиа Маркес становится заведующим Североамериканским отделением кубинского агентства «Пренса Латина».

Затем снова переезд — в Мехико. В начале шестидесятых Габриэля навестил уже известный нам приятель из Колумбии и снова предложил принять участие в национальном литературном конкурсе. По просьбе мужа Мерседес достала спасенную ей однажды от мусорного ящика рукопись романа «Недобрый час», которую хранила в... отхожем месте. Отправленный с пометкой «Без названия», роман одержал победу. По свидетельству самого писателя, три тысячи долларов за него были получены в 1962 году в тот день, когда нужно было платить за пребывание Мерседес в клинике, где она родила второго сына, нареченного Гонзало. (Кстати, Гарсиа Маркес однажды, будучи уже немолодым, признался, что всю жизнь мечтал о дочери). Оставшихся от премии денег хватило на автомобиль.

На этом автомобиле в январе 1965 года мало кому еще известный писатель с женой и детьми отправился на отдых в Акапулько — живописный курорт на побережье Тихого океана. Габриэлю неожиданно приходит в голову весьма удачное начало давно задуманного романа, который впоследствии назовет «Сто лет одиночества». Скрипят тормоза, машина разворачивается с полпути, жена восклицает: «Ты спятил!», и... они возвращаются в Мехико. Он уединяется в комнате и сочиняет, печатая на машинке ежедневно без передышки восемнадцать месяцев, выкуривая по шесть пачек сигарет в день. Автомобиль был продан, все бытовые приборы заложены, чтобы Мерседес могла кормить семью и снабжать мужа бумагой и сигаретами. Какая еще женщина согласилась бы на такое! Тем не менее, писателю ни разу не пришлось услышать упреков, что деньги кончились и что под конец задолжали за квартиру за девять месяцев. «Сто лет одиночества» вобрали в себя воспоминания и впечатления детства, когда маленький Габо был оставлен на попечение дедушки и бабушки в старом доме в Аракатаке, в котором он родился. Роман, написанный в манере магического реализма, имел шумный успех и разошелся миллионными тиражами по всему миру.

Владимир Десятников
(г. Москва)

ПОДВИЖНИК

Ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный деятель искусств РСФСР, Почетный член Российской академии художеств, член Союза художников и Союза писателей России, лауреат премии СП РФ «Имперская культура России», вице-президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Родился 26 января 1931 г. в селе Бахты Семипалатинской области (на границе с Китаем) в семье начальника погранзаставы. В 1943 г. был принят в Ташкентское суворовское училище. Демобилизовался после шестнадцати погонных лет в звании капитана. В 1965 г. окончил истфак МГУ (отделение теории и истории искусства). В марте 1963 г., будучи студентом, организовал запись знаменитых Ростовских звонов, пластинка с которыми разошлась по всему белому свету. Публиковался во многих журналах.

Спустя 90 лет после закрытия (1923) альманаха «Маковец», издававшегося о. Павлом Флоренским, С. В. Герасимовым, В. А. Фаворским и др., возобновил и выпустил четыре номера альманаха истории и литературы «Маковец благословенный».

В давнюю мою бытность сотрудником Министерства культуры СССР случай свел меня с архитектором-реставратором Петром Дмитриевичем Барановским. Ему тогда исполнялось семьдесят лет, и реставрационная мастерская, где он работал, представила его к присвоению почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР». Петр Дмитриевич принес в министерство автобиографию, фотокарточку, листок по учету кадров и список творческих трудов. Старший инспектор отдела кадров, подполковник авиации в отставке, полистал документы Барановского и безапелляционно заявил:

— Какое вам может быть звание? Вы всю жизнь церкви реставрировали.

Продолжать разговор было бессмысленно. Петр Дмитриевич положил бумаги в потертый портфель с ручкой, оплетенной синей изоляционной лентой, и вышел. Мне было стыдно за моего коллегу, но служебная этика не позволяла встревать в разговор. Тем более что бывший подполковник был еще и бывшим мужем министра. Прямым заступничеством можно было испортить все дело. Я вышел из кабинета и побежал в гардероб. Петр Дмитриевич неспешно надевал свой темно-серый демисезон, в котором он выглядел скорее мастеровым, но никак не ученым. Извинившись, я попросил его отдать мне принесенные документы. Расчет мой был простой. Бывший подполковник частенько прихварывал. Я надеялся в его отсутствие заготовить необходимые бумаги и подписать у начальства. В то время я учился в МГУ и знал, что П. Д. Барановский приступил к реставрации Крутицкого подворья в Москве. Знал я и другое — что человек он прямой и у него много недоброжелателей. Звание ему нужно было не корысти ради, а как щит от несведущих людей, а то и заведомых врагов.

Звание Петру Дмитриевичу все-таки присвоили. Последние двадцать лет жизни он охотно ставил свою подпись в защиту памятников Отечества на прошениях, где нужен был высокий ранг челобитчиков. Что касается личной выгоды, то Барановский никогда ее не искал. Несмотря на огромную разницу в возрасте, мы подружились с Петром Дмитриевичем, и я стал бывать у него дома. Он жил с женой — Марией Юрьевной в маленькой коммунальной квартире в бывших больничных палатах Новодевичьего монастыря. Мария Юрьевна относилась ко мне тепло, по-матерински. Она была известным ученым, специалистом по декабристам и крупнейшим знатоком московских некрополей. На ее долю пришелся нелегкий и скорбный труд быть секретарем комиссии по эксгумации и переносу могил Н. В. Гоголя, Н. М. Языкова, А. С. Хомякова, С. Т. и К. С. Аксаковых, Д. В. Веневитинова и многих других, кому не повезло в 1930-е годы. Это она тогда записала, что корень березы, посаженной над могилой Веневитинова в Симоновом монастыре, пророс через сердце поэта. Ею был передан в Литературный музей перстень с руки Веневитинова. Найденный при раскопках Геркуланума, этот античный перстень был подарен поэту Зинаидой Волконской. Овеянный легендой перстень поэта экспонируется сейчас в Литературном музее.

Петр Дмитриевич и Мария Юрьевна Барановские были моими духовными наставниками. Однако это наставничество не носило характер «послушания», хотя мои «духовники» и жили на территории монастыря. В тихой «келье» Барановского мне чаще приходилось слышать не «акафисты», а «анафемы». Нередко я узнавал здесь такие факты из нашей недавней истории, что доверять памяти не решался и, придя домой, подробно записывал содержание бесед. С годами составилась целая книга, в которую вошли беседы с Барановским, их друзьями.

Можно ли забыть рассказ П. Д. Корина о Чудовом монастыре в Московском Кремле, основанном митрополитом Алексием в 1365 г., незадолго до Куликовской битвы. С конца XIV в. монастырь был центром книгописания. В XVII в. в нем была учреждена Греко-латинская школа, преобразованная впоследствии в академию. Чудов монастырь не раз служил ареной важных событий в жизни Руси. Отсюда происходит беглый инок, ставший самозванцем Лжедмитрием. Здесь был насильственно пострижен царь Василий Шуйский. В подвалах Чудова монастыря в 1612 г. голодной смертью умер патриарх Гермоген, не покорившийся интервентам и призывавший народ к восстанию против них. В 1667 г. в монастыре проходил собор, лишивший патриарха Никона его высокого сана. В 1812 г. в Чудовом монастыре помещался штаб Наполеона.

Главная монастырская церковь Чуда Архистратига Михаила была сооружена в 1504 г. и расписана уникальными фресками. В 1930-х годах П. Корин с реставратором С. Чураковым участвовал в снятии со стен собора фресок, так как собор «в связи с новым строительством» подлежал сносу. На эту сложную работу (фрески снимали вместе со штукатуркой) ушло несколько месяцев. Снятые фрески аккуратно складывали в ящики, чтобы потом все можно было вывезти и смонтировать для экспозиции в одном из музеев.

И вот однажды, когда Павел Корин работал в своей мастерской, туда влетел, рыдая, с воплями, Чураков, в течение нескольких минут Корин с женой ничего не могли понять и не могли добиться от Чуракова внятного ответа. Потом все прояснилось. Оказалось, что собор Чудова монастыря взорвали и древнейшие фрески погибли. «Уже бо секыра при корени древа лежить»,— любил повторять в таких случаях Павел Корин слова из Евангелия.

Единственный, кому все-таки разрешили войти в храм Чуда Архистратига Михаила перед его сносом, был П.Д. Барановский.

— У вас всего три минуты. Берите все, что сможете вынести,— сказали ему.

Петр Дмитриевич вынес из храма и спас мощи святителя и чудотворца Алексия, митрополита Московского. Святыня эта находится сейчас в храме Христа Спасителя и ждет своего возвращения в Кремль.

Вся «келья» Барановского была уставлена стеллажами с папками, на корешках которых были надписи: «Шатровое зодчество!», «Кавказская Албания», «Словарь древнерусских зодчих», «Троице-Сергиева лавра», «Музеи под открытым небом», «СОПИ», то есть «Слово о полку Игореве», Смоленск...

Помню, как мы — группа экскурсантов во главе с П. Д. Барановским, приехали в родной его Смоленск. Петр Дмитриевич знакомил нас с отреставрированной им церковью Петра и Павла на Городянке (1146 г.), которая стоит нынче чуть ли не на путях железной дороги, рядом с вокзалом. Потом мы ходили к тому месту на Смядыне, где согласно «Сказанию о Борисе и Глебе» в сентябре 1015 года повар Торчин зарезал князя Глеба. Сыновья Владимира I Борис и Глеб, убитые по замышлению их старшего брата Святополка, прозванного Окаянным, были канонизованы и стали первыми русскими святыми. Прочитав лекцию о братоубийстве в борьбе за великокняжеский престол, Барановский повел нас показывать творение своего любимого зодчего Петра Милонега — Свирскую церковь Михаила Архангела (1190-е годы). К середине дня мы так «укатались» по крутым смоленским холмам, что взмолились и стали просить «пардона» у «двужильного» Петра Дмитриевича, а он постыдил нас, молодых, и повез в Талашкинский музей.

Талашкино — гордость Смоленской земли, подлинный бастион национального самосознания нашего народа. Здесь бывали И. Е. Репин, М. А. Врубель, С. В. Малютин, В. М. Васнецов, В. Д. Поленов, Н. К. Рерих. Они помогали хозяйке Талашшно — М. К. Тенишевой в благородном ее начинании — возрождении кустарных народных промыслов, сами много и плодотворно работали.

Деятельность Марии Клавдиевны поистине многогранна. Она была способной художницей и певицей, археологом, пытливым исследователем искусства, коллекционером. М. К. Тенишева сумела сделать Талашкино художественным центром, известным не только в России, но и во Франции.

Наша экскурсия в Смоленск была рассчитана всего на один день, потому так и «спрессовал» всю программу Петр Дмитриевич. Осмотрев Талашкинский музей, мы на одной из аллей тенишевской усадьбы остановились перед стендом, на котором была изображена пушка и на ней — птица.

— Что это за птица? — спросил Петр Дмитриевич.

— Вещая птица Феникс — символ Смоленска,— ответили мы.— Сколько город ни разрушали, он снова, как Феникс, восставал из пепла.

На долю П. Д. Барановского (а прожил он девяносто два года) выпало «свивать славу обеих половин» минувшего яростного, порубежного века. В 1912 году за проект реставрации собора Болдинского монастыря под Дорогобужем, построенного великим зодчим Федором Конем, выпускник Московского строительно-технического училища двадцатилетний крестьянский сын Петр Барановский был награжден медалью Русского Археологического общества. Потом была служба помощником архитектора на Тульском чугуноплавильном заводе, в Управлении строительства Среднеазиатской железной дороги в Ашхабаде и одновременно учеба на искусствоведческом факультете Московского археологического института. Не миновала Барановского и Первая мировая война. Он был мобилизован в 3-ю инженерную дружину и служил начальником команды, строившей укрепления на Западном фронте. В этой должности П. Д. Барановский встретил Октябрьскую революцию. Почти вся 3-я ин-

женерная дружина самовольно разъехалась по домам, а он опломбировал склады и стал охранять их. Такой уж он был человек — преданный долгу до конца.

Весной 1918 года П. Д. Барановский, с золотой медалью окончив институт, получил диплом историка архитектуры и был рекомендован известными учеными В. К. Клейном и В. А. Городцовым для педагогической работы. За нескольких месяцев Барановский написал диссертацию о памятниках Болдинского монастыря. Учитывая важность научных открытий, ему было присвоено профессорское звание, он был избран членом-корреспондентом Всероссийской Академии истории материальной культуры, позднее упраздненной.

В конце 1918 года началось восстановление памятников Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, разрушенных при подавлении эсеровского мятежа. Шла Гражданская война. Казалось бы, можно было подождать конца войны, чтобы изыскать средства для реставрации. Тем не менее, восстановительные работы начались сразу же после подавления мятежа. Ведь это были памятники того самого монастыря, где было найдено «Слово о полку Игореве»! Руководить реставрацией назначили профессора в солдатской шинели — П. Д. Барановского.

Созданный П. Д. Барановским и М. И. Погодиным Музей деревянной скульптуры в Болдинском монастыре насчитывал более сотни первоклассных произведений народного искусства. Основу коллекции составляли деревянные боги, собранные в Догобужском, Рославльском, Ельнинском уездах. Среди них были шедевры, восхищавшие самых строгих ценителей искусства.

Во время одной из наших встреч с академиком С. Т. Коненковым я рассказал ему, что собираю материал для книги о русской народной деревянной скульптуре. Сергей Тимофеевич живо заинтересовался этим и попросил показать ему фотографии скульптуры. Я выбрал из своей фототеки несколько десятков наиболее интересных произведений и принес их Коненкову. Он разложил фотографии на рабочем столе и к моему удивлению отобрал среди них работы смоленских резчиков, хотя фотографии не были подписаны.

— Как вам это удалось? — спросил я Сергея Тимофеевича.

— Никакого секрета нет,— ответил Коненков.— Так же как фольклорист безошибочно определит по мелодии и говору песню северных крестьян от казачьей песни, так и для меня не составляет труда смоленскую скульптуру отличить от северной или от пермской.

Музей в Болдинском монастыре пользовался большой популярностью у жителей окрестных сел. Приезжал подивиться «деревянным богам» и народ из дальних сел. Этому в немалой степени, как оказалось, способствовал хитроумный монашек-скопец, живший в сторожке при закрытом монастыре. С его помощью в музее стали происходить «чудеса». В одну из ночей из экспозиции пропала скульптура Николы Чудотворца. Утром ее нашли в лесной часовне, откуда она ранее поступила в музей. Скульптуру при большом стечении народа водворили в музей. Через несколько дней она из-под замка «покинула» музей и вновь «обретохося» в часовне. Молва о том, что Никола не хочет быть в музее, быстро облетела весь уезд. За Николой «тронулись» в дорогу и другие скульптуры, но «чудо» было скоро разоблачено. Погодин объявил, что Барановский уехал в Смоленск. Музей был закрыт на самый большой амбарный замок и опечатан. Двое суток просидел Барановский взаперти, пока монашек не решился на совершение очередного «чуда». Ночью он потайным ходом (в стене трапезной) проник в помещение, где была развернута экспозиция, поменял платки Параскевам, надел новые лапти на «собравшегося» в дорогу Николу, положил свежие цветы у распятия. За этим занятием его и застал Петр Дмитриевич. Пришлось монашку каяться при всем честном народе.

Барановский и Погодин прекрасно понимали, что собранная ими коллекция деревянной скульптуры имеет всемирное значение. Они готовили к изданию книгу о смоленской скульптуре. Война помешала осуществить их замысел. В огне пожарищ погибли шедевры, могущие составить славу любой национальной школе ваяния.

В экспедициях Петр Дмитриевич трудился буквально с утра и до ночи. Человек он был жадный до работы, и не все рядом с ним могли выдержать те нагрузки, которые он задавал. Архитектор Г. И. Гунькин рассказывал, как напряженно они работали в горах в селе Кум. Обмерили Круглый храм, а диаметр барабана измерить не удалось. Тогда обвязали веревкой Барановского, и он, как верхолаз, работал до самой ночи. Кончилась еда. Барановский говорит: «Сделаем дело — спустимся, поедим».

Работоспособность у П. Д. Барановского была редкостной. Помню, несколько активистов Общества охраны памятников собрались вечером у Петра Дмитриевича. Надо было срочно написать и утром представить начальству письмо о катастрофическом состоянии памятников русского деревянного зодчества и мерах по их спасению. Часам к трем из нас дух вон — не работа, а сплошной митинг. Петр Дмитриевич, видя это, отошел в сторонку, сел и спокойненько пункт за пунктом все написал — и констатацию, и проект постановления. Нам его работа показалась чересчур сухой, неэмоциональной. Однако бумагу Петра Дмитриевича приняли, распечатали и разослали на места, а нашу завернули по первому разряду.

...Неподалеку от центра Москвы, на крутом берегу Яузы, стоит один из древнейших форпостов столицы, некогда прикрывавший ее с юга. Это Спасо-Андроников монастырь. Он был основан около 1360 года. Первым его игуменом был преподобный Андроник — ученик преподобного Сергия Радонежского. Здесь русские войска в 1380 году, уходя на битву с ордами Мамая, прощались с Москвой. Сюда они вернулись победителями.

Трудно сказать, кто из больших русских писателей и деятелей культуры не побывал в Андрониковом монастыре за его многовековую историю. И все же первым в этом ряду должен быть назван гениальный Андрей Рублев. Земно поклонившись в воротах монастыря, он уходил отсюда в 1405 году расписывать вместе с Феофаном Греком и Прохором с Городца Благовещенский собор Московского Кремля, а тремя годами позже, в мае 1408 года,— Успенский собор во Владимире. В 1420-х годах «андрониковские старцы» Андрей Рублев и Даниил Черный — «мужи в добродетели совершенны» — руководили артелью художников, работавших в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры. К этому времени относится создание Рублевым всемирно известной иконы «Троица», написанной «в похвалу» Сергию Радонежскому. Последней работой гениального мастера, «всех превосходящего в мудрости зелне», были росписи в Андрониковом монастыре.

11 февраля 1948 года П. Д. Барановский сделал доклад в Институте истории искусств АН СССР, в котором изложил свои изыскания. По Барановскому выходило, что Андрей Рублев умер 29 января («на память преподобного отца нашего мученика Игнатия Богоносца») 1430 года.

Торжественное открытие Музея имени Андрея Рублева состоялось в 1960 году. Во всем мире тогда праздновалось 600-летие со дня рождения великого художника Древней Руси. Среди тех, кто при открытии музея скромно стоял в сторонке от большого начальства, был и Петр Дмитриевич, без которого, пожалуй, и музея-то этого не было бы.

Петр Дмитриевич Барановский был не просто реставратором, а широко образованным историком культуры. Академик И.Э. Грабарь говорил, что такого архитекто-

ра-эрудита нет и во всей Европе. Петр Дмитриевич был последователем всемирно известного ученого Н. П. Кондакова. С гордостью за своего учителя он говорил: «А знаете, что один из крупнейших мировых семинаров византинистов называется Кондаковианум!» К сожалению, сам Петр Дмитриевич, хотя и получал персональные приглашения, ни на один из этих семинаров так и не смог выехать. Причиной тому была злополучная статья 58 УК РСФСР: он воспротивился сносу храма Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

За свою жизнь П. Д. Барановский разработал проекты и восстановил более ста памятников национальной архитектуры. «Каждая реставрация Барановского,— писал И.Э. Грабарь,— это защита докторской диссертации». Петр Дмитриевич был одним из основоположников советской реставрационной науки. Им разработана вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства. За 70 лет работы в библиотеках и архивах он собрал уникальный материал к «Словарю древнерусских зодчих» — более 1700 имен.

С начала Великой Отечественной войны фашисты принялись планомерно, с немецкой методичностью крушить наши памятники, святыни. Сталин поручил члену Политбюро Н. М. Швернику сформировать Чрезвычайную государственную комиссию по расследованию фашистских злодеяний на временно оккупированной советской территории. В Комиссию вошли многие выдающиеся люди: писатели А. А. Фадеев и А. Н. Толстой, историк искусства, академик И. Э. Грабарь, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)... Грабарю доверено было создать экспертный совет по оценке ущерба, причиненного нашим музеям, памятникам истории и культуры. В число экспертов Грабарь включил «пораженца в правах» Барановского и доказал Швернику, что не ошибся: лучшего специалиста не найти. П. Д. Барановский с передовыми частями Красной армии входил в развороченную толстовскую Ясную Поляну, пушкинское Михайловское, в порушенную Вязьму и Смоленск, Киев и Чернигов.

Петр Дмитриевич Барановский — личность легендарная. Он стоит у истоков создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Его перу принадлежит первый проект устава Общества, когда об Учредительном съезде общественность только еще мечтала. Активная гражданская позиция Барановского ярко проявилась при создании первого в стране молодежного реставрационного клуба «Родина». Собрав московских комсомольцев — школьников, студентов, рабочих,— он обучил их и на общественных началах приступил к восстановлению выдающегося памятника древнего зодчества — Крутицкого подворья. В 75 лет во время работы на Крутицах он упал с лесов и сломал ребро. Через месяц его снова видели на лесах. Человек он был неуемный, принципиальности — гранитной. Недаром ведь «Петр» по-гречески — камень. Друзья называли его Аввакумом XX века. Таким он оставался до самых последних своих дней. Помню, мы разбирали архив, который Петр Дмитриевич безвозмездно передавал в Государственный научно-исследовательский музей имени А.В. Щусева. На фотографии я увидел человека, который смотрелся маленькой точкой на куполе церкви Вознесения в Коломенском.

— Кто этот верхолаз и что он там делает? — спросил я.

— Как кто? Я, чиню крышу,— ответил Барановский.

— Как вы туда залезли?

— Вылез в окошко, что в основании шатра, а потом по цепи до купола.

— И не побоялись?

— А что тут такого? У меня нет страха высоты. Я и сейчас бы туда залез,— сказал Петр Дмитриевич.

И залез бы! Сомневаться не приходится.

Вячеслав Алтунин
(г. Тула)

ВЗОРВАННЫЕ БУДНИ, ИЛИ ПАДЕНИЕ РОССИИ

(Субъективные заметки о чеховской тетралогии «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад»)

Окончил Казанский государственный университет. Печатался в газете «За коммунизм», публиковался во всероссийском литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», литературном альманахе тульских писателей «Иван-Озеро». Лауреат Тургеневской премии Союза писателей России, дипломант конкурса «Потенциал России» (ЦФО). Член Союза писателей России, Союза журналистов России.

«...И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни, о которых ты будешь говорить: «Нет мне удовольствия в них!» — Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем... Суета сует, сказал Екклесиаст, все — суета!»

(Екклесиаст 12; 1, 6)

«Мир погибает не от разбойников, не от пожаров, а от ненависти, вражды, от всех этих мелких дрязг»

(А. П. Чехов. «Дядя Ваня»)

Несколько предварительных замечаний
«То действие, которое есть в пьесах Чехова, происходит где-то за кулисами». (Из критических статей конца XIX века)

В нынешнем 2018-м году исполняются два юбилея, имеющие прямое отношение к чеховской драматургии: 120-летие триумфальной постановки «Чайки» в Художественном театре Станиславским и Немировичем-Данченко и 115-летие окончания работы Чехова над «Вишневым садом». Эти два события обозначили два важнейших этапа: начало и окончание великой чеховской тетралогии о духовном кризисе русского общества и — как следствие этого кризиса — о падении России, приведшем к первой русской революции 1905—1907 годов, а затем к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года, в результате которых у России, по образному выражению философа Ивана Ильина, был «переломлен позвоночник, и перелом этот сросся неправильно, уродливо».

А между «Чайкой» и «Вишневым садом» были еще «Дядя Ваня» и «Три сестры»,

пьесы глубоко трагические, хотя сам автор и называл их «комедиями». Впрочем, о том, где в чеховских пьесах комичное, а где трагическое, мы еще поговорим в свое время и в своем месте. А пока — несколько совершенно необходимых предварительных замечаний, без которых, по моему глубокому убеждению, невозможно понимание смысла и глубины чеховских пьес. Споры о драматургии Чехова, начавшись в конце позапрошлого века, продолжаются до сих пор. Оценки звучат разные, порою диаметрально противоположные. Одни вслед за Толстым, Буниным и другими считают пьесы Чехова слабыми, а его самого просто плохим драматургом, другие говорят об их гениальности, не понимая, впрочем, в чем она состоит. Замечания, которые необходимо сделать, суть следующие...

Во-первых, «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад» — это именно тетралогия, цикл драматических произведений, объединенных общим замыслом, художественно-философской концепцией, сквозными темами, деталями и представляющих собой единое художественное целое, как бы одно произведение о духовном кризисе русского общества и о последовавшем за ним падении России. Пьес — четыре. В каждой из них по четыре действия. Действие происходит в четырех временах года: зима, весна, лето и осень и в четырех временах суток: утро, день, вечер и ночь. Этот принцип четверичности, которым пронизана вся тетралогия,— знак, поданный Чеховым: все четыре пьесы суть одно, одна драма о России и людях России, причем каждая из них, по законам драматургии, представляет собою акт в этой драме. «Чайка» — первый акт, завязка, «Дядя Ваня» и «Три сестры» — второй и третий акты, где действие развивается, набирает остроту и трагизм, чтобы достигнуть высочайшей степени того и другого в «Вишневом саде». Один из важнейших сквозных образов, проходящих через всю тетралогию,— образ струны, натягивающейся все больше и больше и наконец лопающейся от перенапряжения.

Во-вторых. Очень важно! Понимание чеховских пьес невозможно без Евангелия, Псалтири, творений святых отцов Православной Церкви — в общем, от всей системы православного вероучения. Чехов — духовный писатель, это аксиома. Его произведения буквально пронизаны духом евангельских заповедей и проповедей Христа, православной этикой. Помимо его пьес достаточно вспомнить такие повести и рассказы, как «Студент», «Святая ночь», «Княгиня», «Три года», «Убийство», «Моя жизнь», «Архиерей», «Черный монах» и многие другие. Произведения Чехова отсылают нас к евангельским притчам, к апостольским посланиям, поучениям святых отцов. В общем, пьесы Чехова религиозны в высшем смысле этого слова. И неправ был Лев Толстой, говоря о том, что в чеховских пьесах нет «религиозной темы, уяснения религиозного сознания». Все это как раз там содержится в большой степени, только не выпирает наружу, а как бы растворено в разговорах, диалогах, поступках действующих лиц, их взаимоотношениях, а главное — проходит глубоким подтекстом, глубинным течением в каждой из его четырех рассматриваемых пьес.

В-третьих. Пьесы Чехова основаны на тех глубоких и тонких законах бытия, которые пока не открыты и не определены с научной точностью, но тем не менее именно они-то в решающей степени и управляют событиями нашей жизни, судьбами людей, судьбою страны. Чехов говорит о них так: «Я не могу эти законы понять. Но иногда мне кажется, что я их чувствую». И вот в своих пьесах он не только их чувствует, но и показывает, как они действуют, работают,— случай уникальный не только в русской, но едва ли и не в мировой драматургии. В этом смысле прав критик конца XIX века, писавший: «То действие, которое есть в пьесах г. Чехова, происходит где-то за кулисами». Верно! То, что мы видим на сцене или читаем,— лишь образы происходящего в душах людей, в России да и во всем мире, где борются не человеческие, а космические силы Добра и Зла, Света и Тьмы. Недаром же в финале «Вишневого сада» звук лопнувшей струны доносится «как бы с неба» (ремарка Чехова).

В-четвертых. Чехов убежден: ресурсы, отпущенные Богом каждому человеку, стране и всему земному миру, исчерпаемы и невосполнимы. Тут самое время вспомнить евангельскую притчу о блудном сыне, который взял свою часть имения у Отца (Бога) и отошел в страну далекую, где и прожил все, «живя распутно». И в результате стал нуждаться, голодать. Однако «пришел в себя» и принял верное решение: вернулся к Отцу, покаялся и вновь обрел Его расположение и любовь.

У русского общества не хватило (да и сейчас не хватает) духовных сил и мудрости, чтобы сделать то же самое: вернуться к Богу и покаяться, и через это покаяние спастись и духовно, и телесно.

Тех, кто легко относится к жизни, ее законам, к собственным духовным ресурсам, ждет суровое наказание и духовное банкротство. Образно говоря, струну нельзя натягивать, напрягать до бесконечности. В какой-то миг она лопнет и вслед за тем последует хаос, распад, всеобщая катастрофа, что и случилось с Россией в начале прошлого века. И Александр Солженицын имеет в виду именно это, когда говорит, что «Россия проиграла двадцатый век».

Наконец, в-пятых. Мир, говорит Чехов, гибнет не от войн, голода, эпидемий, экономических кризисов, природных или техногенных катастроф, а от духовного, нравственного падения каждого отдельного человека и через то всего общества в целом. Это хорошо понимал последний русский император Николай Второй, который, прервав Столыпина, докладывавшего о стремительном росте экономики России, заметил: «Все так, Петр Аркадьевич, но меня тревожит другое: повсеместное падение нравов, оскудение веры, а это поважнее железных дорог и мостов».

Чехов чувствовал болезни России так, как до него их ощущали, пожалуй, только два человека: Гоголь и Достоевский. Непостижимым, мистическим образом его собственное физическое и духовное состояние совпало с состоянием России, и именно Чехову суждено было сказать самые глубокие, беспощадные и горькие слова о ее трагической судьбе и причинах трагедии.

Героев всех четырех чеховских пьес, четырех актов этой великой трагедии, можно поделить на три категории, каждая из которых выполняет свои функции, играет свою, строго определенную роль, а отыграв, сходит со сцены, как театральной, так и исторической. Рассмотрим вкратце каждую из этих категорий.

Часть первая. КОМЕДИАНТЫ

«И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка»...

(М. Ю. Лермонтов)

«Я трагедию жизни претворю в грезофарс!»

(Игорь Северянин)

В 1896 году, во время работы над «Чайкой», Чехов, как врач, уже понимал, насколько серьезно его состояние, как тяжело и неизлечимо он болен. Его болезнь — туберкулез легких — обострялась, и жить писателю оставалось неполных восемь лет. До первой русской революции оставалось 9 лет, до катастрофы 1917 года — 21 год. Несмотря на бурное развитие промышленности, шахт, железных дорог, Россия переживала довольно трудные времена. В стране шли крайне негативные процессы, как ни странно, спровоцированные именно промышленным бумом. Шло и набирало темпы массовое разорение помещичьих усадеб, всех этих дворянских гнезд с их темными липовыми аллеями, вишневыми садами и антоновскими яблоками. Что шло на

смену? Запустенье. Нищета. Разорение деревни. В народе, прежде всего в крестьянстве, подобно гремучей смеси, накапливалось недовольство, раздражение, социальное напряжение, которое скоро приведет к взрыву. Сельское производство падало. Крестьяне в поисках заработков толпами уходили в города, на железную дорогу, на шахты, пополняя ряды промышленного пролетариата. В деревнях увеличивалось число бедных, люмпенизированных крестьян, которые, как известно, являются прекрасной питательной средой для всякого рода потрясений. Рушился вековой уклад, основанный на православной вере и евангельских принципах. Лев Толстой пророчески писал о том, что таким образом формируется «армия Стеньки и Емельки», то есть орда бунтовщиков, которая способна в пух и прах разнести всю российскую государственную систему (см. его очерк «Три дня в деревне»). Массовые поджоги помещичьих усадеб и зажиточных крестьянских хозяйств, городских кварталов в 1902-1905 годах — все это подтвердило предвидение Толстого и явилось огненным прологом к первой русской революции.

Назрел и разразился духовный кризис, прежде всего затронувший духовенство и интеллигенцию. Положение в церковной и интеллигентской среде точнее всего можно охарактеризовать словами Ленина «разброд и шатание». Терялись, девальвировались казавшиеся незыблемыми основополагающие нравственные, духовные принципы, возникали разного рода секты, оккультные учения, большую популярность обретала мистическая философия Сведенборга, Блаватской, мрачные пророчества Парацельса и Нострадамуса. Авторитет православной церкви был низок как никогда. Писатель Сергей Нилус свидетельствует: в начале двадцатого века человеку в священническом или монашеском облачении небезопасно было появляться на улице, в публичных местах: его осыпали оскорблениями, насмешками, могли и побить. Наряду с мистическими учениями все большую популярность обретают материализм, атеизм, научно-рационалистические теории, а православие объявляется «мракобесием». На всю страну прозвучал голос Льва Толстого, приведший многих в состояние шока: «Православная церковь скрывает от народа истинное учение Христа. Я отрекаюсь от православия!»

Святые отцы, например, оптинские великие старцы Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский и многие другие говорили о надвигающейся на Россию скорой катастрофе и даже о пришествии антихриста. Кризис поразил и искусство, все его виды, но в наибольшей степени — литературу, музыку и живопись. Обозначился и резко проявился отход от великих классических традиций в пользу декадентских, упадническихмотивов и настроений. Пожалуй, концентрированное свое выражение эти настроения и мотивы получили в творчестве «певца смерти», очень популярного в конце девятнадцатого и начале двадцатого века Федора Сологуба. Особенную известность получили вот эти его стихи:

О, смерть! Я твой. Повсюду вижу
Одну тебя и ненавижу
Очарования земли.
Земные чужды мне восторги,
Победы, праздники и торги —
Весь этот шум в земной пыли!

Внешне в России все было вполне благополучно. Фасад империи блистал. Но за этой блестящей внешностью скрывались гнойные язвы, под нею шли подспудные разрушительные процессы, прежде всего духовные, которые вскоре взорвут налаженный быт, привычные будни и бросят страну в пучину революций и гражданской войны.

Историки, философы, писатели задавались и ныне задаются вопросом: можно ли было предотвратить катастрофу? Большинство отвечает: да, можно. При том условии, что все классы тогдашнего русского общества, от аристократии до рабочих и крестьян, забыв распри и противоречия, совместно, каждый на своем месте и в свою меру, работали бы над укреплением страны, прежде всего над оздоровлением духовной атмосферы. Если бы понимали, что необходимо сохранить самодержавие, имевшее для России особый — сакральный! — смысл, связывавшее ее через личность Императора, помазанника Божия, с Небом, с Богом.

Революцию можно было бы предотвратить, если бы были доведены до конца великие столыпинские реформы, уже дававшие прекрасные результаты и способствовавшие созданию класса собственников (среднего класса) — основы стабильности любого общества. Но Столыпина убили, а его реформы свернули. Словом, каждый класс должен был нести свою меру ответственности за судьбу страны. Вместо этого каждый «тянул одеяло на себя», усиленно раскачивал лодку, не думая о том, что рубит тот сук, на котором сам же и сидит. Аристократы и промышленники заигрывали с революционерами, финансировали их, интеллигенты и студенческая молодежь горячо сочувствовали «борцам за народное дело», многие сами шли в их ряды, другие ударялись в мистику и разные восточные учения, третьи поклонялись «разуму» в виде материализма и марксизма и так далее. А очень многие ничего не делали и не хотели делать, а просто пили горькую, жаловались на жизнь, разглагольствовали и мечтали. Вот об этой-то последней, самой многочисленной категории русских людей и идет речь в чеховской тетралогии.

Первая ее часть, первый акт — пьеса «Чайка», жанр которой определен Чеховым предельно четко — комедия. Причем Антон Павлович настойчиво, не раз и не два, подчеркивал: комедия, именно комедия! И с той же настойчивостью читатели, актеры, режиссеры не замечали — и по сей день не замечают — этого, видя в «Чайке» что угодно: драму, мелодраму, даже трагедию, но только не комедию.

В самом деле, почему автор именно так определил жанр своей пьесы? Почему настаивал на этом определении? Почему пьеса с трагическим концом названа комедией и является таковой по своему существу?

Думается, комический (горько-комический) эффект возникает при наложении событий, происходящих в пьесе, разговоров, поступков ее действующих лиц (в абсолютном своем большинстве совершенно ничтожных) на ту реальную кризисную, весьма тревожную обстановку, которая была характерна для России того времени. Разительное несоответствие того и другого и придает сценическому действию эффект и характер клоунады, фарса, комедии, которую разыгрывают все ее персонажи без исключения с первой и до последней сцены. Вот — первый диалог. Учитель Медведенко и Маша идут, возвращаясь с прогулки.

Медведенко. Отчего вы всегда ходите в черном?

Маша. Это траур по моей жизни. Я несчастна.

Медведенко (в раздумье). Не понимаю. Вы здоровы. Отец у вас, хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. Я получаю всего двадцать три рубля в месяц, да еще вычитают с меня в эмеритуру, а все же я не ношу траура.

Маша. Дело не в деньгах. И бедняк может быть счастлив.

Медведенко. Это в теории, а на практике выходит так: я, да мать, да две сестры и братишка, а жалованья всего 23 рубля. Ведь есть и пить надо? Чаю и сахару надо? Табаку надо? Вот тут и вертись.

Маша (оглядываясь на эстраду). Скоро начнется спектакль.

Медведенко. Да. Играть будет Заречная, а пьеса сочинения Константина Гаври-

ловича. Они влюблены друг в друга, и сегодня их души сольются в стремлении дать один и тот же художественный образ. А у моей души и у вашей нет общих точек соприкосновения. Я люблю вас, не могу от тоски сидеть дома, каждый день хожу пешком шесть верст сюда да шесть обратно и встречаю один лишь индифферентизм с вашей стороны...

Маша. Ваша любовь трогает меня, но я не могу отвечать взаимностью, вот и все. Душно, должно быть, ночью будет гроза. Вы все философствуете или говорите о деньгах. По—вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, чем... Впрочем, вам не понять этого.

Входят справа Сорин и Треплев.

Треплев. Господа, когда начнется, вас позовут, а теперь нельзя здесь. Уходите, пожалуйста.

Сорин (Маше). Мария Ильинична, будьте так добры, попросите вашего папашу, чтобы он распорядился отвязать собаку, а то она воет. Сестра опять всю ночь не спала.

Маша. Говорите с отцом сами, а я не стану.

Сорин. Значит, опять всю ночь будет выть собака. Вот история... Никогда в деревне я не жил, как хотел. Всегда уезжал отсюда с удовольствием. Ну а теперь я в отставке, деваться некуда, в конце концов. Хочешь — не хочешь, живи...

В этих диалогах, открывающих «Чайку», что видим, что слышим и чувствуем? Душная, напряженная, предгрозовая атмосфера. Тяжкий дискомфорт бытия. Каждый живет не так, как хочет, у каждого своя, непонятная другим боль. Один зациклен на деньгах, которых ему катастрофически не хватает (сколько таких и сегодня, в двадцать первом веке!), другая говорит, что не в деньгах счастье и лучше быть бедным, чем... чем что? В дальнейшем мы узнаем: чем быть влюбленной без малейшей надежды на взаимность. В начале второго действия Маша скажет: «У меня такое чувство, как будто я родилась давным-давно; жизнь свою я тащу волоком как бесконечный шлейф... И часто не бывает никакой охоты жить». И мы узнаем, что она втихаря пьет и пьет помногу, стараясь заглушить боль неразделенной любви и бессмысленности жизни. Она любит Треплева — вот оно в чем дело. Но он не слышит и никогда не услышит ее, поскольку увлечен совсем другой. В третьем действии, после того, как Треплев предпринимает неудачную попытку самоубийства, Маша скажет писателю Тригорину: «Если бы он ранил себя серьезно, я не стала бы жить ни одной минуты. А все же я храбрая. Вот взяла и решила: вырву эту любовь из своего сердца, с корнем вырву!»

Тригорин. Это каким же образом?

Маша. Замуж выхожу за Медведенка.

Тригорин. Не понимаю, какая надобность.

Маша. Любить безнадежно, целые годы все ждать чего-то. А вот как выйду замуж, будет уже не до любви, новые заботы заглушат все старое».

Николай Макаров
(г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА «МОЕ СОВЕТСКОЕ ПРОШЛОЕ»

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

С первого по седьмой класс (1955—1962), я учился в Ново-Тарбеевской средней школе Мичуринского района Тамбовской области, где директором был мой отец — Макаров Алексей Дмитриевич. Он постоянно писал в районные и областные газеты о жизни школы и села Ново-Тарбеево. Малую толику из его публикаций, чтобы иметь представление о той эпохе, привожу на этих страницах.

«Голос колхозника», 6 февраля 1955 года.

А. Макаров, заведующий агитпунктом.

С ПОМОЩЬЮ АКТИВА.

С первых же дней подготовки к выборам в Верховный Совет РСФСР и местные Советы Ново-Тарбеевская территориальная партийная организация, опираясь в своей работе на актив, развернула среди тружеников деревни широкую политическую агитацию. Выделено 32 агитатора. Многие из них, работая на десятидворках, проводят содержательные беседы.

По вечерам оживленно бывает в агитпункте. Здесь собираются молодежь, пожилые колхозники. С ними проводятся беседы, собрания, вечера вопросов и ответов, читаются лекции.

11 февраля намечено провести вечер молодых избирателей. Юноши и девушки прослушают доклад на тему: «Моральный облик молодого советского человека».

«Голос колхозника», 13 февраля 1955 года.

А. Макаров, директор Ново-Тарбеевской средней школы.

ИНТЕРЕСНЫЙ ВЕЧЕР.

В дни зимних канкул в Ново-Тарбеевской средней школе был проведен вечер встречи выпускников с учащимися. На вечере присутствовали также учителя школы и родители.

На вечере выступили ученица 10 класса «Б» Н. Баева, студент Московского лесотехнического института О. Степанов, ученица 10 класса «А» В. Грезнева, студент Харьковского медицинского института В. Остроухов, студент Плодовощного института имени И. В. Мичурина И. Михин, лучшая колхозница сельхозартели имени Ленина, выпускница школы А. Остроухова и другие.

От имени педколлектива школы участников вечера приветствовал учитель истории С. И. Чеканов.

Затем силами хорового и струнного кружков был дан концерт. Выступили также физкультурники школы.

«Голос колхозника», 15 мая 1957 года.

А. Макаров.

ВЕЛОКРОСС.

2 мая внимание жителей села Ново-Тарбеево привлек массовый велокросс, проводимый средней школой. Более 60 учащихся — любителей велосипедного спорта — оспаривали первенство в соревнованиях.

Вначале стартовали мальчики. Несмотря на встречный ветер, они шли хорошо. Первым дистанцию в 20 километров прошел ученик 9 класса Николай Михин. Его время — 1 час 38 минут.

У девочек победительницей на дистанции 10 километров вышла Зина Семенова.

«Знамя Октября», 5 ноября 1957 года.

А. Макаров, директор Ново-Тарбеевской средней школы.

ПОСТРОЕН КЛУБ.

Колхозники третьей бригады колхоза имени Ленина получили к празднику замечательный подарок — новый клуб на 300 мест. В день его открытия здесь состоялось торжественное собрание, посвященное 40-й годовщине Великого Октября.

Лучшим колхозникам были вручены премии и ценные подарки. Бригадир овощеводческой бригады т. Кузьмин получил хромовые сапоги, колхозник т. Шаталов — наручные часы, член строительной бригады т. Гуськова — отрез на платье и шаль.

«Знамя Октября», 9 сентября 1958 года.

А. Макаров, директор Н.-Тарбеевской средней школы.

В. Ковригин, заведующий клубом.

Б. Климонов, сотрудник газеты «Знамя Октября».

КОНТРАСТЫ СЕЛА НОВО-ТАРБЕЕВО.

Это никого не удивляет.

Большие перемены произошли в Ново-Тарбееве за годы Советской власти. Очень трудно найти здесь сейчас неграмотного человека. А еще труднее встретить сельчанина, который утром не знал бы, что произошло в нашей стране и за рубежом за истекшие сутки. Источник таких новостей — радио.

— В селе 547 радиоточек,— говорит председатель сельсовета т. Грезнев.— Недурно для 2500 жителей села, верно? Печатное слово тоже в почете. 365 газет и 176 журналов получаем мы из Москвы, Тамбова и Мичуринска. Есть два клуба, сельская и школьная библиотеки, причем, только в школьной — 3 тысячи книг.

Есть в селе медпункт, магазин, средняя школа, где обучаются 344 ученика.

Да, Н.-Тарбеево сегодня и оно же — 41 год тому назад не имеют между собой ничего общего. Вот еще один красноречивый факт: только учителей здесь сейчас 30 человек. А всего отряд сельской интеллигенции насчитывает около 50 человек!

Впрочем, сейчас это никого не удивляет. Сплошная грамотность, хорошее медицинское обслуживание, радио, газеты, библиотеки, клубы — все это давно уже стало привычным, прочно вошло в быт.

Если пройтись по селу...

Да, давайте пройдемся, хотя это дело и не легкое — не на один километр раскинулись улицы Н.-Тарбеева.

Прежде всего, конечно, вы обратите внимание на сады. Что ни дом, то густая стена из плодовых деревьев. Под нежарким сентябрьским солнцем всюду матово поблескивает крутобокая антоновка, племенеют пепины и анис.

Только весной нынешнего года жителями села высажено 800 плодовых деревьев и намечается посадить осенью еще 1700 штук.

Но и на этом рост индивидуального садоводства не будет прекращен. Колхозники, механизаторы, интеллигенция полны решимости в ближайшие 2—3 года удвоить число плодовых деревьев, расширить ягодники.

...Глаз прохожего радуют и новостройки. Дробный перестук плотничьих топоров, визг пил и фуганков можно услышать всюду. В нынешнем году уже 19 семей справили новоселье. 12 домов находится в стадии строительства. В недалеком будущем справит новоселье колхозный свинарь В. А. Грезнев, колхозники А. Г. Солончев, В. И. Тимофеев и многие другие.

А колхозное строительство? Не один десяток строк потребуется для того, чтобы только назвать многочисленные новые общественные постройки, возведенные и возводимые в этом году.

Вас интересует водоснабжение? К сожалению, о водопроводе говорить пока рано. Но разве вода из хорошего шахтного колодца хуже? В нынешнем году планировалось построить 5 новых колодцев, а сдано в эксплуатацию — 9.

И еще немало интересного можно увидеть на улицах Н.-Тарбеева. Интересного и поучительного. Вот, например, пробегает веселая стайка ребят. Жизнерадостные, кранощекие крепыши: очень чисто одеты, в руках портфели, лица — в сиянии улыбок. Это тоже неотъемлемая деталь улиц нашего советского села — счастливые дети.

Сельские контрасты.

Да, растет село, хорошеет, все краше становится жизнь трудящихся.

Но было бы неправильно не замечать недостатки.

Вот, например, совсем неотрадный факт: на 2,5 тысячи жителей села нет парикмахерской.

По-видимому, у руководителей сельсовета есть возможность регулярно пользоваться услугами городских мастеров стрижки и бритья, а как быть колхозникам, не имеющим возможности в рабочую пору совершать дальние и дорогостоящие поездки?

В Н.-Тарбееве можно обнаружить еще не мало, мягко говоря, странных контрастов. В селе, имеющем многочисленный отряд интеллигенции, среднюю школу, клубы, отсутствует... баня!

И еще факт. В местном колхозе имени Ленина в страдную пору весенних и осенних полевых работ постоянно ощущается острая нехватка рабочих рук. В то же время десятки молодых матерей-колхозниц вынуждены сидеть дома с детьми — в селе нет ни одних детских яслей.

Это не мелочи!

Каких-то двадцать лет тому назад на владельца велосипеда в селе смотрели с некоторой завистью: вот, мол, как человек живет — «самокат» купил! А сейчас здесь 384 велосипеда и 5 мотоциклов в личном пользовании. Этот факт говорит прежде всего о растущем благосостоянии тружеников села.

А общественная техника? Год от года увеличивается колхозный автопарк, артель имеет теперь свои тракторы и комбайны. Моторы перевозят людей и грузы, пашут землю, убирают урожай, сортируют зерно — всюду моторы.

А вот дома колхозников до сих пор освещают примитивные керосиновые лампы, от которых и чад, и копоть.

— Построили электростанцию на 105 киловатт,— можно услышать в сельсовете.— Электричества с избытком хватит на все село.

Верно, построили и... законсервировали — не оказалось столбов, нет наружной и внутренней проводки, изоляторов.

И вот продолжают уживаться вместе — высокая техническая оснащенность хозяйства с керосиновой копотью в жилищах людей.

От кого это зависит? Можно сколько угодно ссылаться на объективные причины, но нельзя не признать: есть в том доля вины и местных органов власти. Проявить бы им побольше заботы о людях и, как знать, быть может, уже сейчас «лампочки Ильича» ярко сияли бы в домах колхозников.

И еще о заботе. Едва ли председатель сельсовета не знает, как женщинам дается белизна столового, постельного и прочего белья. Заходят они босиком в холодную речную воду и полощат. Кажется, чего проще — поделать на берегу мостки со скамьями для ведер и белья.

В селе нет овощного ларька. Колхоз и колхозники могли бы сдавать сюда часть продукции для свободной продажи. Покупатели? Безусловно нашлись бы. Тем более, если ларек построить рядом с автобусной остановкой.

Впрочем, оговоримся: был ларек, построили и тут же... разобрали.

Мелочи? Нет! Разве не из таких вот подчас незаметных «мелочей» складывается большая культура нашего села?

Тени прошлого.

Сейчас только немногие убеленные сединой старики помнят прошлое села Ново-Тарбеево. А новое поколение, выросшее в годы Советской власти, лишь понаслышке знают, как жили люди до Октябрьской революции, каким было их село прежде.

Из Ново-Тарбеева за 40 лет вышло немало замечательных людей. Достаточно сказать, что только за последние годы инженерные, научные, учительские кадры страны пополнились отсюда десятками крупных специалистов. Алексей Крадинов, например, аспирант медицинского института, Дмитрий Степанов — инженер управления совнархоза, Виктор Остроухов — военврач.

Этот список можно бы пополнить еще множеством имен. И никакого, конечно, сравнения не может быть с дореволюционным Ново-Тарбеевым, поставлявшим для царской армии только рекрутов да дешевую рабочую силу для заводов и фабрик капиталистов.

Есиповы дворы, Будиловка, Епишина гора и даже... Кобелевка! Странные наименования для современного села.

Почему здесь увековечена память о кабатчике Есипе? И кто такой был Епишин, чтобы до сих пор помнить его имя?

В годы Великой Отечественной войны некоторые жители села Ново-Тарбеево, мужественно защищая Родину, пали смертью храбрых. Вот чьи имена следовало бы увековечить! И кому, как не сельскому Совету заняться этим вопросом.

Ново-Тарбеево — не молодое село. В седую старину уходит его прошлое. Веками люди пахали здесь землю, промышляли в полноводной реке рыбу и зверя — в глухих лесных чащобах.

41 год в вековой истории этого села — небольшое время. Но как расцвело Ново-Тарбеево за годы Советской власти, как поднялось благосостояние его людей!

И если мы говорим сегодня о недостатках, то лишь затем, чтобы завтра их не было вовсе, чтобы жизнь стала более полнокровной, богатой.

«Знамя Октября», 20 ноября 1958 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ.

В минувшее воскресенье в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось родительское собрание. Родители прослушали доклады «О дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» и «Итоги первой четверти 1958—1959 учебного года».

После собрания многие родители осмотрели школьную кролиководческую ферму и вновь оборудованную мастерскую, ознакомились с фотовитринами «Отличники

ученической производственной бригады школы» и «Учащиеся на уборке урожая в колхозе имени Ленина в 1958 году».

«Знамя Октября», 26 февраля 1959 года.

А. Макаров, директор Н.-Тарбеевской средней школы.

ЮНЫЕ КРОЛИКОВОДЫ.

Интересные разговоры можно слышать в нашей школе во время перерывов между уроками. В центре внимания — письмо коллектива учителей и учащихся Абакумовской средней школы. Призыв абакумовцев — выращивать и откармливать скот на учебно-опытных фермах — нашел горячий отклик у ребят, уже имеющих некоторый опыт выращивания кроликов.

Кролиководческая ферма в нашей школе была организована в прошлом году. Все началось с приобретения трех самок и самца. Пушистые, они сразу понравились всем ребятам, особенно малышам. Животные стали общими любимицами. Школьники изготовили для кроликов клетку.

А вскоре был организован кружок юных кролиководов, который поставил перед собой задачу — в несколько раз увеличить поголовье на ферме и вырастить животных для других школ. Эта задача успешно решена. В январе и феврале нынешнего года учащиеся передали 20 крольчат Крюковской и Старо-Хмелевской средним школам. Сейчас ферма насчитывает 18 самок и самцов.

Обсудив письмо абакумовцев, школьники решили к концу 1959 года сдать государству 100 кроличьих тушек. Намечено построить помещение, рассчитанное на 300 голов.

«Знамя Октября», 23 января 1960 года.

А. Макаров.

К ЮБИЛЕЮ.

В конце этого месяца вся страна будет отмечать юбилей А. П. Чехова. Готовятся к этим дням и учащиеся Ново-Тарбеевской школы.

Под руководством учителей ребята готовят инсценировки и рассказы любимого писателя.

«Знамя Октября», 26 января 1960 года.

А. Макаров.

У НОВОТАРБЕЕВЦЕВ.

На днях в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось родительское собрание. Родители прослушали доклад об итогах школы за первое полугодие, лекцию о текущих событиях, просмотрели диафильм «За тесную связь школы с жизнью».

* * *

Первоклассники провели свой традиционный праздник — «Проводы букваря». Гостями у них были учащиеся вторых-четвертых классов, родители, учителя. Юные артисты показали инсценировки народных сказок «Репка», «Заяц и лиса», песни «Два веселых гуся».

Девочки-первоклассники Нина Бородина, Таня Макарова, Нина Баева и другие прочитали стихотворения «Береги свои вещи», «Букварь» и другие. Хор первоклассников исполнил «Песню октябрят».

* * *

18 января в школе проходил вечер «Химия вокруг нас», подготовленный учительницей А. П. Погадаевой. Учащиеся 7—10 классов В. Чернышев, В. Баева, В. Ми-

лованов, В. Брюхин и другие расказали о применении химии в сельском хозяйстве, промышленности, медицине, быту.

Ученик девятого класса Валерий Чернышев продемонстрировал ряд опытов.

Сейчас учащиеся готовятся к проведению математического вечера, посвященного выдающейся русской женщине-математику Софье Ковалевской.

* * *

На днях были подведены итоги конкурса «Лучшая тетрадь в первом полугодии». Победителями оказались учащиеся В. Чернышев (9 класс), В. Баева (8 класс), Н. Десятова (7 класс), А. Грезнева (5 «А» класс), Э. Кулакова (5 «Б» класс) и другие, всего двадцать семь человек.

Победителям выданы призы — произведения художественной литературы.

«Знамя Октября», 4 февраля 1960 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

И В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ ОТКРЫТЫ ДВЕРИ ШКОЛЫ.

Давно ли это было? Воскресенье, выходной день. На дверях школы висит огромный замок. А ребятишки так и тянутся к школе: здесь и спортплощадка, и шахматы, и домино, шашки, книги. Но в школу не войдешь, школа закрыта!

В январе этого года первый раз в воскресенье открылись школьные двери. Но открылись они не для того, чтобы ребята, как в обычные дни, сели за парты, а для игр, соревнований, для того, чтобы ребята с пользой для здоровья провели свой выходной день.

В минувший воскресный день (а день-то какой был: легкий морозец, солнце, иней!) коридоры школы наполнились звоном ребячьих голосов, смехом, задорной песнью. Сегодня пионерские лыжные соревнования!

Быстро разобраны лыжи, подогнаны к ногам, укреплены. На лыжню! На старт!

Нет недостатка в болельщиках: здесь и октябрята — ученики 1—3 классов; здесь и взрослые: бригадир садоводческой бригады, секретарь комсомольской организации колхоза имени Ленина, бывший наш воспитанник и чемпион школы по лыжам Анатолий Грезнев, электромонтер колхоза В. В. Десятов, вместе с женой «болеющий» за свою дочку, бывший ученик школы демобилизованный воин Н. Грезнев и многие другие, кому дорога спортивная честь школы и села.

...Юные лыжники выстраиваются у ленточки старта. Преподаватели физкультуры А. С. Грезнев и С. П. Власов — с секундомерами в руках наготове, на дистанциях — члены физкультурного совета школы с красными флажками в руках.

Взмах флажка, и первая пара пошла. Через 15 секунд — вторая, третья, четвертая...

Время не идет — летит. «Болельщики» волнуются: кто первый?

Закончились соревнования. Пока судейская комиссия подсчитывает результаты, выявляя победителей, пока заполняют грамоты, в зале под гармонь, на которой играет участник соревнований пионер пятого класса Витя Баев, ребята танцуют. Здесь и лыжники — пионеры, их старшие товарищи — комсомольцы, пришедшие на репетицию, здесь и малыши — октябрята, самые рьяные «болельщики» (они сегодня с пионервожатой разучивали песни, вышивали)...

Результаты соревнований известны, их объявляют со сцены.

На дистанции в 1 км (для девочек) первой со временем 7 минут 16 сек. была ученица 5 класса «А» Нина Баева, ее одновлассник Витя Баев вышел победителем на двухкилометровой дистанции (для мальчиков) со временем 11 минут 13 сек. На этой же дистанции среди девочек победила пионерка 7 класса Надя Десятова (не зря «бо-

лели» родители), ее подруга Нина Тарареева показала время 17 минут 36 сек. на 3-х километровой дистанции, выполнив норму юношеского разряда для девушек.

В забеге на 5 км в норму юношеского разряда уложились пионеры из восьмого класса Александр Ткачев и Анатолий Жданов, занявшие на этой дистанции 2-е и 3-е места с результатом 24 минуты 20 сек. и 24 минуты 21 сек. Первое место на этой дистанции занял ученик седьмого класса Евгений Власов со временем 23 минуты 29 сек., уложившийся в норму третьего спортивного разряда. Победители были награждены грамотами и призами.

В следующие воскресенья ребята будут смотреть диафильмы, участвовать в различных спортивных соревнованиях, в шахматном турнире, обсуждать любимые книги, отправятся в походы... Много интересных, полезных дел можно сделать, если в воскресенье в школе открыты двери!

«Знамя Октября», 16 февраля 1960 года.

А. Макаров.

СТРАННО, НО ФАКТ.

Вот уже две недели молчат репродукторы на левой стороне улицы «Сельские хутора» в селе Ново-Тарбеево. Несколько раз обращались жители в Мичуринский радиоузел с просьбой исправить повреждения, мешающие слушать голос родной Москвы. Увы! Руководители радиоузла обещают, а репродукторы молчат.

Радиослушатели интересуются, неужели еще в моде старая поговорка: «Обещанного три года ждут». Странно, но, кажется, так!

«Знамя Октября», 23 февраля 1960 года.

А. Макаров.

ОТМЕЧАЮТ ГОДОВЩИНУ.

Торжественно отмечают учащиеся Ново-Тарбеевской средней школы сорок вторую годовщину Советской Армии и Военно-Морского Флота. В вестибюле школы оформлен фотомонтаж «Советская Армия на страже мира».

Учащиеся просмотрели диафильмы «Боевой путь Вооруженных Сил СССР» и «Реактивная авиация». 23 февраля в школе состоится вечер, посвященный Дню Советской Армии.

«Знамя Октября», 25 февраля 1960 года.

А. Макаров.

НА ПРИЗ ГАЗЕТЫ «ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА».

На днях в селе Ново-Тарбеево состоялись кустовые лыжные соревнования на приз газеты «Пионерская правда». В них приняли участие команды пионерских дружин Ново-Тарбеевской, Старо-Казинской средних и Ярковской семилетней школ.

На всех четырех дистанциях первыми финишировали новотарбеевские школьники. В личном первенстве лучших результатов добились спортсмены этой школы В. Остроухова, Н. Тарареева, В. Баев, Г. Грезнев.

Вызывает сожаление тот факт, что пионерские дружины Горитовской, Липовской и Мало-Лавровской семилетних школ не выставили свои команды для участия в этих соревнованиях.

«Знамя Октября», 1 марта 1960 года.

А. Макаров.

МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР.

На днях в Ново-Тарбеевской средней школе состоялся математический вечер, по-

священный выдающейся русской женщине-математику Софье Васильевне Ковалевской. Вечер подготовили члены математического кружка.

Ученица восьмого класса Валя Баева доходчиво рассказала о жизни и деятельности С. В. Ковалевской. Александр Ткачев, ученик восьмого класса, познакомил присутствующих с высказываниями ученых о талантливом математике.

В программе художественной самодеятельности — чтение стихотворений С. Ковалевской, которая занималась не только математикой, но и поэзией; рассказы из цикла «Числа-великаны»; инсценировки стихотворений С. Я. Маршака «Веселые числа» и «Нуль»; короткие инсценировки «Своим умом» и «Рыболовы».

Хорошо вел программу ученик восьмого класса Валентин Конов, который в перерывах между номерами занимал ребят задачами—шутками, умножением на пальцах.

«Знамя Октября», 22 апреля 1960 года.

А. Макаров.

Село Ново-Тарбеево.

НА ВОСКРЕСНИКЕ.

Наши ученики уже привыкли к тому, что в воскресенье открыты двери школы, где они могут посмотреть диафильмы, поиграть в шахматы и шашки, разучить новые песни, почитать книги.

Но в это воскресенье, 17-го апреля, ребята пришли в школу для того, чтобы работать. Накануне был объявлен воскресник учителей и учащихся 3—10 классов. Учащиеся разбиты на группы, каждой группе дано задание. Пионеры 3—4 классов, разделившись на 4 отряда, расходятся от школы в разных направлениях. Их задание — сбор металлолома. И вот идут первые сборщики, в руках у них старые кастрюли, чугуны, керосинки, поломанная кровать... Появляются связные от отрядов, ушедших на отдаленные участки:

— Нам нужна лошадь, мы собрали много лома.

Неплохо поработали пионеры: за два часа они собрали около двух тонн металлолома.

Пятиклассники в это время наводили порядок у здания школы. В руках у них грабли, метлы, лопаты, ведра. Дружно идет работа: сгребают, сметают мусор и в ведрах относят его с территории школьного двора. А пятиклассники Толя Крадинов, Валя Жданова, Надя Брюхина и другие превратились в маляров: они занимаются побелкой стволов тополей и кленов, растущих вокруг школы.

У пятиклассников также, как и у пионеров 3—4 классов, появились и добровольные помощники — октябрята 1—2 классов, которых не приглашали на воскресник. Но разве могут они стоять в стороне, когда их старшие товарищи заняты интересной работой!

Старшеклассники, учащиеся 6—10 классов, отправились в этот день на заготовку черенков тополя, нужных для садозащитных полос колхоза имени Ленина. Они заготовили около десяти тысяч черенков тополя.

Ребята довольны проведенным воскресником: потрудились хорошо, проделана нужная, полезная работа.

«Знамя Октября», 8 октября 1960 года.

А. Макаров.

ДЛЯ ПИОНЕРСКОЙ ДВУХЛЕТКИ.

Село Ново-Тарбеево. Пионеры средней школы 2 октября собрались на торжественную линейку. К старшей пионервожатой один за другим подходят с рапортами председатели советов отрядов. Они зачитывают обязательства отрядов, вступающих в пионерскую двухлетку.

Хорошие обязательства! «Озеленим свое село, поможем родному колхозу, соберем металлолом для нефтепровода Волга — Восточная Европа» и т. д .

В первом пункте пионерских обязательств указано: «Все, как один, перейдем в следующий класс!». Это самое главное, за что будут бороться пионеры в своей двухлетке.

Их слова не расходятся с делом. С начала учебного года ученики убрали в колхозе картофель с площади 15 гектаров, собрали початки кукурузы с 26 га, помогли убрать урожай огурцов, помидоров, тыквы, свеклы.

«Знамя Октября», 27 октября 1960 года.

А. Макаров.

ВСЕ ПОДПИСАЛИСЬ!

Педагогический коллектив Ново-Тарбеевской средней школы небольшой: 22 учителя, библиотекарь, пионервожатая; 17 учительских семей. Все они являются подписчиками на газеты и журналы. Да иначе и быть не может. Для учителя газеты и журналы — необходимость.

Все учителя оформили подписку на новый, 1961 год. Старейшая учительница, проработавшая в школе свыше 30 лет, А. П. Погадаева на 1961 год выписала три газеты и четыре журнала: «Советская Россия», «Учительская газета», «Знамя Октября», «Вокруг света», «Химия в школе», «Крестьянка», «Работница».

Учитель С. П. Власов подписался на четыре газеты и четыре журнала. По семь газет и журналов выписали учителя М. Г. Акимова, К. Т. Бородина; по шесть экземпляров — А. С. Грезнев, В. А. Ковригин, А. А. Недобежкин, С. И. Чеканов.

Всего учителя выписали 53 газеты и 37 журналов 25-ти наименований: «Правда», «Учительская газета», «Советская Россия», «Пионерская правда», «Знамя Октября», «Агитатор», «Крестьянка», девять методических журналов и т. д.

Подписались на районную газету «Знамя Октября» и все шесть техслужащих школы.

«Знамя Октября», 29 октября 1960 года.

А. Макаров.

УЧАЩИЕСЯ ЛЮБЯТ СПОРТ.

Любят спорт в Ново-Тарбеевской средней школе. 52 грамоты завоевали школьники на районных и областных соревнованиях. Это достойные плоды упорных, кропотливых тренировок. В этом немалая заслуга преподавателя физкультуры А. С. Грезнева.

Много пришлось потрудиться ребятам. Так, закончены работы по оборудованию футбольного поля, волейбольной и баскетбольной площадок, стрелкового тира. Установлена на спортивной площадке перекладина, залита цементом городошная площадка.

С первых дней учебы началась подготовка к участию в традиционных внутришкольных соревнований по легкой атлетике. Соревнования будут посвящены славному юбилею Ленинского комсомола.

16 октября более 60 учащихся оспаривали первенство по прыжкам в длину и высоту, в беге на 60 и 100 метров, в метании гранаты и диска, по толканию ядра.

Победителями по младшей группе (5—7 кл.) стали В. Грезнев, Н. Гречишкина, В. Баев, В. Чеканов.

Среди старшеклассников сильнейшими были Л. Струкова, А. Кувшинова, А. Ткачева, А. Жданов, Н. Дмитриев. Спортсмены, занявшие 1—3 места, награждены грамотами.

«Знамя Октября», 1 ноября 1960 года.

А. Макаров.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ИТОГИ.

Неплохо подготовилась партийная организация колхоза им. Ленина к новому учебному году в сети партийного просвещения. Выделены пропагандисты, которые побывали на семинарских занятиях в райкоме КПСС, составлены списки слушателей кружков, определены место и время занятий.

Накануне учебного года состоялось открытое партийное собрание, обсудившее вопрос о политической учебе.

Вот и наступил первый день занятий. Неплохая явка была в начальном экономическом кружке механизаторов (пропагандист тов. Ковригин), на семинаре по истории КПСС. Слушатели остались довольны первыми занятиями.

Однако так было далеко не везде. Кружок по изучению истории КПСС (Н.-Тарбеевский участок) насчитывает 10 коммунистов, а явилось только два. Говорят, пример старших заразителен. Не прибыли на занятие и комсомольцы. Напрасно пропагандисты С. И. Чеканов и А. А. Недобежкин в течение двух часов ожидали своих слушателей. Они не пришли.

Партбюро необходимо учесть с первых дней учебного года эти уроки, укрепить дисциплину среди слушателей, постоянно осуществлять контроль за учебой коммунистов и комсомольцев.

«Знамя октября», 17 ноября 1960 года.

А. Макаров.

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ.

В минувшее воскресение в Ново-Тарбеевской средней школе состоялось общешкольное родительское собрание, на котором были обсуждены итоги 1-й четверти, избран новый состав комитета.

Для родителей силами учащихся был дан концерт художественной самодеятельности.

Очень понравились зрителям юмористические сценки пятиклассников «Огорчения без обучения» (Толя Баев и Володя Струков), «Лентяй с подушкой» (Коля Грезнев и Толя Баев). Девочки-пятиклассницы спели частушки на школьные темы. Ученица седьмого класса Надя Гречишкина прочитала стихотворение «Если б не было того, что миновало...». Четвероклассники показали несколько инсценировок басен И. А. Крылова, а Коля Брюхин спел песню «Россия — родина моя».

Дружными аплодисментами наградили зрители членов гимнастического кружка.

«Знамя Октября», 17 января 1961 года.

А. Макаров.

О ШКОЛЬНОМ БУФЕТЕ.

Не первый год существует в Ново-Тарбеевской школе буфет, который снабжает Старо-Казинское сельпо. С начала учебного года была здесь организована продажа молока, сладкого чая, булочек, батонов, были дешевые конфеты, печенье, иногда колбаса.

Но вот уже месяца два, как на полках остались лишь ирис «Забава», конфеты «Ласточка», печенье. Продается горячий чай, но ни булочек, ни белого, а подчас даже черного хлеба нет. Старо-Казинское сельпо совершенно перестало беспокоиться о снабжении школьного буфета дешевыми и питательными продуктами.

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск, Мурманская обл.)

Вадимир Вадимович Трусов — поэт, прозаик, публицист, автор — исполнитель, член Союза писателей России, председатель Совета мончегорской городской общественной организации «Цех изящной словесности», а также председатель Оргкомитета традиционного фестиваля авторской песни «Дни Владимира Высоцкого на Кольской земле». Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

КОГДА СУДЬБА БОЛЬШЕ ЖИЗНИ
(О романе Дмитрия Коржова «Несмиренный живописец»)*

О Дне славянской письменности и культуры в нашей стране сегодня знают все. Ну, хорошо, если не все, то уж очень и очень многие. Шутка ли сказать, ведь это единственный государственно-церковный праздник в современном российском календаре. И отмечается он, да, весьма широко и повсеместно. А откуда сей торжественный «День...», собственно, взялся? Чьими стараниями его стали вновь отмечать, с какого времени, и где истоки такого значимого для отечественной культуры ежегодного события? Уверен, что на подобные вопросы внятно сумеет ответить далеко не каждый. Тем паче, что тележурналисты, особенно столичные, освещающие из года в год торжественные мероприятия, посвященные Дню славянской письменности и культуры, великодушно опускают подробности совсем недавней нашей истории, иногда упоминая, что праздник был возрожден в середине восьмидесятых, на мурманской земле... Впрочем, такую преамбулу я затеял отнюдь не из стремления во что бы то ни стало обозначить некие приоритеты, но лишь для того, чтобы заметить, в частности, насколько своевременно и логично увидела свет книга моего коллеги, известного мурманского литератора Дмитрия Коржова «Несмиренный живописец», посвященная жизни, творчеству и общественной деятельности большого русского писателя, певца поморского севера, Виталия Семеновича Маслова. А ведь именно инициативой и трудами этого человека, совершенными, конечно же, вместе с плеядой единомышленников, и было возобновлено празднование Дня славянской письменности и культуры. И произошло сие знаковое событие в Мурманске, в 1986 году.

Писать о В. С. Маслове, на мой взгляд, очень и очень непросто. Слишком уж масштабная личность, да и круг его пристрастий, увлечений и занятий весьма и весьма широк. Это и долгие годы, отданные морю, и большая, серьезная литература, и поддержка и воспитание молодых поэтов и прозаиков, и воплощение в жизнь идей культурного единения славян, а еще постоянная, неустанная забота о сохранении малой родины, ее истории и будущего. В таком объеме информации можно и утонуть, так и не достигнув цели повествования, утратив в завале фактов и событий

* Несмиренный живописец: роман-биография / Дмитрий Коржов.— Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2018.— 272 с.

На открытии памятника Кириллу и Мефодию в Мурманске вместе с Владимиром Гиновски, представлявшем болгарскую церковь архимандритом Нафанаилом и Семеном Шуртаковым. 1990 г.

главного героя. Да ведь и сама личность Виталия Семеновича, сложная, порой противоречивая, неуступчивая, «несмиренная», это уже отдельная тема. Поэтому вполне естественно и очень отрадно, что за такой сложный литературный труд взялся именно Дмитрий Коржов, ученик и во многом сподвижник Виталия Семеновича, очень близко его знавший и весьма доверительно с ним общавшийся. Неоценимую помощь автору оказала и спутница жизни В. С. Маслова, Валентина Устиновна, хранящая личный архив мужа и давшая возможность Дмитрию Коржову плодотворно с этим архивом работать. Книга вполне могла бы выйти в серии «Жизнь замечательных людей», коей по всем статьям соответствует, но по ряду обстоятельств такого не случилось, и подобный оборот, по-моему, нисколько делу не повредил, даже напротив, ибо все-таки серия «ЖЗЛ», при всем к ней пиететe, имеет тенденцию к некоторому «обронзовению» своих героев, а у автора «Несмиренного живописца» получился живой человек, вполне реальный Виталий Маслов, и его присутствие где-то поблизости весьма ощутимо при прочтении книги.

Возьмите карту России и найдите в Архангельской области городок Мезень, а от него отступите еще полсотни километров по беломорскому побережью на восток. Вот тут, точнее там, и находится малая родина Виталия Маслова — старинная поморская деревня Сёмжа, где и время издревле считали по приливам и отливам, т.е. «по воде». Сёмжане — прирожденные рыбаки и судоводители, их охотно приглашали на работу теми же лоцманами в Мезенский порт и не только. Вот и юный Виталий, покинувший родные места, поступил в Ленинградскую мореходку, стал специалистом по судовой радиосвязи, работал на судах на Сахалине, в Тикси, на Севморпути, потом попал на ледокол «Ленин», которому отдал два десятка лет жизни, став начальником радиослужбы знаменитого флагмана советского ледокольного флота и заслуженным радистом СССР. Но где бы ни был Виталий Маслов, куда ни заносила бы его судьба и морская стезя, и позже, проживая постоянно в Мурманске, он никогда не забывал о родных местах, которым был верен смолоду и до последнего вздоха всем сердцем, всей душой. В точности, как у Николая Рубцова:

...С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Связь эта прослеживалась во всем, в прозе и поэзии Маслова, в его искренней заботе и неподдельном волнении о настоящем и будущем русского Поморья, в его подвижническом стремлении восстановить историю родной деревни, генеалогию ее жителей, в создании деревенского музея в уже практически нежилом поселении, и даже в том, что свой последний приют Виталий Семенович обрел на родном погосте.

И творчество Маслова было в основном посвящено темам Русского Поморья. Писал он, широко используя поморский диалект, так называемую «гов*о*рю», из-за которой имел немало проблем с критикой, и вообще с оценкой своих произведений в профессиональной среде. И ведь немало уколов и упреков доставалось Виталию Семеновичу от коллег, особенно столичных, попросту плохо понимавших поморскую «терминологию» и оттого не принимавших прозу Виталия Семеновича. Смолоду у него так повелось. Но вот, что примечательно, те же рассказы Маслова сразу принял и по достоинству оценил Федор Абрамов. А заслужить похвалу Федора Александровича вообще-то мало кому удавалось. Знать почувствовал мастер в молодом коллеге-земляке родственную душу, болеющую за русский Север, почувствовал и поверил искренности его переживаний за судьбы родной земли. А про «поморские словечки»... сам Виталий Семенович говорил, мол, если на этом диалекте говорят его герои в реалиях, то отчего же он не должен эту «гов*о*рю» использовать. Позиция? Несомненно. Однако твердая позиция в чем-либо во все времена стоит не дешево. Вот и более широкой известности прекрасной прозы Маслова существенно помешало его трепетное отношение, в частности, к поморскому диалекту. Да и вообще, откровенно говоря, кому там, в столицах, было «интересно», чем живет и дышит далекий поморский край?! И вообще русский заполярный Север?! Немногим, смею вас уверить. Хоть и «были люди в наше время».

Фидель Кастро и Виталий Маслов. Мурманск, ледокол «Ленин», 1963 г.

А знаете, как Виталий Маслов ухитрился пригласить на свою свадьбу самого Фиделя Кастро? Не знаете? Так читайте об этом на страницах «Несмиренного живописца»! И не только об этом, в жизни главного героя происходило немало удивительных событий. И люди ему встречались прекрасные. Была крепкая многолетняя дружба с Семеном Шуртаковым, Виктором Конецким, Василием Беловым... А еще была неустанная забота о молодых, начинающих писателях и поэтах, было литобъединение Мурманского отделения Союза писателей, была серия «Первая книга по-

эта», помогающая дебютантам войти в мир литературы, была серьезная учеба, творческие семинары, требовательная, искренняя критика... Маслов как раз из тех людей, кто способен быть и наставником, и другом. Настоящим, честным, требовательным, порой даже суровым.

Он, собственно, был настоящим во всем. И возникшую вполне органично идею возрождения Дня Славянской письменности и культуры он выносил в душе и сердце, выпестовал, и вместе с единомышленниками, какими были, например, мурманские поэты Виктор Тимофеев или Владимир Смирнов, воплотил в жизнь. Конечно, тут проявили полную солидарность и оказали большое содействие литераторы и журналисты из Болгарии, ведь у них этот праздник никогда не отменяли и свято отмечали, а для Маслова к тому же имела огромное значение интеграция культур братских, славянских народов, связанных общими историческими вехами. А когда в девяностом году болгарские коллеги предложили наградить Маслова и Тимофеева орденами, то в ответ услышали, что не надо орденов, лучше подарите Мурманску памятник Первоучителям, святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, такой же, как стоит в Софии. И дело было сделано. Копию памятника везли через весь Советский Союз, с многочисленными остановками по пути, люди встречали памятник, как святыню, это было шествие, сравнимое с триумфальным, и с той поры есть у нас, в столице Кольского края, своя Площадь Первоучителей, перед Областной научной библиотекой. Истинное же значение этого события было затушевано иными, происходящими в то время, деструктивными и негативными, приведшими к краху СССР и наступлению очередной смутной поры. Но жизнь и работа продолжались, и впереди был первый Славянский ход «Мурман — Черногория», успешно проведенный в девяносто седьмом, и, кстати, успешно повторенный в августе-сентябре 2018-го, стараниями автора книги Дмитрия Коржова, а также еще одного моего товарища по писательской стезе, Ильи Виноградова.

Книга же, на мой взгляд, интересна еще и тем, что о главном герое на ее страницах говорит не только автор, немалое место отведено свидетельствам, высказываниям и оценкам многих и многих людей, сталкивавшихся с Виталием Семеновичем в жизни, близко его знавшим, участвовавших в общих делах и свершениях. Оттого и палитра повествования столь колоритна и разнообразна. Такое «многоголосие» помогает читателю составить свое, глубокое и взвешенное мнение о прочитанном. Стиль повествования и организация материала: деление книги на небольшие главки, которые вполне могут существовать и отдельно от основного текста, также способствуют сосредоточенному и вдумчивому восприятию информации, как будто на данный момент самой основной, главной, а также проникновению в отдельно взятую тему, ее неспешному, вдумчивому осмыслению. Опять-таки автор пишет со свойственной ему полемичностью, справедливо предвидя, что многие его мнения и выводы могут быть оспорены с известной категоричностью, пишет, не опасаясь, что может «вызвать огонь на себя». Но такая позиция лишь повышает актуальность книги, а споры и прения, уж коли таковые случатся, и станут показателем, что личность и дела главного героя не забыты, и волнуют нас до сей поры.

Слово о Виталии Семеновиче Маслове, сказанное Дмитрием Коржовым, я бы рекомендовал к прочтению прежде всего всем своим коллегам, собратьям по перу, особенно только начинающим свой путь в литературе. Почему? А вот познакомьтесь поближе с «Несмиренным живописцем» и, думаю, ответ придет сам собой. А в целом книга, конечно же, предназначена для самого широкого круга читателей. Это тот случай, когда судьба человека, писателя и гражданина больше, чем его жизнь. К счастью, подобное еще встречается в нашем мире, хоть и не столь часто, как хотелось бы.

ТРИ ТИПА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЖЕНСКОГО ХАРАКТЕРА В НОВОМ РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА

Известный современный русский писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских, международных и иностранных литературных премий, главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», уже второй десяток лет издающегося в Туле, член правления Академии российской литературы Алексей Яшин — давний друг, единомышленник и участник Независимого литературного агентства «Московский Парнас». А «Приокские зори» его создатель номинирует как выходящий под эгидой Академии. На второй же десяток пошел счет книгам, преимущественно романам, изданным Алексеем Афанасьевичем в «Московском Парнасе». И анализируемая нами сейчас* не исключение. И еще: Алексей Яшин — активно работающий на исследовательской ниве ученый с мировой известностью, создатель научных школ с мало что говорящим непосвященному названиями: «Биофизика полей и излучений», «Феноменология ноосферы» — и соответствующих им научных дисциплин. На мой давний вопрос о сочетании «в одной голове» серьезного, профессионального литературного творчества, столь же профессиональной научной деятельности и глубоко неформального участия в российском литературном процессе, а сейчас и в белорусском, как члена Беллитсоюза «Полоцкая ветвь», ответ был получен в чисто яшинском североморском (то есть, понимай, как хочешь: с юмором, серьезно и так далее...) контексте: «Наверное, Леонид Васильевич, гены перемешались в таком порядке — или беспорядке? — отца из калужских старообрядцев-поповцев и архангельской матери с примесью шотландских кровей, у которой в ее селе Великий Халуй бытовали, как то принято в русских старинных поселениях, две фамилии: Третьяковы и Прянишниковы».

...Дело давнее и «тонкое», но появление писателя Яшина в нашем «парнасском», а далее в академическом сообществе, сразу было отмечено как «выход в московский литературный свет» незаурядного дарования с его своеобразным литературным почерком, колоритным языком, проницательным взглядом на окружающее бытие, что сразу выдает в нем не только генетического потомка (см. выше), но и просто воспитанного в природно суровой, но человечески доброжелательной среде «владений» Краснознаменного Северного флота СССР. Там лишних слов не говорят, но все обдумывают заранее. А это обдумывание есть кладезь знаний о мире вещей и людей для будущего писателя.

...И мы в долгу не остались, отметив появление в нашем литературном сообществе такой своеобразной и заметной личности, тем более — выпускника еще знаменитого «пименовского» Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР, активиста семинара писателя-фронтовика Бориса Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника».

В издаваемой «Московским Парнасом» серии «Созвездие России» выходят книги, посвященные литературной деятельности Алексея Яшина: моя «Тульский энциклопедист» (2008) и Натальи Квасниковой «От сатирика слышу!..» (2013).

Но, как бы сказал Афанасий Андреянович, отец нашего автора, боевой моряк-североморец, «от звонка до звонка» участник Финской кампании и Великой Отечественной войны, пора и к делу.

Дело же, то есть содержание предваряемой книги, в том, что наш автор по при-

---

* Алексей Яшин. Женщина в человейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронном виде см. на сайте www.pz.tula.ru

роде своего творчества есть, по определению одного из рецензентов его прежних книг, тож «парнасцев» и академистов <имя рек>, *фундаменталист*. Это не есть расхожая «окаменелость» во взглядах («Суждения черпает из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма...» — как сказал наш классик... Хотя бы Крым в очередной раз только что возвернули!), но традиционный для классической литературы прием: не торопясь (в отличии от нынешних пиарщиков печатного слова...) и сосредотачиваясь на хара́ктерных приметах своего времени, давать словесные портреты этих явлений. Так делали наши гении Достоевский и Толстой. Что уж тут говорить о «Человеческой комедии» Бальзака, «Великих творческих эпохах» Ромена Роллана, а из более близких к нам — сериях романов Артура Хейли и Вениамина Каверина...

И наш автор в своих книгах, от романа к роману, сосредотачивается на тех аспектах современного бытия, которые он полагает важнейшими — в их соподчиненности и последовательности художественного отображения.

Существенно, что события дней текущих у Алексея Яшина оцениваются в сопоставлении со временами прошлыми, хотя бы и не столь далекими. Это опять же «рабочие» приемы классической литературы, за пределы которой автор старается не выходить. Любой его роман — в канонах классики, как бы он ни старался, что называется, озадачить читателя. То подзаголовком к названию ставит «авантюрный роман», то «педагогическая поэма в трех частях»... и так далее. «Чтобы читатель заранее на дремоту не настраивался»,— усмехается наш североморец.

С такой логической подоплекой, как за ним водится, Алексей Яшин и назвал свой первый роман*, где женщина уверенно выступает в главной роли, философским.

Принято полагать, что связка логика — философия — женский характер либо литературно спекулятивна, а то и вовсе абсурдна. Но, на наш взгляд, в «Любви новоюрского периода» она очень даже сработала.

Так и во второй своей книге, предваряемой сейчас нами, с «женским» движением сюжета автор придерживается опрадавшей себя триединой связки. С тем понятным уточнением, что логика и философия — за автором, а за представительницами прекрасной половины человечества — все их своеобразие, в естественной и нарочитой запутанности, которых не то что мужчина с его логикой и философией, но и они сами никогда не разберутся... Но ведь в этом, по преимуществу, и состоит сверхзадача в создании литературного женского портрета на фоне реальной эпохи — попытка разобрать такой запутанный клубок. Особенно, если автор старается смотреть на мир глазами своей героини. Сложно, конечно, все это, но ведь «нет таких крепостей», за штурм которых берется писатель, сам себя заинтриговавший — и себе же заданной головоломкой...

А ведь сегодняшняя женщина, тем более — русская, по рождению ли, по духу, стоит пристального взгляда на себя: оценивающего, анализирующего, отсеивающего зерна от плевел, а то и просто любующегося и восхищающегося.

Живем же мы сейчас в эпоху страшного раздрая, душевного, морального и так далее, вплоть до материального... Это молох Антихриста-глобализма — определение Алексея Яшина. Оно из его романа «Задушевные беседы об умозамещении». Но автор в полной мере переносит его и в эту книгу. Здесь и матерому мужику, сильному русскому характеру, нелегко устоять в явной нелепице, но с нужным кому-то «курсом» всего происходящего. Каково же в таком водовороте женщинам? Даже детям здесь намного проще: за них родители думают и «разруливают». Тем более, что сейчас ювенальный возраст (гримаса эпохи!) достигает едва не половины третьего десятка лет жизни...

---

* Яшин А. А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 712 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru (раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

А женщинам сложно в такую эпоху растеряевщины гармонично сочетать в своем естестве и душе сугубо биологическое, родопродолжительное назначение и участие в социальном процессе. От последнего ведь не спрячешься за спиной мужа, не закроешься на патентованный замок ни в двухкомнатной «хрущевке», ни в коттедже на Рублевке...

Художественная литература является своеобразным, отличным от всех других видов творчества человека типом анализа. Развернутые писателем широта и глубина раскрытия заданной темы убеждают читателя или оставляют равнодушным. Сложилось ли в восприятии целостная картина — успех, не сложилась — провал. Сказанное не является экскурсом по части категории «общих слов», но оттеняет характерную для прозы Алексея Яшина творческую манеру, а именно: при всем привлекаемом событийном многообразии, сложной иерархии главных и второстепенных персонажей, колоритности образов и сцен действия, речевом разнообразии и прочих литературных приемов, характерных для русской словесности, наблюдаем сюжетное единство. Вернее, логику сюжета. Только так можно «алгеброй гармонию поверить».

Все названные отличительные особенности яшинской прозы читатель тотчас уловит при чтении, поэтому в части литературной специфики ограничимся сказанным.

При всей заостренной сюжетной линии, а во временной части и вовсе сведенной к «одному дню Лизы» — главной героини, наш автор пишет именно роман.

Алексей Яшин в прямом следовании русской классике выделяет три типа современного женского характера, прямо указывает на идущую от Достоевского традицию такой психологической дифференциации. Вовсе не случайно он дал главной героине Лизе и профессию гуманитарного психолога. Это не дань нынешней расхожей моде, дескать, хочу в экономисты-юристы, психологи-маркетологи (прости меня, Господи, за эти американизмы...). Но все та же продуманность сюжета. Не намеком, но, что называется, «прямым текстом» автор обыгрывает знаменитые сны Веры Павловны. «Второй сон Лизы» — название одной из глав.

Много в романе и других реминисценций. А вот «единодневность» сюжета уже из классики зарубежной. Кто сказал, что из нее русскому писателю нечего взять или брать зазорно?

На память сразу приходит такая сюжетная организация: «Улисс» Джойса; «Самопознание Дзено» итальянского писателя XX века Итало Звево. И, конечно же, из более далеких времен книга «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» Лоренса Стерна.

Не грех учиться у Запада, если есть чему! В конце концов, по сравнению с Европой Россия — слишком молода исторически. Только бессовестно внедряемым сейчас в русский язык «нашими славными» СМИ американизмам учиться не нужно...

Но почему в названии романа женщина в человейнике? Как объясняет сам автор в аннотации на второй странице книги, термин ввел в обиход недавно покинувший этот не лучший из миров (в особенности сейчас) Александр Зиновьев, выдающийся философ, ученый-логик и публицист.

Кстати говоря, и собственно текст романа начинается с многозначительного эпиграфа — из книги Зиновьева «Коммунизм как реальность»... Термин — по аналогии с пчельником, муравейником и пр., то есть в современном мире человек все более и более становится безликим винтиком все того же молоха — Антихриста наших дней... Предельно удачное и краткое поименование современного социума! Женщина же в человейнике тем более становится обезличенной пчелой или муравьем. Хорошо, если она, подобно названным биологическим особям, трудится на благо своей семьи и — по необходимости — социумного молоха. Хоть это-то позволяет ей ощущать в себе остатки человечности...

Оглянитесь вокруг, уважаемый читатель, и даже во внешнем облике современной

женщины, особенно молодой, вы увидите эту принадлежность к «рою винтиков» молоха: все на них — и в них! — одинаковое, инкубаторское. Прически, вернее, их отсутствие при распущенных волосах, одежда, косметика,— все от телерекламы и третьесортных кутюрье!

А послушайте речь нынешних женщин! Даже не скудное ее содержание изумляет, а фонетика: на единой ноте «между *ля* и *си*» с чуждым русской речи логическим (если так можно употребить это слово) ударением — полувопросом на окончании фразы... Словно горячая картошина во рту катается. Это что — подражание англоамериканскому? Словом, вроде по-русски говорят, но речь в «фонетическом переводе».

...Но все же русская женщина таковой и остается, более-менее повзрослев и обзаведясь семьей. И тогда в них генетически проступает различие по душевному складу. Это-то и дает возможность тонко анализирующему автору увидеть в «женщинах человейника» выделенные им три типа современного русского характера. Это же является одной из доминирующих задач, поставленных и решаемых Алексеем Яшиным в его новой книге.

Намеренно не раскрываю даже абрисом эти типажи. Это как в детсадовском возрасте: «Угадайте, ребятки, что у нас будет на сладкое в обед?» Ибо задача всякого всякого предуведомления — создать эффект интриги ожидания. Заметим, что наш автор не только фундаменталист, он и эстет. Даже самые интимно-тонкие моменты раскрытия черт женского характера преподносит с джентльменской вуалью, если позволите так выразиться. Эстетическое отношение к литературному творчеству Алексей Яшин переносит и на «техническую» сторону издания своих книг, полиграфически оформляя их и в наши архитрудные, затратные времена. Эстет — он во всем эстет. Это же относится и к одному из авторских «коньков»: сопровождение текста умело подобранными политипажными иллюстрациями и подписями, можно сказать — литературными миниатюрами...

Еще хочется отметить и другой авторский «конек», уже опробованный им в ряде предыдущих книг: Алексей Яшин щедрою рукой «отдает» своим персонажам сугубо литературные тексты: малую прозу, стихи, афоризмы и максимы. Для создания же эффекта авторства героя своего произведения наш новатор в литературных жанрах нарочито стилизует «отдаваемое», приближает его к личности героя, «принижая» литературный слог. Сложный прием, конечно, но он, по нашему мнению, позволяет в наибольшей полноте раскрыть типаж, характер персонажа.

Так и в этой книге Яшин приводит многостраничный литературный дневник — записи Лизы, главной героини, по мере чтения которого опосредованно раскрывается образ и характер девушки, затем — взрослой женщины, которая, собственно, и делает эти записи в литературной форме — уже с высоты достаточного жизненного и интеллектуального опыта.

Алексей Яшин — писатель социальный. Данное качество главенствует во всех его произведениях, пусть и не менторски-назидательно. На то она и художественная литература...

В добрый путь — к читателю!

Леонид Ханбеков,
Почетный президент Академии
российской литературы (г. Москва)

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

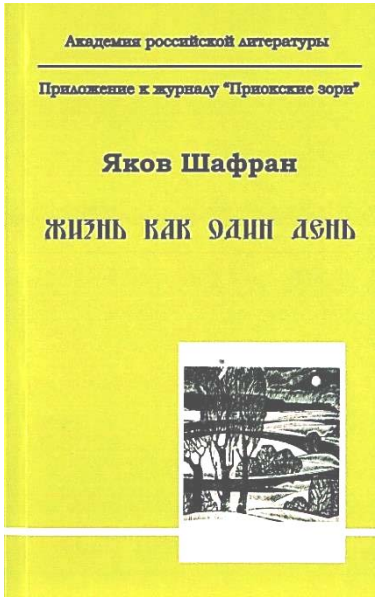
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

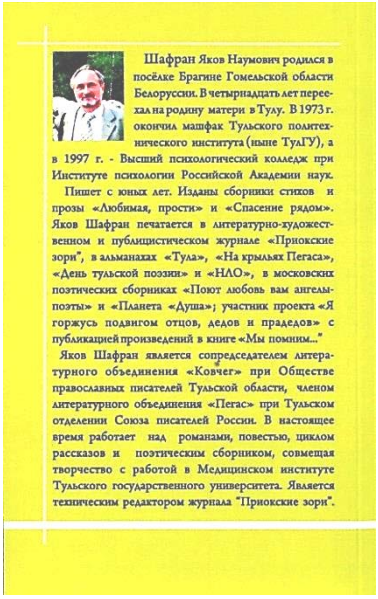
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к Академии;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2018.— № 4 (опубликован материал Якова Шафрана об Алексее Яшине.

2. *Общеписательская* литературная газета.— 2018.— № 1—10 (в № 10 — материал Алексея Яшина).

3. *Новые Витражи:* Международный литературный журнал (Москва).— 2018.— № 4(10) (опубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

4. *Дальний Восток*.— 2018.— № 4 (опубликован рассказ Якова Шафрана).

5. *Отчизне посвятим:* Историко-литературный альманах (Тула).— 2018.— Вып. 1 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

6. *Петрушенков В. Н.* В своем краю. Стихи, басни, поэма. Т. II.— Тула: [б/у изд-ва; отп. в АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор»], 2018.— 256 с.

7. *Макаров Н. А.* Гвардейцы 51-го парашютно-десантного.— Тула: ООО «Борус-Принт», 2018.— 240 с., ил.

8. *Макаров Н. А.* Озаренные музами улицы Тулы.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 88 с.

9. *Макаров Н. А.* Они служили в медсанбате.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 118 с.

10. *Вадимир Трусов*. В судьбу слагаются слова... Стихотворения.— СПб: Центр современной литературы и книги на Васильевском.— 2018.— 96 с.

11. *Вадимир Трусов*. Памяти неисчезающих видов. Стихотворения разных лет.— Мончегорск: Опимах, 2010.— 96 с.

12. *Вадимир Трусов*. Станция *DNO*: Избранная лирика.— М.: *MOBY publishing*, 2013.— 61 с.

13. *Баранова-Весина Е.* Доброе слово / Предисл. Р. Тишковский: Поэзия.— Тула: ООО «Промпилот», 2018.— 237 с.

14. *Федорчук В. Н.* Стихи о свободной природе.— СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018.— 36 с.

15. *Александр Кузнецов, Лидия Кузнецова*. Проклятие: Повести.— М.: ООО «Щербинская типография», 2006.— 352 с., ил.

16. *АЛЛО*: Литературный альманах. Вып. 14: «Тебе, наш город» / Предисл. Н. Ефремушкин.— Тула: ТППО, 2018.— 216 с.

17. *Огни над Бией*.— 2018.— №№ 46, 47 (обубликованы произведения Якова Шафрана и Алексея Яшина).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Яков Шафран*. Ностальгия: стихотворения / Предисл. Е. И. Трещева.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 272 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *На лирической волне:* Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори». Вып. 2.— Тула: «Полиграфинвест», 2018.— 108 с., ноты (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Алексей Яшин*. Женщина в человейнике: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Николай Лесков.* Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе.— Тула: ООО «Аквариус», 2018.— 60 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— Подарочное нумерованное издание, вручаемое лауреатам всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

5. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 8.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2018.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 2.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2018.— 100 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Макаров Н. А.* Тульские медики первой мировой войны (1914—1918).— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 98 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

В серии «Приложение к журналу «Приокские зори» вышли книги:

1. *Николай Макаров.* Туляки в «Зимней войне» (1939—1940).— Тула: Изд-во ТулГУ, 2018.— 125 с.

2. *Шелепина Т.* Наедине с собой: Сб. стихотворений.— Тула: ТППО, 2018.— 192 с. (Приложение к журналу «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или элек-

тронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявляется конкурс на 2019-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
30 августа 2018 г.

****

ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ

****

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «Творчество авторов Академии» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги члена Академии российской литературы Алексея ЯШИНА «ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ»: Роман одного дня / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— Москва: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

****

Алексей Афанасьевич ЯШИН — член Союза писателей СССР и России, член правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского художественно-литературного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор Тульского государственного университета.

Алексей Афанасьевич — писатель-прозаик,

автор более 20 книг художественной прозы и более 500 публикаций в литературной периодике Тулы, Москвы, Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска и других городов.

Среди изданных книг: романы «В канцелярии» (1991), «В конце века» (2001), «Историк и его История» (2004), «Подводная лодка «Капитал Старосельцев» (2006), «Любовь новоюрского периода» (2009), «Страна холода», «Детство в Гиперборeях» (2009), «Катехизис идеалиста» (2010), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011), «Задушевные беседы об умозамещении» (2017) и др.

Алексей ЯШИН — лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. А. Некрасова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля и «Московского Парнаса». Награжден медалями «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Муссы Джалиля», «К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького», «300 лет со дня рождения М. В. Ломоносова», «190 лет со дня рождения Н. А. Некрасова». Кавалер ордена «Владимир Маяковский». Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и имеет благодарность министра культуры РФ.

«...Алексей Яшин изобрел, да, изобрел, своеобразный метод иллюстрации своих произведений выразительнейшими гравюрами, офортами, рисунками из журналов середины XIX века, из «Нивы» и «Отечественный записок», сопроводив их своими подписями. Каждая из подписей — настоящий мини-фельетон или памфлет, обличительный микроочерк о типаже или явлении времени, которое мы нынче переживаем. С одной стороны, эта страница-иллюстрация не имеет никакой прямой связи с рассказом или очерком, текст которого прерывает, а с другой — дает хорошо оценимые дополнительные впечатления о наших временах, трудней которых дни и годы случались, но, как точно подмечено, подлей не было»

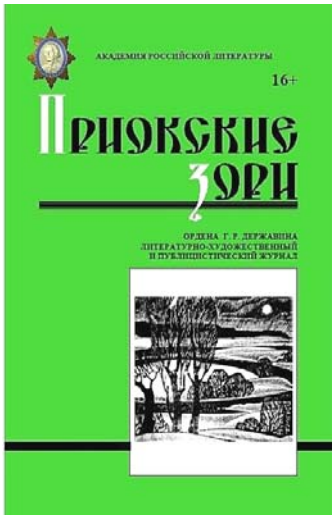
Леонид Ханбеков (Москва)

****

Коллектив Академии РЛ поздравляет Алексея Афанасьевича с новым изданием и желает доброго здоровья, благополучия и дальнейших творчески успехов!

Информационная группа Академии РЛ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
31 августа 2018 г.



****

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию информацию литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула).

****

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция и редколлегия «Приокских зорь» назвала имена лауреатов всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2018-й год:

— в номинации художественной прозы Федора Ошевнева (г. Ростов-на-Дону) за опубликованные в №№ 1, 2 «ПЗ», 2018 рассказы и за активную творческую работу в развитии жанра «жестокого реализма»; выпускник Литературного института им. А. М. Горького;

— в номинации поэзии Владимира Корнилова (г. Братск) за опубликованный в № 2 «ПЗ», 2018 цикл стихов «Personlia» («Берег детства») и активное участие во всероссийском литературном процессе; выпускник Литературного института им. А. М. Горького;

— в номинации публицистики и литературной критики Валерия Румянцева (г. Сочи) за опубликованные в № 1 «ПЗ», 2018 материалы «Тиражи и виражи литературных журналов» и «Литературные премии в роли бижутерии», а также за активное участие во всероссийском литературном процессе;

— в номинации литературоведения премия в 2018-м году не присуждается;

— на именную, то есть отличную от традиционных литературных жанров, премию номинируется композитор-песенник Сергей Сенин (г. Тула) за активную популяризацию музыкально-поэтического творчества и за создание музыкально-поэтического альманаха «На лирической волне» журнала «Приокские зори» и регионального музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка», выходящего в серии «Библиотека журнала «Приокские зори» (оба альманаха выходят с периодичностью 2—3 выпуска в год).

****

Редакция всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

****

Информационная группа Академии РЛ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИНФОРМИРУЕТ
21 сентября 2018 г.

****

Уважаемые члены Академии российской литературы!

19 сентября 2018 года в библиотеке им. И. А. Бунина состоялось общее собрание членов Академии РЛ, на котором был принят ряд важных организационных и кадровых решений.

Президентом Академии российской литературы избран Борис Константинович РЯБУХИН

Правление Академии РЛ утверждено в составе:
Леонид ХАНБЕКОВ — Почетный президент Академии РЛ
Борис РЯБУХИН — председатель правления
Евгений СКОБЛОВ — первый заместитель председателя правления
Михаил ЛАПШИН — второй заместитель председателя правления
Роман ТИШКОВСКИЙ
Ольга КАРАГОДИНА
Александр ШЕПЕЛЬ
Алексей ЯШИН
Владимир ФЕДОРОВ
Всеволод КУЗНЕЦОВ
Наталья ХАРИНА-ИВАНОВА

Главным редактором вестника академии — литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» избран Роман Константинович ТИШКОВСКИЙ

Редакционный совет вестника Академии РЛ утвержден в составе:

Бояринов В. Г. — руководитель МГО Союза писателей России;

Тарасов А. Д. — заместитель главного редактора вестника Академии;

Камаева Т. В. — заместитель главного редактора вестника Академии;

Степанова Е. В. — заместитель главного редактора «Общеписательской литературной газеты»;

Яшин А. А. — главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула);

Шафран Я. Н. — главный редактор литературно-художественного альманаха «КОВЧЕГ» (г. Тула);

Гончарова В. И. — главный редактор литературно-художественного альманаха «СЛОВО» (г. Геленджик);

Буланичев В. В. — главный редактор литературного журнала «Бийский вестник» (г. Бийск);

Даштамиров С. С. — главный редактор литературного альманаха «Донская сотня» (г. Каменоломни, Ростовская обл.);

Мар А. М. — главный редактор газеты «Русскоязычная Америка» (г. Нью-Йорк, США);

Иванов Л. К. — главный редактор литературно-художественного альманаха «Врата Сибири» (г. Тюмень);

Скоблов Е. М. — администратор группы «Академия российской литературы» в ГИС Интернет (информационное сопровождение в электронных СМИ);

Карагодина О. Г. — администратор группы «Академия российской литературы» в ГИС Интернет (информационное сопровождение в электронных СМИ);

Дубинина Г. Н. — председатель Клуба писателей — выпускников Литературного института имени А. М. Горького;

Кузьмина А. А. — директор издательства «Эврика-Уфа».

Руководителями коллегий Академии утверждены:

Коллегия прозы — Борис Катковский

Коллегия поэзии — Ирина Лесная-Иванова

Коллегия публицистики — Михаил Лапшин

Коллегия драматургии — Надежда Шлезигер

Коллегия критики — Роман Тишковский

Коллегия художественного перевода — Всеволод Кузнецов

Коллегия литературы для детей и подростков — Евгений Скоблов

Коллегия сатиры и юмора — Ольга Карагодина

Издательско-журнальная коллегия — Елена Степанова

Планируется возобновление издания антологий, сборников, специальных изданий Академии и отдельных книг авторов — членов Академии — ответственные за выпуск — руководители коллегий Академии РЛ.

Организационный отдел — упразднен. Функции орготдела возложены на правление Академии.

Ежегодный взнос членов Академии составляет 1.500 рублей. Вступительный взнос — 9.000 рублей.

Стоимость публикации в вестнике Академии «Московский Парнас» — 300 рублей за 1 стр.

Стоимость 1 экз. вестника Академии — 200 рублей. (1 авторский экз.— бесплатно)

С 1 октября 2018 года планируется возобновление работы Академии в Доме Ростовых — комн. № 24, Москва, ул. Поварская, 52.

Утверждены удостоверения и знаки членов Академии прежнего образца. Также действуют знаки и удостоверения нового образца (для тех, кто приобрел в период с февраля по август 2018 года).

Правление Академии российской литературы

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
15 октября 2018 г.

ОТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ»
ДО РАСПАДЕНИЯ СВЯЗИ ВРЕМЕН

Уважаемые друзья, коллеги!

Предлагаем вашему вниманию статью главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула) Алексея ЯШИНА «ОТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» ДО РАСПАДЕНИЯ СВЯЗИ ВРЕМЕН», посвященную юбилею Ивана Сергеевича ТУРГЕНЕВА (текст статьи приведен в полном объеме).

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ
27 октября 2018 г.

Академия живет!
Комн. 24 на Поварской, 52.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

Уважаемый Борис Константинович! Редакция и редколлегия всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» — печатного органа АРЛ — поздравляет Вас с избранием на должность Президента Академии. Надеемся на дальнейшее творческое сотрудничество.

55 ЛЕТ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Почётная грамота
НАГРАЖДАЕТСЯ
Леонид ИВАНОВ

Редакция и редколлегия всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» поздравляет литераторов Тюмени с 55-ЛЕТИЕМ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ и желает всем доброго здоровья и новых творческих успехов в развитии и популяризации российской литературы!

Сообщаем, что в честь этого знаменательного события ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ награжден ответственный секретарь Тюменской областной организации Союза писателей России, главный редактор литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири», член Академии российской литературы Леонид ИВАНОВ.

С ЗОЛОТОЙ СВАДЬБОЙ!

Владимир Жириновский сегодня поздравил с золотой свадьбой своих университетских друзей семью Авдеевых, прожившую вместе 50 лет. Лидер ЛДПР был свидетелем в ЗАГСе, когда супруги только узаконили свои отношения, а теперь, спустя полвека, снова пришел к ним в дом с пожеланиями счастья и долгих лет жизни. **Euronews**: 12/01/2018

(Людмила Евгеньевна Авдеева — член редколлегии «Приокских зорь»).

2 августа 2018 года в 88-ю годовщину Воздушно-десантных войск член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана,

ветеран Воздушно-десантных войск МАКАРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ награжден Приказом Командующего Воздушно-десантными войсками от 16.07.2018 № 321 медалью МО РФ «ГЕНЕРАЛ АРМИИ МАРГЕЛОВ» и знаком «За заслуги»

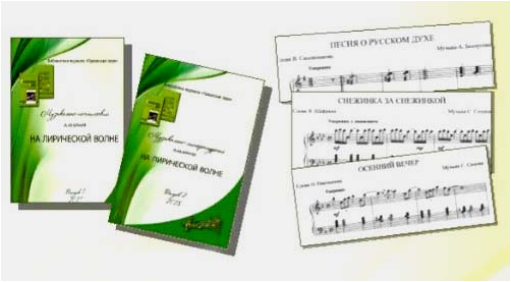
НАШИ НАГРАДЫ

Учитывая патриотическую направленность публикаций во всероссийском ордена Г. Р. Державина литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори», а также сохранение исторических традиций нашей страны, включая ее славный советский период, в том числе показ роли ВЛКСМ в мирном строительстве сверхдержавы СССР и военной защите ее от притязаний империалистического Запада, ЦК КПРФ наградил в ознаменование 100-летия ВЛКСМ Почетным орденом «100 лет Ленинскому комсомолу» главного редактора журнала Алексея Афанасьевича ЯШИНА.

ВИРТУАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА «ДУШИ МОЕЙ СОЛНЦЕ…»

Тульская городская библиотека им. Л. Н. Толстого представила виртуальную выставку «Души моей солнце...». В нее вошли музыкально-поэтические сборники членов Объединения тульских композиторов.

Создание музыкально-поэтических альбомов — это новое явление в творчестве тульских авторов. Сочетание поэзии с музыкой позволяет лучше раскрыть тему Родины, тему любви, тему раздумий авторов о явлениях современной жизни.



Сборники посвящены Тульскому краю, его истории и традициям, культуре и народным промыслам, красоте его природы.

На выставке представлены и авторские сборники тульских поэтов и композиторов, чьи произведения говорят о любви к родной земле.

Многие из произведений, включенных в альбомы и сборники, звучат на Всероссийских фестивалях.

Большое спасибо автору выставки — заведующей сектором музыкального абонемента Людмиле Ивановне Кармазиной — за такое внимательное отношение к нашему творчеству. Со всеми представленными сборниками можно познакомиться в Тульской городской библиотеке им. Л. Н. Толстого и по ссылке:
https://yadi.sk/i/UX4uEenDLdE2hA

Организатором этих сборников и автором ряда произведений является композитор Сергей Владимирович Сенин (см. фото). Автор выставки «Души моей солнце...» Людмила Ивановна Кармазина (слева) и ведущая многих концертов-презентаций Ольга Андреевна Нацаренус (справа).

ИЗДАН ВТОРОЙ НОМЕР
МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОГО АЛЬМАНАХА
«ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА»

http://btula.ru/fn_413689.html
16/10/2018 11:41

В серии "Библиотека журнала «Приокские зори»" издан второй номер музыкально-литературного альманаха «Тульская сторонка». В нем представлено творчество авторов из Алексина, Донского, Каменского и Чернского районов, Новомосковска и Тулы.

Альманах основан в 2018 году и выходит два раза в год. Его учредила региональная общественная организация «Объединение тульских композиторов». Во второй выпуск издания вошли песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи о родном крае, статьи и рецензии о событиях культурной жизни города и области. Все произведения тематически связаны с Тульским краем. Альманах адресован профессиональным и самодеятельным исполнителям, коллективам художественной самодеятельности, педагогам и учащимся учебных заведений, а также всем любителям современной музыки и поэзии. Исследовательские статьи будут интересны краеведам и всем, кто интересуется тульской историей. Сборник печатается в заказном тираже до 999 экземпляров. Электронная версия распространяется бесплатно.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

В Издательстве Нижневартовского государственного университета вышла новая книга нашего постоянного автора Валерия Акимова «Незабываемое».

Акимов В. А. Незабываемое: Стихи.— Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2017.— 68 с. ISBN 978–5–00047–373–3

В сборнике представлены стихи о его малой родине Тульщине и о второй родине — Югре.

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Вы писали, что отправляете № 2 «ПЗ» для обсуждения на ЛИТО, но я пока не получила, а запланировали на мероприятия по празднованию Дня города, в которых

студия принимает участие с 3 по 8 сентября включительно на разных площадках (выступления, презентации авторских книг, нового альманаха). Если за этот период не придет ПЗ, тогда обсуждение проведем уже в октябре. Передала Ваше пожелание, чтобы осветить деятельность ПЗ и ваши масштабные труды при обсуждении вопросов культуры, говорила об этом и в пресс-центре. Сейчас сосредоточено внимание ВВЖ, кроме выборов, на материале по хронике русской истории в том жанре, который стал популярен, как альтернативная история. Год назад издали тезисную книжечку по русской истории с 9 по 20 век, а сейчас в связи с американскими санкциями идет работа над большим изданием с подробным анализом исторических событий и ошибок прошлого. Кстати, подобные альтернативные обсуждения идут по Ирану, с восхвалением шахского режима и заявлениями, что не будь исламской революции, не было бы ИГИЛ, проявлений исламского фундаментализма и прочего, в то время, как мы с мужем, работая в Иране в те годы, были очевидцами всенародности революции, что стало прямым следствием коррумпированной шахской политики. Когда получу номер с интервью ВВЖ, где обсуждается, в частности, и «Апология христианства», то еще раз поговорю о важности заострить внимание на состоянии современной культуры и литературы. К слову, прошла инвентаризация библиотеки ИМЦ (Института мировых цивилизаций) и я, просмотрев список, докладываю Вам, что все Ваши книги, что Вы пересылали, я передавала, остались в основном фонде, и некоторые номера «ПЗ» за разные годы.

Вообще, этот год насыщен юбилеями по установлению дипотношений (Пакистан, КНДР, Непал, Тайвань), так что постоянные мероприятия, делегации, круглые столы, поездки и проч. Получила от всех посольств дипломы «за выдающийся вклад...», благодарственные письма и прочие знаки отличия. Издала в этом году три свои книги серии «Восточный калейдоскоп»; в два сборника, изданные в Катманду, вошли и мои переводы более десяти непальских поэтов (сейчас готовятся к изданию переводы прозы), а в сборник по дипотношениям вошли уже мои стихи в переводах непальского переводчика Кришны Шрехты. Изданы также сборники Дома национальностей, где есть мои выступления на круглых столах по Турции, Болгарии, немецкой оккупации и т.д. Но при этом еще один год без летнего отпуска. Вы, безусловно, тоже в трудах, еще более масштабных.

Наилучшие пожелания Вам и всему коллективу. Жду ПЗ.

Людмила Авдеева

Ефим Гаммер — лауреат МЕЖДУНАРОДНОГО МНОГОУРОВНЕВОГО КОНКУРСА имени де РИШЕЛЬЕ, сезона 2018, в номинации Международные литературные Олимпийские игры и многоборье искусств — за два эссе «Курс на Ниццу», опубликованные в журнале «ЛИТERRATУРА», Москва, № 116, май 2018 http://literratura.org/issue_non-fiction/2737-efim-gammer-kurs-na-niccu.html и «За четверть часа до начала войны», опубликовано в журнале «Исрагео», июнь 2018 http://www.isrageo.com/2018/06/23/22iun944/, неопубликованную юмористическо-фантастическую пьесу «Всего лишь воздух», цикл стихотворений по теме «Нам нужен мир», изобразительное искусство — (картины из цикла «Иерусалимские фантазии»).

МЭР ТУЛЫ ВСТРЕТИЛСЯ С НИКОЛАЕМ МАКАРОВЫМ

Сайт Тульской городской Думы

29 октября 2018

В понедельник, 29 октября, Юрий Цкипури провел встречу с Николаем Макаровым — членом Союза писателей, краеведом, автором книг об известных земляках.

Николай Алексеевич поделился с Главой города творческими планами, рассказал о новых наработках и только что вышедшей в печать книге «Гвардейцы 51-го парашютно-десантного». Писатель подарил Юрию Цкипури один экземпляр произведения.

НАМ ПИШУТ

ОТЗЫВ НА РОМАН АЛЕКСЕЯ ЯШИНА
«Женщина в человейнике» (роман одного дня)

Автор этого во всех отношениях необычного романа совершил попытку донести до читателя свой личный взгляд на женщину, завуалировав его под дневниковые записи главной героини Лизы. Именно совершил попытку, потому что скрыться за женским образом автору не удалось, несмотря на тонкие психологические нюансы и описание многих подробностей, о которых, казалось бы, должно быть известно лишь женщинам. Но задуматься здесь необходимо не о том, насколько автору удалась эта мистификация, а о том, ЗАЧЕМ был применен данный литературный прием.

Видимо, затем, что автор не уверен в своей концепции. Поэтому и поручает высказаться на заданную тему другому лицу. Его роль удобнее всего поручить женщине, ибо в случае жесткой критики всегда можно отстраниться от текста и представить себя лишь в качестве посредника, говорящего от имени женщины. А женщина, как известно, существо если и умное, то только «по-своему», по-женски. Что с нее возьмешь?!

Вольно или невольно, но читатель вынужден принять это распределение ролей, тем более что нас предупредили в самом начале о том, что, возможно, здесь «все персонажи... переодетые в мужскую одежду женщины». Поэтому поверим автору, что все, что мы прочли — это в***и***дение женщины. И что же поведала нам героиня романа Лиза, женщина, не чуждая образованию и тонким психологическим наблюдениям за окружающими и жизнью вообще?

Первое, что мы находим в ранних дневниковых записях Лизы, это воспоминания о временах ее переходного возраста: «...продвинутые одноклассницы договаривались на переменах о том, куда они пойдут вечером, на танцы или иные зрелища, с ленивой усталостью рассуждали: «...Ну-у, Ленок, если в клуб пойдем, то противозачатку обязательно брать; прошедшим летом еще ни разу из таких мест неоттраханной не возвращалась...»

Эпопея интереса к вопросам «про это» основательно переплетается с рассуждениями о природе женщины. Этой теме посвящена не одна глава в романе, хотя и при наличии оговорки, что «после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового

про женский характер уже и сказать нельзя. Тем не менее, описания женских устремлений, всегда направленных лишь на одно — привлечение внимания мужчин и, в конечном итоге, выбора одного из них, наиболее пригодного для продолжения рода, в романе уделяется много (даже излишне много) внимания. Интересны рассуждения и о том, как женщина использует перспективу для создания своего образа при взгляде издали, необходимого опять же для привлечения внимания мужчин, и как она действует, когда происходит сближение.

Особенностям женской любви в дневнике Лизы тоже отводится значительное место. Но и любовь, даже и любовь к себе, нужна женщине лишь настолько, чтобы не потерять главного атрибута — женской привлекательности. Это самое сакральное желание привлекательности и ведет женщину на протяжении всего ее земного пути, начиная с детства и до глубокой старости, где это желание все же трансформируется в заботу о внуках, например.

С этой темой смыкается по смыслу и глава «Искусство обольщения», где подробно, детально, со знанием дела описаны многие формы любовных игр.

А что же наша героиня Лиза? Ее жизненными уроками становятся истории женщин, случайно услышанные ею в транспорте, где откровенные и достаточно циничные рассказы об отношениях с мужчинами соседствуют с рассуждениями о рациональном подходе и к этой, казалось бы, интимной стороне жизни. Но особенности времени, а на самом деле, конечно, природная практичность женщины, не позволяют отделять одно от другого. Таковы, например, истории Веры Никифоровны и Светланы Анатольевны, идущих дорогой свободной любви, но при этом не забывающих о мужьях и собственной карьере.

Второй линией, определяющей жизнь Лизы, являются наставления ее прадеда Егора Фомича, сформулированные в виде многих едких пословиц, которые и запомнились ею с детства и всплывали в памяти в нужные и ответственные моменты жизни. Неизвестно, что произошло бы с героиней, если бы не вот эта мудрость, вложенная в ее уши Егором Фомичем, который в данном случае играет роль народной библии, то есть некоего ограничивающего страсти начала.

Однако период т.н. «мартовских записок», где подробно описаны страстные сцены физической близости — это уже, надо понимать, собственный опыт нашей героини. И эти страницы она старается поскорее закрыть — с мыслью о том, что это могут когда-то прочесть ее дети. Вот этот ее порыв, когда становится неудобно даже перед собой, все-таки дает надежду на то, что некая часть человека мыслящего все же остается в каждой женщине, несмотря ни на какое преобладание самки, обрушивающее всю жизнь на уровень биологии и прагматики.

Говоря о содержательной и концептуальной стороне романа «Женщина в человейнике», нельзя упустить и те выводы, к которым приходишь, в конце концов, после прочтения всего текста, ибо он рождает весьма суровые мысли.

В романе показан интеллектуальный уровень человеческого сообщества, независимо от пола, ибо здесь в равной мере представлены обобщенные портреты и мужчины, и женщины. Но что это за уровень? Если говорить грубо, то это истории из жизни бактерий. У Виктора Пелевина в его романе «Жизнь насекомых» нет положительных персонажей, ибо особенности жанра (гротеск) и не предполагают наличия таковых.

Здесь же, казалось бы, автор хотел показать нам главную героиню в виде реалистического, не оторванного от жизни, но и не совсем испорченного ею персонажа. Однако решить эту задачу не удалось, ибо Лиза на протяжении всего повествования не совершает ни одного поступка. А то, что совершает, поступками назвать не представляется возможным. Она — никто. Просто бактерия, существующая в некоей среде и по ее законам. Возможно, автор и хотел показать нам женщину вот такой бакте-

рией. Но и мужчины — герои этого романа — ничем не отличаются от женщины. Они такие же — никто, нигде и никак.

Картина, нарисованная в романе «Женщина в человейнике», даже более страшна, чем та, что мы находим у Федора Соллогуба в его «Мелком бесе». Там показан процесс распада личности. Это, действительно, страшно. Но там личность изначально все-таки была. Здесь личностей нет — просто бактерии под увеличительным стеклом исследователя.

И вопреки идее, заданной в эпиграфе — цитате из А. А. Зиновьева, о том, что «личные взаимоотношения... сплачивают коллектив в единую семью не в фигуральном, а почти в буквальном смысле слова. Они сплачивают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — в единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя, как «я» — в романе не возникает никакой суперличности. Не возникает, потому что нет для этого исходного материала. Бактерии, в каком бы количестве они ни сосуществовали, не могут создать даже и подобия личности, не говоря уже о суперличности.

Роман «Женщина в человейнике» полностью обрушивает вековой идеал человека, созданного по образу и подобию Божьему, и противопоставляет ему другой — человек создан по образу и подобию бактерии. И женщина, и мужчина — в равной мере.

Вот это и есть та самая концепция, неуверенность в которой и заставляет автора избрать на роль повествователя девушку Лизу. Она умна по-своему, но она женщина. И что с нее требовать?!

Людмила Козлова,
член СП России, Бийск, Алтай,
главный редактор журнала «Огни над Бией»

«ГОЛОС ИЗ ВЕЧНОСТИ»

Семьдесят три года, как победно отгрохотала Великая Отечественная война, и все равно время от времени настойчиво напоминает нам о себе. В ненастный сентябрьский день ко мне на электронную почту зашел незнакомый абонент и сообщил, что он — поисковик и отыскал могилу погибшего брата моего отца. В ходе переписки выяснилось, что она находится в поселке Койсуг, вошедшем в городскую черту Батайска, что в пятнадцати километрах от Ростова-на-Дону.

Я с рождения знал, что старший брат отца — дядя Костя — погиб летом 1942 года под Ростовом. Из рассказов родных мне было известно, что он родился в 1919 году в деревне Ивановское Веневского района Тульской области. После семилетки работал в МТС трактористом. В 1940 году был призван в армию и служил артиллеристом в гаубичной батарее в Армении. Когда началась война, родных успокаивало то, что дальнобойная артиллерия находится за много километров от передовой и до нее пули не долетают.

Из переписки с незнакомцем я узнал о месте и дате смерти родственника, память о котором свято хранится в нашей семье, с портретом которого на каждый День Победы мы неизменно выходим на Парад Бессмертных.

Летом 1941 года немецкие войска группы армий «Юг» нанесли сокрушительное поражение войскам Южного фронта, стремясь открыть себе путь на Сталинград и далее к нефтеносным районам Кавказа. 21 ноября пал Ростов. Однако в ходе советского широкомасштабного контрнаступления 29 ноября город был освобожден. Ростовская наступательная операция стала первым грандиозным успехом советских войск в зимней кампании 1941—1942 годов и вместе с Московской развеяла миф о непобедимости немецко-фашистских войск.

В ходе этих боев 30.11.41 г. и погиб дядя Костя: рядовой разведчик-наблюдатель, обнаруженный с вражеского самолета, находясь в непосредственной близости к немецкому переднему краю, и был сражен пулеметной очередью с бреющего полета штурмовика. Командиры смогли по-настоящему использовать многолетний, ценный опыт тракториста и развить его глазомер, то, без чего не может быть корректировщика огня, эффективность которого целиком и полностью лежит на этом бойце.

А вернул меня в события семидесятисемилетней давности Еременко Сергей Николаевич, 1984 года рождения, коренной койсугчанин, с юности увлекшийся поиском неизвестных страниц минувшей войны, что и стало главной целью его жизни, а по профессии он — пожарный, продолжает семейную традицию. Воспитывает двоих детей, которые, я в этом уверен, вырастут настоящими патриотами нашего Отечества.

Тема для большого рассказа, как его группе поисковиков удалось восстановить личности погибших в боях на подступах к родному поселку солдат, связаться с их родными, собрать средства на увековечивание памяти павших героев и установить достойный обелиск!

Большое спасибо им за это от лица родственников погибших воинов!

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

Спасая мир от рейховской неволи,
И он погиб под вражеским огнем,
Но я уверен: дядя там доволен,
Что мы, живые, помним здесь о нем!

Валерий Акимов,
г. Нижневартовск

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 —— полужирный.

4) ниже под фотографией шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3…4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора — выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: sensei419@yandex.ru — зав. отделом поэзии Владимиру Вадимовичу Резцову. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

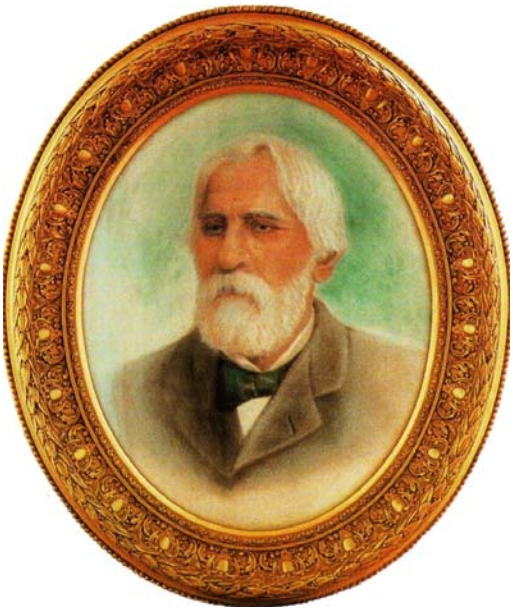
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2018
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

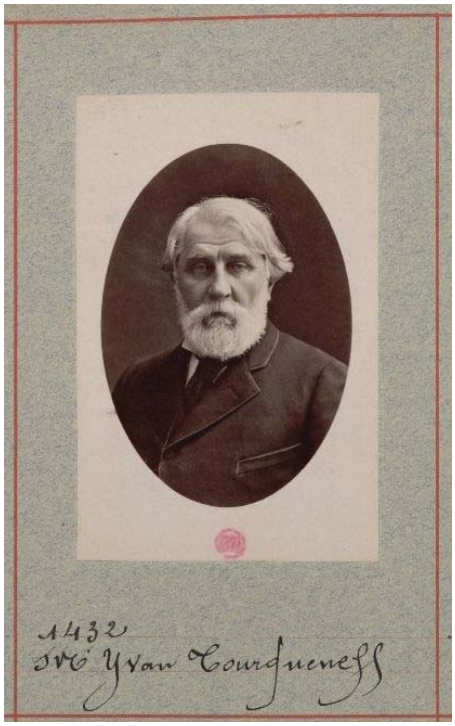


И. С. Тургенев.
Неизвестный художник.
Собственность музея-заповедника И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново»

Бежин луг
(фото Историко-культурного и природного музея-заповедника
И. С. Тургенева «Бежин луг»)

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИВАНА СЕРГЕЕВИЧА ТУРГЕНЕВА

Рабочий кабинет И. С. Тургенева в Буживале
(кадр из фильма «Le Musée Tourguéniev à Bougival — Музей Тургенева в Буживале»)



Иван Сергеевич Тургенев
(из фонда Национальной библиотеки Франции)